

Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ «ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЬ»

В.Н. Черепица

**ИСТОРИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
В ЖИЗНИ АГЕНТА ПЯТИ РАЗВЕДОК
ЭДУАРДА РОЗЕНБАУМА**

Монография

Гродно 2005

УДК 355.124.6
ББК 68.54
Ч46

Рецензенты: кандидат исторических наук, доцент А.Г.Устюгова;
кандидат исторических наук, доцент Э.С.Ярмусик.

Рекомендовано советом исторического факультета ГрГУ им. Я.Купалы

Черепица, В.Н.

История и повседневность в жизни агента пяти разведок Эдуарда
Ч46 Розенбаума : монография. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 319 с. : ил.

ISBN 985-417-712-2

В монографии повествуется о шпионско-провокаторской деятельности в лоне пяти разведок человека, чье имя до сих пор еще ни разу не появлялось на страницах печати. Будучи агентом, что называется, второго уровня, он эффективно боролся со всякими проявлениями революционности не только в России, но и в Польше на протяжении почти сорока лет. При всем отрицательном отношении автора книги к Эдуарду Розенбауму как типу, в его повседневной жизни можно найти много интересного и поучительного. Книга написана на основе уникальных архивных документов, впервые вводимых в научный оборот.

Илл. 27, библиогр. 32.

УДК 355.124.6
ББК 68.54

ISBN 985-417-712-2

© Черепица В.Н., 2005
© Оформление ГрГУ им Я.Купалы, 2005

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 1940 года в маленьком западнобелорусском городке Лиде сотрудниками местного отдела НКВД по подозрению в связях с разведкой фашистской Германии был арестован недавно внедрившийся в советские органы госбезопасности агент Эдуард Розенбаум. Разумеется, о загадочном прошлом этого бывшего офицера царской и польской армии в горотделе уже знали, но в ту пору арестовывать его не было резона, ибо, начиная с апреля того же года, от него регулярно поступала важная информация о деятельности в Лиде подпольной антисоветской организации «Союз польских патриотов», одним из создателей которой и был сам осведомитель. Когда же в мае 1940 года начались аресты членов этой организации, то выяснилось, что за щедрыми агентурными услугами Розенбаума стоит не только выполнение им задания немецкой разведки с целью спровоцировать недовольство горожан репрессивными действиями советских властей, но и желание как можно быстрее заслужить доверие к себе со стороны НКВД, снять по отношению к своему прошлому всякие подозрения.

В ходе первых же допросов Эдуарду Розенбауму стало ясно, что он глубоко заблуждался, недооценивая опыт и возможности борьбы органов НКВД со шпионами и провокаторами. Крушение столь хитроумного плана вызвало у арестованного полную растерянность, а затем и признание в своей принадлежности не только к фашистской военной разведке, но и о былом многолетнем сотрудничестве с царской и кайзеровской разведкой, с II отделом польского генштаба и управлением политической полиции. Чуть позже, придя в себя, профессиональный шпион и провокатор стал отказываться от ранее данных показаний, но тень надвигавшейся на него расплаты за содеянное была столь реальной, что он вынужден был, рассчитывая на помилование, пойти на «чистосердечное признание». Однако все усилия Розенбаума в этом направ-

лении оказались тщетными. За несколько дней до нападения фашистской Германии на Советский Союз военный трибунал НКВД приговорил его по совокупности преступлений к высшей мере наказания – расстрелу. Правда, в связи с начавшимися военными действиями и срочной эвакуацией всех арестованных вглубь страны этот приговор так и не был приведен в исполнение.

Несомненная значимость операции советских чекистов по раскрытию шпионско-провокаторской деятельности Эдуарда Розенбаума, а также загадочность его исчезновения после вынесенного ему приговора – не эти сюжеты легли в основу данной книги. Автору ее показалось куда более важным показать всю предшествующую жизнь агента пяти разведок – как бы отрицательно он ни относился к нему как типу. Естественно, по своему месту в истории провокаций как метода борьбы с общественно-революционным движением Розенбаум стоял на несколько ступенек ниже «великого провокатора» Евно Азефа, тем не менее, в их биографиях можно найти много общего, типичного. Более того, следственное дело Розенбаума позволяет, не вдаваясь в морально-этическую и прочие оценки мотивов его поступков, рассмотреть главное кредо его жизни практически изо дня в день.

Провокаторская деятельность Эдуарда Розенбаума – это классический пример работы в разведке агента, что называется, второго уровня. Но этот шпионский ранг нисколько не умаляет ее значения для исследования самой провокации как системы. Наоборот, почти сорокалетний период службы агента (1902–1940) в царской охранке и полевой жандармерии, в кайзеровской военной разведке и гитлеровском абвере, во II отделе польского генштаба, управлении политполиции раскрывает широкие возможности для ознакомления с опытом работы этих структур в среде своих противников.

Впечатляет список чинов охранки, с которыми поддерживал связь Розенбаум в разные периоды своей службы: генералы Новицкий и Витберг, полковники Казанцев, Рева и Оже-де-Ранкур, подполковник Кулябко, ротмистры Савельев, Розмарица и др. В полевой жандармерии он был подчинен генералу Мухину и ротмистру О-Рурку. В качестве агента немецкой разведки он работал с генералами и офицерами германского генштаба Герингом, Шиллером, Кункелем, Виллигероде, Шилле, Габербушем, Фитцем, Арнд-

том, Лянге, Бауэром и др. Находясь на службе в польском речном военном флоте, Розенбаум установил связь со II отделом генерального штаба польской армии и по заданию его сотрудников – полковника Неверовского, майоров Крагельского и Садовского, капитана Филиновича – он занимался разведывательной деятельностью на оккупированной территории Западной Белоруссии, а также среди польских военнослужащих. Часть выполняемых им заданий проводилась под эгидой II отдела и управления политполиции (полковники Перковский, Святополк-Мирский, подполковник Табачинский, майоры Яцынич и Гржибовский). Будучи агентом-резидентом-маршрутником, он свыше десяти лет тесно сотрудничал с руководителями польской политполиции – генералами Розвадовским, Поплавским, Комарчевским, Маковским, Демб-Бернацким, Костек-Бернацким, полковником Корвин-Пиотровским и др.

По заданиям царской охранки Розенбаум занимался шпионско-провокационной деятельностью в городах: Елизаветграде, Киеве, Одессе, Харькове, Полтаве, Виннице, Проскурове, Тифлисе, Баку, Владивостоке, Варшаве, а также на Черноморском торговом флоте. Неоднократно в качестве агента участвовал в обеспечении охраны императора Николая II и членов царской семьи, многих коронованных особ иностранных государств, приезжавших с визитами в Россию. В числе раскрытых им антиправительственных организаций значилось несколько студенческих нелегальных землячеств Киевского университета, а также местное эсеровское объединение под названием «Свободная Россия». Им были выданы охранке также крупные большевистские организации в Харькове, Одессе, Баку и меньшевистская организация в Тифлисе. Во время службы в полевой жандармерии объектом его внимания были, как правило, одиночки из числа большевистских агитаторов. За годы работы в царской охранке и в полевой жандармерии по его наводкам были арестованы около десяти тысяч революционно настроенных лиц.

Результатом сотрудничества Эдуарда Розенбаума с польской военной разведкой и политполицией стало раскрытие нелегальной деятельности ряда прокоммунистических организаций в Польше: «Вольны Роботник» («Свободный Рабочий»), «Чэрвоны Штандар» («Красное Знамя»), «Вольносьць для люду Працуенцего» («Свобода Трудящихся»), «Дер Штерн» («Звезда»), «Владза Класу Процуенцему» («Власть Трудящемуся Классу»), «Польска Работни-

ча» («Рабочая Польша») и др. Им самим, а также с помощью завербованных им агентов в городах Варшаве, Кракове, Лодзи, Люблине, Познани, Бельско, Августове, Беластоке, Ровно, Ковеле, Бресте, Гродно, Слониме, Пинске и др. были выданы, а затем арестованы в разные периоды около 50 тысяч членов этих организаций. Особое место в цепи этих провокационных действий занимает раскрытие им «Союза польских патриотов».

Действуя в двух мирах – в мире разведки – тайной полиции, с одной стороны, и в мире нелегальных, по большей части, революционных организаций – с другой, Эдуард Розенбаум всегда следовал одной, изначально избранной, цели – борьбе с коммунизмом во всех его проявлениях. В этом смысле он действовал настойчиво и целенаправленно, что в определенном отношении оправдывало факт его нахождения одновременно в лоне нескольких разведывательных служб разной государственной принадлежности. Последнее делает жизнь агента-provокатора исключительно интересной в глазах историка. Этот интерес еще более усиливается благодаря знакомству с периодами его студенческой, армейской и флотской жизни. Много нового в познании истории русской культуры содержат те страницы исследуемой биографии, которые повествуют о работе Розенбаума в качестве импрессарио русских театральных и концертных трупп. Организацию их гастролей в Польше он успешно сочетал с агентурно-разведывательной деятельностью. Знакомство с внешне монотонной жизнью Эдуарда Розенбаума и его окружения открывает большие возможности для освещения повседневного быта как агентов различного уровня специализации, так и тех социальных слоев, в среде которых осуществлялась шпионско-provокаторская работа.

Всестороннее освещение повседневной жизни главного героя – желание вряд ли до конца осуществимое. Обстоятельства, условия и уровень его provокаторской деятельности были таковы, что они до сих пор не нашли практически никакого отражения в литературе и мемуарных источниках. Те же, кто стоял во главе разведок, сотрудником которых он являлся, не считали возможным опускаться до упоминания в своих мемуарах о связях с агентом подобного ранга; активисты революционных организаций в свою очередь ничего не знали о его связях с тайной полицией, да и его внедрение в жизнь той или иной организации чаще всего внешне было

подобно укусу комара, а это почти не задерживалось в памяти. Тем более ничего не могли поведать о жизни резидента Розенбаума его многочисленные агенты – сотрудники, завербованные им преимущественно из рабочей среды. Сказанное отнюдь не означает, что потеряна всякая надежда на возможность появления имени Розенбаума на страницах книг и журналов.

Основным источником для составления биографии агента Эдуарда Розенбаума служат несколько томов материалов его судебного-следственного дела, хранящегося в текущем архиве Управления комитета государственной безопасности (УКГБ) по Гродненской области Республики Беларусь¹. При всех специфических недостатках этого вида источника применительно к 30–40 годам минувшего столетия (скудность документации, крайняя тенденциозность как материалов следствия, так и обоснования приговора, чрезмерный лаконизм), материалы данного дела можно признать составленными достаточно профессионально. Важное место в комплексе этих документов занимают «Собственноручные показания обвиняемого Эдуарда Эдуардовича Розенбаума», написанные им на 442 листах большого формата, где получила освещение вся его агентурная деятельность с 1906-1907 годов по 1939 год. Фактически продолжением этих показаний можно считать и другой документ, озаглавленный «Моя деятельность в германской военной разведке в бывшей Польше» на 18 листах такого же формата. Эти документы составлялись Розенбаумом в минской следственной тюрьме НКВД буквально из дня в день (с 28 декабря 1940 года по 20 апреля 1941 года). Рассчитывая на спасение за счет чистосердечного признания, обвиняемый неоднократно в ходе допросов утверждал, что его «собственноручные показания полностью соответствуют действительности, а следовательно, являются правдивыми». Проверка этих данных в ходе исследований осуществлялась посредством соотнесения их с материалами следствия (допросами самого Розенбаума и свидетелей по делу, агентурными сведениями сотрудников НКВД, справками и запросами, посылаемыми следственными и судебными органами в разные инстанции, включая Архив Октябрьской революции). В результате использования данных источников удалось обозначить не только главные вехи жизни агента Розенбаума, но и показать ее повседневное течение в русле основных его занятий.

Большую роль в раскрытии темы сыграли обобщенные труды, посвященные истории военной и политической разведки, событиям советско-польской войны, революционно-освободительному движению в Польше и Западной Белоруссии в 1920–1930-е годы. В них прямо или косвенно говорится о тех многочисленных событиях, участником или очевидцем которых был Эдуард Розенбаум. Ссылки на них даются в примечаниях, помещенных в конце книги. Там же находятся в качестве приложения и копии отдельных документов из судебного-следственного дела Э.Э.Розенбаума.

Всем лицам, оказавшим мне любезное содействие в работе над книгой, я приношу мою глубокую благодарность.

Глава I. ОТ «СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА» К ЦАРСКОЙ ОХРАНКЕ

О первых шагах жизни Эдуарда Розенбаума известно крайне мало. Даже год его рождения в разных источниках подается по-разному. В анкете, составленной на него 1 ноября 1940 года при первом допросе в Лидском горотделе НКВД, таковым значится 1876 год. Данная дата, записанная, вероятно, со слов допрашиваемого, скорее всего отражала его наивные расчеты на снисхождение к себе по причине солидного возраста, чем реальное положение вещей. Два месяца следственной тюрьмы и почти ежедневные допросы дали понять Розенбауму, что такие уловки ничего не значат по сравнению с теми вопросами, на которые от него требовали ответов. Поэтому, спустя два месяца, в своих «Собственноручных показаниях» настоящей датой своего рождения он назвал 6 апреля 1878 года (по старому стилю). Что же касается места своего появления на свет, то его Розенбаум никогда не скрывал, более того, его название «Одесса» он называл и записывал с особой, типичной для одесситов, внутренней гордостью. Часто в его общении с людьми это слово было своеобразным паролем, позволявшим с ходу устанавливать должный контакт с окружающими.

О своем происхождении наш герой на извилистых поворотах жизни говаривал разное, нередко называя своего отца – потомственного дворянина Лифляндской губернии – то армейским генералом, то флотским адмиралом. «Наследственные владения» последнего также в зависимости от ситуации меняли не только свои размеры, но и место расположения. Иногда разговоры о них ограничивались лишь Латвией, в другой раз они распространялись на юг, в пределы Каменец-Подольской и Киевской губерний. Между тем в большинстве официальных документов, касающихся родителей, значилось, что отцом будущего агента (чем бы он ни занимался, эта профессия была в его жизни главной) был обрусевший не-

мец, служащий Одесской таможни Эдуард Теодорович Розенбаум. Мать Эдуарда Розенбаума – урожденная Дюврэ-Куэ Каролина Сигизмундовна – до своего замужества была артисткой балета. Где и как, на каких сценах она танцевала, что объединило в Одессе этих двух совершенно непохожих людей, сказать трудно. Во всяком случае, в памяти Розенбаума сохранились материнские упрёки в адрес отца со ссылками на «загубленную молодость, красоту и талант».

Продвижение по службе Розенбаума-старшего шло не так, как это могло быть, доходы семьи были скромными, что чаще всего и было предметом семейных конфликтов. Несмотря на это, он своей роли главы семейства жене никогда не уступал и молча, терпеливо переносил все обращенные в его адрес нападки. В силу многолетнего нахождения на казенной службе и свойственного большинству немцев уважительного, вплоть до педантизма, отношения к начальству и властям, Эдуард Теодорович воздействовал на становление единственного сына в верноподданническом духе. Мать же, считая себя не просто полькой, а «полькой, в жилах которой течет французская кровь», несмотря на свой ранний разрыв с театром, вносила в семейную жизнь атмосферу возвышенно-романтического отношения ко всему окружающему миру. Такое состояние души иногда заводило ее в разговорах с близкими людьми в состояние некоторой оппозиционности по отношению к властям, впрочем, не заходившей далее обид на начальство своего мужа да критики «мужлана-городового», как-то обидевшего ее традиционным «здрасте» с подкручиванием вверх рыжего уса. Столкновение этих родительских воспитательных стихий находило в душе мальчика, не имевшего рядом никого ближе и роднее маменьки и папеньки, попеременное тяготение ко всему тому, что им было дорого.

В 1896 году он окончил гимназию и несколько лет по протекции знакомых отца служил весовщиком при портовых складах и магазинах. К работе этой Эдуард не питал никакого интереса: высокомерие опытных коллег его раздражало, а распушенность и хамство вечно пьяных грузчиков злили. Единственное, что ему нравилось в порту, так это нарядные пассажирские пароходы, веселая публика на них, музыка... и гудки, как бы зовущие к где-то существующей, неизменно светлой жизни. И молодой человек стал

подумывать о профессии морского штурмана. В начале 1902 года, не достигнув и пятидесяти лет, от неожиданного желудочного кровоизлияния умер Розенбаум-старший, что в корне изменило планы сына на будущее. Между тем подходило время отбывать ему воинскую повинность, и в сложившейся ситуации он не смог придумать ничего лучшего, как поступить в том же году в Елизаветградское кавалерийское училище, что в Херсонской губернии. Учился он с желанием, и длиннополая шинель, сапоги со шпорами, шашка на боку – все это волновало воображение будущего кавалериста, но лошадь, выездка и прочее никак не давались ему; быть же посмешищем у тех своих товарищей, что будто бы родились в седле, он не хотел. На втором году учебы в училище он подал рапорт об увольнении, который беспрепятственно начальством был удовлетворен. Не желая ехать домой, к глубоко страдавшей от неудач сына матери, он, по совету ротмистра жандармерии Розмарицы, поступил зимой 1904 года вольноопределяющимся на службу в 11-ю артиллерийскую бригаду, которая дислоцировалась в небольшом городке Луцке. Тогда же состоялась и его вербовка в число царской охранки с получением задания «присматривать за неблагонадежными». Непосредственный начальник Розенбаума, командир 5-й батареи Сергей Владимирович Лукашевич, сумел заметить в нем служебное рвение, умение ладить с товарищами, и уже через год с небольшим он подал прошение вышестоящему командованию о переводе вольноопределяющего Розенбаума в прапорщики. Высочайший указ об этом был опубликован в специальном разделе военной газеты «Русский Инвалид» от 25 октября 1905 года. Этот номер газеты новоиспеченный прапорщик затем долгие годы хранил вместе с другими важными для себя документами. Что же касается агентурной деятельности Розенбаума в армейской среде, то она по разным причинам была тогда малорезультативной.

Революция 1905–1907 годов еще более укрепила в нем верноподданнические чувства и желание служить в армии. Он дважды по рекомендации подполковника Лукашевича ездил в Петербург в Михайловское артиллерийское училище для сдачи экзамена на чин подпоручика артиллерии и дважды по иронии судьбы срезался там на экзамене по аналитической геометрии и механике, а готовиться к третьим испытаниям еще через год (как замечал позднее он) не было уже ни энергии, ни желания. В последний раз приезд из столи-

цы в Луцк совпал с выходом в свет правительственного указа о том, что прапорщики могут оставаться в дальнейшем на военной службе с правом производства до чина штабс-капитана через каждые шесть лет. Этот указ Розенбаума в каком-то смысле удовлетворял. С 1905 по 1909 годы в чине прапорщика он служил еще около полугода в 11-й артбригаде, затем во второй запасной артбатареи и, наконец, в 6-м мортирном артдивизионе, который был расквартирован в Киеве. Отсюда по неизвестным причинам он уволился в запас и в сентябре 1909 года поступил на юридический факультет местного университета Святого Владимира.

В бытность студентом университета Розенбаум входил в состав студенческой монархической организации, находившейся под влиянием «Союза русского народа». Возглавлял организацию студент В.С.Голубев, издававший и газету монархически настроенных студентов «Двуглавый орел». Студенты, не принадлежащие к этой организации, называли таковую «Черной сотней». Как-то после одного из собраний Голубев предложил Розенбауму сообщать ему о важнейших событиях из жизни «студентов-прогрессистов», с презрением относившихся к «Двуглавному орлу», а также о постановлениях, выносимых на тайных собраниях землячеств. Таковых же в университете в ту пору было несколько. Сам Розенбаум входил в землячество польских студентов «Огниско» («Очаг»), был хорошо знаком с руководителем землячества украинских студентов «Украина-Подолье» Иваном Моргачевским и председателем землячества «Кавказ» Виктором Дубянским. Трудно сказать, был ли Голубев связан с жандармерией, но как председатель студенческого отдела «Союза русского народа» он постоянно вращался в кругу лиц, поддерживающих правительство. Передавая информацию о своих идейных противниках Голубеву, Розенбаум постепенно вовлекался в сферу интересов органов политического сыска. В своих сообщениях о подпольной деятельности землячеств он говорил преимущественно об их повседневной жизни, характеризовал поступки руководителей, круг их общения. Что же касается постановлений их собраний, то к их числу Розенбаум отнес переданные им Голубеву две-три прокламации, содержавшие призывы к организации студенческих демонстраций в связи с отлучением Святейшим Синодом Л.Н.Толстого от Церкви и преданием его анафеме, а также призывы к отправлению делегации киевских студентов в Ясную Поляну, на похороны писателя.

Благодаря участию в монархической организации и общению с Голубевым, Розенбаум в скором времени познакомился с профессором политической экономии, редактором-издателем местной монархической газеты «Киевлянин» Дмитрием Ивановичем Пихно (1853–1913), бывшим и главой киевского отделения «Союза русского народа». Более того, какое-то время по приглашению профессора он был даже занят в корректуре газеты. Общался он также с судебным инспектором Иваном Александровичем Григоровичем, с военными судьями Киевского военно-окружного суда генералом Смирновым и полковником Мочульским. Приблизительно в то же время он познакомился с подполковником Оже-де-Ранкуром – начальником Киевского железнодорожного жандармского управления. В доме Оже-де-Ранкуров он оказался благодаря дружеским отношениям с сыном подполковника Анатолием, бывшим в 1905 году кадетом последнего класса Киевского Владимирского кадетского корпуса. Затем он учился в Павловском военном училище в Петербурге, был произведен в офицеры.

Спустя годы, в 1924 году, в Польше Розенбаум встретил Анатолия Оже-де-Ранкура уже в качестве артиста русской опереточной труппы П.Н.Андреева-Трельского. Друг молодости не пожалел усилий для его зачисления в труппу в качестве передового (импрессарио) труппы. От него же Розенбаум узнал, что отец его умер, а сам он служил в «годы смуты» в армии Юденича. По-разному сложились судьбы и руководителей студенческих землячеств. Все они, по сведениям Розенбаума, были арестованы. После освобождения из ссылки В.В.Дубянский служил доцентом Киевского университета на кафедре геологии, и последний раз Розенбаум видел его во времена гетманского правления. Что касается В.С.Голубева, то он после окончания с отличием университета Св.Владимира продолжал заниматься национально-патриотической деятельностью. В 1914 году добровольцем ушел на фронт и, уже будучи георгиевским кавалером, погиб смертью храбрых под Варшавой².

Подполковник Оже-де-Ранкур представил Эдуарда Розенбаума начальнику Киевского охранного отделения подполковнику А.Н.Кулябко. Последний предложил монархически настроенному студенту-юристу сообщать ему все заслуживающие внимания охранки сведения о студенческой социально-революционной организации «Кавказ» и о землячестве «Украина-Подолье». Необыч-

ность названия последней была связана с тем, что студенты – выходцы из Правобережной Украины (преимущественно Подольской и Киевской губерний) именовали свою организацию «Подолье», а левобережцы из числа жителей Черниговской и Харьковской губерний – «Украина», хотя в целом и организационно объединение было единым по духу. К землячеству «Кавказ» принадлежали все студенты – выходцы с Кавказа и Закавказья без различия в национальности, но преобладали здесь грузины. Благодаря дружеским отношениям Розенбаума со студентом-математиком Григорием Рубановичем – членом землячества «Украина-Подолье», ему удавалось всегда быть в курсе дел в этом объединении. Из числа наиболее видных деятелей землячества Розенбаумом подполковнику Кулябко были сообщены фамилии студентов: Владимира Кудрявцева, Дмитрия Данько, Ивана Морачевского, Александра Головинского. Арестам и задержаниям в Киевском университете в 1909 году подверглись около 50 человек.

В 1907 году по заданию охранки Розенбаум выезжал на полгода на Кавказ, где работал под руководством подполковника жандармерии Казанцева. В Тифлисе и Баку им был раскрыто и выдано несколько революционных групп, в результате чего подверглись аресту десятки людей, включая активистов – Шарладзе, Натиева и др. В 1910 году в Харькове под контролем генерал-майора Винберга он раскрыл большевистскую организацию, состоявшую главным образом из рабочих и студентов. В числе арестованных активистов был некий Первозванцев. Всего же по его доносам подверглись арестам около 200 человек. В это время агент Розенбаум работал под псевдонимом «Самойлов». Уже тогда как штатный агент охранки он получал в месяц до 500–600 рублей; кроме того, он имел право бесплатного проезда на железнодорожном транспорте, оплачивались также и все его путевые расходы. Среди городов, в которых побывал в рассматриваемый период Розенбаум, значились Елизаветград, Полтава, Винница, Проскуров и др. Спустя годы, на вопрос следователя, что его побудило пойти на работу в охранку, он отвечал: «Пошел я на эту работу, во-первых, из-за материальных выгод и желания выделиться, а, во-вторых, из-за своих антисоциалистических убеждений. Будучи сторонником незыблемости самодержавной власти, я был врагом всяких революций, а потому бдительно следил за всякими проявлениями революционности в армии, среди студентов и рабочих».

Как и большинство агентов охраны, Розенбаум действовал в революционной среде достаточно продолжительное время. Даже выезды в командировки предполагали его нахождение там не менее трех месяцев – срок вполне достаточный для внедрения в антиправительственное сообщество и обеспечения поставки для начальства более или менее регулярных сведений о них. Дело в том, что охранка ценила и оберегала своих осведомителей, приобретенных с большим трудом. Имея иногда детальные сведения о работе той или иной организации, жандармы не прибегали к арестам, опасаясь провалить агента и лишиться ценнейшей информации. В одном из циркуляров той поры об организации и ведении сыска, к примеру, предписывалось: «Все стремления политического сыска должны быть направлены к выяснению центра революционных организаций и уничтожению в момент наибольшего проявления их деятельности. Поэтому не следует ради обнаружения какой-нибудь типографии... срывать дело розыска»³. Следует заметить, что Розенбаум на протяжении всей своей агентурно-провокаторской деятельности твердо придерживался этого правила, что не только обеспечивало успех дела, но и собственную безопасность.

По возвращении в Киев Эдуард сразу же направился к подполковнику Кулябко. Как правило, конспиративные встречи студента и начальника охраны проходили в кафе «Аполло» и кафе-шантане «Шато де флер». Все полученные Розенбаумом сведения сообщались Кулябко устно, а иногда, по распоряжению последнего, – письменно. На эти встречи подполковник приходил в штатском платье, причем надевал пенсне, которого, находясь в военной форме, он никогда не носил. Вообще старался больше ходить в штатском платье. Весьма примечательно, что Кулябко в ту же пору привлек к доносительству, включив в число своих сотрудников, будущего убийцу П.А.Столыпина – Дмитрия Богрова, поступившего на юридический факультет в том же 1909 году, как и Розенбаум. Не исключено, что Розенбаум – монархист – и Богров – анархист-социалист – хорошо знали друг друга, но по политическим мотивам их отношения вряд ли были дружелюбными. Однако охранка их объединяла. Только Розенбаум встречался с Кулябко в общественных местах, а Богров – в самом охранном отделении, в служебном кабинете начальника. В Киевском охранном отделении Богров начал работать примерно тогда же, когда и Розенбаум. Толь-

ко если для первого эта работа в Киеве завершилась в связи с отъездом в Петербург в феврале месяце 1910 года, то последняя встреча второго агента с Кулябко состоялась осенью того же года⁴.

На этом свидании Розенбаум сообщил начальнику охраны о своем желании бросить учебу в университете и «посвятить себя морю». К этому времени материнское романтическое начало, по-видимому, стало в Эдуарде брать верх над отцовским стремлением к порядку. В подтверждение серьезности своих намерений он пояснил, что уже зачислен штурманским своекоштным учеником на пароход добровольного флота «Владимир», который в скором времени отправляется из Одессы на Дальний Восток. Сказанному Николай Николаевич нисколько не удивился (вероятно, об усилиях агента в этом направлении он уже знал), а только предложил Эдуарду Эдуардовичу сразу же по прибытии в Одессу явиться к жандармскому подполковнику Н.А.Рева, исполнявшему в то время обязанности помощника одесского градоначальника И.В.Сосновского. В качестве рекомендательного письма к подполковнику Рева Кулябко вручил Розенбауму свою визитную карточку, на которой карандашом тотчас же написал: «Предъявитель сего верный человек – Розенбаум Эдуард Эдуардович, который может быть полезен по борьбе с революционными элементами».

Приехав в Одессу в первых числах декабря 1910 года, Розенбаум сразу же пошел к командиру парохода «Владимир», капитану 1-го ранга И.Г.Скальскому, а затем отправился к полковнику Рева. После передачи ему визитки Кулябко Рева стал расспрашивать молодого человека, явившемуся к нему уже в форме штурманского ученика добровольного флота, почему он, имея возможность получить высшее образование, решил сделаться моряком. Внимательно выслушав будущего штурмана, полковник обратился к патриотическим чувствам Розенбаума и после крепкого чая предложил ему вести наблюдения за распространением революционных настроений в среде моряков, которые стали чрезвычайно быстро проявляться здесь в связи с делом лейтенанта Шмидта, первым поднявшим в 1905 году флаг революции на броненосце «Потемкин», и попросил о всем замеченном сообщать ему частной корреспонденцией по частному адресу: «Одесса, Херсонская улица, 12». Пообещав это самым добросовестным образом делать, Эдуард Розенбаум 15 декабря 1910 года в составе экипажа парохода «Владимир» отправился в далекий рейс во Владивосток.

На пароходе «Владимир» никакого революционного влияния штурманский ученик не обнаружил, о чем он и сообщил из Владивостока полковнику Рева. Кроме всего, для Розенбаума это был первый рейс на пароходе, во время которого он был полностью поглощен постижением морского дела, морской навигации, астрономии, океанографии... В ходе морской практики он твердо решил после отбытия 12-месячного плавания, которое требовалось для права быть допущенным к экзаменам на штурмана дальнего плавания, сдавать их при одном из училищ мореплавания. Из этого рейса на «Владимире» Эдуард Розенбаум вернулся в Одессу 23 апреля 1911 года, после чего отправился в отпуск к матери, жившей в Киеве, на один месяц, т.к. на 28 мая 1911 года был назначен второй рейс во Владивосток. Судя по всему, в это время он избегал встречи с подполковником Кулябко. Виной тому была переполнявшая его душу борьба сомнений и чувств. Думается, что в итоге тяга к морю уберегла его от возможного участия в киевских торжествах, прерванных террористическим актом Богрова и смертью П.А.Столыпина. Впрочем, шанс такого участия мог быть вполне осуществимым. По некоторым данным, в один из приездов в Киев (весной-летом 1911 года) он был вызван к начальнику ЖУ Василию Деметьевичу Новицкому, который назначил его как агента в охрану ожидавшейся к прибытию в город царской семьи и дал ему при этом новый псевдоним «Драуде Муабнезор» (обратное чтение его имени и фамилии). С этим псевдонимом он работал до февраля 1917 года.

Во второй рейс на Дальний Восток «Владимир» уходил с группой практикантов из Бакинского училища дальнего плавания под руководством преподавателя того же училища Осташкина. Среди практикантов, а их было около 60-ти человек, Розенбаум во время похода выявил нескольких революционно настроенных юношей, а именно: Сергея Черницына, Владимира Коньковского, Ростислава Ракитина, о которых он сообщил полковнику Рева. Кроме того, по прибытии во Владивосток путем общения с военными моряками ему удалось узнать о существующей в команде броненосца «Аскольд» нелегальной организации под названием «Передовой моряк», во главе которой стоял штурманский офицер, младший лейтенант Борисов. Об этом также было сообщено в Одессу в августе 1911 года из Владивостока, где «Владимир» стоял около двух не-

дель. Через несколько дней после возвращения из плавания в Одессу (12 ноября 1911 года) Розенбаум отправился в Херсон с намерением сдать весной следующего года штурманские экзамены при местном училище дальнего плавания. К этим экзаменам его готовил старший преподаватель училища Гаврюшин. Ближе к весне последний посоветовал кандидату в штурманы сдать экзамены не в Херсоне, а в Баку, где, по словам репетитора, заседает более снисходительная экзаменационная комиссия. Совет Гаврюшина был принят к исполнению. И Эдуард поехал в Бакинское училище, но там из-за нехватки полутора месяцев до обязательного 12-ти месячного плавания его к экзаменам на штурмана дальнего плавания тоже не допустили. Так Розенбаум поневоле распрощался с мечтами о морской карьере и через какое-то время при помощи полковника Ревы устроился в Одессе в фирму «Проводник» городским агентом по продаже автопокрышек.

В это время в порту то здесь, то там вспыхивали так называемые «беспорядки», и Розенбаум, сохранивший свою ученическую морскую форму, стал все чаще появляться на торговых и пассажирских судах российского флота. Бывая там, он прислушивался к разговорам моряков, завязывал выгодные знакомства, что вывело его на нелегальную организацию «Молодой моряк», которой руководил штурман с парохода «Иерусалим» Сергей Гаврилов. Об этом факте неудавшийся моряк донес полковнику Рева, и вскоре там были произведены аресты около 30 моряков. Первыми они коснулись активистов из «Молодого моряка» – самого Гаврилова, помощников капитана Юлия Теяра, а также штурмана Ивана Кахмани с парохода «Пермь» и старшего матроса Вольского с парохода «Великий князь Константин», ходившего крымским рейсом, и др. Параллельно с работой в порту Розенбаум, согласно директиве начальника местной транспортной охраны, установил контакты со студентами Одесского университета, носившего тогда название Новороссийского. Таким образом, ему удалось выявить деятельность здесь нелегального студенческого землячества, основу которого составляли армяне и грузины. О существовании этого объединения стало известно благодаря тем «дружеским» отношениям, что завязались между Эдуардом и студентом-естественником Георгием Георгиеску (греком по национальности), сыном известного в Одессе владельца пекарен и булочных. Вскоре Георгиеску

и несколько активистов были арестованы, после чего землячество перестало заниматься противозаконной деятельностью.

В начале 1914 года, в связи с командировкой полковника Рева в Петербург, его функции в работе с Розенбаумом были переданы ротмистру Одесского жандармского управления Савельеву. Последний познакомил Эдуарда (для координации действий в студенческой среде) с прибывшим недавно в распоряжение Одесского ЖУ ротмистром жандармерии А.В.Розмарицей. Следует заметить, что в связи с обострением русско-германских отношений и приближением войны революционное движение в стране несколько замедлилось на фоне общего патриотического подъема, охватившего народные массы. И тем не менее попытки оживления антиправительственного движения в стране имели место. В феврале 1914 года Розенбауму удалось предотвратить антивоенную манифестацию студентов Новороссийского университета и Одесского художественного училища. Во время этой сходки 12 студентов были арестованы, включая ее зачинщиков: Крестникова, Агашвили, Терзиманова и др. В апреле совместно с Розмарицей он раскрыл антивоенную и антиправительственную деятельность еврейского социал-революционного кружка, возглавляемого бывшим студентом местного университета, служившим в это время секретарем у известного городского адвоката Л.Г.Фурмана, Хаимом Пергаментом. На основании донесения об этом оба активиста были арестованы. В конце мая 1914 года совершенно случайно от штурмана пассажирского парохода «Пушкин» Алексея Федченко, сотрудничавшего с охранкой Одесской морской полиции, Розенбаум узнал о выпуске в Константинополе революционной организацией «Передовой моряк» своего печатного органа – газеты «Моряк». Три экземпляра ее было доставлено ротмистру Савельеву.

В июне в настроении масс наступил резкий перелом в пользу национально-патриотического движения. Повсеместно проводились манифестации с ношением портретов царя, подкидыванием на «ура» проходящих по улицам молодых подпоручиков. Эта волна патриотического подъема захватила и Розенбаума. 17 июля была объявлена всеобщая мобилизация, по которой он был призван в армию и направлен в 64-ю артиллерийскую бригаду. С этого момента было закончено его сотрудничество с российской жандармерией внутренней охраны.

Глава II. В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Призыв в армию в связи со всеобщей мобилизацией изменил лишь место сыскной деятельности Розенбаума, что же касается объекта приложения его усилий, то он практически оставался тем же; видимое изменение в нем проявилось лишь в смене формы одежды и рода занятий. Поменялось и его начальство. Ротмистр Савельев сообщил об уходе в армию своего агента командиру 4-го полевого жандармского эскадрона полковнику Вельяминову, а тот передал сведения о Розенбауме своему помощнику ротмистру графу О-Рурку. В это время 4-й эскадрон квартировал в Киеве, всех же полевых жандармских эскадронов в России тогда было не более десяти. После объявления войны часть 4-го эскадрона под командованием ротмистра графа О-Рурка оказалась приписанной к штабу 1-й действующей армии, каковой в начале войны командовал генерал Ранненкампф. Основная задача О-Рурка с его жандармами состояла в наблюдении за частями, входящими в состав армии, как в дисциплинарном, так и в политическом отношениях, а также в периодическом (не реже раз в месяц) их инспектировании.

Приехав с этой целью в 64-ю артиллерийскую бригаду, он первым делом вызвал к себе прапорщика Розенбаума и сразу же напрямую сказал ему, что он знает от подполковника Кулябко, других начальников о его сотрудничестве до войны с жандармерией внутренней охраны и в форме вежливой, но достаточно категоричной, исключая отказ, предложил работать вместе по слежке за офицерским составом и нижними чинами 64-й артбригады. «Если у вас появятся какие-либо важные для нас сведения. – сказал граф О-Рурк, – то немедленно давайте об этом знать в штаб 1-й армии, в третий отдел. Сам я постараюсь бывать здесь у вас как можно чаще. В экстренных случаях можете обращаться к заведующему разведывательной частью при начальнике артиллерии корпуса поручику жандармерии Гейденреху. О вас я ему сообщу».

Первое время ничего примечательного Розенбаум в армейской среде не замечал, и только в конце 1914 года он обратил внимание на неуставные отношения прапорщика Мордвинова с нижними чинами. Прапорщик Мордвинов служил в 9-й батарее и дружил с писарем Фрумкиным. Оба собирали в укромных местах вокруг себя солдат и о чем-то подолгу беседовали, сохраняя при этом все меры предосторожности. О подозрительном поведении прапорщика и нижних чинов Розенбауму сообщил фельдфебель 2-й батареи подпрапорщик Завистовский, отличавшийся исключительной требовательностью к дисциплине подчиненных и считавшийся большим службистом. После его сообщения Розенбаум начал сам наблюдать за Мордвиновым, а затем нашел и способ познакомиться с ним. Оказалось, что он – бывший студент-юрист Новороссийского университета, человек явно социалистических воззрений.

Этого прапорщику Розенбауму было вполне достаточно, чтобы донести о нем ротмистру О-Рурку, не входя в содержание его бесед с солдатами. После этого О-Рурк вел расследование этого дела лично: несколько раз разговаривал с командиром батареи, с самим прапорщиком Мордвиновым. В итоге Мордвинов был откомандирован из бригады, а писарь Фрумкин, солдаты Скуратов и Пирог были арестованы и отправлены под жандармским конвоем в штаб 1-й армии. Их дальнейшая судьба доносителя не интересовала. Тем не менее он был уверен, что «зернышко, брошенное прапорщиком Мордвиновым дало всход», так как среди артиллеристов все больше стала распространяться критика военного командования, в которой были замешаны прапорщики 64-й бригады Иосиф Кременецкий и Антон Павленко. Получив информацию об этом, О-Рурк опять приехал в бригаду; оба подозреваемых в пропаганде были арестованы, но потом освобождены и отправлены в резерв чинов штаба 1-й армии. Все это имело место в августе-сентябре 1914 года во время боев в районе Сувалок, у деревень Рачки и Олыка. Тогда же в результате немецкого артобстрела Розенбаум был тяжело контужен, эвакуирован с фронта, после чего длительное время лечился в госпитале.

После выздоровления он был направлен в 105-ю парковую артбригаду, находившуюся в составе 4-й армии, которой командовал генерал Леш. Сама же армия принимала участие в боевых

действиях Западного фронта (командир генерал Эверт), штаб фронта находился в Минске. В обязанности 105-й парковой артбригады входило снабжение всем необходимым того же номера артбригады. Как парковой, так и полевой бригадой командовал генерал-майор Мухин, которого Розенбаум знал еще с 1905 года по службе в 11-й артбригаде. В то время Мухин был командиром 1-го дивизиона, стоявшего в г.Дубно, а прапорщик Розенбаум служил в 5-й батарее 2-го дивизиона той же бригады, квартировавшей в г.Луцке. Генерал Мухин (в тот период полковник) был частым гостем в доме командира 6-й батареи подполковника Василия Васильевича Заливкина, в котором почти ежедневно бывал и Эдуард. Подполковник и его жена Екатерина Николаевна были страстными любителями карточной игры в винт, и у них часто по вечерам собиралась компания, в состав которой, кроме супругов, входили штабс-капитан Антуфьев, подпоручик Хонжалов и прапорщик Розенбаум. Когда же в Луцк приезжал Мухин, прекрасно игравший в винт, то эти вечера превращались в «незабываемый праздник». Поэтому по прибытии Розенбаума к новому месту службы Мухин встретил его не просто как подчиненного, но как доброго знакомого.

Во время стоянки бригады в одной из деревень между Слуцком и Синявкой перед Рождеством 1915 года, будучи у генерала Мухина по делам службы, прапорщик был приглашен им слегка «повинтить». В то время пока они были одни, генерал, перебирая карты, спросил: «Вы, кажется, работали с полевой и внутренней жандармерией?», на что получил утвердительный ответ. После этого Мухин заметил: «В таком случае понаблюдайте за политическими настроениями в парке, и если что-либо заметите – сообщите мне, а о дальнейшем я позабочусь сам; не забывайте, что у нас почти нет кадровых офицеров, кроме поручика Вересова и капитана Рота. Особенно понаблюдайте за делопроизводителем Зайцевым, так как считаю его элементом неблагонадежным, а также за чинами унтер-офицерского состава, который у нас исключительно из запасных, причем большинство из них из рабочих крупных предприятий – бывшие рабочие Ижевского завода, а там, как известно, революционная зараза пустила глубокие корни».

Сказанное генералом его партнер воспринял как программу действий, про себя отметив, что еще в довоенное время офицеры 11-й артбригады называли его «слуга царю, отец солдатам». Че-

ловеком он был требовательным, но добрым и отзывчивым для всякого, кто честно служил Царю и Отечеству, а сам себя он называл неизменно: «Я солдат моего государя».

Наблюдая за указанными генералом лицами, Розенбаум в их поведении ничего предосудительного не замечал, так как в делах службы они были исполнительными и аккуратными людьми, а войти в более близкие с ними отношения он не мог. Поэтому при одной из встреч с генералом Мухиным на его вопрос: «Ну, что же?..», прапорщик ответил, что в поведении указанных генералом лиц ничего существенного не замечено. Ответственное отношение личного состава к своим обязанностям подтвердил и подполковник Коновалов; давая ему аттестацию, он полностью подтвердил сказанное прапорщиком Розенбаумом.

В 105-й артиллерийской парковой бригаде Розенбаум пробыл до конца 1916 года, т.е. до своего откомандирования в резерв чинов штаба Минского военного округа, находившегося тогда в Смоленске. После прохождения там медицинской комиссии он был зачислен по состоянию своего здоровья на службу в тылах армии, а конкретно – в 3-й запасной артиллерийский дивизион, стоявший в местечке Ветка Гомельского уезда, по реке Сож вверх от Гомеля. Прибыл он туда 23 декабря 1916 года и был назначен младшим офицером во 2-ю батарею, которой командовал капитан Винклер. Командиром же дивизиона был кадровый офицер конной артиллерии, «отходивший» на этой должности после тяжелого ранения на фронте – полковник Алексей Николаевич Федоров. В этом дивизионе Розенбаум пробыл до 1 февраля 1917 года, пока не пришел из штаба округа приказ о его переводе во 2-й запасной артдивизион в Смоленске для пополнения некомплекта офицерских кадров. В этом дивизионе он пробыл до Февральской революции, после чего 2-й дивизион был переформирован в 1-й артиллерийский дивизион Смоленского Совета солдатских и рабочих депутатов, а сам Розенбаум оказался в нем на должности заведующего хозяйством. Дивизионом командовал полковник Виктор Николаевич Воропаев, бывший кадет Полоцкого кадетского корпуса, юнкер Михайловского артиллерийского училища. Несмотря на разницу в возрасте и чине прапорщик и полковник очень близко сошлись на почве неприятия наметившихся изменений в стране и ожидания неминуемого краха всего и вся, чем гордились

они в былой России. В это время связь Эдуарда Розенбаума с жандармерией и ее разведкой полностью прекратилась в силу наступившего политического переворота. В целом же этот период в агентурной деятельности Розенбаума, как в зеркале, отразил серьезные промахи русской военной разведки, допустившей в процессе перехода органов с мирного на военное положение целый ряд провалов при вербовке агентурной сети, наличие случаев получения непроверенных данных, значительное число двойных агентов⁵. Таким агентом в это время уже был и Эдуард Розенбаум, но конкретные условия действующей армии не позволяли ему работать на германскую разведку. Такие возможности у него появились несколько позже.

Глава III. ПО ЗАДАНИЮ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ

Служа завхозом в 1-м дивизионе Смоленского Совета солдатских и рабочих депутатов, Розенбаум квартировал у местной домовладелицы Ольги Германовны Юркевич – дочери бывшего сенатора и камергера царского двора Германа Августиновича Тобизена. По соседству у нее же снимали квартиру два бывших прапорщика русской армии братья Лозинские – поляки, родом из г.Влоцлавка, стремившихся вернуться назад на родину. Когда в Смоленск прибыла германская комиссия от графа Мирбаха, бывшего в ту пору послом в Москве, братьям удалось получить от нее визы в Польшу. По их совету Розенбаум и полковник Воропаев также обратились за помощью к немцам для выезда в Киев, где проживали их родственники. К удивлению просителей чиновники комиссии пошли им навстречу и выдали соответствующие разрешения. Было это в конце июня 1918 года.

Прибыв в Киев, Розенбаум в поисках работы решил обратиться в Министерство путей сообщения гетмановского правительства, но ввиду незнания украинского языка в приеме на службу ему было отказано. Тогда по совету своего друга Эрика Карловича Линдстрема, бывшего чиновника Русского банка внешних связей, подвизавшегося у немецкой разведки, он обратился с такой же просьбой о работе в Германское центральное хозяйственное управление, располагавшееся в помещении бывшей гостиницы «Континенталь». Директором управления был немецкий генерал Шиллер. Прошение Розенбаума на немецком языке было принято, рассмотрено, а через несколько дней (1 июня 1918 года) он получил должность ревизора сахарных заводов всей Правобережной Украины. Хороший оклад, командировочные и суточные позволяли ему тогда жить вполне прилично. В задачу его входило получать от директоров заводов и передавать в управление сведения о погрузочно-

разгрузочных работах в этой области для транзита в Германию. Так он работал до конца ноября 1918 года, т.е. до дня отречения германского императора Вильгельма II от престола. Весть об этом событии застала Розенбаума на станции Калиновка (между Винницей и Казатиным), где располагался крупный сахарный завод. Ввиду наступавших новых политических событий он поспешил незамедлительно возвратиться в Киев, но здесь своего управления ревизор уже не застал, оно выехало в Германию, а на Киев наступал Петлюра.

Причин для беспокойства у Розенбаума было более чем достаточно. И главное состояло в том, что рвалась его связь с германской разведкой. Впрочем, об этом следует сказать особо и в четкой хронологической последовательности. В 1913 году начальник Киевского ГЖУ генерал Новицкий давал званый вечер, на котором присутствовали представители всех иностранных учреждений в Киеве, в том числе и германский консул барон фон Геринг. На этом вечере агент охраны Розенбаум выступал в роли светского кавалера фон Розенбаума. Тогда же и состоялось знакомство двух немцев. В ходе непродолжительного общения консул пригласил зайти молодого человека к нему в ближайшее время на прием. На следующий день запланированная встреча состоялась. В ходе беседы Розенбаум признался, что служит в охранке, что консула совсем не удивило, и он тут же предложил ему как немцу работать на пользу Германии: собирать необходимые сведения о российских воинских частях и вооружении, обещая хорошо эту деятельность оплачивать. И тут же в подтверждение сказанному выдал ему одну тысячу марок. В последующем ежемесячно Розенбаум получал уже по две тысячи. После согласия работать на германскую военную разведку фон Геринг, номинально считавшийся консулом, а реально являвшийся офицером генерального штаба, связал Розенбаума с Германом Карловичем Кункелем, работавшим в то время директором Одесского отделения русско-французских заводов резиновой мануфактуры «Проводник». Резидентом германской военной разведки в Одессе являлся директор «Всеобщей электрической компании Симэнс и Гальсне» барон Теодор фон Виллигероде, а Кункель являлся его заместителем. Оба директора были широко известны в городе как деловые люди и, разумеется, никому не было известно о том, что оба они – полковники германского генштаба.

Работая по протекции охранки на «Проводнике» и выполняя ее задания в порту и университете, Розенбаум одновременно служил и немцам, встречаясь по делам разведки с Кункелем в его рабочем кабинете – главном отделении фирмы. Иногда такие встречи проходили на квартире директора, что располагалась на Французском бульваре, или на собственной вилле на берегу моря. Информация, передаваемая агентом, касалась мест дислокации артиллерийских частей Одесского военного округа, об их организации, о разделении по классу орудий, численном составе батарей и местном командном составе от командира батареи и выше. Особенно немцев интересовала береговая артиллерия. Все задания, даваемые Кункелем агенту, походило одно на другое и касались лишь различных родов оружия. Так как генеральный штаб в Петербурге издавал так называемые дислокационные книжки, в которых, кроме названия полка, указывались места его стоянки, иногда в них имелось описание формы одежды каждого из них, а книжки эти рассылались по штабам военных округов, где их так же, как топографические карты, имели право приобретать лишь офицеры по представлению удостоверения, то Розенбауму было поручено добыть эти книжки и карты. Все полученные задания агентом были выполнены. На этой работе прошел весь 1913 год. Часто из-за малейшей неточности агенту приходилось вновь и вновь возвращаться к выполненной работе. По словам Розенбаума, сказанным им спустя тридцать лет, «Кункель, будучи в общезнании «джентльменом» в полном смысле этого слова, в делах, касающихся разведки, был очень строг, требователен и пунктуален».

С началом войны барон Вилленгероде и Кункель чувствовали себя вполне свободно и оставались на своих местах. Более того, от Розенбаума как прапорщика запаса, призванного в 64-ю артибригаду, они требовали сведений о назначении отправляемых на фронт частей.

Однако уже в конце ноября 1914 года деятельности германского шпионского центра в Одессе был положен конец. В фондах начальника Гродненского губернского жандармского управления (Национальный исторический архив Беларуси в г.Гродно, ф.366, оп.1, д.465, лл.2170–2171) имеется документ, отражающий последние дни фирмы «Проводник» и ее связи в Гродненской губернии: «Следствием по делу фирмы «Проводник» в Одессе выявлена

причастность служащего ее Густава Эккерта к преступной военно-шпионской деятельности. Обыск и арест его обеспокоили директора Одесского отделения фирмы Германа Карловича Кункеля, который на следующий день после ареста Эккера, запершись у себя в кабинете, сжег хранившиеся у него секретные документы. По полученным агентурным сведениям, Кункель пользовался услугами разъездных агентов». На основании этой информации начальник Гродненского ГЖУ полковник Н.И.Шамшев предписал 17 декабря 1914 года своим подчиненным выявить: «имеются ли отделения фирмы «Проводник» в Гродненской губернии, а также – кто в них служит и имеются ли у них связи с Гродненской крепостью?». По результатам проведенной работы в число подозрительных лиц попали следующие сотрудники Гродненского филиала фирмы «Проводник»: Юлий–Роберт Вевер (заведующий филиалом), Готфрид Якобсон (бухгалтер), Иона Хозе (помощник бухгалтера), Фейга Лихтенштейн (конторщица), Петр Васильевич Васильев (артельщик), Семен Николаевич Котляров (механик), Лея Кантор (приказчица), Стефания Франчук (приказчица), Николай Алексеевич Сухих (ученик механика), Павел Николаевич Детченя (ученик механика). Все они имели сношения со служащими Гродненского крепостного гарража, но никаких компрометирующих их сведений тогда обнаружено не было.

С отправкой на фронт контакты Розенбаума с германской разведкой прервались до 1918 года. Во время работы в Германском центральном хозяйственном управлении в Киеве Розенбаум опять оказался в поле зрения германской разведки. Поводом для восстановления контактов стало следующее. В августе 1918 года, будучи в служебной командировке, он встретился в поезде со своим давним знакомым, бывшим офицером Казачьей конной батареи есаулом Александром Чулошниковым, служившим у гетмана Павла Скоропадского и работавшего на добровольческую армию генерала Деникина. От него стало известно, что в условиях оккупации гетмановской Украины германскими войсками генерала Эйхгорна деникинский генерал Кирпичев формирует свою армию на этой территории с согласия и гетмана, и германских властей. Прибыв после этой встречи в Киев, ревизор сразу же направился к лейтенанту фон Фитцу – адъютанту генерала Шиллера. Войдя в его кабинет, он спросил лейтенанта, знает ли он что-либо о действиях

генерала Кирпичева, на что тот ответил утвердительно. После этого Розенбаум передал ему то, что услышал от Чулошникова. На это фон Фитц ответил, что германское командование здесь заинтересовано в успехе генерала Кирпичева, так как ему чрезвычайно важно усилить Добровольческую армию Деникина в связи с событиями, разворачивающимися в Донбассе. Об этом разговоре Фитц доложил Шиллеру, так что, когда Розенбаум явился к последнему по делам сахарного транзита, то генерал дал ему поручение-приказание: в районах своего объезда сахарных заводов встретиться с эмиссарами ю.Южно-русской Добровольческой армии и получить от них сведения, касающиеся их работы. При этом разговоре присутствовал лейтенант фон Фитц, тут же при Розенбауме напомнивший генералу, что Розенбаум уже работал с германской разведкой, на что генерал ответил: «Тем лучше».

После этого разговора Розенбаум при объезде заводов стал активно заниматься поисками информации о формировании нового отдела Добровольческой армии Деникина. Первым делом он заехал в Винницу, где жили его знакомые – семейство Жалковских. Глава семейства Дмитрий Васильевич был преподавателем немецкого языка в реальном училище, жена его Мария Емельянова в дореволюционное время являлась активной деятельницей в «Союзе русского народа». Рассчитывая на ее патриотические настроения, Розенбаум решил, что от этой дамы кое-что можно узнать о добровольцах. Его расчет оказался правильным. Между разговорами на самые разные темы выплыло, что набором в Южно-русские Добровольческие отряды в Виннице ведает штабс-капитан 19-й артиллерийской бригады, стоявшей до войны в городе, Сергей Александрович Мордвинов, а в соседнем Литинском уезде этой же деятельностью занят бывший командир 4-го отдельного дивизиона, стоявшего ранее в Литине, подполковник Алексей Алексеевич Сциборский. Вербовка, особенно офицерского состава, заметила дама, идет достаточно результативно, и они группами отправляются в Киев, в распоряжение генерала Кирпичева.

При посещении Бершадского сахарного завода ревизор повстречался со своими знакомыми еще со студенческих времен – Левицким Иосифом Иосифовичем и его женой Марией Антоновой, урожденной Пржебыловской. В это время супруги по заданию польской контрразведки (дефензивы) уже работали на Укра-

ине при гетманской власти, а потому владели кое-какой информацией, и ею не преминул воспользоваться их старый приятель. Все сведения о комплектовании Добровольческих отрядов незамедлительно шли через Фитца к Шиллеру. Данная работа проходила достаточно успешно. В Одессе в эти формирования вступали почти все, способные носить оружие. Местные немецкие колонисты составили соединение в несколько десятков тысяч, командование которым принял на себя бывший русский артиллерист немецкого происхождения генерал фон Шелль. Снабжением этих отрядов оружием занимались генерал Кирпичев и есаул Чулошников, имевшие в этом деле полномочия и помощь, как от гетманского правительства, так и от германского командования. В ходе общения с эмиссарами Деникина Розенбаума неоднократно приглашали записаться в формирувавшиеся отряды, но он постоянно отвечал отказом, полагая, что служба у немцев вернее и спокойнее, а главное, ему не хотелось подставлять свою голову под пули, хотя в то время он еще рассчитывал на то, что окончательный перевес будет на стороне добровольцев, если они будут действовать в тесном союзе с Германией. На деле же все оказалось иначе, и ему пришлось приноравливаться к новым порядкам. Связь с германской разведкой опять оказалась прерванной.

Глава IV. ПОБЕГ С КРАСНОЙ ДНЕПРОВСКОЙ ФЛОТИЛИИ И ДЕНИКИНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ

После оставления в конце ноября – начале декабря 1918 года германскими войсками Киева отряды формирующегося отдела Добровольческой армии, а также дезорганизованные и малочисленные войска гетмана Скоропадского на подступах к городу, под Фастовым, Мотовиловской и Бояркой, терпели поражение за поражением, и вскоре, 14 декабря, в Киев вошел Петлюра. В итоге всего этого Скоропадский бежал в Германию, Кирпичев в Крым; отряды Южно-русской Добровольческой армии были частью разбиты, частью пленены, значительное количество добровольцев ушло в Крым, некоторые из них остались в подполье на Украине. В это время Розенбаум жил у своего тестя Ивана Васильевича Нечипоренко, работавшего машинистом на частном буксирном пароходе купцов Лапотницких «Нева». В сложившейся ситуации он вспомнил о своем флотском прошлом и по совету тестя стал готовиться к экзамену на право судовождения при Киевском речном училище. Иван Васильевич в этом деле оказал зятю большую помощь, переговорив на сей счет со своим знакомым директором училища Станиславом Леоновичем Билли. В феврале 1919 года Розенбаум сдал экзамены на право вождения речных судов и по протекции Билли был принят помощником капитана на пароход бывшего водного округа путей сообщения «Остер», который в марте, в связи с приходом в Киев Советской власти, вместе со своей командой был введен в состав Днепровской Красной флотилии под командованием В.А.Полупанова. Так агент двух разведок оказался на советской службе. Недели через две после этого Полупанов снял с должности капитана парохода Михаила Александровича Розенбаума (это был просто однофамилец – В.Ч.) и назначил на его место нашего героя, тотчас же приказав позаботиться об установке на «Ос-

тере» радиотелефона, поскольку он переходил в распоряжение штаба флотилии.

Когда в августе 1919 года Киев был взят Деникиным, Красная флотилия вместе с войсками большевиков вынуждена была отступать по направлению на Гомель. Вместе с флотилией уходил и «Остер». Вот как описывал позднее свое тогдашнее состояние его начинающий капитан: «По дороге я остро почувствовал неудержимую тоску по оставляемому Киеву. В то же время я не терял надежды на будущие успехи Добровольческой армии и тем самым на неминуемое возрождение старой царской России, что было кульминационным пунктом моих мечтаний». Судя по всему, подобными же настроениями была охвачена и верхушка команды: помощник капитана Яков Краснокутский, рулевой Линников и боцман Головки, ибо они тотчас же откликнулись на намек Розенбаума не идти с красными, а бежать с парохода при первом удобном случае. Такой случай представился в первую же ночь после обмена мнений по данному поводу.

Около 11 часов вечера «Остер» подошел к пристани «Глебовка», а так как на нем иссякал запас дров для паровой машины, то с разрешения помощника командующего флотилией в экстренном порядке началась их дозагрузка. Темная августовская ночь оказалась вполне удобной для осуществления задуманного. По команде капитана заговорщики тихонько и по одному, пользуясь шумной увлеченностью команды погрузкой, под прикрытием штабелей дров стали пробираться к находящемуся неподалеку лесу на болоте. Собравшись вместе и спрятавшись, беглецы решили переждать здесь отход парохода. Через час послышался первый гудок парохода, означавший окончание погрузки. Вслед за ними зазвучали тревожные ночные свистки, что, как догадались беглецы, означало начало их поиска. Они быстрым порядком углубились в лес, наткнулись на болото, где провели несколько часов по пояс в болотной жиже. Убедившись, что погони нет, а пароход ушел вверх по реке, беглецы во главе со знавшим эту местность Линниковым пошли через чащобу и болота в село Глебовку, которое находилось от пристани на расстоянии 13–15 верст. Здесь остановились у знакомого рулевого Линникова – священника местной церкви, который накормил моряков и обеспечил им ночлег. Помог батюшка и в поиске у рыбаков старого баркаса, который

общими усилиями удалось за пару дней наскоро законопатить. На третий день, попрощавшись со священником, беглецы отошли са-моплавом вниз по течению в сторону Киева.

Прибыв в Киев, все разошлись по своим домам, а Розенбаум отправился к тестю, чтобы получить приют, а главное, с целью сориентироваться в происходящем в городе. На следующий день, написав рапорт на имя командующего деникинской Днепровской флотилией, он отправился в штаб таковой просить о предоставлении ему службы. Принял его флаг-офицер флотилии, и когда проситель, помимо устного рассказа о своих похождениях в последние дни, подал еще и рапорт о численности Красной флотилии, то он предложил подателю сего явиться в штаб к командующему вечером того же дня, около девяти часов. При этом рапорт офицер оставил у себя для передачи по назначению.

Вечером командующий флотилией действительно принял Розенбаума, долго и в подробностях расспрашивал о Красной флотилии, об обстоятельствах побега с «Остера», после чего предложил ему прибыть для получения окончательного ответа по вопросу о службе на следующий день. Сославшись при этом, что он в связи с зачислением нового человека должен осведомиться об условиях и правилах этого в персональном отделе штаба армии.

Розенбаум вернулся в дом к тестю, а через час или два сюда пришел флотский офицер и потребовал отправиться с ним в штаб. Офицер привел просителя на Фундуклеевскую улицу, где, как оказалось, находился штаб деникинской контрразведки. Не говоря Розенбауму ни худого, ни хорошего слова, он ввел его в комнату, где находилось множество (до сотни) людей, которые располагались как придется, так как здесь не было никакой мебели. Нашел себе место на полу и Розенбаум. Здесь, обманутый в своих надеждах, он пробыл до рассвета. В пять часов утра 23 августа 1919 года его вместе с другими людьми, находившимися в этом помещении, под конвоем повели в Лукьяновскую тюрьму. Там всех их поместили в камеры по 15 –20 человек в каждую.

Через две недели этого сидения Розенбаум был вызван на допрос к прибывшему в тюрьму следователю Устругову. В ходе его последний сухо сказал задержанному, что командующий посчитал его сведения в рапорте неполными и неточными, имея в виду также место, куда Красная флотилия направлялась. Розенбауму, выра-

зившему желание тут же в рапорте все уточнить и дополнить (как в устной, так и в письменной форме), следователь в резкой форме отказал, сославшись на занятость, и перенес допрос на следующий день. Этому следующего допроса Розенбаум уже не дождался ввиду резкого обострения военных действий. Под Киевом разворачивались бои между красными и белыми, и белые в конце концов вынуждены были отступить на Дарницу и Бровары. Всех арестованных из тюрьмы выпустили со словами: «Идите, куда хотите...». С горьким осадком на душе против добровольцев вышел из заключения Розенбаум; одно лишь радовало его самочувствие – справка с подписью какого-то деникинского чина и печатью. В справке было написано: «Предъявителю сего подпоручику фон Розенбаум Эдуарду Эдуардовичу разрешается свободное проживание во всех местностях, занятых частями Добровольческой армии».

Пробыв несколько дней в Киеве, Розенбаум в очередной раз вынужден был покидать его, направляясь на юг, в Одессу. Тая в душе обиду на добровольческое правительство, он твердо решил в армию не поступать, а зарегистрироваться «Резерве капитанов торгового, морского и речного флотов», штаб которого находился в Одесском порту на Платоновском молу, в помещении бывшей морской полиции. Заведующим этого резерва являлся в прошлом капитан парохода «Великая Княжна Ксения Александровна» Николай Николаевич Арсеньев, а его заместителем – капитан Василий Александрович Юков, которого Розенбаум знал еще с той поры, когда последний служил на пароходе «Владимир». При помощи Юкова удалось зарегистрироваться в капитанский резерв и получить соответствующий документ на право проживания в Одессе. Ну а дальше до получения места надо было как-то жить, и «капитан не у дел» ударился в коммерцию или, попросту говоря, в спекуляцию. А так как самым выгодным было спекулировать спиртом, то он этим и занялся.

В то время сборным местом всех одесских спекулянтов, а также местом заключения их сделок была кофейня-кондитерская на углу Екатерининской и Лонжероновской улиц. Здесь Розенбаум, не забывавший своего польского происхождения по матери, встречал многих поляков, знакомых еще по дореволюционному времени, так же, как и он, промышлявших спиртом. Были среди них князь Витольд Святополк–Мирский, Мечислав Порховский и Ста-

нислав Солтан. Завязать отношения с этой компанией было не сложно в силу доброго знакомства Розенбаума с князем еще в ту пору, когда последний в качестве инженера путей сообщения работал на постройке железнодорожной ветки Одесса – Бахмач. Технология операций со спиртом была достаточно проста. Князь Святополк–Мирский получал в штабе деникинского генерала фон Шелля разрешение на приобретение спирта по казенной цене, а другие перепродавали его по ценам значительно более высоким. За счет этого как-то перебивались. Параллельно с «коммерцией» Розенбаум был вынужден ежедневно посещать «Резерв капитанов» для росписи в дежурной книге с тем, чтобы не потерять приписки к нему и не оказаться в армии. Через какое-то время с помощью князя Витольда Эдуарду удалось получить в Одесском консульстве Польши польский паспорт и установить контакты с капитаном торгового парохода «Витязь» Барташевичем, занимавшимся перевозкой польских репатриантов в Польшу. Ему казалось, что «Витязь» – неплохой вариант на случай осложнения его ситуации. Так проходили для Розенбаума последние месяцы 1919 года и первые дни нового, 1920 года.

В середине января, когда сдача Одессы красным стала вполне очевидной («Витязь» к этому времени уже покинул порт приписки), Розенбаум решил пробираться в Крым – последний оплот белого движения, прекрасно понимая, что если он попадет в руки красных, то они его за бегство с Красной Днепровской флотилии по головке не погладят. Под вечер 23 января ему удалось втиснуться на некогда родной пароход «Владимир», где отдельные члены команды его еще помнили, и утром 24 января 1920 года под разрывы снарядов красной артиллерии пароход отошел в Севастополь.

Прибыв к концу следующего дня к месту назначения, Розенбаум первым делом направился в польское консульство для получения визы на выезд в Польшу. Однако ее без разрешения командования Добровольческой армии выдавать не имели права. Потратив немало усилий для получения сертификата от добровольцев, Розенбаум 1 февраля приобрел, наконец, и визу, а через неделю – и статус польского репатрианта. 7 февраля 1920 года в составе достаточно большой группы репатриантов он отплыл пароходом «Черномор» из Севастополя в Варну. В пути следования репатри-

ант постепенно входил в новое для него состояние – научиться чувствовать себя не только немцем, русским, но и поляком.

В Варне репатрианты в ожидании поезда (через Софию и Вену) на Польшу жили более двух недель в грязных дырявых бараках. Но нет худа без добра: в них Розенбаум повстречал своего двоюродного брата Владислава де Сен-Лорана, совсем недавно владевшего в Николаеве несколькими доходными домами и «Лондонской» гостиницей, а теперь также направлявшегося в Польшу со своей восемнадцатилетней дочерью Галей. Владислав, имевший средства, предложил Розенбауму выход из утомительного ожидания – ехать в Варшаву вместе и частным путем через Румынию. Для Розенбаума, не имевшего за душой ни копейки, это было прекрасное предложение, и он, конечно же, согласился.

Прибыв благополучно в Бухарест, репатрианты получили там денежную помощь от польского посольства и через пару дней поездом через Черновцы и Краков направились в Варшаву. Все они с волнением в сердце ожидали встречи с новой жизнью.

Глава V. В ПОЛЬСКОМ ВОЕННО-РЕЧНОМ ФЛОТЕ

В Польше до первой мировой войны Розенбаум бывал неоднократно. Как правило, задания охраны здесь были для него необременительными, и он с удовольствием знакомился с польским бытом. В Варшаве и Кракове Розенбаум чувствовал себя почти как в Одессе и Киеве, и только через несколько недель пребывания в Польше он начал ощущать в себе какую-то скованность, провинциальность, и его вновь притягивали к себе российские просторы и личные служебные перспективы. Впрочем, о реальности их агент тогда всерьез не задумывался. Новая, обретшая независимость страна, за время отсутствия здесь Розенбаума внешне и внутренне изменилась. Новые штрихи в ее облик вносили приготовления к войне с Советами. Это сразу же увидел чуть-чуть понюхавший пороха польский беженец, решивший с первого дня своего пребывания в Варшаве связать свою судьбу с польским флотом. К этой мысли его подталкивало не столько былое увлечение морем, сколько горький жизненный опыт прагматика: на флоте всегда спокойнее, чем в армии под пулями. На морях же Польша не думала ни с кем воевать. Было бы несправедливым не заметить одновременно и искренней потребности у этого человека отблагодарить страну, давшую ему приют, в ее борьбе с расползавшимся вглубь и вширь большевизмом, мечтавшим о «мировой революции».

Утром 25 февраля 1920 года Розенбаум, наспех приведя себя, насколько это было возможно, «в строевой флотский вид», направился в Департамент морских дел (справ морских). Начальником Департамента был бывший командир новейшего в начале века русского дредноута Черноморского флота «Императрица Екатерина II», адмирал Казимир Порембский, уже тогда контр-адмирал. Среди сотрудников Департамента были и другие лица, известные или знакомые Розенбауму еще по России: подполковник Малец-

кий, майоры Сакович и Жейма, капитан Губерт. Здесь ему выдали для заполнения опросный лист и предложили, заполнив его, явиться на следующий день сюда же к 11 часам утра. Все это было четко исполнено, причем в подтверждение правильности сделанных Розенбаумом ответов его опросный лист подписали подполковник Малецкий и майор Сакович. В тот же день адмирал Порембский, заверив его бумаги своей подписью и резолюцией о принятии Розенбаума на службу условно до верификации в чине поручика, направил их военному министру Лежневскому. Через два дня после этого Розенбауму было предложено явиться в Департамент, где 4 марта 1920 года он получил предписание прибыть в пятидневный срок в Пинскую действующую флотилию в распоряжение ее командира майора Эдуарда Садовского в г.Мозырь, где в то время она базировалась. При этом Розенбауму было выплачено жалование до 1 апреля, т.е. за месяц, и выдано пособие на обмундирование в размере 600 польских марок. Так началась его служба в польском военном флоте.

Прибыв в указанные сроки в Мозырь, поручик узнал от начальника штаба 9-й пехотной дивизии майора Крегельского, что за два дня до его приезда Пинская флотилия ушла выше Мозыря по реке, в Балажевичи. Когда под вечер Садовский действительно появился в штабе, то оказалось, что оба друг друга хорошо знают. На Черноморском флоте командир польской флотилии служил при царе на броненосце «Синоп», после чего командовал подводной лодкой «Щука». Покончив со своими делами в штабе, он предложил Розенбауму двигаться в Балажевичи (от Мозыря около 20 верст) на его моторной лодке.

По дороге на базу майор Садовский стал расспрашивать бывшего офицера, знаком ли он с речным плаванием на Припяти, на что получил утвердительный ответ, так как, плавая по Днепру и его притокам (Сож, Припять, Десна), Розенбаум действительно хорошо изучил форватер Припяти от устья до самого Пинска. Это удовлетворило Садовского, и он назначил Розенбаума приказом по флотилии старшим офицером таковой с исполнением должности инспектора по форватеру, дав в его распоряжение катер «Буг» и мощную землечерпалку. Уже на следующий день с этой техникой он отправился на исследование и расчистку форватера на Припяти от Мозыря до Пинска. Весь март и половина апреля были серье-

езным экзаменом для Розенбаума как в этой должности, так и в целом по речному плаванию. В эту пору в советско-польском конфликте было затишье, как будто перед бурей.

15 апреля 1920 года из штаба дивизии на флотилию пришел приказ об установлении между ними постоянной связи через специального офицера, высылаемого из флотилии в распоряжение начальника штаба майора Крегельского. На эту должность майор Садовский назначил поручика Розенбаума и подпоручика Кароля Гаубе. Здесь состоялось более близкое знакомство офицера связи Розенбаума с начальником штаба, в ходе которого последний не только доверительно сообщил ему, что одновременно является и офицером II отдела («двуйки») генштаба, т.е. разведки, и прямо предложил в этом направлении работать вместе, и Розенбаум на это как-то сразу согласился

В это время началось наступление польской армии на Чернобыль. Первая встреча Розенбаума с красными состоялась под Наровлей, а затем под Ломочами. Бой под Ломачами разворачивался следующим образом. Заметив появление судов Красной флотилии, а на сухопутье – армейские части, командование 9-й пехотной дивизии приняло решение отправить отряд польской флотилии для заманивания большевистских судов под обстрел береговой артиллерии поляков, установленной на левом берегу Припяти в густом кустарнике. С этой целью туда были отправлены «Генерал Шептицкий», где командиром был Розенбаум, броневик «Трахтомиров» во главе со Станиславом Гриневицким и шесть металлических плоскодонных моторных лодок, вооруженных каждая двумя пушками системы Гочкиса и семью пулеметами Кольта. Операцией руководил майор Эдуард Садовский.

На каждой лодке было по одному офицеру и по 16 матросов. Отрядом моторок командовал капитан Богдан Яроцинский. Посланные впереди парохода и броневика, эти люди с близкой дистанции обстреляли отряд Красной флотилии, а затем, развернувшись, стали отступать, демонстрируя бегство перед превосходящими силами противника. За моторками отправился в погоню красный броневик «Волга». Увлечшись погоней, «Волга» попала под обстрел картечью береговой артиллерии, а также орудийную шрапнель «Шептицкого» и «Трахтомирова». Как бывший российский артиллерист, Розенбаум очень гордился тем, что меткая стрельба с

«Шептицкого» под его управлением разрушила корму красного броневика. В результате этого «Волга» вынуждена была сдать со всей командой. Четыре другие единицы красных, получив повреждения разной степени тяжести, вынуждены были отступить. 20 плененных краснофлотцев, снятых с «Волги» по приказу майора Садовского, были расстреляны командой моторной лодки «Гвезда» («Звезда») неподалеку от дороги на Мозырь. Позже, после взятия первых населенных пунктов красных, Розенбаум получил от майора Крагельского задание произвести здесь разведку среди оставшегося населения в целях выяснения степени распространения здесь коммунистического влияния. За это дело бывший агент охраны брался с нескрываемой охотой, для чего он переодевался в крестьянскую одежду и заводил среди местных жителей разговоры, провоцирующие последних на откровенность. Таким образом ему удалось раскрыть коммунистическую ячейку в д.Свиноухи, что между Ломачами и Чернобылем. После чего по приказанию майора Крагельского туда был послан смешанный отряд солдат 35-го пехотного полка и матросов флотилии под командой поручика Левицкого и подпоручика Таубе. Все 18 членов этой ячейки во главе с ее руководителем, сельским учителем Иосифом Шавлюком были отвезены в штаб 9-й пехотной дивизии и преданы военно-полевому суду в Пинске, по приговору которого десять человек вместе с Шавлюком были приговорены к смертной казни, а остальные восемь – отправлены в концлагерь под Калиш.

Розенбаум постепенно начинал входить в забытую роль секретного агента, однако 12 мая по приказу Пилсудского началось общее наступление польской армии на Киев, и в этой ситуации Розенбаум опять был возвращен к флотилии, где получил под командование уже упоминавшийся штабной пароход «Генерал Шептицкий». Это был обычный речной пароход, вооруженный одной трехдюймовой пушкой и шестью пулеметами «Кольт». На «Генерале Шептицком» в сопровождении речных броневиков «Трахтомиров», «Проворный» и шести моторных лодок «эскадра» Розенбаума вскоре отправилась на Киев. Броневиками командовали поручики Станислав Гриневицкий («Трахтомиров») и Станислав Нагорский («Проворный»). Вооружение кораблей сопровождения было таким же, как и флагмана.

В Киев группа Розенбаума прибыла 22 мая 1920 года. В то время город был уже занят частями 3-й польской армии под командованием генерала Рыдз-Смиглого. Здесь отряд в составе флотилии пробыл до 31 мая, т.е. до начала отступления поляков из-под Киева. Флотилия выступила в спешном порядке в сторону Чернобыля, т.к. было получено донесение о том, что красные сосредотачивают свои силы у устья Припяти. Приходилось спешить, чтобы войти в Припять под прикрытием стоявшей в 25 верстах от устья в Чернобыле тяжелой польской артбатареи под командованием капитана Черника. 2 июня 1920 года флотилия благополучно прибыла в Чернобыль, где оставалась несколько дней. С приближением Красной Армии войска Сикорского остались под Чернобылем для сдерживания ее наступления, в то же время польская флотилия в спешном порядке отступала на Пинск. Ее задачей было пройти как можно скорее за Волянский железнодорожный мост через Припять, возле полустанка «Припять», ниже Лунинца, и взорвать его за собой. С большим трудом и в последние минуты полякам это удалось сделать, так как Красная флотилия гналась за польской буквально по пятам.

Тревога отступающих, если не страх, дополнительно усиливалась из-за их причастности к тому, что произошло незадолго на пути к Волянскому мосту. Как-то десантный отряд матросов флотилии привел на пароход «Шептицкий» группу пленных партизан-коммунистов, задержанных при их вооруженном нападении на польские уланские сторожевые посты. В это время на пароходе находился командующий флотилией майор Садовский. Когда ему доложили о пленных, он уже готовился к переходу на пароход «Покорный», а потому, недолго задумываясь, распорядился поступить с ними «по своему усмотрению вплоть до расстрела». После отплытия «Покорного» Розенбаум и подпоручик Владислав Кучинский тотчас же решили это неприятное дело утрясти по-своему – евреев из числа пленных (12 человек) расстрелять, а двух белорусов взять с собой. Розенбаума и Кучинского совсем не волновала дальнейшая судьба пленных, они полагали, что те, кто наверху, лучше знают, что с ними делать: казнить или миловать⁶. Думается, что упомянутых белорусов ждала не менее трагическая участь, ибо «наверху» уже были обеспокоены тем, что в настроениях большинства белорусов по отношению к польскому войску и админис-

трации присутствует откровенная ненависть «из соображений, что Польша – это паны, неволя», а потому в штабах большинство начальства было настроено на применение к белорусам крайних мер. Позднее в своих показаниях Розенбаум так объяснял мотивы этого поступка: «К этому решению побуждала нас природная ненависть к евреям, которых каждый из нас считал язвой на людском организме, виновниками российской революции, самыми главными приверженцами большевизма, с которыми мы никак не могли примириться. Старый закал воспитания был еще живуч, да и новый лозунг «Бей жидов – спасай Польшу» уже крепко сидел в нас». Быстро составив текст приговора, начинавшийся «Именем Речи Посполитой...», о расстреле 12 евреев и пленении двух белорусов – «невинных жертв последних», поручили его исполнение боцману Станиславу Яблонскому, «который сам начальство об этом просил». После того как пленные были расстреляны, приговор был подписан Розенбаумом, Кучинским и Яблонским, а затем передан в штаб флотилии.

За Волянским мостом река делала крутой, почти под углом в 90°, поворот влево, скрываясь за высокой горой. За ней погоня была для польской флотилии уже не так страшна, тем более что взорванный мост перекрыл путь судам противника. Ночь и весь следующий день флотилия, притушив котлы и без огней, отставивалась за горой, и только землечерпалка-экскаватор без перерыва расчищала впереди русло. Несмотря на проводимые работы, мели и перекаты затрудняли начавшееся под вечер движение флотилии. На следующий день было принято решение: несколько глубоководных судов («Волга», «Покорный»), предварительно попортив машины, по дороге затопить. С остальными судами флотилия дошла до Пинска, но в связи с малым уровнем воды в Бугском канале провести их до Вислы также не было возможности. Поэтому по приказу Морского департамента их затопили на Пинском озере в тех местах, где была достаточно большая глубина. Для отступательной операции польской армии данный эпизод был поистине уникальным, диктуемым безвыходностью ситуации. В целом отступление, по мнению польского командования, проходило продуманно и организовано. Генерал Владислав Сикорский в своих воспоминаниях об этом периоде войны писал: «Отступая от Днепра, мы не оставили на Полесье ничего, что имело какую-либо цен-

ность. Эвакуация проходила исключительно организованно. В ходе ее бывали моменты, что мы сдерживали отступление с одной лишь целью – спасти ценные материалы, имущество и вооружение. Так, например, было с Полесской военной флотилией, ради спасения которой мы сдерживали отход наших войск под Петриковым, так было с сотней вагонов на узловой станции Лунинец. Все, что представляло для нас несомненную ценность, было вывезено на родину»⁷.

Подходил к концу июнь 1920 года. Из Пинска в это время поляки спешно эвакуировались. Срочно грузиться по вагонам было приказано и поредевшей флотилии. Причем на железнодорожные платформы были погружены отдельные катера, небольшой пароход «Татьяна», переименованный в «Сикорский», а также все 26 чешских моторных лодок. Отправкой эшелонов командовал капитан Богдан Яроцинский, назначенный командующим Пинской флотилией вместо майора Эдуарда Садовского, отозванного в оперативно-разведывательный отдел Морского департамента. Эшелоны были направлены на Модлин (бывшая русская крепость Новогеоргиевск), находившийся при впадении Нарвы в Вислу.

В Модлин эшелоны с речными судами прибыли 4 июля 1920 года, и здесь в спешном порядке на их базе начали формировать Вислинскую военную флотилию. Командующим ее был назначен капитан Яроцинский, а поручик Розенбаум – флаг-офицером при нем. На него как на уже опытного моряка были возложены наиболее ответственные задания по формированию новой флотилии: Департамент морских дел выдал ему открытые листы на право реквизиции для нужд флотилии необходимых судов. 14 таких судов-пароходов акционерного общества «Фаянс» оперативно с Вислы были приведены в Модлин, где уже затем совместными усилиями Розенбаума и инженера-полковника Черницкого (бывшего судостроителя русского Балтийского завода) были переделаны в броневики.

По делам, связанным с формированием флотилии, Розенбауму часто приходилось бывать в Морском департаменте у заведующего разведкой и оперативным отделом капитана Филяновича. Последний связал Эдуарда с заведующим морской разведкой II отдела генштаба полковником Станиславом Невяровским. Тот, будучи посвященным в прошлую жизнь заместителя командующего формирующейся речной флотилии, предложил ему повниматель-

нее следить за работающими в Модлинском порту вольнонаемными рабочими и военнопленными большевиками на предмет предотвращения распространения среди них советской пропаганды. Это обязательство поручик Розенбаум на себя охотно принял.

Между тем 30 июня 1920 года формирование Вислинской речной флотилии было закончено. На это время в ее составе было 14 вооруженных броневиков (на каждом по 2 орудия и 6 пулеметов), 40 моторных лодок (по два орудия системы Гочкина и по 4 пулемета на каждой). Личный состав – 70 офицеров во главе с капитаном Яроцинским и 1000 матросов. Для связи с армейским командованием от флотилии был назначен подпоручик Владислав Пешканский. Интересы II отдела на флотилии представлял поручик Иосиф Левицкий. Все сведения, добываемые им, Розенбаум был обязан передавать капитану Филяновичу или напрямую (в случае необходимости) подполковнику Невяровскому.

Вскоре при выполнении задания «двуйки» Левицким и Розенбаумом были взяты под подозрение два офицера 27-го пехотного полка, Багинский и Вечеркевич, стремившихся установить связь с коммунистической организацией в порту. На эти попытки установления этих связей Розенбаума вывел слесарь-оружейник Иосиф Годло. С его помощью были уличены в коммунистической пропаганде среди obsługi порта и матросов флотилии оружейный мастер Станислав Мрозовский, электромонтер Мордко Варшавский, машинист Ежи Грыневич, а также военнопленные из красных – Семен Севастьянов и Михаил Лукин. После их ареста при посредстве жандармерии, а потом в ходе следствия и суда удалось установить, что первые трое были членами польской компартии. Все пятеро были приговорены в связи с обстоятельствами военного времени к пожизненному заключению в самой суровой польской тюрьме «Кресть» под Кельцами. После ареста коммунистических агитаторов политическое брожение в порту и на флотилии поутихло.

В это время Красная Армия была на подступах к Варшаве. Отдельные ее части вышли к Плоцку, в районе которого они форсированно стремились переправиться на правый берег Вислы. Воспрепятствовать этому должны были 1-я армия генерала Сикорского и в ее составе Висленская речная флотилия. По приказу командующего флотилией, согласованному со штабом 12-й пехотной дивизии, в помощь ее частям был назначен передовой отряд флотилии из четы-

рех судов и 16 моторных лодок под командованием поручика Розенбаума. Непосредственно под его командой находился пароход-броневик «Варненчик». Другими судами («Вавель», «Министр», «Стефан Баторий») соответственно командовали поручики Ян Садовский. Станислав Нагорный и Франтишек Квятковский.

Заняв Плоцк, красные смогли там продержаться совсем недолго – несколько часов, и под обстрелом сухопутной артиллерии, а также орудий с судов Висленской флотилии, вынуждены были отказаться от форсирования реки в этом районе⁸. За этот бой под Плоцком Розенбаум был награжден «Крестом храбрых» («Кшиж Валечных»). В то время когда поляки обороняли Плоцк, красная конница во главе с С.М.Буденным форсировала Вислу под Кальварией в районе Сандомира. Все попытки поляков перебросить свою флотилию к месту прорыва обороны вверх по реке из-за мелководья оказались тщетными. В этой ситуации основная часть флотилии осталась в Модлине, другая пошла на Варшаву, а третья – под Красный Крест (Чэрвоны Кшиж) – местность ниже Влоцлавка на правом берегу Вислы, где стали появляться отряды большевиков. Здесь произошел бой между отрядом флотилии и красным отрядом, в результате которого поляки потеряли один пароход, а также убитыми – двух офицеров и 12 матросов, но атака красных была отбита. Успехи Красной Армии на других участках фронта достигались на пределе сил, а вскоре инициатива постепенно начала переходить к противнику. 16 августа началось наступление польских войск, получившее в истории по своим итогам название «чудо на Висле». В изменившейся ситуации 17 августа в Минске начались советско-польские переговоры, итогом которых стал Рижский мирный договор, подписанный 18 марта 1921 года.

Глава VI. НА СЛУЖБЕ ВО II ОТДЕЛЕ ПОЛЬСКОГО ГЕНШТАБА И В ТАЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ

С прекращением советско-польских военных действий Вислинская флотилия была расквартирована в г.Торуни на Поморье. Здесь же находился флотский экипаж всех военно-морских сил Польши, которым командовал полковник генштаба Станислав Невяровский, продолжавший параллельно оставаться и начальником II отдела генштаба. Полковник постоянно жил в Варшаве, но в Торунь по кадровым вопросам приезжал довольно часто. В один из таких визитов, где-то в первых числах сентября 1920 года, он вызвал к себе в кабинет поручика Розенбаума и без лишней дипломатии предложил последнему официально оформить свои отношения со II отделом под псевдонимом «Антоний Ружа». При этом Невяровский сказал, что свяжет Розенбаума и с тайной политической полицией, с которой II отдел работает теперь в тесном контакте. «Поверьте, – добавил он, – что от этого вы и материально будете в двойном выигрыше». Кивок головой Розенбаум в знак согласия полковник расценил как наиболее удобный момент для перехода к деловой части встречи: «Я поручаю вам взять под свой контроль немецкое население на Поморье и, в частности, в Торунь. В последнее время антипольские настроения среди его жителей усилились. Это касается не только торговцев, интеллигенции, но и чиновников в муниципальных учреждениях, ибо последние представлены почти исключительно немцами. Ваша задача состоит в том, чтобы войти в немецкое общество, завязать связи с людьми, имеющими в нем влияние, и доносить обо всем, что только вредит польскому делу, нам в генштаб, если полученная информация будет касаться войска, а если гражданского населения, то с этим обращайтесь к на-

чальнику тайной политической полиции в Торуні комиссару Мечиславу Перковскому, которому я вас сегодня представляю»⁹.

Обещанная встреча состоялась в обед того же дня в лучшем ресторане города «Пале Кришталь». Мечислав Перковский сразу же узнал в Розенбауме компаньона по «спиртному» делу в Одессе: протянув ему руку, он улыбнулся, но о прошлом вспоминать не стал. После обеда полковник Невяровский, комиссар полиции Перковский и новоиспеченный агент поехали в управление полиции, где последнему было дано задание познакомиться, а затем войти в доверие к заведующему санитарным отделом городской управы доктору фон Вольпе и к заместителю бургомистра, купцу фон Пернау с тем, чтобы последние «помогли» ему проникнуть в центр антипольского движения. В заключение делового свидания полковник Невяровский предложил Розенбауму явиться к нему через неделю в Варшаву для осуществления всех формальностей, связанных с его регистрацией во II отделе генштаба.

Выполнение поставленной задачи для Розенбаума осложнилось тем, что он, являясь офицером флотилии, и ввиду теплой осени, жил на штабном пароходе «Варненьчик», а это ограничивало его контакты с местными немцами. В этой связи он, получив у командующего флотилией разрешение перебраться на частную квартиру в городе, стал усиленно искать себе жилье среди наиболее влиятельных немцев. Его величество случай в ту пору был весьма благосклонен к поручику, и он достаточно быстро нашел комнату у госпожи Гретты фон Зоммер – вдовы бывшего начальника станции Торн (Торунь). Придя к ней для найма комнаты в светском платье, Розенбаум обратился к ней по-немецки, да и немецкая фамилия сделала свое дело, и хозяйка приняла его к себе на квартиру на довольно льготных условиях. Следующим шагом стало стремление Розенбаума расположить еще не старую вдову к себе, снискать ее доверие. И это лихому кавалеру вполне удалось: он получил комнату с пансионом, право ужинать вместе с Греттой, а значит, и возможность встречаться с приходившими к ней в гости людьми. Таким образом, квартиранту удалось быстро познакомиться с семьей торговца Лихтенштейна. Получив же приглашение от госпожи Лихтенштейн на ее день рождения, он сумел познакомиться с чиновниками Вольпэ, Пернау и другими лицами. С их помощью агент узнал о существовании в Торуні двух немецких патриотичес-

ких организаций, скрывавшихся под невинными названиями: 1) «Немецкое общество хорового пения» и 2) «Спортивное общество немецкой молодежи». Обладавший недурным баритоном Розенбаум, с согласия шефа городской полиции, вступил в члены хорового общества, вместе с ним участвовал в нескольких торжественных богослужениях в лютеранской церкви, благодаря чему познакомился с пастором фон Лютцау, а через него – с председателем спортивного общества фон Плакэ, работавшим казначеем в городском управлении. Встречи Розенбаума с этими и другими нужными ему людьми чаще всего проходили в ресторане «Артур Гоффе» за кружкой пива за общим столом. Обыкновенно при пиве шла и игра в домино. Обо всех этих встречах и сведениях, полученных в результате общения с членами немецких обществ, он сообщал в устной и письменной форме комиссару Перковскому. Последний все предпринимаемые агентом шаги одобрял, но от решительных действий по отношению к немцам воздерживался, откладывая таковые на 1921 год, так как в конце января этого года должны были состояться выборы в городское самоуправление (уже по польским законам). Говоря об этом, комиссар подчеркивал, что «выборы еще не раз дадут нам повод перейти к решительным мерам, тем более что добровольно немцы не выпустят из рук свою власть в городе. Ваша задача состоит в том, чтобы знать обо всем, что готовят они к избирательной компании...».

В «Артур Гоффе» за пивом немцы спокойно вырабатывали свой план действий, главной задачей которого было проведение 12 своих кандидатов в муниципальный совет Туруни. Разумеется, что и Розенбаум при этом присутствовал. Список этих лиц он немедленно передал Перковскому, и комиссар воспользовался им в преддверии выборов в полной мере: большинство из членов немецких патриотических организаций до начала избирательной компании были высланы в Германию.

Выполняя задание «двуйки» и тайной полиции в Туруни, Розенбаум вновь начал служить и в германской разведке, не зная о его миссии в немецкой среде. Однажды во время Рождественских праздников, в доме у пастора Лютцау, он встретился с Вильгельмом фон Роуде, который в свое время был личным секретарем германского консула в Киеве фон Геринга, а потому знал о его сотрудничестве с германской разведкой. На момент данной

встречи Роуде состоял на службе в рейхсвере, в Данциге. В ходе воспоминаний о прошлом киевский знакомый предложил давнему германскому разведчику возобновить свою деятельность уже на территории Польши, в Познанском воеводстве и на Поморье. Розенбаум это предложение не отверг. Из того же разговора ему стало известно о том, что во главе немецкой контрразведки в Польше стоят владелец Варшавского пивоваренного завода «Габертуш и Шиле» Иоганн Шиле и лютеранский пастор фон Шотт. В следующую встречу Роуде передал Розенбауму рекомендательное письмо к пивному магнату – резиденту. Знакомство Розенбаума с Шиле состоялось в Варшаве в конце января 1921 года. Тогда же он получил и задание: в предельно короткие сроки дать немцам подробные сведения о составе польских гарнизонов на Поморье и в Познанском воеводстве. По ряду причин выполнить это задание в полном объеме двойной агент не смог, передав Шиле требуемые сведения лишь по гарнизонам в Торунь, Быдгоще, Грудзенце и Тшеве. Это донесение было написано на немецком языке и подписано полученной при первой встрече кличкой «Ганс». С этого времени возобновленное сотрудничество Розенбаума с немецкой разведкой практически не прерывалось, имея в разные годы периоды как подъема, так и спада.

22 января 1921 года, незадолго до депортации немецких активистов из Торунь, Розенбаум был вызван полковником Невяровским в генштаб. Вместе с благодарностью за работу среди немцев в Торунь полковник сообщил Розенбауму о произведении его верификационной комиссией из поручиков в майоры и временном прикомандировании к Морскому департаменту. Съездив затем на несколько дней в Торунь для сдачи дел по Висленской флотилии, Розенбаум уже 28 февраля прибыл в Варшаву. Здесь полковник Невяровский связал опытного агента с комиссаром Варшавской политической полиции, также его давним знакомым по Одессе, князем Витольдом Святополк-Мирским. Встреча была достаточно теплой, но о деле разговоров не было; все трое понимали, что это всего лишь прелюдия к сотрудничеству на более высоком уровне. Но прежде чем перейти к нему, Невяровский попросил Розенбаума выполнить одно небольшое задание по месту его недавней службы в Модлинском порту и проследить, не имеется ли там ячейки Коммунистической партии Польши (КПП). При этом полковник до-

бавил, что «если там что-нибудь раскроется, то надо немедленно прибегнуть к аресту виновных при помощи местных жандармов», вручив при этом так называемый открытый лист к начальнику Модлинской жандармерии полковнику Яну Гардличке. Данное поручение в какой-то степени отражало ту нервозность, в которой пребывали польские жандармы и полиция в связи с настойчиво насаждавшейся властями идеей о том, что после провала похода на Варшаву «экспорт революции со стороны Советской России будет усилен как через советскую разведку, так и через мобилизованный ею пропагандистский аппарат КПП»¹⁰.

Прибыв на другой день в Модлин, Розенбаум прежде всего отправился к полковнику Черницкому – начальнику портовых механических мастерских. Тот любезно предложил визитеру остановиться у него. После окончания рабочего дня к Черницкому зашел и его заместитель – инженер-подполковник Сачковский. За вечерним чаем завязался разговор о состоянии дел в мастерских. В ходе его и Черницкий, и Сачковский говорили о том, что работы идут вяло, рабочие стали чаще сбиваться в группы, перешептываться, и что на днях прошла однодневная забастовка. Помня постоянно об услуге, оказанной ранее ему здесь со стороны оружейника Иосифа Годло, Розенбаум спросил: а работает ли он в мастерских и можно ли с ним повидаться? Получив утвердительный ответ, он тотчас же принялся за выполнение полученного в Варшаве задания.

Пройдя в мастерские, Розенбаум под видом лица, заинтересованного в изготовлении там судовой радиостанции, стал заговаривать с Иосифом Годло и с другими находящимися в цеху рабочими, затрагивая при этом и вопрос о невыплаченной им заработной плате и имеющейся у него возможности поднять этот вопрос в Морском департаменте. На эти речи из толпы послышались недоверчивые возгласы: «байки» (по-русски «сказки»). Розенбаум сразу же засек, что эти слова произнес токарь Героним Шиманский, но делал вид, что их автор его совсем не интересует. Позднее, со слов Годло, стало известно, что Шиманский по своей культуре и профессионализму заметно выделяется из рабочей среды, так как до призыва на военную службу работал на одном из крупных заводов Лодзи. Сейчас он готовился к демобилизации; но было понятно, что недавняя однодневная забастовка прошла не без его влияния.

Узнав обо всем этом, Розенбаум в соответствии с полученными от Невяровского полномочиями сразу же обратился к начальнику местной жандармерии с просьбой провести у Шиманского обыск этой же ночью. Пожелание агента было исполнено. В ходе обыска у подозреваемого в коммунистической пропаганде было найдено много нелегальной литературы, прокламаций, а также список членов Модлинской партиячейки. Это дало повод для ареста в ту же ночь еще около 20 человек, которых посадили в Модлинскую крепость, вплоть до распоряжений из II отдела генштаба.

Сразу же после этого окрыленный успехом агент со своим донесением, копиями протокола обыска и списка партиячейки отправился обратно в Варшаву. Там, будучи тепло встреченным Невяровским, он получил от полковника письменное предписание отправиться в распоряжение шефа Варшавской тайной политической полиции князя Святополк-Мирского. Провожая агента до двери, Невяровский на прощанье ему сказал: «Все распоряжения комиссара должны быть вами исполняемы так, как бы вы их получили от меня. Имейте в виду – дело серьезное».

Получив такое напутствие, Розенбаум немедленно из генштаба отправился к князю и от него узнал следующее: «Полиции стало известно, что 10 февраля 1921 года на Праге, возле моста Кербедзя на Мариенштадской улице в доме №14 состоится антиправительственное собрание варшавских трамвайных рабочих. Ваша задача вместе с Левицким («Юзеф Гранда») состоит в том, чтобы под видом командированных из Лодзи трамвайщиков (соответствующие удостоверения и одежда готовы) проникнуть на это собрание и получить нужную нам информацию».

Весь оставшийся день агенты посвятили изучению места предполагаемого рабочего собрания, согласованию своих действий в самых различных ситуациях. На другой день, т.е. 8 февраля около 23 часов, одевшись в поношенную одежду, загрузив слегка лицо, Розенбаум отправился в кабачок «Под лебедем» («Под лабэндзем») по адресу Мариенштадская, 14. Расположившись у стойки, он потребовал водки, селедку и пива, а затем стал закусывать, не спуская глаз с прибывающих сюда людей. Среди посетителей преобладали трамвайщики, железнодорожники с подъездной узкоколейки Варшава – Отвоцк – Яблонная, рабочие с пристаней, грузчики и так называемые «антки» (жулики-подростки). Сидеть в этой ком-

пании было жутковато, но где-то около 24 часов пришел Левицкий («Гранда») под видом рабочего, только что возвратившегося с работы. Как и было договорено, он не подошел к Розенбауму, а присоединился к группе трамвайщиков и грузчиков: беседовал с ними, чокался с ними своим бокалом... И только потом, в компании с каким-то подвыпившим рабочим, подошел к своему сотоварищу и, хлопнув его по плечу, сказал: «Поставь нам водки и пива. Чего сидишь один, как сыч? Вот товарищ Груздь». Они подсели к Розенбауму и стали все вместе выпивать. Во время выпивки к ним подходили другие рабочие и тоже выпивали, высказывая в ходе беседы недовольство правительством и ставя в пример Советскую власть в России, восхваляя тамошнюю жизнь рабочих. Агенты, разумеется, им поддакивали, стараясь снискать их доверие и расположение.

В час ночи хозяин заведения объявил, что кабачок закрывается, после этого посетители все разом вышли на улицу, быстро распрощались друг с другом и отправились кто куда. Агентам, конечно же, оказалось «по пути», они спешно двинулись на Сенаторскую, где находился 1-й комиссариат Варшавской тайной полиции. Здесь они быстро восстановили свой обычный вид, а затем отправились в кабаре на Новомейскую, где решили слегка погулять, дав зарок ничего не предпринимать в этом деле по своей личной инициативе.

Утром следующего дня (10 февраля) Святополк-Мирский пригласил к себе двух «трамвайщиков» и поставил им задачи во всех деталях: «1) во чтобы то ни стало быть на предстоящем тайном собрании рабочих; 2) держаться на нем в разных местах, но поближе к выходу; 3) запомнить, а при возможности записать фамилии актива и ораторов; 4) самим мер никаких не принимать, а в случае необходимости дать знать об опасности наружной охране из членов тайной полиции; 5) быть начеку и следить один за одним; 6) если наружная охрана и полиция начнут аресты, то в их дела не вмешиваться; 7) после завершения операции необходимо сразу же прибыть в комиссариат».

От «Гранды» тогда же стало известно, что свое собрание рабочие назначили на 23 часа. Сборный пункт – погребок «Под лебедем». Явившись туда, агенты старались все делать по инструкции, данной накануне комиссаром. Следует заметить, что собрание проходило достаточно организованно. Открыл его председатель

коммунистической ячейки трамвайщиков Болеслав Бальчевский, который в своей речи призвал участников собрания оказать поддержку КПП (тогда еще легальной. – В.Ч.). После него выступал служащий трамвайного депо (Розенбаум его фамилии не расслышал. – В.Ч.), которого слушатели подбадривали криками: «Браво, Олек», «Олек – молодчина!». Были и другие выступления, но неожиданно в зал заседаний ворвалась полиция, произошло замешательство, а затем начались аресты присутствующих, что называется, наобум. Отправившись из погребка в политическую полицию, агенты стали свидетелями конфликта между начальниками тайной и обычной полиций (Святополк-Мирским и Галлем) по поводу несвоевременного вмешательства последней в ход нелегального собрания. На собрании присутствовали свыше 300 человек, но из-за неумелых действий так называемой «мундирной полиции» двум-трем десяткам участников его удалось бежать, включая агентов и «Олека», сорвавшего своими зажигательным выступлением аплодисменты и одобрительные возгласы. Так что просчеты в проведении операции были. Среди интересных деталей ее можно назвать факт ареста полицией 10 февраля среди массы рабочих переодетого майора польской армии Дембского. Спустя годы стало известно, что он одновременно работал в советской и польской разведках.

Так не совсем удачно закончилось на этом этапе сотрудничество Розенбаума с «двуйкой» и Варшавской тайной политической полицией. 15 февраля он был вызван в Департамент морских дел и назначен командующим Пинской речной флотилией. Однако столь высокое назначение не прервало его связей с двумя разведывательными ведомствами: из рук Варшавы он перешел в объятия Бреста и Белостока. И такая роль на данном этапе агентурной деятельности Розенбаума вполне устраивала, ибо всем своим нутром он чувствовал, что оказался в привычной для него стихии поиска инакомыслящих. Однако развернуться в полную силу в своей борьбе против коммунистических идей Розенбаум со своими покровителями не мог, поскольку вносимые в сейм проекты законов, которые бы прямо устанавливали суровое наказание за принадлежность к Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) в 1921–1923 годах не были приняты из-за боязни правящих кругов страны открыто развенчать иллюзии о преимуществах нового республиканского строя. В этой связи еще длительное время юриди-

ческой основой для политических репрессий в отношении к революционному и рабочему движению в Польше оставались старые законы стран, участвовавших в разделах Речи Посполитой. Например, царский кодекс («Уложение 1903 года») в начале 1920-х годов продолжал действовать на территории бывших российских владений. Верховный суд Польши 28 марта 1922 года охарактеризовал компартию как организацию преступную и дал указание преследовать ее членов по ч.1 ст.126 «Уголовного уложения 1903 года», предусматривавшей наказание на срок до 8 лет. Родственными компартии объявлялись и другие рабочие объединения, так или иначе защищавшие интересы людей труда. Чаще всего в их появлении полицейским чиновникам виделась «рука Москвы».

В преследовании инакомыслящих, кроме судов, тон задавала и специально созданная в 1919 году политическая полиция – дефензива. Эдуард Розенбаум завязал контакты с ней еще тогда, когда она тогда еще только-только начинала входить в силу. На самом «верху» при главной комендатуре госполиции была создана инспекция политполиции, быстро формировались ее окружные отделения и агентуры. Руководство политическим сыском было сосредоточено в «центрах» при воеводских управлениях и «экспозиторах» дефензивы при старостах. Сеть агентов и осведомителей («конфиденентов») вербовалась за деньги и путем шантажа из среды, близкой к инакомыслящим¹¹. Вот почему политполиция обратила внимание на Розенбаума. По мнению ее руководства, он был человеком, который мог профессионально действовать не только на уровне трудовых низов, но и партийно-профсоюзной верхушки. Учитывая строго законспирированную работу прокоммунистических объединений, контроль и проверку, которым они подвергаются каждого своего нового члена, руководство польской политполиции стремилось к тому, чтобы агент, направляемый в эту среду, был не только развитым политически, но и инициативным, с тем чтобы как можно быстрее завоевать доверие среди рабочих организаций. Эдуард Розенбаум вполне отвечал этим требованиям.

Глава VII. ОПЯТЬ В ПИНСКЕ

Перед отъездом из Варшавы в Пинск Розенбаум направился на прием к своему шефу по разведке Станиславу Невяровскому. Этот визит был вызван его естественным желанием поблагодарить за неожиданное повышение по службе (участие в нем со стороны последнего было более, чем очевидным), с другой стороны, уехать просто так, не получив задания по линии разведки, – это могло быть расценено, как вызов, или того хуже – измена. Несмотря на небольшой конфуз, произошедший 10 февраля на рабочем собрании, полковник встретил майора радушно, поздравил с назначением на новую должность, предложил закурить. И только после этого перешел к делам, изучение которых неожиданно завершилось приказанием-предписанием: по прибытии в Пинск, не затягивая долго с приемом новой службы, заехать в Брест и явиться там к начальнику II отдела местного военного округа подполковнику Юзефу Табачинскому. На другой день после прибытия в Брест в полном соответствии с предписанием начальства Розенбаум явился к подполковнику Табачинскому. В кабинете у него новый командующий Пинской флотилии пробыл около двух часов. В ходе встречи Юзеф Табачинский проинформировал высокопоставленного агента об общественно-политической ситуации на Полесье вообще и о ситуации в приграничной полосе с СССР в частности, акцентировав особое внимание на Давид-городке, Микашевичах и Пинске, где, по его мнению, «особенно заметен среди пограничного еврейства сильный уклон в сторону совет-коммунизма».

После этого Табачинский познакомил Розенбаума с командиром саперного железнодорожного батальона капитаном Станиславом Бенклевским (также агентом контрразведки) и с комендантом тайной политической полиции Яцыничем. Все трое спустя пару часов встретились на обеде с шефом Брестской политической полиции полковником Гжибовским. В ходе застолья подвыпивший

Гжибовский заявил: «Жи́ды на все 100 % являются коммунистами и самыми стойкими распространителями большевистской литературы». А Табачинский в тон ему добавил: «Господа, крэсы вхходне (восточные окраины тогдашней Польши. – В.Ч.) – это передовая позиция коммунистического еврейства, и в Бресте эта зараза чрезвычайно сильно распространилась, причем не только в крепости. И с нею вы столкнетесь как в Пинске, так и в Микашевичах, и в Давид-городке. Вам же, господин майор (речь шла о Розенбауме. – В.Ч.) по принятии порта в Пинске флотилии необходимо сделать все для изоляции матросов и господ офицеров от еврейских шинков, ресторанов и других увеселительных заведений. Это я вам ставлю в главную обязанность...». Наблюдая в ходе затянувшейся беседы за поведением чинов политполиции и «двуйки», Розенбаум пришел к выводу, что последние вели себя несколько покровительственно по отношению к сотрудникам тайной полиции. Несколько позже он понял, что II отдел генштаба являлся не только военной, но и общенациональной разведывательной службой. Его полномочия охватывали отчасти и сферу политического сыска, поскольку на «двуйку» возлагалась борьба с «подрывными» движениями в вооруженных силах. Серьезное внимание уделялось также процессам, происходящим в среде местных нацменьшинств: русских, белорусов, украинцев и евреев. Особое внимание II отдел уделял изучению политической ситуации в приграничных районах. Непосредственная оперативная деятельность здесь осуществлялась органами пограничной охраны КОП (Корпус Охраны Пограничья), а потому подключение к этой работе агентов типа Розенбаума было для II отдела обычным делом¹².

Прибыв 18 февраля 1921 года в Пинск, Розенбаум сразу же окунулся в прием дел от временно исполнявшего должность командующего флотилией и портом капитана Станислава Антоновича. После официальной передачи дел Розенбаум нанес визиты городскому старосте Станиславу Томашевичу, президенту города Болеславу Скирмунту и командиру 83-го Сибирского пехотного полка. Неофициальная часть знакомств состоялась вечером в польском клубе Стащица, где, кроме названных лиц, присутствовал и сдавший должность командующего флотилией капитан Антонович. Последний за рюмкой водки сказал, что «на прошлой неделе во вверенной ему флотилии за коммунистическую пропаганду арес-

тованы матрос Ежи Скобля и писарь Марк Вайн – еврей. При обыске у них обнаружены большевистские издания. Ясно, что они их содержали не для личного пользования». Розенбаум тотчас же уловил, в чей адрес посылалась данная информация.

На следующий день, сразу же после торжественного построения личного состава флотилии, Розенбаум отправился к следователю по чрезвычайным происшествиям в части майору Пржибыльскому, уже успевшему что-то выяснить по интересующему его вопросу. От него он узнал не только о результатах проведенного обыска, но и о связях арестованных матросов с военнослужащими в крепости Брест. Из разговора с капитаном Бенклевским, также участвующим в политическом сыске, командующий флотилией вынес решение о необходимости установления особого контроля за рабочими пинской портовой команды, размещавшимися в частных арендованных домах. Много заслуживающих внимания сведений он узнал тогда и о ситуации в Микашевичах и Давид-Городке. Кроме того, капитан Бенклевский представил в тот же день Розенбауму поручика Ричарда Эйхлера и капитана Станислава Огородзинского, которые курировали в политическом отношении эти населенные пункты. Из совместной беседы Розенбаум вынес для себя осознание острой необходимости бдительного наблюдения за советским пограничьем, сбора сведений о личном составе военных речных отрядов, а главное надзора за местным еврейством, которое под видом банальной контрабанды занималось в революционном районе революционной коммунистической пропагандой. В тот же день на тяжелую голову Розенбаум начал инспекцию мест дислокации своего хозяйства. Вслед за ним, уже через несколько дней, в отряды флотилии были посланы трое опытных агентов политполиции, одетых в матросскую форму и с удостоверениями специалистов, прикомандированных сюда с Балтики. Чего-нибудь другого Розенбаум придумать не мог.

20 марта 1921 года на Пине и Припяти прошел лед, и уже через два дня Розенбаум отправил монитор «Пинск» и четыре моторные лодки (по шестнадцать человек на каждой) в пограничную зону, вначале в Микашевичи, а затем в Давид-Городок, что позволило связать в течение недели офицеров флотилии и внедренных сюда агентов с офицерами пограничной стражи – поручиком Эйхлером и капитаном Огородзинским. Во время второго посещения

этих пограничных пунктов (с 30 марта по 1 апреля) Розенбаум решил сам на месте пообщаться с личным составом и местным населением, чтобы ближе познакомиться с их положением. Дело в том, что коренные жители достаточно настороженно, а иногда и враждебно смотрели на польских моряков. В этой связи в Давид-Городке Розенбауму удалось пробить брешь в этой стене взаимного отчуждения. Как бывший офицер императорской российской армии, он сумел достаточно быстро познакомиться с местным священником – протоиереем Матфеем. Последний, кроме того, что служил здесь в сборе свыше 30 лет, а потому и прекрасно знал всех жителей в лицо, был еще и большим ненавистником коммунистов. За чашкой чая, в ходе разговоров о былой жизни, он назвал Розенбауму имена наиболее видных местечковых бунтовщиков, связанных с политической контрабандой: это аптекарь Мордух Ращевский, фельдшер Давид Гуревич и кладбищенский сторож Иойнэ Герлах.

Возвратившись в отряд, Розенбаум дал поручение прикомандированным к флотилии агентам-матросам проверить полученные сведения и, в случае их подтверждения, велел всех упомянутых деятелей арестовать. Через два дня агенты донесли, что оснований для ареста указанных лиц имеется более чем достаточно. В итоге все они, кроме аптекаря Ращевского, успевшего выехать в неизвестном направлении, были арестованы и под охраной на пароходе «Генерал Сикорский» отправлены в Пинск в распоряжение коменданта Яцынича. В числе вещественных доказательств, зафиксированных в протоколе обыска упомянутых лиц, значились следующие издания: брошюры о К.Марксе, В.И.Ленине, биографии Л.Троцкого и И.Сталина, воспоминания о К.Ворошилове, Ф.Дзержинском и другие материалы.

В это же время активизировались революционные настроения и в Пинске. В городе по приказу военного коменданта постоянно патрулировали как солдаты 83-го пехотного Сибирского полка, так и матросы флотилии. При проверке несения ими службы Розенбауму удалось перехватить на еврейском кладбище несколько человек, прятавших там большевистские издания, а затем при помощи сводного патруля арестовать их и вместе с отобранной литературой доставить в комиссариат полиции. Среди арестованных особо вызывающе вел себя по отношению к Розенбауму и другим

офицерам некий Соломон Фридман – провизор аптеки Альперина и недоучившийся киевский студент.

Многое для понимания происходящего в Пинске пояснил Розенбауму местный домовладелец и торговец мануфактурой Абрам Арбуз. Флотилия снимала у него не только квартиры для офицеров, но и небольшое помещение для хозяйственных нужд. Одно время занимал у Арбуза комнату и сам командующий флотилией, что давало ему возможность на правах давнего знакомого заходить к пожилому торговцу в гости. Как-то за чайным столом Розенбаум затронул вопрос о причинах всеобщей симпатии еврейства к коммунизму: «Чем это объяснить, уважаемый? Открываешь любую газету, и где бы ни была раскрыта какая-либо организация с коммунистическим уклоном – везде большинство ее участников – евреи». Арбуз, будучи, по его словам, искренним сторонником политики Пилсудского, вначале как мог пытался разубедить своего собеседника в таком одностороннем мнении о евреях, но в конце концов свои «опровержения» закончил словами: «Знаете что, господин начальник, – дураков и жуликов везде много...». И при этом заметил, что одним из них является Саша Альперович, распиловщик с лесопилки Пашковского, возглавляющий в городе организацию еврейской молодежи под названием «Дер Штерн» («Звезда»). «Как это так, – говорил с чувством недоумения Арбуз, – этому Саше уже 25 лет, у него красавица жена, живет он у своего тестя, портного Розенштейна на Завальной улице на всем готовеньком, но ни о чем серьезном не думает?..».

Через несколько дней до майора дошла информация о том, что двое нестроевых из мастерских флотилии (плотник Фрейденберг и жестянщик Ройзман) посещают дом портного Розенштейна – тестя Саши Альперовича. В связи с этим Розенбаум вызвал к себе начальника портовой команды капитана Антоновича и приказал ему строго следить за этими двумя матросами и к выдаче им увольнительных в город не чинить никаких препятствий. Пообещав в точности исполнить приказание, капитан уже перед уходом все-таки осмелился спросить: «Извините, господин майор, но что интересного может быть в грязной халупе этого еврея?». И когда в ответ услышал, что «там встречаются самые настоящие коммунисты», он с выражением решимости на лице коротко ответил: «Все понял», и щелкнув каблуками, вышел из кабинета.

6 августа, в воскресенье, погода в Пинске была солнечной, но ветреной. Где-то около 10 часов утра в разных концах города неожиданно возникли пожары. Благодаря ветру, огонь быстро охватил деревянные постройки города, а затем перескочил на деревянные тротуары. К двум часам дня весь город горел. По тревоге к тушению пожара были привлечены солдаты и матросы гарнизона. Когда огонь охватил синагогу, внутри ее вдруг неожиданно стали раздаваться взрывы. Ее здание тотчас было оцеплено военным кордоном; в других же местах тушение огня продолжалось. Пожар длился почти трое суток, в результате чего более половины города выгорело. Когда пламя было сбито, подвалах синагоги было обнаружено два артиллерийских орудия, пять пулеметов и тридцать семь винтовок. В ходе разбирательства дела о пожаре в синагоге тайной полиции удалось выйти на след «молодой и пригожей коммунистки» Клары Колб и уже известного Саши Альперовича. В связи с арестом этих лиц было решено произвести обыски среди матросов портовой команды. По команде Розенбаума рота поручика Лисовского в 12 часов ночи оцепила казарму, а сам он направился к дежурному по команде поручику Вильбику и приказал ему следовать за ним в казарму с тем, чтобы разбудить матросов. Когда поручик произвел подъем команды, Розенбаум скомандовал всем матросам стать смирно у своих кроватей, а боцманам Заневскому, Завадскому, Прушинскому и Бернатовичу приказал приступить к обыску личных вещей подчиненных. В результате обыска у 18 матросов команды (Фрейденберг Хаим, Ройзман Эфроил, Вайн Мордух, Винтицкий Иосиф, Любарский Ицко, Портной Геру, Фейер Вульф, Кац Ицко-Хаим, Слонимский Герц-Хаим, Цыдерович Абрам, Гринфельд Шлема, Долгопольских Эфроим, Эферс Янкель, Фонштейн Вульф, Вольский Владислав, Мальчевский Марьян, Ольшамовский Ольгерд), кроме марксистской литературы, прокламаций и воззваний, отдельных номеров коммунистической газеты «Чэрвоны Штандар», были обнаружены также портреты К.Маркса, В.И.Ленина, Ф.Э.Дзержинского... и «пригожей» Клары Колб и др. Все упомянутые матросы по окончании обыска были арестованы и под конвоем роты поручика Лисовского препровождены на местную гауптвахту, с тем чтобы в скором времени отправить их в распоряжение военных следователей Брестской крепости. Придя домой, Розенбаум тотчас же написал подробное донесение о прове-

денной акции полковнику Табачинскому и подписал его своим уже привычным псевдонимом – «Антоний Ружа».

Как только рассвело, командующий флотилией направился к старосте города Пинска Станиславу Томашевичу, чтобы сообщить о случившемся ночью в казарме флотилии, а также о наличии преступных революционных связей Клары Колб с матросами портовой команды. При этом пояснил, что дополнительные сведения о девушке–революционерке ему крайне необходимы для составления официального рапорта о произведенных ночных арестах непосредственно адмиралу Порембскому. Староста немедленно вызвал к себе по телефону коменданта Яцынича с назидательной просьбой «захватить все имеющиеся у него материалы по делу красотки Колб». В ходе совместного их изучения стало известно, что Клара Колб – уроженка местечка Сквирь Киевской губернии и что прибыла она в Пинск, нелегально перейдя границу возле города Ровно, по заданию Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) с целью создания здесь молодежного коммунистического союза под названием «Дер Штерн». С помощью Альперовича и Фрейнберга ей это частично удалось сделать. Костяк организации составляла учащаяся молодежь, солдаты и матросы. «Если бы не пожар, – заключил Яцынич, – выйти на след организации было бы значительно сложнее». Покидая кабинет городского старосты, комендант между прочим заметил, что Клара Колб не отличалась высокой нравственностью, ибо она «неоднократно принимала участие в пьяных кутежах с офицерами гарнизона и местными чиновниками; часто с сомнительными целями ездила в Варшаву».

Сентябрь–октябрь в Пинске прошли спокойно, если не считать того, что на Пинском озере производились работы по подъему судов, затопленных при отступлении польской армии в 1920 году. Несмотря на ряд технических проблем, в целом эта операция была решена успешно. Важным событием этого сентября 1921 года явилось также прибытие в город для инспекторского смотра порта адмирала Порембского и вновь назначенного командующим речной обороны всей Польши командора Отто фон Мецгерра (бывшего командующего австрийской Дунайской флотилией). Вместе с ними в инспекции участвовала группа французских офицеров во главе с генералом де Вейганом. Розенбаум как командующий Пинской флотилией обеспечивал прием высоких гостей и их сопровожде-

ние на штабном пароходе «Генерал Сикорский» вначале до Староселья, где начиналась Днепро-Бугская система и интенсивно велись работы по углублению фарватера, а затем в Микашевичи и Давид-Городок. Там адмирал Порембский хотел лично ознакомиться с работой и условиями службы сторожевого отряда флотилии. Политическая сторона дела адмирала не интересовала. Правда, по прибытии в Пинск он спросил у командующего флотилией о подробностях августовских арестов среди матросов портовой команды. По всем этим вопросам Розенбаум дал исчерпывающие объяснения, за исключением факта своего сотрудничества со II отделом и тайной полицией. В тот же день инспекция отбыла в Варшаву.

В начале октября 1921 года майор Розенбаум получил от капитана Антоновича служебный рапорт, в котором отмечалась в целом нормальная ситуация на советско-польской границе, за исключением «получившей в последнее время сильное распространение контрабанды спиртом (водкой) и сахарином, в которой соблазненные доходностью этого мероприятия принимают участие некоторые унтер-офицеры и матросы сторожевого охранения». Среди таких лиц Антонович в своем рапорте назвал боцманов – Станислава Василевского, Михаила Мостевича, Станислава Куликовского и матроса Ольгерда Ольшанского. В конце рапорта Антонович сетовал по поводу того, как ему поступить с вышеуказанными людьми, так как до сих пор замечаний по службе у них не было, а следов политического влияния от встреч с советскими матросами он у них не замечал. Более того, как писал капитан, все четверо являлись кавалерами орденов «Виртути Милитари» и «Кшижа Валечных».

О содержании этого рапорта Розенбаум тотчас же доложил по телефону начальнику II отдела в Бресте полковнику Табачинскому и получил от него приказание доставить всех провинившихся к нему. Утром следующего дня за унтер-офицерами была послана в Микашевичи моторная лодка под командой поручика Александра Могучего с предписанием доставить таковых в Пинск, а затем в Брест в распоряжение Брестского генерального округа (БГО) к подполковнику Табачинскому. Приказ этот был выполнен согласно предписанию.

В конце октября флотилия стала готовиться к зимовке. К этому времени прекратилась и сторожевая служба на реке. Это, разумеется, не могло не повлиять и на характер контрразведывательной работы Розенбаума. 28 октября он выехал в Брест к Табачинскому для получения инструкций о работе в зимнее время. В ходе их встречи со стороны полковника прозвучало требование: сообщать все о политических настроениях среди личного состава флотилии вплоть до мельчайших подробностей. Кроме этого, его интересовал и пограничный вопрос, включая контрабанду и взаимоотношения между личным составом польской и советской речных флотилий в местах их соприкосновения. Информация, ранее изложенная Розенбаумом на основании рапорта капитана Антоновича, подполковника совершенно не удовлетворила.

Розенбаум пробыл в Бресте три дня. Накануне его отъезда в Пинск Табачинский вручил ему письменную инструкцию о задачах на зимний период. Она включала в себя следующие положения:

«1. После снятия сторожевого охранения доложить об этом начальнику корпуса пограничной охраны полковнику Рымше, а через него связаться с начальником погранотряда в Микашевичах.

2. Назначить для связи с начальником погранотряда в Микашевичах группу связи из 6 человек с офицером или боцманом.

3. Следить за настроением вольнонаемных рабочих, работающих в механических мастерских Пинской флотилии; постараться, насколько это возможно, уменьшить их штат.

4. Наблюдать за прессой, которую читают офицеры и матросы, не допуская к ним изданий левого толка; из библиотечного фонда изъять сочинения Анджея Немоевского (речь шла о сборнике рассказов Анджея Немоевского (1864–1921) «Люди революции», где получили свое воплощение образы участников польско-революционного движения. – В.Ч.).

5. Организовать чтение в казармах лекций о вреде коммунизма с приглашением для этой цели отцов-иезуитов, имеющих в этом отношении большой опыт.

6. Установить обязательное посещение в воскресные и праздничные дни как для офицеров, так и для матросов костела ордена иезуитов и гарнизонного костела.

7. Ограничить увольнения матросов в город до двух раз в неделю, и бдительно следить за тем, где таковые в городе бывают.

8. Изолировать личный состав флотилии от контактов с городскими евреями и рабочими спичечной фабрики, охваченными коммунистическим влиянием.

9. Два раза в месяц (5 и 20 числа) сообщать во II отдел в Брест все сведения о политических настроениях в Пинской флотилии; не терять также связи с политической полицией».

4 ноября 1921 года, возвратясь в Пинск, командующий флотилией дал своему заместителю необходимые указания по стягиванию всех своих плавсредств на базу в связи с начинающимся ледоставом, а сам направился к начальнику КОП полковнику Рымше, штаб которого находился в Лунинце. Заявив об отзыве сторожевого отряда из Микашевичей, он тотчас же получил от полковника письмо к начальнику таможенного погранотряда майору Длугашевскому, в котором речь шла о снятии речной охраны и передаче таковой 4-му батальону пограничников. В тот же день Розенбаум отправился поездом в Микашевичи, где вместе с майором Длугашевским и капитаном Антоновичем обсуждали, а затем обеспечили практически выполнение приказа подполковника Табачинского, включая и пункт его об установлении надежной связи между пограничниками и флотилией.

Вернувшись в Пинск, Розенбаум потребовал от капитана Антоновича представления более детальных сведений о взаимоотношениях между польскими матросами и краснофлотцами, намекнув о том, что в Бресте недовольны его прежним «лаконизмом». На следующий день на стол Розенбаума лег рапорт Антоновича с приложением к нему 6 экз. московской «Правды» и столько же «Известий», двух брошюр В.И.Ленина с выдержками из его последних речей, брошюры «Воспоминания об Энгельсе» и по одной фотографии К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина и И.В.Сталина. Был подан и список лиц, у которых вышеуказанное было изъято: подхорунжий Станислав Хойновский, капрал Збигнев Здеховский, матросы – Ян Кропидло, Гиероним Гуща, Рафаил Лункевич, Михаил Пирог. Кроме того, в своем рапорте капитан Антонович доносил, что, начиная с сентября, чины польского сторожевого охранения периодически встречались (по той и другой стороне) с краснофлотцами. Между ними шел активный обмен спиртным, сахарином и табаком. На первых порах, признавался Антонович, это его не слишком беспокоило, ибо война уже закончилась и смягчение дис-

циплины было как бы вполне заслуженным делом. Тем более что подобный обмен имел место и между сухопутными пограничниками, но когда он застал некоторых матросов за чтением советских газет, то они вместе с подпоручиком Рейманом вынуждены были опомниться и провести у матросов обыск, который и дал приложенные к рапорту вещественные доказательства.

Во время чтения Розенбаумом поданного ему рапорта, а также его вопросов, что называется, по ходу к Антоновичу, последний дополнил список лиц, встречавшихся с краснофлотцами в Межевичах, еще двумя матросами – Казимиром Цемерским и Станиславом Гадомским. Перейдя затем к устному анализу контрабандистской деятельности в зоне речной границы, офицеры выяснили, что все без исключения лица (числом 15-18 человек), принимавшие участие во встречах с советскими моряками, не упускали случая перебросить на ту сторону того или иного количества водки или сахара. Сахарин особенно ценился на советской стороне. Там за него платили в большинстве случаев царскими золотыми монетами достоинством 5 рублей, что по официальному курсу в переводе на польские марки (в то время злотых еще не было – В.Ч.) означало 9 тысяч; на черном же рынке стоимость этих монет была значительно выше. Доллар же по официальному курсу в ту пору шел за 3,5 тысячи польских марок. Получив такие сведения, Розенбаум страшно возмутился тем, что Антонович до сих пор об этом молчал, и тотчас же поставил данное упущение капитану на вид, как явное упущение последнего по службе.

В первом же месячном сообщении во II отдел Розенбаум, естественно, упомянул и о золотой валюте, и о служебных упущениях капитана Антоновича. Последний, уходя из кабинета командующего в день подачи рапорта, не только раскаивался в своей недальновидности, но и обещал исправить свои ошибки, не прибегая к обыскам. Через неделю после отправки сообщения Табачинскому к майору Розенбауму зашел в кабинет завхоз флотилии подхорунжий морской интендатуры, представленный уже к производству в подпоручики, Мечислав Витковский с целым ворохом хозяйственных бумаг, что называется, на утверждение. В ходе этой совместной рутинной работы, он, как бы между прочим, заметил: «Господин командор, а наши матросы на границе неплохо зарабатывают. Сам видел как боцман Василевский в Купеческом банке

менял золотые русские рубли на польские марки». На что Розенбаум с невозмутимым видом сказал, что в «отношении Василевского господин подхорунжий определенно ошибается, так как он уже отчислен из флотилии и находится в распоряжении Морского департамента». Между тем сказанное интендантом вынудило Розенбаума уже через час быть у своего хорошего знакомого директора Купеческого банка Годлевского, с помощью которого он установил, что не только Василевский, но и еще всех 13 чинов флотилии, обменивали в этом банке царские золотые рубли. На основании донесения Розенбаума об этом Табачинскому, по распоряжению последнего начальник Пинского жандармского дивизиона тотчас же произвел аресты упомянутых в донесении лиц. Все они впоследствии были осуждены на 3-4 года каторжных работ.

Успехи на «валютном фронте» невыгодно оттеняли работу Розенбаума по части политического сыска среди вольнонаемных в порту. Об недостатках в этой области командующему флотилией открыто заявил начальник местной наружной и тайной политической полиции Яцынич, сообщивший также об своем опасении, что «выявленная на кресах восточных коммунистическая организация «Свободный Рабочий» («Вольны Роботник») может вполне иметь свою ячейку и среди вольнонаемных портовых мастерских. Найти таковую для Розенбаума означало спасение своей репутации и перед Табачинским, и перед Яцыничем.

Воспользовавшись нехваткой на предприятии квалифицированных токарей, он дал указание капитан-инженеру Витольду Шульцу поместить в лодзинских газетах объявление об нужде в рабочих данной квалификации, а сам под видом их (с помощью и при поддержке Табачинского и Яцыничича) внедрил в пинскую рабочую среду действительно опытных токарей из Лодзи, но находившихся уже несколько лет на службе у тайной полиции. Это были Станислав Шиманский, Люциан Лясота и Вильгельм Вальден.

Поскольку эти агенты пришли в кабинет к Розенбауму для получения рабочих удостоверений личности (лигитымаций), между ними состоялся разговор, в ходе которого выяснилось, что свою задачу последние твердо знают, ибо соответствующие инструкции уже получили, и дело лишь в том, как обеспечить им передачу информации наверх. На вопрос Розенбаума, имеют ли они соответствующие клички, Шиманский ответил, что таковых они не име-

ют и все время работают под своими фамилиями. Собравшиеся тут же условились, что для передачи нужных сведений они будут, как приезжие, заходить в кабинет командующего с просьбой о выдаче им аванса. И уже через несколько дней, к концу рабочего дня, к Розенбауму явились Шиманский и Вальден. Здесь они сообщили следующее: благодаря своей высокой квалификации, они быстро вошли в дружеские отношения с местными рабочими, причем последние вполне убеждены в их принадлежности к лодзинским революционным организациям, ибо неслучайно старший мастер по слесарному делу Кароль Кухта, работавший долгое время на электростанции в Варшаве, неоднократно заводил с ними разговоры об рабочих организациях в Лодзи, жаловался на эксплуатацию пролетариата и говорил о необходимости выступлений против произвола фабрикантов, указывая при этом на СССР, где рабочие, по его словам, «чувствуют себя не только свободными людьми, но и хозяевами своего отечества, а мы, дураки, только стонем да ахаем а нас увольняют по своему произволу, и безработица увеличивается с каждым днем». Вальден и Шиманский во всем поддакивали Кухте, а Шиманский даже заявил, что если бы местные рабочие так организовались, как у них, в Лодзи, где особенно сильна организация «Свободный Рабочий», то и здесь, в Пинске, скорее бы «засветило солнце Свободы». Этой фразы оказалось вполне достаточно, чтобы Кухта ударился в откровенность и сказал, что здесь, на крсах, действует эта же организация с центром в Белостоке, и что среди рабочих мастерских уже есть ее члены. В ответ на эту откровенность Шиманский высказал Кухте свое пожелание рассказать местным рабочим о лодзинской организации «Свободный рабочий», которая, по его словам, «располагает не только видным числом членов и денежным капиталом, но и тесными связями с Советским Союзом». Кухта радостно принял это предложение Шиманского и попросил его в воскресенье прийти к нему домой на обед (где-то к 12 часам), а уж он соберет у себя членов и сочувствующих этой организации местных рабочих, чтобы послушать сообщения «лодзинского товарища».

Сообщив это, агенты стали просить Розенбаума для пользы дела дать возможность состояться этому собранию рабочих и против Кухты – явного активиста – пока ничего не предпринимать. Розенбаум им это пообещал. Более того, для усыпления бдительности

сти Кухты командующий флотилией через день посетил портовые мастерские, специально подошел к станку мастера и при этом попросил его о личной услуге – отремонтировать прямо на дому замки на чемодане, добавив при этом, что об этой их договоренности инженер-капитан Шульц как непосредственный начальник рабочего будет им обязательно предупрежден. Кухта добросовестно исполнил просьбу Розенбаума: вечером после работы он взял у него чемодан и уже в субботу утром принес его командору в полностью исправленном состоянии. Розенбаум, получив чемодан, не только похвалил Кухту за его умение и мастерство, но и заплатил ему 50 марок, т.е. сделал все, чтобы снять какие бы то ни было подозрения к нему со стороны рабочего.

Настало воскресенье 7-го февраля. В течение всего дня к Розенбауму не поступало никаких сведений о запланированном у Кухты собрании рабочих. В понедельник, во время обеденного перерыва, в кабинет к нему попросился Шиманский под видом просьбы о назначении ему пособия на обзаведение домашним хозяйством. В кабинет к командующему его ввел адъютант-поручик Мечислав Адамович, которого Розенбаум тотчас же отпустил, вдогонку попросив к трем часам вызвать к нему завхоза подпоручика Витковского. Оставшись вдвоем, Шиманский сразу же доложил, что упомянутое собрание состоялось, и что на нем, кроме Кухты и их, т.е. Шиманского, Вальдена и Лясоты, присутствовали еще 8 рабочих. «Доклад» о лодзинской организации произвел сильное впечатление на слушателей, ибо сразу же после него было составлено постановление о привлечении еще большего количества рабочих мастерских в местную ячейку «Свободного Рабочего». В числе голосовавших за это решение были – старший мастер слесарного дела Кароль Кухта, мастер столярного цеха Бронислав Безмен, электромонтер Константин Клешко, плотник Павел Покршива, Владислав Боцян, кузнец Семен Шешко, слесари Михаил Лядо, Ольгерд Капустинский, Петр Пененжек.

Выслушав внимательно Шиманского, Розенбаум поручил всем трем агентам продолжать слежку за деятельностью пинской организации «Свободный Рабочий», тут же пообещав до поры до времени воздержаться от принятия каких-то репрессивных мер в отношении членов ячейки, чтобы не вызвать этим подозрений по поводу агентов, а также и с целью выявления лиц, сочувствующих

коммунистам. О таком решении майор сообщил коменданту полиции Яцыничу, который вполне одобрил эту тактику действий. Слежка в порту осуществлялась до конца марта 1922 года. Она позволила дополнительно выявить следующих активистов организации – электромонтера Ольгерда Огурецкого, стажера Григория Гржималу, плотников Боруха Бермана, Арона Айзенштадта, Нахима Нейвассера и других. Когда было установлено, что на предприятии с общим количеством в 300 человек (вместе с рабочими по подъему судов) около 50 человек имеют отношение к «Свободному Рабочему», Розенбаум в письменной форме сообщил Яцыничу, что дальше медлить нельзя». После этого в порту начались аресты¹³. Для проформы в числе первых были арестованы Шиманский, Лясота и Вальден. Сделано это было для снятия с них подозрений за участие в провокаторской деятельности, но через неделю все они были возвращены из-под ареста и приступили к привычной для себя «работе» в порту.

Глава VIII. ПО СЛЕДАМ «СВОБОДНОГО РАБОЧЕГО»

Служба во главе польской речной военной флотилии в сочетании с активным участием в политическом сыске не могла не влиять негативно на выполнение Розенбаумом своих основных служебных обязанностей. Сидение «на двух стульях» плохо сказывалось и на моральном состоянии командора-агента. В конце концов 4 апреля 1922 года он был уволен со службы в запас чинов польского военно-морского флота (по польски – марынарки). Впоследствии в своих показаниях Розенбаум вынужден был признать, что причиной его увольнения были также «пьянство и упущения по службе». Данная «чистосердечность» в признании имела, судя по всему, и такой подтекст, как желание ослабить восприятие его как врага, офицера и командира из армии потенциального противника. Таким образом, вместе с увольнением из флота закончилось и сотрудничество его с II отделом польского генштаба.

Оставшись без службы, Розенбаум стал подумывать о приискании себе работы. В это время в Пинске находилась на гастролях виленская русская драматическая труппа Александра Николаевича Горяинова и Зинаиды Викентьевны Келчевской. Будучи занятым театралом, в чем, несомненно, проявлялась материнская наследственность, майор запаса с удовольствием общался с актерами и руководством этой труппы. Как-то после одной из таких дружеских встреч Горяинов и Келчевская предложили Розенбауму быть у них передовым (импрессарио) по устройству их выступлений в городах «крэсов всходних». Это предложение он с удовольствием принял. В то время майор был одинок, не женат и его вполне удовлетворяла работа на колесах, тем более что звание офицера запаса, знакомства в полиции давали ему возможность достаточно легко получить разрешение у местных властей на постановку спектаклей. Известно, что русскому театру, особенно на крэсах, чинились

польскими властями самые различные препятствия. И в таких ситуациях Розенбаум для труппы являлся просто спасителем и незамеченным человеком.

Как-то, прибыв для устройства спектаклей в Новогрудок, бывший в ту пору воеводским городом, Розенбаум как всегда пошел по кабинетам воеводского правления и в одном из них встретился с начальником местной политической полиции графом Евгением Корвин-Пиотровским. Этого человека Розенбаум знал еще с дореволюционной поры, когда последний служил штаб-ротмистром в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, а во время русско-германской войны был одним из адъютантов при ставке императора Николая II в Могилеве. Уже в независимой Польше старые приятели вновь встретились 19 ноября 1920 года в Варшаве, на балу в зале гостиницы «Бристоль», устроенном по случаю провозглашения Юзефа Пилсудского первым маршалом Польши. Вторая их встреча в Варшаве состоялась совершенно случайно в доме графини Барбары Браницкой, где давний друг Розенбаума был уже в форме офицера полиции. Из короткого разговора выяснилось, что Корвин-Пиотровский только что получил назначение на должность шефа политической полиции Новогрудского воеводства.

И вот новая встреча в Новогрудке. Следует заметить, что за внешне непринужденным обращением друг к другу на «ты» уже чувствовался некий официоз, разница в служебном и социальном положении давних приятелей. И тем не менее шеф полиции сразу же положительно разрешил все проблемы начинающего импресарио, связанные с постановкой русских спектаклей на территории всего воеводства. После чего пригласил театрального импресарио к себе домой, на обед. После обеда Корвин-Пиотровский сразу не отпустил Розенбаума в гостиницу, а предложил проехать вместе с ним в управление, к себе в кабинет, на чашечку черного кофе. Когда кофе был подан, он, глядя в глаза старому приятелю, с улыбкой сказал: «Эдуард, я знаю, что ты работал со вторым отделом и политполицией. Почему бы нам не восстановить эти связи? Мы с тобой хорошо знаем друг друга и прекрасно понимаем, что грозит Польше, всем нам, если здесь, как и в России, возьмут верх коммунисты. При твоей нынешней деятельности, работая с русской труппой, общаясь с русскими, а среди них немало зараженных коммунизмом, ты бы мог нам здорово помочь в раскрытии

их враждебных по отношению к Польше замыслов. Одним словом, я надеюсь на твою помощь. Я снесусь в Пинске с Яцыничем, и когда ты приедешь сюда уже с труппой, мы это дело оформим. Ты, конечно же, не отказываешься?». На это обращение Розенбаум ответил полным согласием и в общих чертах, но в целом правдиво, обрисовал уровень своей работы прежде и с князем Святополк-Мирским, и с подполковником Яцыничем, естественно, обходя стороной то неприятное, что было в этом общении.

По окончании вполне дружеского разговора Корвин-Пиотровский сказал: «Когда приедешь сюда уже с труппой, то получишь у меня все необходимые инструкции и конкретные задания, а пока в общих чертах скажу так: наблюдай за русскими театрами и за русофильствующими евреями. Особенно – за последними, симпатизирующими Советам. Заводи с ними разговоры о русской культуре, искусстве и не бойся придавать этим беседам политический характер...».

Дней через десять в Новогрудке начались гастроли русской драматической труппы Горяинова и Келчевской. В ходе их, на второй или третий день, Корвин-Пиотровский повез Розенбаума в Варшаву для представления его шефу польской государственной полиции генералу Розвадовскому. В ходе этого представления Корвин-Пиотровский кратко остановился на службе Розенбаума в «двуйке», на его связях с Торуньской и Варшавской политполицией. Генерал Розвадовский поинтересовался прошлой и настоящей деятельностью агента и после его лаконичных ответов пожелал ему успехов «в нашей совместной работе». После чего, обратясь к Корвин-Пиотровскому, потребовал от него проведения всех формальностей, связанных с приемом Розенбаума в агенты тайной полиции. При посредничестве графа в течение получаса все необходимое для этого было сделано: фотографирование, анкетирование с вручением «новому-старому» агенту личного знака № 143. ППР (Политическая Полиция Речи Посполитой) для ношения под лацканом пиджака или пальто, а также удостоверения личности (легитимации) сроком до 31 декабря 1923 года. Затем Корвин-Пиотровский и Розенбаум отправились в Министерство внутренних дел, где последнему была вручена так называемая концессия (разрешение) на право постановки его труппой театральных и концертных представлений по всей территории Польши сроком до 31 декабря 1925

года. Разрешение это было выдано на настоящее имя импрессарио – «Эдвард де Розенбаум (театральный псевдоним – Эдвард Ружицкий)». Что же касается тайного псевдонима агента тайной полиции, присвоенного Розенбауму еще раньше, то он был оставлен прежним – «Антоний Ружа».

На следующий день Розенбаум выехал для организации спектаклей в Слоним, а Корвин-Пиотровский – к себе в Новоградок. Импрессарио постепенно втягивался в свою профессию. Для того чтобы расклеивать театральные афиши по городу необходимо было иметь на них печать «Союза военных инвалидов», за что необходимо было платить властям (в зависимости от размеров афиши) от 25 до 30 грошей. Улаживая эту формальность в слонимском «Союзе», Розенбаум услышал от его председателя (поручика польской армии в отставке), как бы между прочим, следующее суждение: «У нас и без ваших кацапов довольно большевиков; здесь все еврейство только и мечтает о России...». Ввиду такого оборота дела Розенбаум не мог не задержаться у председателя «Союза военных инвалидов», продолжив с ним тему о русофильских настроениях среди местного населения. В ходе беседы двух «польских патриотов» выяснилось, что центром таких прорусских настроений является в Слониме «Русское Благотворительное общество» (РБО)¹⁴, председателем которого был бывший уездный инженер Михаил Кареев, проживающий по улице Костюшко, 6.

Узнав об этом, Розенбаум отдал афиши для расклейки желающим подработать инвалидам, а сам тотчас же отправился по указанному адресу. Инженер Кареев оказался весьма приятным и общительным человеком. Он с удовольствием согласился на рекламирование предстоящих гастролей труппы среди русского населения, добавив при этом, что и местное еврейство во главе с врачом Эфроном посильно поддержит русские спектакли. Вместе с Кареевым тут же был составлен текст приглашения (по-русски и по-польски) на предстоящие в городе гастроли. Он же рекомендовал Розенбауму разместить заказ на их исполнение не где-нибудь, а в частной типографии Арона Гана. Уже там, при выборе шрифта, заказчик познакомился со старшим наборщиком типографии Иосифом Лерманом. Прося его отпечатать приглашения на театральный вечер (в обмен на контрамарки на спектакли для всех

наборщиков), Розенбаум условился, что такой обмен удобнее всего будет устроить в гостинице, где он остановился.

Вечером, часов около 22-х, в номер импрессарио пришел Лерман и принес готовый заказ. В ответ на такую любезность Розенбаум предложил ему выпить с ним в номере чайку и закусить. За чаем зашел разговор о русской драме, актерах труппы, ее репертуаре. Зная о нем из афиши, наборщик заметил, что в Слониме, на его взгляд, труппа будет иметь еще больший успех, если она поставит здесь пьесу «Дни нашей жизни» и драму Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных». Пообещав это пожелание—мнение учесть, Розенбаум поинтересовался истоками познаний Лермана в русской литературе, на что наборщик не без гордости ответил, что он окончил русскую гимназию в Немирове и несколько лет учился в Киевском университете, но «в силу независящих от него обстоятельств вынужден был его оставить и стать типографским рабочим». Получив такой неопределенный ответ, импрессарио не стал развивать его своими вопросами в сторону политики, считав более логичным перенести беседу на эту тему на другое время и этим самым еще больше усилить к себе доверие со стороны собеседника. На следующее утро Розенбаум выехал организовывать гастроли труппы в Зельве и Волковыске, после чего опять возвратился в Новогрудок, где труппа уже заканчивала свои гастроли и собиралась в Барановичи. Забывав к Корвин-Пиотровскому, он в устной форме поделился с ним информацией, почерпнутой в Слониме.

В Барановичах труппа дала 15 спектаклей и имела большой успех у публики. Большую поддержку русскому театру здесь оказывали: председатель «Русского Народного Объединения» (РНО), один из организаторов «Русского общества Молодежи» (РОМ) в Польше – Георгий Моллер (бывший офицер лейб-гвардии Атаманского казачьего полка) и популярный среди местных русских врач доктор Сцепуржинский. В 1930-е годы владелец имения Домашевичи Барановичского повета Г.А.Моллер в качестве члена Предсоборного собрания по организации Всепольского Поместного Собора прославился своими яркими обличительными речами в адрес польских властей за их гонения на православных и русских в Польше¹⁵.

Из Барановичей Розенбаум вместе с труппой вновь возвратился в Слоним. 6 июня 1922 года первым спектаклем здесь шла

пьеса Григория Григоровича «Казнь», как полагали многие – «коронный номер» З.В.Келчевской. В пьесе (скорее, мелодраме) не было никакой политики. В основу ее был положен человеческий конфликт между тягой к деньгам, «красивой жизни» и стремлением жить честно, не изменяя себе. Критики находили в пьесе массу недостатков (нагромождение «страшных эффектов», ходульность и подражательность), однако, несмотря на суждение специалистов, у зрителей пьеса имела успех. Один из критиков писал по поводу пьесы «Казнь» (за 25 лет ее просмотрели около 10 млн. зрителей), что «постановка эта долго будет нравиться публике, потому что она красочно радует глаза, волнует театральным подъемом и трогает благородством простых, но всегда близких массам чувств». И в Пинске, по соображениям Розенбаума, «Казнь» гарантировала будущие успехи труппе.

После упомянутого спектакля группа слонимских любителей русского искусства во главе с инженером Кареевым и доктором Эфроном пригласили Келчевскую, Горяинова и Розенбаума на ужин в лучший местный ресторан. За две недели пребывания труппы в Слониме почти на каждом спектакле ее бывали наборщики типографии Гана, а старший наборщик Лерман с контромарками от Розенбаума не пропустил ни одного ее спектакля. Особенно ему нравились спектакли по пьесам Леонида Андреева. После одного из таких спектаклей импрессарио познакомил Лермана с Горяиновым, другими артистами труппы. Особенно близко Лерман сошелся с артистом Иваном Данько, также бывшим студентом Киевского университета плюс прекрасным комиком и любителем недурно выпить... У Данько часто собирались на выпивку после спектаклей или в дни, свободные от таковых, Розенбаум и Лерман с друзьями. Из содержания разговоров об искусстве, чаще всего переходивших в политические споры, Розенбаум уверенно относил Данько по своим взглядам к социал-революционерам (коммунистов последний страшно не любил), а Лерман (это чувствовалось сразу) больше всего сочувствовал большевикам.

24 июня 1922 года, в день именин Данько, все приглашенные основательно подвыпили, и у публики развязались языки. Лерман, также любивший выпить, вдруг поднялся и провозгласил тост за здоровье дорогого именинника, «представителя искусства свободнейшей в мире страны – России». После небольшой паузы он мно-

гозначительно посмотрел на всех присутствующих и добавил: «Ничего, ничего, друзья, придет время и мы здесь такжеждемся светлых дней». Отвечая на его тост, Данько вежливо поблагодарив за добрые пожелания, вместе с тем заметил, что «в Советской России нет никакой свободы, а есть только большевистский террор по отношению к своему народу, а поэтому ни о каком свободном русском искусстве здесь и говорить не приходится». Такой ответ артиста послужил поводом к более откровенному политическому разговору, в ходе которого Лерман, вероятно, в запальчивости сказал, что «только при коммунистическом обществе может быть достигнута свобода для рабочих и служителей искусства, и наш союз «Свободный Рабочий» в моем лице и моего друга Степанюка ради этой свободы готов на любые жертвы, вплоть до эшафота...».

Вечером следующего дня, после спектакля «Дни нашей жизни», к Ивану Данько, жившему на квартире у сапожника-еврея, пришли Лерман, Степанюк и Розенбаум. Степанюк оказался рабочим с землечерпалки на реке Щара. Из завязавшегося за столом разговора выяснилось, что Степанюк и Лерман как раз и являются организаторами слонимской ячейки «Свободного Рабочего», насчитывавшей в то время около сотни человек.

Последний гастрольный спектакль в Слониме состоялся 28 июня 1922 года, после чего вся труппа отправилась на шесть спектаклей в Зельву. После размещения здесь труппы Розенбаум, с согласия ее директора Горяинова, выехал в Новогрудок для организации предстоящих гастролей в других городах Гродненщины. Здесь у него состоялась продолжительная встреча с шефом политической полиции, в ходе которой Корвин-Пиотровский отметил, что Розенбаум «своим слонимским раскрытием значительно расширил нашу информированность о столь трудно уязвимой для нас организации на крэсах, как «Свободный Рабочий». В знак благодарности за полученную информацию шеф полиции вручил импресарио вознаграждение в сумме 300 злотых. Злотые в это время только-только входили в оборот, и эта сумма показалась агенту вполне достойной. В заключение встречи Корвин-Пиотровский дал Розенбауму исчерпывающие инструкции по дальнейшему раскрытию ячеек «Свободного Рабочего» в других местах с учетом графика гастролей труппы, а что касается таковых в Слониме, то он заметил, что пока решено воздержаться от ареста ее организаторов,

поручив за ними строгий надзор, «что, надо надеяться, приведет к раскрытию всей этой большевистской организации».

Почти весь июль русская труппа провела на отдыхе в Волковыске. Это время использовалось артистами также для репетирования новых постановок театрального репертуара. В августе-сентябре труппа давала гастроли в Лиде и Вильно. Для Розенбаума это время было практически безрезультативным, и только в Гродно, где спектакли начались в октябре, ему удалось напасть на след наиболее крупной организации «Свободный Рабочий». Об ее ячейках на табачной фабрике Шерешевского и в типографии Лапина агент узнал, как это часто бывает, совершенно случайно. Как-то в антракте одного из гастрольных спектаклей в Гродненском городском театре Розенбаум повстречал своих давних приятелей: офицера русского флота, а затем чиновника магистрата Яна Петкевича и гродненского землевладельца Анатолия Матушинского, бывшего офицера 1-го уланского Креховецкого полка, уже находившегося в запасе. Обрадовались друг другу, выпили в буфете по рюмке перцовки, разговорились... Розенбаум пожаловался на обременительность для труппы и для него лично городского налога на спектакли и театральной аренды, доходивших иногда до четверти их заработка. Первым вызвался помочь актерам Матушинский, который пообещал Розенбауму познакомить его с лавником (хозяйственным чиновником) магистратуры Энштейном, в чьем ведении находились театральные налоги, а Петкевич в свою очередь взялся ходатайствовать за труппу у президента города Рогалевича. В итоге в течение двух-трех дней налог на труппу с 25 процентов был уменьшен до 10. Дирекция труппы и актеры после этого не знали, как уж и благодарить импрессарио.

У кабинета лавника Энштейна Розенбаум познакомился с таким же, как и он, просителем – мастером табачной фабрики Шерешевского Мордухаем Цейтнером. Последний, узнав, что перед ними импрессарио труппы Горяинова, попросил у Розенбаума дать ему для рабочих его фабрики хотя бы несколько контрамарок. Тот, недолго думая, дал ему их шесть штук (без указания имени) для рабочих и одну именную на две osoby (на Цейтнера). С этой поры мастер со своей женой стал бывать почти на каждом спектакле труппы, Так Розенбаум познакомился с супружеской четой Цейтнеров еще ближе.

В тот день шла пьеса «Павел I». Во время одного из антрактов галантный импрессарио пригласил Цейтнера с женой в буфет на рюмку водки, потом постепенно разговор пошел о пьесе, в ходе чего мастер стал жаловаться на то, что мизерный заработок делает для них недоступным не только театр, но и кино, и что он очень благодарен за себя и рабочих за выданные им импрессарио контрамарки. Этот разговор послужил поводом к тому, что отзывчивый Розенбаум стал расспрашивать фабричного мастера об условиях работы на фабрике и при этом выразил надежду, что «при монополизации табачного производства (в сейме в то время как раз обсуждался вопрос об этом – В.Ч.) условия их работы, несомненно, улучшатся и нещадная эксплуатация фабрикантами рабочих будет ослаблена». Разговор этот был мимолетным, а так как начинался третий акт, то любезный собеседник выразил лишь сожаление, что начатый разговор нельзя продолжить. После спектакля Розенбаум пригласил супругов вместе с ним поужинать и немного поболтать. Цейтнер тотчас же указал импрессарио на ближайший еврейский ресторан – кухмистерскую. Выразила удовлетворение по поводу принятого решения и миловидная его жена, сказавшая, что «ресторан этот, хотя и не первоклассный в Гродно, но фиш (фаршированная рыба, любимое еврейское блюдо – В.Ч.) готовится здесь замечательно». Розенбаум охотно поддакнул, вспомнив, что «фаршированная шука по-еврейски – это самая прекрасная закуска под русскую водку», заслужив этими словами уже полную симпатию со стороны супругов. Насколько глава семейства походил на интеллигента, настолько жена его была проста и непосредственна. Он был в возрасте 30–35 лет, а она 27–30-ти. Оба хорошо владели русским и польским языками, но друг к другу обращались по-еврейски и каждый раз извинялись за это перед Розенбаумом, на что тот вполне искренне отвечал: «Говорите, говорите. Я владею немецким языком, и если вы будете говорить не спеша, то и я все пойму». И в доказательство этого, ломая немецкий язык, сказал по-еврейски, на жаргоне, которому научился еще в Пинске от своего квартирного хозяина Абрама Арбуза, несколько самых простых фраз. Это произвело на супругов самое приятное впечатление, а после выпитой рюмки разговор пошел совсем легко. Затронув вопрос о положении евреев в Польше, Розенбаум с целью укрепить к себе еще большее доверие, стал выражать суп-

ругам свое полное сочувствие в их горьких сетованиях на жизнь, постепенно превращаясь в их глазах в настоящего юдофила. В результате это привело к тому, что Цейтнер, внезапно нахмутив свои лохматые брови, с негодованием произнес: «Евреи, к сожалению равноправны сегодня только в Советской России и отчасти в Палестине. В Америке же, хотя по закону мы и равноправны вместе с другими людьми, но и там бедняка-еврея душит проклятый капитал». Не желая сразу напирать на интересующий агента вопрос, он умело перевел разговор на общие темы, полагая более правильным отложить кульминацию его на более благоприятный случай. На прощание госпожа Цейтнер, мило улыбаясь импрессарию, сказала: «Послезавтра суббота, и если вы не побрезгуете, то приходите к нам в 12 часов дня на кухэн и цимес. Наш адрес: Школьная, 12, квартира 3». Розенбаум пообещал прийти, но при условии, если хозяйка разрешит ему принести с собой выпивку. Эти слова были произнесены с таким гусарским выражением лица, которому могли бы позавидовать многие актеры труппы. Контакт с Цейтнерами был установлен.

На следующий день агент-импрессарию отправил Корвин-Питровскому зашифрованное донесение: «Иду по следу. Срочно высылайте деньги на текущие расходы. Антоний Ружа. Адрес: Гродно, гостиница «Империял». А в субботу к назначенному времени Розенбаум в хорошем настроении отправился к своим новым знакомым, прихватив с собой две бутылки виноградной пейзаховой водки и бутылку ликера «Балевский». В доме у Цейтнеров Розенбаум застал одну хозяйку. По ее словам, муж вот-вот должен был вернуться. И действительно, минут через десять домой пришел Цейтнер с двумя своими приятелями: Либерманом и Лейзеровичем. Оба они были одного возраста с хозяином дома и, как потом оказалось, работали граверами в частной типографии Лапина. Хозяйка тотчас же позвала всех к столу, который накрыла, как в праздники, посредине комнаты и вскоре поставила на него фаршированную рыбу. Розенбаум достал спиртное.

Завязался общий разговор, незаметно перешедший на рабочий и еврейский вопросы. Из сказанного за столом у агента сложилось твердое мнение, что все его собеседники – в душе коммунисты, но, тем не менее, в интересах дела выразил им свое полное сочувствие, вручив новоприбывшим по контрамарке на две osoby,

с надписью на каждой «для рабочих типографии Лапина». Новым знакомым это очень пришлось по душе, а Цейтнер сразу стал расхваливать русскую труппу. Но тут поднялась хозяйка и сказала, обращаясь к Розенбауму: «А теперь я вас угощу нашим традиционным кухэном и цимесом». И с этими словами пошла на кухню. На нею последовал Либерман, и до агента долетела фраза, сказанная им там на жаргоне: «Он, мне кажется, хороший малый, как я еврей», и ответ хозяйки: «Этот человек с большим сердцем для нас, евреев». Через пару минут они вернулись в комнату, и жена Цейтнера поставила на стол обещанные кухэн и цимес – вкуснейшее блюдо со сладкой морковью. С удовольствием отведав его, Розенбаум взял бутылку пейсаховки, налил каждому по рюмке и провозгласил тост: «За здоровье милых хозяев и за лучшую долю гродненских рабочих». Здравница была с восторгом подхвачена, после чего к ее автору подошел Лейзерович, и протягивая руку сказал: «Если бы таких, как вы, было бы среди гоев (т.е. христиан – В.Ч.) больше, то жизнь евреев в Польше была иная. Но все равно, что бы ни случилось, жизнь евреев и всего рабочего класса здесь вскоре изменится к лучшему, и мы еще покажем нашу силу и единение. Да здравствует союз свободных рабочих!». Розенбаум снова налил в рюмки пейсаховки и, сочувствуя только что сказанному, произнес: «Это подлинное единение, когда несть ни эллинов, ни иудеев». И добавил: «Так выпьем за Свободу!». Все осушили рюмки и стали прощаться. Первым откланялся импрессарио, сославшись на то, что ему нужно к шести вечера открывать театральную кассу. На прощание он сказал: «Надеюсь всех вас видеть сегодня на спектакле. Будет знаменитая пьеса по Леониду Андрееву – «Расказ о семи повешенных». Все пообещали быть, и Розенбаум ушел.

Вечером, как и было обещано, в театр пришли все владельцы контромарок, а после окончания спектакля по приглашению Розенбаума супруги Цейтнер, Либерман и Лейзерович дружно пошли в ресторан-кухмистерскую, где отдельный кабинет предусмотрительно был уже заказан импрессарио. Вначале разговор шел о пьесе, которая новым знакомым «сильно понравилась», затем Розенбаум перевел его на тему о положении рабочих, которым, как заметил он вскользь, «несомненно, следует организовываться в союзы». На это Либерман, тоном неслучайного в этом деле человека, ответил: «Легко сказать – организовать: легальные профсою-

зы ничего рабочему не дают, а независимость от произвола владельца грозит увольнением; сейчас же на место одного уволенного можно найти десяток желающих трудиться за бесценок. Думаю, что необходимо переустраивать весь государственный аппарат на социалистический лад, а для этого необходим подходящий момент, и к нему надо готовиться в кружках «Свободного Рабочего» – организации, центр которой находится в Лодзи. Эта организация выступает в поддержку не только промышленных рабочих, но и всех людей труда». «Вот возьмем вашу труппу, – сказал Либерман, обратившись к Розенбауму, – сегодня у вас сбор был хороший, а львиная доля дохода все равно попадет в карман директора. Не так ли?». И тут уже импрессарио самому пришлось рассказать об организации театрального дела, его трудностях, о нищенских заработках актеров. Цейтнер и Лейзерович со своими репликами тоже участвовали в разговоре, и только раздумываясь молодая жена Цейтнера думала с улыбкой о чем-то своем. В этот момент Розенбаум достал портмоне, вынул 25 злотых и передал их Либерману со словами: «Дорогой товарищ Либерман, примите от меня посильную лепту на организацию «Свободный Рабочий». Эта сумма небольшая, но в данное время она для меня все же нечто представляет». Последний принял эти деньги и серьезно спросил: «Даете ли вы это только как единовременную помощь, или вас можно считать нашим членом? Тогда я это дело оформлю?». Розенбаум попросил считать себя членом организации и вместо настоящего имени назвал свой театральный псевдоним – Эдвард Ружицкий. Все заплодировали.

Такой поворот встречи вызвал необычайный подъем у всех присутствующих, вследствие чего Цейтнер высказал пожелание «познакомить товарища Ружицкого с нашим комитетом и официально ввести его в члены нашей ячейки». Либерман поддержал это предложение, и тут же нашли поручителей (рекомендующих) – Лейзеровича и Розу Цейтнер, работавшую сортировщицей в упаковочном цехе фабрики Шерешевского. В тот же вечер Розенбауму удалось узнать, что все присутствующие – члены КРПП (Коммунистической рабочей партии Польши), а также что «Свободный Рабочий» – это ее «воспитательная организация, или школа политической борьбы». Назывались тогда и имена ее гродненских руководителей – Антония Александровича и Шмуэля Шклярского.

Оказалось, что секретарем местной ячейки был Лев Либерман. Около половины второго ночи стали расходиться. По настойчивому требованию товарищей расчет за ужин предлагалось сделать по-немецки, т.е. в равных долях, но «товарищ Ружицкий» с этим не согласился, мотивируя свое решение расплатиться за всех тем обстоятельством, что сам был инициатором этой встречи. «Ну а в следующий раз, друзья, – говорил он, – я совсем не против немецкого счета».

Днем позже в театр зашел довольный Цейтнер и сказал Розенбауму, что заседание комитета ячейки состоится завтра, в 19 часов, и что он за полчаса до этого зайдет за ним. 17 октября, ближе к вечеру, импрессарио заявил директору труппы Горяинову, что по случаю сильной головной боли на спектакле он присутствовать не будет, а пойдет к себе прилечь, и если ему полегчает, то к приему кассы он вернется, а пока просил свои обязанности на контроле возложить на свободного в этот день актера Курганова, с которым такая договоренность уже была. Директор не стал возражать.

Когда Розенбаум и Цейтнер пришли во флигель на Артиллерийской улице, 7, члены комитета «Свободного Рабочего» уже все были в сборе. Здесь вступающему сразу же дали подписать декларацию (заявление), подписи поручителей на ней уже были. Заседание по очереди вели Александрович и Шклярковский. На повестке дня были традиционные вопросы: прием в члены организации, текущие дела, отчет о работе за первую половину октября, связь с центром и разное. Среди находившихся на заседании десяти членов комитета трое были поляками, а семь – евреями. Когда дошла очередь до Розенбаума, ему предложили рассказать свою автобиографию, что он кратенько и сделал от имени многолетнего работника театра Ружицкого. Вопрос об избрании решался закрытым голосованием. После оглашения результатов баллотировки оказалось, что он прошел семью голосами «за», двумя – «против» и при одном воздержавшемся. Так Розенбаум стал членом гродненской ячейки «Свободного Рабочего».

Около десяти часов вечера собрание было закрыто. Новоизбранный член ячейки сразу же направился в театр к приему кассы, а Цейтнер пожелал посмотреть хотя бы последний акт пьесы. Шла «Ревность» Михаила Петровича Арцыбашева. По-видимому, Розенбаум находился после собрания в состоянии некоторого волнения,

ибо кассирша заметила, что он не совсем в себе: «Что вы такой красный, как будто в огне, вы, верно, нездоровы?». Тот же в ответ лишь буркнул, что плохо себя чувствует, и стал принимать кассу. После спектакля в кассу заглянул Цейтнер и предложил Розенбауму зайти к нему домой, попить чаю. Он охотно согласился. Посидели, попили чайку, поговорили на общие темы и через полтора часа разошлись. Импрессарио сразу направился в гостиницу. Он действительно чувствовал себя скверно после пережитого дня, а потому написание своего очередного рапорта Корвин-Пиотровскому отложил на завтра.

Утро 18 октября ушло у Розенбаума на составление подробного зашифрованного рапорта о своей работе в Гродно. После отправки его экспресс-почтой он походил по городу, а потом пошел в театр. Здесь вечером Розенбаум опять встретился с Цейтнерами и во время антракта поделился с ними сообщением, что впереди у него два дня отдыха в связи с отъездом части труппы в Сокулку. Цейтнер в ответ на это предложил побывать завтра на табачной фабрике, ознакомиться с производством и условиями труда рабочих. Судя по всему, организовать эту экскурсию старшему мастеру фабрики было не столь уж и сложно. Увиденное на фабрике (здесь они пробыли около часа) превзошло по своему ужасу все ожидания импрессарио. Рабочие здесь действительно бедствовали¹⁶. Вечером привычная компания решила собраться у Цейтнеров. Когда в назначенное время Розенбаум вошел в дом, Либерман и Лейзерович там уже лениво перебрасывались в карты. Поприветствовав их, импрессарио, отталкиваясь от свежих фабричных впечатлений, глубокомысленно заметил, что теперь он начинает понимать, почему среди членов комитета местной ячейки большинство – евреи; на табачке работали, прежде всего, они. На это откликнулся Лейзерович, заметивший, что «в Гродно вообще на фабриках евреев больше, чем христиан. Но это не значит, что это везде так. К примеру, в Чарной Вси, что по линии железной дороги Гродно – Белосток, на лесопильных предприятиях евреев нет совсем, но и там рабочие поддерживают организацию «Свободный Рабочий». А ячейку на лесопилке возглавляет потомственный польский рабочий Кароль Котлярчик». Для Розенбаума эта реплика была не пустым звуком.

Далее разговор пошел о путях пополнения фонда материальных и других средств, с помощью которого ячейка привлекала на свою сторону людей. Либерман объяснил, что в этой работе «Свободный Рабочий» прикрывается легальной рабочей организацией «Союз промышленных рабочих» и ее культурно-развлекательной секцией. «В этой секции,— объяснял он, — исключительно члены нашей ячейки. Они устраивают на фабрике танцы, любительские спектакли, концерты, а получаемые доходы идут на нужды нужных нам рабочих». Свои разъяснения Либерман закончил просьбой к Розенбауму: уговорить директора труппы А.Н.Горяинова часть сборов от благотворительного спектакля передавать в фонд культурной секции. Импрессарио, естественно, согласился, увидев в этом возможность больше узнать о том, как удастся ячейке удерживать фабричных рабочих в поле своего влияния.

Последующие переговоры и встречи администрации труппы с рабочими, организация благотворительного вечера с постановкой «Ревизора» Н.В.Гоголя обеспечили перечисление в рабочий фонд ячейки небольшого количества средств, но организатор этой акции Розенбаум добился значительно большего, ибо ему стали известны имена других активистов «Свободного Рабочего» в Гродно: рабочие типографии Лапина Люциан Лисовский, Владислав Змигородский, Анатолий Радомский, а также табачницы – Лея Липнер, Соня Серебрянная, Эля Эленбоген, Шейна Шредер, Габриэля Гольмонтович, Сузанна Зелинская, Елена Янковская, Екатерина Кетрик.

1 ноября, после успешно проведенного благотворительного вечера, устроители его пригласили Горяинова, Келчевскую., актеров Воронцевича, Ивасева, а также Розенбаума на прощальный ужин. На нем было высказано немало приятных слов в адрес русской труппы, все благодарили и ее передового (импрессарио). 2 ноября 1922 года он отправился дневным поездом в Белосток; труппа же должна была выехать туда же на следующий день. Приехав в Белосток, Розенбаум остановился в лучшей городской гостинице «Рыца», где два дня «отдыхал так, как мог»: пил и гулял. Спектакли русской труппы начались 4 ноября, а 5-го он получил телеграмму от Корвин-Пиотровского: «Встречай седьмого курьерский Евгений».

Действительно, 7 ноября прибыл курьерским из Варшавы Корвин-Пиотровский. Был он в непривычном для Розенбаума штатском

платье и хорошем настроении. Сразу же поехали в «Рыцу». Комната Розенбаума находилась на четвертом этаже, а шефа полиции – на втором. Так как время было обеденное, Корвин-Пиотровский приказал прислуге подать в его номер обед на две персоны. Когда обед был подан и лакей ушел, он сказал, обращаясь к Розенбауму: «Выкладывай, друже, что у тебя сделано». Тот изложил все, что посчитал наиболее важным, но в конце признался, что письменном рапорте свежие события пока еще не освещены. «Все равно, молодец, а рапорт чтобы был утром готов, так как завтра я еду курьерским обратно в Варшаву. А теперь давай подкрепимся», – сказал шеф полиции, и оба с аппетитом принялись обедать. В ходе обеда Корвин-Пиотровский поинтересовался тем, как его друг-агент смотрит на свои дальнейшие действия в Гродно, и в ответ услышал следующее: «Я хотел бы пока оставить всех членов гродненской ячейки в покое, так как надеюсь с их помощью дойти до «клубка», т.е. до их центра в Лодзи. Но с нынешней труппой мне, вероятно, лучше расстаться, а взяться следует за «Музыкальные эскизы», которые сейчас под дирекцией Петра Леонидовича Зелинского и Ольги Александровны Стрельской с большим успехом ставятся в Вильно. Насколько я знаю, они ищут администратора-импрессарио с готовой концессией. Затем же, глядя по обстоятельствам, можно будет взяться за представления «Польского опереточного состава» или «Оперы» с Грушинским во главе, в чем мне поможет Варшавское гастрольное бюро Бронислава Иодко-Наркевича. А дальше видно будет». Это заглядывание наперед не вызвало у шефа возражений.

На следующий день, утром, Розенбаум был представлен Корвин-Пиотровским начальнику Белостокской воеводской политполиции полковнику Демб-Бернацкому в качестве своего ближайшего сотрудника. Затем друзья поехали на вокзал, так как поезд шефа Новогрудской воеводской политполиции отходил на Варшаву в 12 часов 45 минут пополудни. 10 ноября Розенбаум получил вечером из столицы от Корвин-Пиотровского телеграмму: «Немедленно приезжай Варшаву. Бристоль 31. Евгений». По приезду Розенбаум остановился у своей двоюродной сестры Марии Змиевской, а затем, не мешкая, направился в гостиницу «Бристоль», в номер шефа. Корвин-Пиотровский встретил его словами: «Я тебя вызвал по приказу начальника Главного управления полиции генерала Розва-

довского. Сегодня, как ты знаешь, «День Независимости». Не знаю, примет ли нас генерал сегодня. В два часа он должен быть на Мокотовском поле, где маршал Пилсудский будет производить смотр войск. На всякий случай я позвоню в бюро Главного управления». С этими словами он подошел к аппарату, но оттуда ответили, что «сегодня у генерала приема не будет». Таким образом, друзьям пришлось ждать завтрашнего дня. Чтобы не скучать, условились встретиться вечером на оперетке и разошлись. Этот варшавский вечер прошел достаточно скучно.

12 ноября 1922 года к 10 часам оба прибыли в Главное управление полиции. Генерала еще не было, и они стали ожидать его в приемной. Около 11 часов генерал стремительно прошел в свой кабинет, после чего ожидавших его тотчас же к нему пригласили. Генерал Розвадовский поздоровался за руку с приглашенными, предложил им усаживаться поудобнее, одновременно предлагая портсигар с папиросами. Выслушав краткую и деловую информацию Корвин-Пиотровского, а затем подробный отчет со всеми деталями Розенбаума, генерал, уточнив все моменты их видения состояния дел в Гродно, пришел к заключению: «Господа, с учетом ваших пожеланий, я дам распоряжение о тайной слежке за «Свободным Рабочим» в Гродно как со стороны городской политической полиции, так и воеводской в Белостоке». «А вы, – добавил он, обращаясь к Розенбауму, – действуйте в соответствии с вашими планами и оставайтесь по-прежнему в ведении полковника Корвин-Пиотровского». Поблагодарив обоих пожатием руки, генерал вручил агенту в качестве вознаграждения чек для получения в кассе управления 500 злотых. Из Варшавы домой Корвин-Пиотровский и Розенбаум возвращались вместе, в одном купе. В 4 часа ночи Розенбаум сошел с поезда в Белостоке, а шеф полиции поехал дальше.

В последних числах ноября Розенбаум закончил свою работу в русской драматической труппе А.Н.Горяинова и З.В.Келчевской, а в начале декабря, получив окончательный расчет, выехал в Вильно для встреч и переговоров с руководителями ансамбля русской оперетки и музыкальных эскизов Петром Леонидовичем Зелинским и Ольгой Александровной Строльской. Ансамбль этот в то время успешно работал в Вильно, имея контракт с лучшим в городе театром-кино «Гелиос», владельцами которого были А.Бороздин и

Л.Крупич. Старый контракт заканчивался 15 декабря, и с этого времени, как было ранее договорено, Розенбаум должен был вступить в должность импрессарио нового ансамбля.

По дороге в Вильно Розенбаум заехал в Новогрудок к Корвин-Пиотровскому, при этом доложив ему, что за время пребывания в Белостоке им практически ничего не сделано, а также что он оставил русскую драму Горяинова, и сейчас едет принимать русский ансамбль Зелинского и Строльской, рассчитывая в дальнейшем с ними продолжить работу в восточных воеводствах Польши. Выслушав агента, шеф сосредоточил его внимание на том, чтобы разрабатываемый Розенбаумом маршрут гастролей затрагивал именно те города, где у него уже есть контакты с членами организации «Свободный Рабочий», мотивируя это тем, что «птички еще летают, но попасть в клетку они должны до того, как наберутся сил; упустишь момент, и справиться с ними будет сложно». Далее полковник сказал следующее: «Эдвард, в своих расходах, сопряженных с работой, ты сильно не зажимайся. Будут деньги на исходе, телеграфируй мне, и я немедленно переведу тебе нужную сумму. Приготовь мне к вечеру предполагаемый маршрут, мы его вместе обсудим, а завтра с дневным поездом ты сможешь ехать в Вильно. До станции Новоельня я дам тебе свою машину, так как узкоколейка зимой ненадежна. Итак, жду тебя вечером у себя дома с готовым планом маршрута».

Приготовив маршрут гастролей на 1923 год и составив объяснительную записку к нему, Розенбаум вечером отправился на квартиру к Корвин-Пиотровскому. Здесь оба пришли к окончательному утверждению плана сотрудничества на перспективу. После этого полковник дал своему агенту-импрессарио следующие указания: «1) в главных направлениях действовать в соответствии со старой инструкцией; 2) по приезде в Вильно откорректировать с Зелинским маршрут гастролей (с указанием сроков пребывания в каждом городе); 3) сообщить в Новогрудок о составе ансамбля Зелинского на фирменном бланке с подписями директора и импрессарио с тем, чтобы оказать содействие агенту при каждой регистрации паспортов артистов в воеводствах (шеф брал на себя улаживание этого вопроса в Главном управлении полиции – В.Ч.). Против фамилии каждого артиста должен быть указан документ, по которому он проживает в Польше (в то время для русских эмигрантов такими

видами на жительство могли быть: нансеновский паспорт, 6-месячная карта пребывания и так называемая карта азилия, т.е.гостевая. Последняя, как и нансеновский паспорт, были документами бессрочными); 4) следить за настроениями актеров и публики; 5) наблюдать при заказе афиш и других рекламных материалов, не печатаются ли в этих типографиях антигосударственные издания; 6) отчет о расходовании средств за 1922 год сдать к 5 января 1923 года».

В Вильно Розенбаум сделал в течение двух дней все, что требовалось от него инструкцией. В маршрут гастролей, согласованный и уточненный с директором ансамбля, попали следующие города: Пинск, Несвиж, Новогрудок, Барановичи, Сарны, Костополь, Ровно, Кременец, Дубно, Луцк, Ковель, Брест, Белосток, Волковыск, Слоним, Лида, Гродно. Этот маршрут (вместе со списком состава труппы и уведомлением о выезде в Пинск) был оперативно отправлен шефу.

Устроив в Пинске в течение двух дней предстоящие здесь гастроли, Розенбаум решил навестить места своей былой службы. Тянуло его туда, разумеется, не стремление повидаться с сослуживцами, а прежде всего потребность разузнать, как там обретаются его бывшие компаньоны и можно ли будет на них в своих делах рассчитывать. На свое счастье, он сразу же встретился в порту с инженером-капитаном Шульцем и от него узнал, что токари Вальден и Лясота продолжают работать у него в мастерских, а Шиманский откомандирован в Брест на работы в крепостные артиллерийские мастерские.

Вечером Розенбаум отправился на квартиру к Вальдену и от него узнал следующее: в Пинске после его отъезда были арестованы среди рабочих Пинской флотилии, спичечной и фанерной фабрик около 50 человек¹⁷. Конечно, отдельные оставшиеся на свободе активисты потихоньку ведут организационную работу, но их раздва и обчелся. Самый яркий из них – это рабочий со спичечной фабрики Арон Грицмахер. В тот же день увидеть Лясоту Розенбауму не удалось, ибо он после операции слепой кишки лежал в местной больнице.

От Вольдена Розенбаум пошел поужинать в «Клуб охотника», где застал своих старых знакомых: Болеслава Скимунта, городского старосту Томашевича, судью Фальковского, доктора Рымше-

вича, коменданта Яцынича и др. Здесь в приятном общении он пробыл около трех часов и когда собрался уже уходить, то Яцынич весьма любезно спросил у него: «Где вы остановились?». И когда Розенбаум ответил, что остановился он на Портовой улице, в доме своего бывшего сослуживца капитана Суходольского, то комендант сказал: «Так значит нам по дороге». Вместе они прошли совсем немного, но этого расстояния вполне хватило, чтобы Розенбауму пришлось принять предложение Яцынича отобедать у него завтра в домашней обстановке.

В назначенное время агент уже был на квартире коменданта пинской полиции. В ожидании обеда в своем домашнем кабинете Яцынич завел разговор с Розенбаумом о необходимости сближения их усилий в деле искоренения «революционной заразы» в городе: «После вашего отъезда нам удалось расширить представления о реальной деятельности местной организации «Свободный Рабочий», были произведены новые аресты, и мы продолжаем работу в заданном направлении, выявляя в среде пропагандистов, преимущественно евреев. По всему видно, что Москва не жалеет средств на пропаганду и посылку сюда своих эмиссаров. Идея о всемирной пролетарской революции витает над нашими заводами и фабриками, а у нас с жидами цацкаются. Последние же массы под видом реэмигрантов, как уроженцы Польши, все прибывают и прибывают к нам; не понимаю, зачем только пускают сюда эту заразу? Когда увидите с Корвин-Пиотровским, передавайте ему привет, возможно, я еще обращусь к вам за помощью. А теперь идем обедать». За обедом в присутствии супруги коменданта служебных разговоров не велось. После обеда коллеги расстались. Вечером, уладив все вопросы, связанные с предварительной рекламой и прибытием в Пинск «Русской оперетки и музыкальных эскизов», администратор-импрессарио выехал в Несвиж.

Несвиж – городок небольшой, промышленности никакой, но и его труппе нельзя было миновать. Устроив здесь все театральные дела сразу же в день приезда, Розенбаум ночным поездом выехал в Барановичи, чтобы поставить этот городишко на очередь перед Новогрудком. В местной типографии Рубинштейна, заказывая рекламации, он познакомился с ее наборщиками и печатниками (так, на всякий случай) и утром выехал в Новогрудок. У Корвин-Пиотровского их непродолжительный служебный разговор был сведен

к следующему: 1) «Пинск в политическом значении не трогать, так как там уже действует политполиция; 2) в Бресте встретиться с Шиманским и, в зависимости от сведений, полученных от него, войти в контакт с полковником Табачинским во II отделе; 3) маршрут менять только сообразно с продвижением успеха дела; 4) в Слониме обязательно связаться с Лерманом и Степанюком, предварительно предупредив начальника местной политполиции майора Тадеуша Добружинского». Уточнив некоторые детали этого задания, Корвин-Пиотровский на своей служебной машине довез агента до станции Новоельня для его дальнейшего следования поездом в Слоним.

Майор Добружинский проявил к Розенбауму как агенту варшавского уровня максимум внимания и пообещал последнему, что в своей работе он не встретит никаких неприятностей со стороны местных агентов: «Это – моя забота». Прощаясь, он попросил театрального деятеля о результатах своих встреч с Лерманом и Степанюком его уведомить. Зайдя в типографию, Розенбаум заказал анонс-рекламу о скором прибытии в город «Русской оперетки и музыкальных эскизов». При этом, выбирая образцы их и шрифт, он заговорщически шепнул Лерману, все время находящемуся рядом, о своем желании увидеться вечером с ним и Степанюком. Договорились, что они придут в центральную гостиницу, в номер импрессарию к 19 часам. Оба пришли туда без опоздания. Вначале разговор не клеился, полгода отчуждения сделали свое дело, усилив настороженность и неловкость, но звон рюмок и бульканье спиртного постепенно расшевелили собеседников. Вначале заговорили о том, где играла и играет русская труппа Горяинова и Келчевской и насколько успешно она гастролирует. Это позволило Розенбауму перевести разговор на тему о гродненских гастролях труппы. При этом он не преминул упомянуть о своих знакомствах с членами «Свободного Рабочего», о своей помощи ее фонду, показав письменную благодарность от рабочих за организацию в их пользу спектаклей. Говоря об этом и одновременно подливая водку в рюмки собеседникам, Розенбаум небезуспешно вызвал всю компанию на откровенность, а когда в ходе завязавшегося разговора он упомянул Цейтнера, Лейзеровича, Лисовского, Липнер и Котлярчика, то и Лерман и Степанюк в один голос сказали: «Да ведь вы знаете всех наших главных деятелей на крэсах». Тогда импрессарию был как бы вынужден раскрыться полностью, сооб-

щив, озираясь по сторонам, что он сам является членом гродненской ячейки этой организации. С этого момента к Розенбауму со стороны его собеседников установилось полное доверие, вследствие чего Лерман и Степанюк признали, что хотя в Слониме эта организация и насчитывает около двухсот человек, но в материальном отношении она крайне слаба, а это сдерживает распространение ее влияния среди рабочих. Центральное же бюро в Лодзи, хотя в исключительных случаях и поддерживает организацию денежными средствами, но их поступает настолько мало, что даже о частичном удовлетворении нужд рабочих не может быть и речи: «Вот, к примеру, в октябре приезжал к нам из Лодзи член Центрального бюро (старший мастер по окраске тканей с фабрики Шайблера и Гросмана в Лодзи) товарищ Митгальштейн, у нас было общее собрание комитета, кое-что мы от него на агитационные нужды получили, а так доходов не имеем никаких».

В ответ на это Розенбаум с выражением крайнего удивления на лице недоуменно заметил: «Вы, вероятно, не видите, что вместе с нелегальной работой можно находить выход и там, где это вполне дозволяется властями. В Гродно, например, под прикрытием официального профсоюза действует культурно-развлекательная секция, сплошь состоящая из членов «Свободного Рабочего». Они устраивают самые разные местные увеселительные мероприятия, благотворительные спектакли, и это идет на нужды самых обездоленных людей». Услышав такие откровения, Лерман с чувством задетого самолюбия отметил: «В Гродно, вероятно, другая экономическая ситуация. Там более развитая промышленность, а потому и рабочие более сознательные. У нас же при проведении пропаганды надо постоянно быть начеку: есть такие рабочие, которые за золотушку готовы продать с головой и ногами каждого доброхота». Степанюк к сказанному добавил: «Люди у нас настолько запуганы, даже из числа членов организации, что зачастую не знаешь, с какой стороны к ним подойти. Большинство из них – местные белорусы, а они прекрасно помнят, какие репрессии обрушились на их головы, когда кое-кто из числа деятелей так называемого белорусского движения задумали организовать свой ресторан с игрой в лото, доходы от которого предназначались для беднейшего белорусского населения. Просуществовало это благотворительное заведение где-то полгода, а потом, несмотря на свою внешнюю

лояльность и доходность, было властями закрыто. Организаторы заведения были арестованы, и о их судьбе никому до сих пор неизвестно». После небольшой паузы разговор был продолжен.

«Сейчас у нас на водном транспорте есть отдельные рабочие, заслуживающие внимания со стороны организации, но их не более 10–15 человек», – заметил Степанюк – «А у нас в типографии, – добавил Лерман, – сознательных рабочих также человек десять, но из них лишь трое – поляки, да и те так обременены семьями, что в партийный фонд от них ничего не получишь». При этом Степанюк и Лерман назвали еще около десятка фамилий, которые Розенбаум стремился накрепко запечатлеть в своей памяти. «В среде железнодорожников нам очень помогает Кароль Квятковский, а среди ремесленников–единоличников сапожник Борух Брехман, но в целом приходится в основном нам тащить этот воз», – почти в один голос заявили Лерман и Степанюк.

Кончалась закуска, и Розенбаум хотел послать гостиничного лакея за новой, но друзья-рабочие дружно запротестовали, мотивируя свое «нет-нет» тем, что уже поздно и они должны идти. На прощание «рабочий от театра» вручил Лерману две десятизлотовки (банкнотами), сказав, что это от него и его «легкой руки» слонимской организации трудящихся. Прощаясь, все изо всей силы жали друг другу руки, как бы стремясь заверить самих себя в ценности совместно проведенного вечера. Уже в коридоре Розенбаум вдруг вспомнил, что он прежде всего импрессарио, а все остальное потом, и потому как никогда убедительно стал просить Лермана не подвести его с афишами, чтобы дать их во время для расклейки активистам общества инвалидов. Лерман пообещал все сделать так, как надо.

Сразу же после ухода рабочих Розенбаум по свежей памяти записал себе в блокнот все упомянутые ими фамилии, дабы чуть позднее назвать их в зашифрованном адресе на имя Корвин-Пиотровского и для устной передачи майору Добружинскому. Спал импрессарио как никогда крепко, а поднявшись, не ощущал никакой усталости: занимался своей отчетностью, потом сбегал в типографию к инвалидам по поводу афиши, а в шесть часов вечера выехал в Волковыск. Правда, там ничего имеющего отношение к политике он не заметил.

После Волковыска импрессарио поехал в Брест. Пробежав весь день по делам ансамбля Зелинского, он уже под вечер отправился на Люблинскую, 2, где проживал токарь Шиманский. Придя к нему, Розенбаум застал дома только его жену, которая, смущаясь, сказала, что сама ожидает мужа с минуты на минуту. Для того чтобы как-то убить время, они беседовали о всякой всячине, потом о труппе Горяинова, о которой мадам Шиманская была довольно высокого мнения. В ходе ее восторженных откликов на эту тему импрессарио все-таки сумел дать ей понять, что на сей раз он приехал сюда с другой, уже опереточной, труппой. Так «минута на минуту» растянулась на целый час.

Пришедший с работы Шиманский визиту Розенбаума не удивился. Он быстро умылся и вместе с хозяйкой попросил гостя отобедать с ними. Несмотря на далеко не обеденное время, последний от этого предложения не отказался. С аппетитом поедая гороховый суп, Шиманский рассказывал: «Я теперь подчинен капитану Чернику – командиру 1-й батареи 3-го тяжелого артиллерийского полка. У нас здесь не совсем все благополучно, так как местным рабочим удалось установить связь с лодзинской организацией «Свободный Рабочий». На мой взгляд, все нити ведут в паровозное депо станции Брест. На водном транспорте, на Мухавце и на канале пока все спокойно. Я только позавчера доложил об этом капитану Чернику, но дал ли он ход этому делу, я не знаю». Комментировать сказанное как имеющее отношение к «двуйке» (Черник был ее сотрудником – В.Ч.) Розенбаум не стал.

На следующий день рано утром Розенбаум отправился в штаб к полковнику Табачинскому. Придя к нему и показав свой знак под лацканом пиджака, он сразу же сказал, что хочет узнать, известно ли что-нибудь воеводской тайной полиции о существовании в железнодорожном депо станции Брест организации «Свободный Рабочий», так как он тоже работает в этом направлении по поручению шефа всей польской государственной полиции генерала Развадовского и, вероятно, здесь необходимо определенное согласование действий. Как показалось Розенбауму, его уверенный тон обращения в мгновение ока смягчил первоначально непрístupный вид полковника, тотчас же сделав его обращение к посетителю и любезным, и внимательным. После общепринятых вопросов о делах и работе с новым ансамблем он сказал, что дело относи-

тельно рабочих депо им сообщено шефу воеводской политполиции Костэк-Бернацкому, а приняты ли последним уже какие-либо меры, ему неизвестно. «Во всяком случае, – добавил он, провозжая Розенбаума до дверей кабинета, – советую вам с ним повидаться».

Не имея от Корвин-Пиотровского никаких распоряжений относительно контактов с отделами воеводской политполиции, Розенбаум ввиду важности полученной от Шиманского информации, а где-то и из соображений собственного самоутверждения, решил сразу от Табачинского пойти к полковнику Костэк-Бернацкому. В его приемной на вопрос дежурного офицера: «По какому вопросу?», он ответил: «По личному» и подал ему свою визитную карточку. Дежурный взял карточку импрессарио и, не выразив к написанному на ней никакого внимания, пошел с докладом, после чего ввел Розенбаума в комнату для посетителей, в которой уже сидели шесть человек. В ожидании приема прошло более двух часов. Наконец Розенбаума впустили в кабинет полковника, предупредив: «Прошу вас не очень распространяться, ибо шеф очень занят». С этим наставлением он и вошел к начальнику воеводской политкомиссии.

Полковник Костэк-Бернацкий встретил его недоуменным вопросом: «В чем дело?». В ответ на это Розенбаум, одновременно указывая на свой знак №143 под лацканом пиджака, спокойно ответил, что явился по делу организации «Свободный Рабочий». После этих слов полковник стал любезнее и предложил посетителю сесть. Последний кратко и очень четко рассказал о том, что ему недавно стало известно по данному делу применительно к Бресту, не приминув при этом подчеркнуть, что в масштабах восточных районов страны он занимается этой проблемой в качестве импрессарио русской театральной труппы под непосредственным руководством полковника Корвин-Пиотровского и шефа всей госполиции генерала Розвадовского. Кроме того, он добавил, что явился сюда по рекомендации полковника II отдела Табачинского. На вопрос Костэк-Бернацкого («Когда вы приедете сюда с труппой?») Розенбаум ответил, что «где-то в середине апреля 1923 года». Услышав это, полковник иронично улыбнулся и сказал: «За эти три с лишним месяца мы эту банду и сами ликвидируем, но если этого не случится, то по прибытии вместе с труппой в Брест сразу же явитесь ко мне».

Перед Рождеством Розенбаум побывал в Новогрудке у Корвин-Пиотровского. Ничего нового последний агенту не сказал, если не считать нескольких устных замечаний по корректировке маршрута гастролей. На этом они расстались. Праздники Розенбаум встречал в Вильно. В это время он познакомился с директором виленского концертного бюро Давидом Слепяном. Последний, узнав, что Эдвард Ружицкий имеет концертную концессию на всю Польшу, стал просить его устроить параллельно с ансамблем Зелинского выступления и его небольшой концертной труппы. В нее, кроме Давида Слепяна (в качестве художественного руководителя), входили скрипач-солист Винер, балетмейстер Велчиславский, прима-балерина Анна Забойкина, цитристка София Здоховская и др. За каждый устроенный для гастролей город Слепян обещал платить импрессарио по триста злотых. Поскольку программа Слепяна не представляла конкуренции для ансамбля Залинского, то и последний не стал сопротивляться заключению контракта между Розенбаумом и новой концертной группой на 12 спектаклей. В 1923 году с помощью группы Слепяна удалось напасть на след организации «Свободный Рабочий» в Сарнах.

Из Вильно по договоренности с Корвин-Пиотровским Розенбаум поехал в Белосток, куда и прибыл вечером 26 декабря 1922 года. Утром следующего дня он отправился к полковнику Демб-Бернацкому. Так как последний был предупрежден о его прибытии Корвин-Пиотровским, то и принят он был незамедлительно. Розенбаум достаточно подробно рассказал шефу воеводской тайной полиции о том, как ему удалось напасть на след организации «Свободный Рабочий» в Гродно и о своих планах здесь на ближайшее будущее. Демб-Бернацкий за все время, пока говорил агент, не проронил ни слова, но как только он закончил, приказал ему сесть в примыкающей к кабинету комнате и передать все сказанное в письменном виде на бланках воеводского отдела политполиции. Когда часа через два утомленный этой работой Розенбаум сдал ему так называемую памятную записку, полковник дал ему следующие распоряжения: «1) по прибытии в Гродно срочно явиться в отдел политполиции Гродненского повета, к его руководителю капитану Калиновскому, для согласования действий по местной организации; 2) побывать в Чарной Веси и завязать связи с Котлярчиком; 3) обо всем, что будет сделано на начальном этапе, донести

ему зашифрованным рапортом». Этот визит к Демб-Бернацкому завершился получением Розенбаумом всех необходимых сведений и бумаг для общения с капитаном Калиновским. В эту свою бытность в Белостоке импрессарио устроил два выступления концертно-хореографического ансамбля Слепяна (20-21 января 1923 года) и договорился о гастролях здесь на конец мая того же года труппы русской оперетты и музыкальных эскизов Зелинского.

На следующий день, 28 декабря, Розенбаум поехал в Гродно, рассчитывая пробыть там два дня. По прибытии он сразу же отправился к капитану Калиновскому. Передав ему от воеводского начальства необходимые бумаги и согласовав некоторые вопросы совместной работы, Розенбаум при прощании предупредил капитана о том, чтобы им все было сделано как договорено во избежание возможных личных недоразумений с его агентами, ибо уже сегодня он намерен встретиться со своими старыми знакомыми по гродненской организации. В ответ на это капитан твердо заверил, что в этом отношении «господину импрессарио не стоит волноваться» и что «все будет как надо».

Расставшись с Калиновским, Розенбаум сразу же занялся устройством театральных дел, а после обеда отправился прямо к Цейтнерам, чтобы условиться о вечерней встрече в традиционном составе. При этом не забыл он и Лею Липнер, весьма обаятельную и разговорчивую девушку. Но когда Розенбаум упомянул о Лее, то Цейтнер с улыбкой сказал: «Я сразу заметил, что она вам понравилась, но учтите, она вам недешево обойдется: кутнуть любит!». На что импрессарио слегка игриво заметил: «Ну что ж тут такого, раз давно не виделись... Надо отметить как следует новое свидание». Он попросил хозяина заказать в кухмистерской на всю компанию отдельный кабинет к 19-ти часам. Цейтнер пообещал устроить все в лучшем виде, сказав при этом: «Наши обрадуются вашему приезду. Мы много о вас говорили, так как вы оставили после себя самые хорошие воспоминания». Уладив этот вопрос, Розенбаум отправился в город, в книжный магазин Иберского, чтобы договориться с его владельцем о предварительной продаже здесь билетов сразу на два ансамбля – Зелинского и Слепяна.

Ужин в кухмистерской начался с расспросов «соскучившегося» по Гродно импрессарио о новостях рабочей жизни, а также о том, что нового у «Свободного Рабочего». Первым заговорил Ли-

берман: «Пока у нас все благополучно и спокойно. Был у нас представитель из центра, белостокский портной, товарищ Сендер Цыгельницкий¹⁸, контролирующий нашу деятельность. Прибыло в нашу организацию еще около десяти членов, в основном из железнодорожных рабочих. Есть среди них один очень деятельный товарищ, поляк по национальности, бывший член «Звензкув Заводовых» – Даниэль Дворжецкий. Сейчас он успешно организует ячейки «Свободного Рабочего» в депо и среди путейцев. Недавно установили связи с речниками в Августове. Дворжецкий ездил туда для изучения вопроса и приехал с хорошим настроением. После его сообщения, сделанного на заседании нашего комитета, мы решили послать туда на пару месяцев Лисовского. Он и сейчас там работает с рабочими на лесоразработках и при сплаве леса. Как поляку ему там удобнее действовать, так как работают там сезонно исключительно крестьяне-бедняки из местных. Мы же здесь стараемся оказывать влияние на сапожников, портных, жестянщиков и других, ныне особенно бедствующих. Данный вами в нашу пользу благотворительный вечер дал нам возможность провести несколько представлений и своими силами, а вырученные средства мы выделили тем, кто особенно нуждается в помощи».

На попутный вопрос Розенбаума: «А что слышно у Котлярчика?», Либерман ответил: «В Чарной Веси дело тоже налаживается. Когда у нас был Цыгельницкий, то мы через него направили туда немного средств. Но там условия чрезвычайно тяжелы из-за недостатка сознательных рабочих». Сочувственно кивая ему головой, Розенбаум поддакнул: «Да-да, я помню вы что-то еще раньше рассказывали о Чарной Веси. Послушайте, а может быть, и им надо помочь, как когда-то и вам, каким-нибудь доступным для них спектаклем или еще чем? Если вы мне дадите рекомендательное письмо, то я поговорю о возможности поездки туда со своим театральным начальством». И Лерман в тот вечер пообещал похлопотать о таком письме перед комитетом организации. Таким поворотом разговора импрессарио был не очень доволен, но что поделаешь, он с этим предложением молча согласился.

После окончания ужина Цейтнер пригласил Розенбаума на Новый год к себе на обед, при этом добавив: «У меня вы познакомьтесь с Дворжецким, я его тоже пригласил». Это приглашение вполне вписывалось в планы Розенбаума на новогодние дни (по-

видаться с Лисовским в Августове, получить от комитета рекомендательное письмо к Котлярчику и т.д.), и он пообещал быть. По настоянию участников товарищеского ужина расчет официантом был сделан по-немецки, т.е. по равной доле на каждого мужчину. При расставании с Цейтнерами Розенбаум попросил их разрешения на Новый год принять его выпивку, на что супруги, традиционно шутя, сразу же согласились.

На следующий день Розенбаум пошел к капитану Калиновскому, чтобы сообщить ему о добытых вечером сведениях. При сличении представленных агентом фамилий у Калиновского не оказалось четырех фамилий, кроме того, он ничего не слышал ни о Дворжецком, ни о Цыгельницком. Это привело его в некоторое замешательство, а затем и к резкому недовольству своими агентами. Вернувшись в номер гостиницы, Розенбаум составил идентичного содержания зашифрованные рапорты Демб-Бернацкому и Корвин-Пиотровскому. Правда, в рапорте последнему он написал о тесных связях гродненской организации, кроме Белостока, еще и с Лодзью, ибо Сендер Цыгельницкий был связным между этими двумя центрами рабочего движения. Вечером он сдал эти рапорта заказными экспрессами в железнодорожном почтовом отделении. 30 и 31 декабря прошли серо и буднично. В эти дни импрессарио почему-то было себя жаль.

1 января 1923 года Розенбаум почти до обеда занимался приведением себя в праздничный вид, после чего отправился на званный обед к Цейтнерам. Главной целью этого визита, конечно, был Даниэль Дворжецкий, а на втором, наверное, Лея Липнер. Сорокалетний агент, знающий толк в женщинах, а еще больше – сколь опасна эта слабость в общении с врагом (революционеры в его представлении были именно такими), по дороге, тем не менее, раздумывал над тем, что же вызвало у него интерес к ней: или она сама, такая аккуратненькая, свеженькая, с искрящимися черными глазами, или мимолетный намек Цейтнера, дескать, кутнуть любит... Однако на пороге дома Цейтнеров эти легкие мысли сразу же напрочь вылетели из его головы.

У Цейтнеров в это время уже были Либерман, Лейзерович, Лея Липнер. Через минут десять после Розенбаума пришел в железнодорожной фуражке на голове, несмотря на холод, Даниэль Дворжецкий. Знакомство с новым членом компании состоялось ес-

тественно и непринужденно, как, впрочем, и хотелось импрессиарио. Разговор начался с обычных в праздничные дни тем, шутили, рассказывали анекдоты, желали друг другу счастья в Новом году. Но постепенно, уже ближе к десерту, Розенбауму удалось направить застольный разговор в нужное русло. Он спросил у Дворжецкого, заявившего, что «рабочим не до театра»: «Неужели у железнодорожников жизнь только в сером цвете, и из этой серости нет никакого выхода?». Последний вначале вознамерился что-то в пылу разговора ответить, но затем, оглянувшись по сторонам, как-то ступешался и неожиданно замолчал. И тут большую услугу Розенбауму сделал Лейзерович, который, глядя на пустую рюмку, сказал: «Говори, Даниэль, как есть, здесь все люди свои, и тайны между нами нет, тем более что Эдвард – тот человек, без которого «Свободный Рабочий» вряд ли встал бы на ноги». Явное преувеличение, к которому агент не нашелся сразу как отнестись, неожиданно сделало свое дело. Вступивший в разговор Либерман пояснил, что Дворжецкий знает жизнь рабочих не только в Гродно, но и в глубинке, так как вернулся недавно из-под Августова по заданию рабочего комитета.

Все это придало особый вес Дворжецкому в глазах собеседников, а потому и естественное желание выговориться. Он сказал о том, что ездил в район Августова со специальным заданием для подготовки почвы для создания в среде лесозаготовителей и плотогонов ячейки «Свободного Рабочего». Взялся он за это только потому, что среди железнодорожников, обслуживавших там узкоколейку, у него было несколько знакомых и надежных людей: Чеслав Амброжевич, Леон Ленчевский, Ксаверий Мартенс... Этих людей он и порекомендовал Лисовскому для дальнейшей совместной работы. Оправдали ли они надежды организации? Об этом можно будет судить лишь тогда, когда приедет в Гродно Лисовский. Затем разговор продолжил Либерман, связывавший надежды на Лисовского в Августове с неменьшими надеждами в Гродно на портного Шаю Шторца, который взял на себя дело приобщения к «Свободному Рабочему» всех ремесленников в мелких частных предприятиях: «Пока у него все идет хорошо...».

На следующий день, т.е. 2 января 1923 года, Розенбаум выехал в Августов, чтобы на месте повидать Лисовского и от него узнать, как обстоят тамошние дела у «Свободного Рабочего». Офи-

циальным обоснованием необходимости этой поездки, разумеется, было устройство в Августове двух выступлений концертно-хореографического ансамбля Давида Слепяна. Перед тем как идти на вокзал, импрессарио заскочил к капитану Калиновскому, чтобы предупредить его о своем выезде из Гродно, а попутно спросить, что ему известно о Шае Шторце. Фамилия эта в его списке подозреваемых по делу нелегальной организации имелась, но о его роли среди городских ремесленников он ничего не знал. Капитан ничего нового о Шторце не сказал, но согласился с мнением импрессарио о нежелательности сейчас никаких репрессий в отношении «Свободного Рабочего»: «Главное – следить и следить, а там видно будет». Между тем Розенбаум не счел нужным сообщить Калиновскому о своей предстоящей поездке в Августов, поскольку этот район не входил в сферу компетенции последнего. Был в этом молчании и элемент честолюбия, иногда посещавший стареющего агента.

В Августове Лисовский проживал, как сообщили Розенбауму в адресном бюро магистрата, в бараках для рабочих местных лесозаготовок, что по Водной улице. В конторе предприятия он узнал, что Лисовский живет во втором бараке, а всего их четыре, и что с работы он возвращается около шести часов вечера. Находившийся рядом заведующий бараком предложил Розенбауму свои услуги по поиску Лисовского. Поблагодарив заведующего, он попросил его передать рабочему, что к нему придут между семью и восемь вечера и оставил при этом свою театральную визитную карточку, на которой значилось: «Эдвард Ружицкий – импрессарио». После посещения бараков Розенбаум отправился в город по своим театральным делам, но к назначенному времени вновь вернулся сюда. Не доходя до бараков, он встретился с Лисовским, который, узнав о приезде Розенбаума, вышел ему навстречу. Судя по всему, бараки Лисовскому уже опротивели, и он положительно откликнулся на предложение нежданного гостя сходить в город. По дороге Розенбаум рассказал, что здесь он по устройству концерта хореографического ансамбля, приехал же он из Гродно, где встречался с общими знакомыми, и что не мог не воспользоваться случаем навестить его. Лисовский был невесел и больше молчал. Розенбаум спросил его, обедал ли он, и, получив утвердительный ответ, предложил ему зайти в кондитерскую Маневского на чашечку кофе, на что Лисовский согласился. Разговор явно не клеился, и

тогда Розенбаум позвал рабочего к себе в номер «попробовать чего-нибудь покрепче» (гостиница находилась над кондитерской и принадлежала тому же хозяину). Поднявшись в номер, Розенбаум послал лакея вниз за бутылкой вина и пирожными, а сам начал показывать Лисовскому фотографии артистов, театральную рекламу, афиши, дабы не вызвать к себе подозрения. После вина Лисовский немного разговорился, причем сказал о том, что он уже подал заявление о расчете и 16 января возвращается в Гродно. Здесь же ему с трудом, но все же удалось создать организацию из 25 членов. Сделать это без людей, рекомендованных Дворжецким, было бы ему невозможно. Большого «выдавить» из Лисовского Розенбауму тогда не удалось. Вечером того же дня (3 января 1923 года) Розенбаум выехал в Чарну Весть.

Розыскать в Чарной Веси Кароля Котлярчика было нетрудно. Вручив ему рекомендательное письмо от гродненского комитета, Розенбаум сразу же получил предложение от Котлярчика поговорить обо всем у него дома. От работы до дома было, что называется, рукой подать, поэтому собеседники сумели за это время лишь переброситься отдельными, ничего не значащими фразами. Придя домой, Кароль сразу же послал жену за закуской, а детям приказал тихо сидеть на кухне. Оставшись наедине, Котлярчик рассказал приезжему товарищу следующее: «Дело наше здесь идет тяжело, так как лесопильный завод государственный и принимают сюда на работу исключительно бывших военных-пилсудчиков», так что действовать приходится осторожно, с оглядкой, чтобы не нарваться на провокаторов. Прежде чем принять кого-то в организацию, его надо со всех сторон изучить и проверить. И все-таки около 25 человек в организации мы имеем. Председателем состою я, а моими помощниками являются рабочие с первой лесопилки – Болеслав Белозерский и Станислав Соколовский. Ребята они хорошие, но семья и дети не дают им, как и мне, по-настоящему развернуться. А еще трудно со средствами, сейчас, правда, я получил немного денег из Лодзи, но все это капля в море».

В это время в комнату вошла жена с закуской. Спиртное, взятое Розенбаумом, уже стояло на столе. Выпили. Пока Кароль искал, чем закусить, импрессарио положил перед ним 25 злотых («пожертвование от себя лично на правое дело») и сразу же, чтобы не возникло у рабочего никаких сомнений на сей счет, спросил о

том, сколько трудится на их предприятии рабочих. Услышав в ответ, что где-то за 6 тысяч, Розенбаум сказал Котлярчику: «А что если я организую у вас вечер русской оперетки или музыкальных эскизов с тем, чтобы эта сумма попала в руки организации, как это было сделано в Гродно?». К этому вопросу-предложению Котлярчик отнесся несколько скептически: «Здесь это вряд ли удастся, но об этом я подумаю и о своем решении сообщу вам через Либермана». Котлярчик оказался не простаком, хотя именно таким он с первого взгляда агенту показался.

Из Чарной Веси Розенбаум решил ехать в Новогрудок. Помимо зашифрованных рапортов, пересылаемых регулярно начальству, у него возникла потребность оговорить некоторые детали работы. На станции Новоельня его встретил шофер Корвина-Пиотровского, и они сразу же отправились к шефу. Последний, как бы почувствовав настроение Розенбаума, встретил его словами: «Твой последний рапорт я получил вчера, а теперь ты выкладывай все устно и в мелочах». Беседа затянулась часа на три, так что когда она закончилась, на дворе уже начало смеркаться. Пообедав, они опять принялись за разбор ситуации. Поскольку Розенбаум сразу с поезда пришел к Корвин-Пиотровскому и в гостинице номер не занимал, то, закончив с делами, полковник предложил Розенбауму поужинать у него дома и прямо оттуда ехать на поезд. При этом он тотчас же распорядился, чтобы шофер подал машину к его дому в час ночи. Поезд из Новоельни отходил без четверти три.

При прощании полковник вручил агенту 500 злотых на подотчет. На этот раз Розенбаум избрал маршрут: Кременец, Дубно, Здолбуново, Ровно, Луцк. Здесь предстояло лишь договориться о предстоящих гастроях двух трупп с тем, чтобы к 15 января 1923 года быть в Вильно, откуда в тот же день с опереткой Л.П.Зелинского необходимо выезжать на гастроли в Пинск.

Труппа «Русская оперетка и музыкальные эскизы» выехала из Вильно 15-го рано утром и около девяти часов вечера была уже в Пинске. Разместив актеров по заранее приготовленным частным квартирам, Розенбаум все последующее время занимался тем, чтобы открытие гастрелей (вечером 16-го января) прошло на должном уровне. Одним словом, в первые дни пребывания в Пинске было не до политики. Премьера прошла успешно: на первом спектакле присутствовали почти все представители местной власти.

На третий-четвертый день гастролей Розенбаум повстречал нескольких офицеров Пинской флотилии, а также коллег по политразведке – Вальдена и Лясоту. В один из вечеров Вальден предложил после спектакля зайти к нему на рюмку водки, на что Розенбаум охотно согласился; зашел к Вальдену и Лясоте. Хозяин квартиры жил на положении «соломенного вдовца», так как его жена уехала погостить к своим родителям в Лодзь. Во время застолья разговор, как этого и следовало ожидать, перешел на политическое положение в Пинске. Из этого разговора выяснилось, что ячейка «Свободного Рабочего» в среде рабочих мастерских флотилии, выявленная когда-то Розенбаумом, ныне ликвидирована, в результате чего 65 человек арестованы. Сейчас все внимание «двуйки» и политполиции сосредоточено на рабочих спичечной фабрики и на железнодорожниках. В этой связи Вальден и Лясота выражали опасения, что Яцынич может в любую минуту переместить их на новую работу, но они этого бы не хотели, так как последнее чревато раскрытием их деятельности в политическом сыске. Зная о возможностях своих давних компаньонов, Розенбаум предложил им работать на период гастролей вместе с ним, взяв за основу слежку за находящимися у них на подозрении двумя слесарями–ремонтниками паровозного депо – Владиславом Радько и Генрихом Гржигоржевским, а также поиск подходов к рабочим спичечной фабрики. В ответ на это Вальден и Лясота в один голос заверили, что «готовы работать с господином командором во всякое время дня и ночи».

Узнав от своих собеседников, что названные железнодорожники, как люди молодые, иногда бывают в театре, Розенбаум тотчас же вручил им по две постоянные контрамарки на все спектакли труппы Зелинского. В один из дней оба пришли с неожиданной новостью, что в антракте одного из представлений они не только видели двух интересующих политполицию железнодорожников, но и были свидетелями их бесед с евреями-рабочими со спичечной фабрики. По наведенным ими тотчас же справкам или были некие Рымарь и Шлесс – люди молодые и довольно разбитные. Обговорив этот факт и признав, что в этом общении что-то есть, агенты сообща пришли к решению: в течение двух-трех дней войти с ними в контакт.

Через два дня после этого разговора, во время вечернего спектакля, к Розенбауму подошел Вальден и сказал, что они с Лясотой полученное задание выполнили и что он ждет импрессарио после спектакля у себя дома.

Когда Розенбаум пришел на квартиру к Вальдену, там был уже и Лясота. Поскольку обоим к семи часам утра надо было идти на работу, то за столом решили не засиживаться, а сразу перейти к делу. Лясота доложил, что ему удалось познакомиться с Радько и Гржигоржевским, благодаря тому, что он представился им рабочим и членом лодзинской организации «Свободный Рабочий». Последние не только проявили интерес к Лодзи, но и сказали, что у себя в депо они также ведут агитацию среди рабочих. Часть из них в количестве 14 человек уже оформила свое членство в этой организации. Оба связывали свои надежды с рабочим службы пути неким Владиславом Волосевичем, «весьма идейным товарищем». Через портового рабочего столяра Каца Вальден завязал знакомство с Рымарем и Шлессом. Оба также проговорились о своем членстве в «Свободном Рабочем», но при этом сообщили, что у них эта организация еще в стадии становления, но человек 20 уже наберется, а председателем комитета организации является упаковщица Катя Колоднер. Поблагодарив Вальдена и Лясоту за проделанную работу («за мной, ребята, не заржавеет...»), Розенбаум решил, не откладывая надолго, связаться с глазу на глаз с Корвин-Пиотровским, тем более шанс такой выпадал – наличие задания по организации выступлений в Новогрудке ансамбля Слепяна.

Корвин-Пиотровский встретил Розенбаума словами: «Твой последний рапорт я только что получил с утренней почтой и в связи с этим хочу сказать, что о твоей работе в бытность мою в Варшаве я подробно доложил генералу. Он очень доволен твоей работой и приказал выписать тебе за это одну тысячу злотых наградных, которые прошу получить и дать расписку». При этом он протянул агенту две банкноты по пятьсот злотых. «Из твоих рапортов видно, – продолжил он, – что агентура в Пинске действует весьма сонно; к сожалению, это не мой район, но твои рапорты в оригинале вместе с моими рапортами я перешлю в Варшаву к генералу Розвадовскому. Кроме того, о пинском деле я напишу бумагу в Брест, к полковнику Костэк-Бернацкому. Ну а что касается твоей дальнейшей разведывательной работы в Пинске, то хочу порекомендо-

вать тебе следующее: «1) о том, что тобой сделано до настоящего времени, сообщи Яцыничу, а на будущее пускай учатся пользоваться своими, а не чужими способностями; 2) отныне пользуйся в своей работе только теми способами, которые сочтешь наиболее удобными для дела. Во избежание недоразумений я выхлопочу для тебя у генерала Розвадовского открытый лист, который позволит быть тебе независимым от местных начальников политполицей; 3) сотрудников своих используй на всю мощь, но не забывай оплачивать их труд. Эти люди тебе и в будущем будут полезны; устраивай свои театральные дела так, чтобы после 15 февраля ты мог приехать в Варшаву. Завтра я дам тебе пакет к Яцыничу и деньги на текущие расходы, после чего ты можешь ехать в Пинск. А теперь пойдем ко мне выпить чаю и закусить».

На следующий день, около шести часов утра, Розенбаум был уже в Пинске. Зная, что рабочий день в портовых мастерских начинается с семи часов, он решил до этого времени повидаться с Вальденом, чтобы узнать от него последние новости и предупредить о том, что собирается идти к командиру Яцыничу. С Вальденом встреча произошла у дома последнего. Оказалось, что нового у него ничего нет, но зато договорились всей троицей сойтись вечером в театре. Побывав у директора труппы Зелинского, импрессарио отправился в управление пинской политполицей к коменданту Яцыничу. Здесь с самого начала он повел себя в полном соответствии с рекомендациями Корвин-Пиотровского. При этом оказалось, что коменданту ничего не было известно ни о Рымаре, ни о Шлессе, ни о Волосевиче. Яцынич искренне поблагодарил Розенбаума о сделанном им в Пинске в течение нескольких дней на железной дороге и на спичечной фабрике, заметив при этом, что мастерскими порта пускай занимается «двуйка», представителем которой в городе был майор Станислав Блиндструпп, исполнявший в ту пору должность командующего военной речной флотилией. В конце разговора Розенбаум подал Яцыничу пакет от Корвин-Пиотровского. Тут же вскрыв его и быстро пробежав по письму глазами, он сказал: «Так-так, все в порядке». После чего, подавая агенту руку, попросил его, пока тот будет в Пинске, продолжать следить за происками коммунистов.

Выйдя от Яцыничу, Розенбаум твердо решил больше никуда не ходить, а как следует выспаться. Вечером в театре Розенбаум,

Вальден и Лясота договорились в очередной раз встретиться, только уже не на квартире у Вальдена, который со дня на день ожидал приезда жены, а в ресторане при большой гостинице «Петербургской» Лукина. Причем встретиться лишь при наличии свежей и важной для дела информации. Без новостей прошло дней пять или шесть, пока в один из вечеров Лясота по-заговорщицки не сказал Розенбауму: «Сегодня после спектакля мы ждем вас в отдельном кабинете в «Петербургской...».

За столом сгоравшие от нетерпения агенты выдали Розенбауму следующее: Лясота – «Через Радько и Гржигоржевского мне удалось побывать в компании с рабочими-железнодорожниками Волосевичем, Скоринкой и Лярским. В ходе «общения» с ними мне удалось запомнить 18 фамилий из числа тех, кто примкнул к организации «Свободный Рабочий». При этом он передал Розенбауму отрывной листок из блокнота со всеми названными им фамилиями; Вальден – «Известный уже вам столяр Кац из портовых мастерских познакомил меня с Катей Колднер. Кац представил меня ей как члена Лодзинского центра организации «Свободный Рабочий». Колднер этому очень обрадовалась и пригласила меня на собрание ячейки, которое состоялось на спичечной фабрике. Присутствовали на собрании человек тридцать – все работницы упаковочного цеха. Я не думаю, что все они являются членами «Свободного Рабочего», скорее, это сочувствующие. Но несколько человек (Сойферт, Зайдель, Гринберг, Меерович и др.), несомненно, таковыми являются». После чего и Вальден передал своему шефу листок с фамилиями активистов организации.

Поблагодарив агентов за добытую информацию, Розенбаум вручил каждому из них по 50 злотых и попутно предупредил, чтобы они об этой своей акции не догадались сообщить Яцыничу. Если же, не дай Бог, что-либо случится, то всю ответственность за это он берет на себя. Кроме того, он попросил друзей добыть для себя рекомендательное письмо к кому-либо из приятелей пинских активистов в Лодзи. Последние пообещали сделать это во что бы то ни стало ко дню отъезда Розенбаума вместе с группой из Пинска. Прощальный для друзей ужин состоялся за день до этого события на квартире Вальдена. Жена последнего по предварительной просьбе импрессарио как истинная лодзянка приготовила свое фирменное блюдо фляки и другие не менее оригинальные закуски. Пили мало

и в присутствии хозяйки говорили только о театре и актерах. Разумеется, Розенбаум был в центре внимания. 15 февраля 1923 года труппа Зелинского давала свой последний спектакль в Пинске. На нем, как и на первом спектакле, присутствовали представители местной власти во главе с городским старостой Томашевичем. Спектакль прошел прекрасно, не менее приятным для артистов труппы был прощальный ужин, который староста дал в их честь в «Охотничьем клубе».

16 февраля Розенбаум с труппой выехал в Несвиж. Как и раньше, здесь «Свободным Рабочим» и не пахло. И тем не менее в силу каких-то одному ему ведомых причин импрессарио были взяты под подозрение за сочувствие к коммунизму некий Фонштейн – сын владелицы гостиницы на Студенческой улице и его приятель кинематографист (киномеханик – В.Ч.) Нейдгельд, о чем тотчас же было сообщено зашифрованным рапортом в Новогрудок. Через шесть дней после этого труппа выехала туда же на плановые гастроли. В Новогрудке на сей раз по разведке Розенбаумом тоже ничего сделано не было. Правда, по настоянию Корвин-Пиотровского он «внимательно прислушивался к разговорам белорусской и еврейской публики», но все это не дало ожидаемых результатов.

В один из дней, свободных от гастролей, Розенбаум и Корвин-Пиотровский достаточно детально обдумывали перспективы проводимой ими работы, результатом чего было решение, единолично принятое шефом Новогрудской политполиции, вместе ехать в Варшаву к генералу Розвадовскому, имея при себе подробный нешифрованный отчет о работе по «Свободному Рабочему» и объяснительную записку к нему. Эта работа была возложена на Розенбаума. Впрочем, возможности своего участия в подготовке данных документов шеф также не исключал. «Постарайся, – говорил он, – сделать все в указанный мною срок, так как, может быть, мне придется сделать в них кое-какие исправления и дополнения». Следует заметить, что в отличие от других агентов, Розенбаум любил писать отчеты. Расписывая все, что называется, по пунктам и параграфам, раскладывая все по полочкам, он часто неожиданно для себя приходил к выводам, которые в повседневной работе его совсем не посещали. Кроме того, большое количество страниц, написанных им, невольно возвышало его в своих же глазах, и в такие минуты он, как правило, вспоминал своего отца Эдуарда Теодоро-

вича – таможенного чиновника, знавшего толк в хорошо составленных бумагах. Так что со своим заданием Розенбаум успешно и в срок справился; рапорт и объяснительную записку Корвин-Пиотровский одобрил и принял без поправок и изменений.

В Варшаву они прибыли 12 марта 1923 года около одиннадцати часов утра. После чего, приведя себя в порядок, отправились в Управление госполиции. Генерал Розвадовский принял их немедленно. Корвин-Пиотровский как старший по званию и должности доложил генералу, что прибыл к нему по делу организации «Свободный Рабочий» вместе с главным разведчиком в этом деле для детального освещения сложившейся ситуации, а также за распоряжениями в названном направлении деятельности. Положительно охарактеризовав деятельность Антония Ружи, полковник далее сказал: «Хотел бы просить вас, господин генерал, об обеспечении ему столь нужной для нашего государства деятельности предоставлением открытого листа, чтобы он мог свободно работать и быть независимым от агентур местных политполиций... О его предшествующей работе я вам, господин генерал, уже неоднократно докладывал, что же касается его деятельности в ближайшее время, то по моему приказу он составил подробный рапорт, который я привез на случай, если вам будет благоугодно с ним познакомиться, а также поговорить с составителем. Должен заметить, что если работа Антония Ружи и дальше будет идти заданным темпом, то всех инициаторов и главных деятелей этой организации мы скоро будем иметь в руках».

После этих слов генерал попросил Корвин-Пиотровского показать ему приготовленный Розенбаумом рапорт (при этом, не обращаясь к нему, он лишь подвинул в его сторону коробку с папиросами). Генерал стал молча и внимательно читать рапорт, делая при этом пометки цветными карандашами. Закончив чтение, он сразу же обратился к Розенбауму с несколькими вопросами, затрагивающими реально существовавшую ситуацию по раскрытию деятельности «Свободного Рабочего» в Пинске, Гродно, Бресте, Слониме, Августове и Чарной Веси, а также с видами последнего на свою работу по каждому городу в отдельности. После четких и прямых ответов Розенбаума он, как правило, запрашивал и мнение Корвин-Пиотровского, делал пометки в рапорте, кое-что у обоих переспрашивал. Закончив с вопросами по рапорту, генерал сказал,

обращаясь к Розенбауму: «Пока все, до завтра вы свободны; в одиннадцать часов завтра явитесь ко мне», а полковника попросил на пару минут остаться.

Выйдя из управления полиции, Розенбаум решил подождать Корвин-Пиотровского в ближайшем сквере на лавочке. Изобразив человека, читающего газету, он внимательно следил за людьми, выходящими из здания управления. Когда оттуда вышел полковник, агент не пошел за ним сразу, а двинулся в нужном направлении только тогда, когда последний повернул за угол. Он быстрым шагом нагнал его, после чего визитеры пошли вместе. «Молодец, что подождал меня и что не подошел сразу, – сказал Корвин-Пиотровский. – А теперь идем обедать к Лию (первоклассный ресторан Лиевского на Краковском предместье, напротив костела Святого Креста – В.Ч.). Там поговорим».

За обедом после многозначительного молчания полковник сказал: «Твой рапорт и ответы произвели на генерала хорошее впечатление, он остался доволен твоей работой. Завтра он тебя примет и вручит тебе открытый лист как доверенному государственной полиции. Это звание выше агента, оно изымает тебя из подчинения местным агентурам, а ставит в прямое подчинение шефу государственной полиции. Открытый лист дает тебе право контролировать действия всех членов уездных политполиций, а также возможность входить в соглашение относительно их действий с шефами уездных отделов; в воеводских отделах будешь только предупреждать о своих действиях, и они обязаны тебе как доверенному всей госполиции оказывать всяческое содействие. Выдаст тебе генерал и денежную награду и подотчетную сумму, а также бесплатный билет первого класса на проезд по железным дорогам Речи Посполитой. Кроме того, он издаст полный циркуляр по всем воеводствам об утверждении тебя доверенным лицом госполиции, выдаст тебе инструкцию по связи с ним, а также предложит тебе постоянный месячный оклад, но это решение зависит от твоего согласия...». На вопрос собеседника, как поступить в отношении оклада, полковник ответил: «Это, друже, как ты хочешь, так и говори. А вообще будь с генералом откровенен и не праздною труса. Он очень не любит лести и притворства, к сожалению, столь развитых в нашем польском обществе». На этом был закончен служебный разговор, а вместе с ним и обед. Встретиться завтра оба реши-

ли здесь же, у Лия, за обедом. Относительно характера дальнейшего времяпрепровождения Розенбаума в Варшаве, удобнее всего воспользоваться его личным признанием спустя годы: «Тогда я воспользовался свободным днем и свободным вечером исключительно для себя...».

На следующий день, т.е. 13 марта, на приеме у генерала было все так, как об этом Розенбауму поведал в ресторане полковник, за исключением того момента, когда Розвадовский предложил вновь испеченному доверенному госполиции постоянный месячный оклад в размере 700 злотых. Зачитав этот пункт своего решения, шеф госполиции спросил, обращаясь к агенту: «Как вы на это смотрите?». На что последний ответил: «Господин генерал, за оказываемое мне доверие сердечно благодарю, но, говоря откровенно, я бы не хотел получать постоянного оклада, считая более правильной оплатой себе в зависимости от исполненных мною обязанностей. Зная свой характер, я боюсь, что, получая постоянный оклад и чувствуя себя обеспеченным, я могу запустить работу. Получая же вознаграждение за конкретно понесенные труды, я буду прилагать для своего благосостояния максимум энергии. Поэтому прошу вас, господин генерал, оставить оплату моего труда на прежних началах». «Благодарю за искренний и откровенный ответ, – сказал генерал, – пусть будет по-вашему. В таком случае за вашу нынешнюю работу я дам вам чек в кассу на 700 злотых и на дальнейшие расходы, связанные с вашей разведывательной работой, 1500 злотых на ваш отчет, который вы обязаны представлять мне ежеквартально». С этими словами он подписал два чека в кассу, а вслед за этим вручил Розенбауму инструкцию, в которой были отражены все вопросы взаимоотношений агента с шефами полиции, а также открытый лист и постоянный билет на право бесплатного проезда по железной дороге. Последними словами генерала были: «Теперь вы свободны, желаю успеха и счастливого пути». Розенбаум вышел из кабинета, получил в кассе управления деньги и отправился в назначенный час на обед с Корвин-Пиотровским». Во время обеда Розенбаум сообщил Корвин-Пиотровскому о своей встрече с генералом, после чего оба оговорили детали, связанные с дальнейшим пребыванием в Варшаве и совместным выездом в Новогрудок. По прибытии туда Розенбаум почти ежедневно заходил к шефу для

разговоров, так или иначе связанных с последним посещением Управления госполиции.

В ночь с 21 на 22 марта импрессарио вместе с труппой Зелинского выехал на гастроли в Слоним. Прибыли туда рано утром. Закончив дела с размещением актеров, Розенбаум пошел к начальнику местной политполиции коменданту-майору Тадеушу Добржинскому. Подавая ему свой открытый лист, он испытал глубочайшее удовлетворение от того, какое сильное впечатление этот документ оказал на Добржинского, сразу же изменившегося в лице, да и в последующем тоне разговора с его подателем. Во-первых, он сразу пообещал, что на время пребывания Розенбаума в Слониме он не только не будет чинить ему никаких препятствий, но «вообще снимет всякий надзор со своей стороны за подозрительными в политическом отношении лицами». Во-вторых, он выразил благодарность доверенному госполиции, что называется, авансом: «Буду очень благодарен вам, если вы это дело в данный приезд доведете о конца».

Вдохновленный этим обращением, импрессарио направился в типографию. Заказывая Лерману афишу, он завел разговор об общем состоянии рабочего вопроса в городе. Выяснилось, что городской комитет за последнее время сумел объединить рабочих типографии, водного и железнодорожного транспорта в единую организацию, активисты стали уже собирать на нужды «Свободного Рабочего» денежные взносы... Тогда же Розенбаум условился с Лерманом встретиться вечером в театре во время спектакля. Афиши на первый спектакль были расклеены заблаговременно, поэтому, как сказал Лерман импрессарио, «публика городская ждет спектакля, особенно наша еврейская как любительница русского театра и в большинстве своем еще говорящая по-русски». Спектакль на самом деле удался. В антракте Розенбаум предложил Лерману и его друзьям после театра встретиться в его гостиничном номере за ужином, который будет затребован из кухмистерской, но Лерман тут же пояснил, что не хотел бы встречаться с владельцем гостиницы по своим личным причинам, а поэтому предпочитает встречу в самой кухмистерской, в отдельном кабинете – эту заботу он берет на себя, так как его хорошо знают, и он там неоднократно встречался с товарищами Степанюком, Квятковским и Брехманом.

После спектакля Лерман, Степанюк и Розенбаум отправились в кухмистерскую. Заняв маленький столик и заказав ужин, все трое в ожидании, пока официант его накроет, увлеченно беседовали на театральные темы и только потом, оставшись наедине, перешли к интересующему всех разговору. Начал его Лерман, выразив удовлетворение по поводу прошедших недавно перевыборов членов комитета «Свободного Рабочего» и того, что председателем его вместо него стал Степанюк, а он – заместителем, ибо это «выгоднее и в партийном и национальном плане: не надо, чтобы люди думали, что коммунисты – это одни евреи». Секретарем новоиспеченного комитета стал Квятковский, кассиром-казначеем – Брехман. Членами организации за последнее время стали еще 17 человек, что в сумме с прежними 25-ю давало 42 человека. Все они были обложены членскими взносами (по одному золотому в месяц). Рабочие-водники из числа членов организации сумели выхлопотать официальное разрешение в министерстве путей сообщения на устройство чайной-столовой, и они уже приступили к постройке для этих целей барака, где, кроме всего, будет помещение для местных развлечений (концертов, спектаклей, танцев и т.д.). Железнодорожники нечто подобное уже имеют. В ходе перечисления этих добрых дел Лерман чаще других упоминал имена рабочих – Пинскера, Резника, Берга, Вингера, Яхнера, Пшебылевского и Романюка.

После Лермана в разговор вступил Степанюк. Начал он с сетований по поводу того, что «центр о нас забыл, так как отсюда сейчас ни слуху, ни духу, и мы волей-неволей представлены самим себе». В этой связи он сделал упор на более активное участие в деле благотворительности со стороны директора труппы Л.П.Зелинского, возложив при этом достаточно большие надежды на Розенбаума, а со стороны железнодорожников – на члена комитета организации Квятковского. Тогда же были оговорены и детали встречи Розенбаума с Квятковским.

Встреча эта состоялась 27 марта в заранее условленном месте. Квятковский, прежде чем перейти к решению вопроса о проведении благотворительного вечера, стал объяснять Розенбауму, чем вызвана потребность в помощи с его стороны: «большинство членов нашей организации чернорабочие – самый нуждающийся элемент среди работающих на службе пути. Их труд мизерно оплачи-

вается, а потому они в большинстве своем примыкают к организации с целью обеспечения своего личного быта. Есть среди них и идейные люди, но эти последние действуют на них больше воспитательно. Вот почему мы так нуждаемся в средствах. Из действительных же моих идейных помощников можно назвать троих: стрелочник Станислав Страшевский, уборщик вагонов Лаврентий Минюк и рабочий пути Борис Бузюк». Затем обсудили организацию благотворительного мероприятия. Квятковский предлагал делать его под прикрытием официального железнодорожного профсоюза, оговорив, естественно, все детали с дирекцией труппы. Переговоры по этому вопросу заняли больше недели. Посвящено ему было и заседание комитета, на котором присутствовал и Розенбаум. Здесь ему удалось узнать, что организация пополнилась еще шестью кандидатами в члены с двухнедельным испытательным сроком. В своем большинстве это были сапожники и портные, предложенные комитету Брехманом. Последний тогда же сообщил, что в кассе организации имеется около 600 злотых. Квятковский доложил о том, что если комитет сочтет возможным принять условия профсоюза железнодорожников (отдать ему 30 процентов дохода со спектакля), то он станет добиваться от местных властей разрешения на его проведение. В этот момент в беседу включился импрессарио, пояснивший комитетчикам следующее: «Полный валовый сбор обычно дает 2400 злотых, дневная реклама обходится 40–50 злотых, городской налог – 15 процентов, наем театра с освещением 100 злотых. При активном распространении билетов можно рассчитывать на 75–80 процентов от сбора. А это выходит, что при условиях официального профсоюза на долю организации может перепасть 400–420 злотых, а для партийно казны это не так уж и мало». Аргументы импрессарио, судя по всему, на актив повлияли. 15 апреля благотворительный спектакль на нужды «Свободного Рабочего» состоялся и дал валовый сбор 1912 злотых. Он же выявил (а это было для Розенбаума главным) и новые имена членов организации.

Этим спектаклем закончились гастроли труппы Зелинского в Слониме. Через день должна была начаться работа в Волковыске. Перед отъездом труппы Розенбаум побывал у шефа Слонимской политполиции и проинформировал его обо всем им раскрытом (шифрованный рапорт об этом же генералу Розвадовскому и пол-

ковнику Корвин-Пиотровскому ушел значительно раньше – В.Ч.), попросил его о дальнейшем надзоре за известными им обоим лицами, а в конце заметил, что будет «просить генерала о ликвидации местной организации «Свободный Рабочий», т.е. об аресте всех раскрытых ее членов.

В течение десятидневного пребывания с труппой в Волковыске ничего интересного в политическом отношении Розенбаумом сделано не было. В Брест труппа прибыла 26 апреля. Уладив театральные дела, импрессарио отправился ближе к вечеру к Шиманскому на квартиру. Сообщил ему о своих успехах по службе. Увидев открытый лист, Шиманский сразу же согласился работать вместе с Розенбаумом и рассказал ему свежие новости о «Свободном Рабочем» в местном паровозном депо. В ответ на такую глубокую откровенность импрессарио выдал ему постоянную контрамарку на две osoby на все спектакли труппы в Бресте, а в качестве поощрения к дальнейшему сотрудничеству – 150 злотых. Условились встречаться каждый вечер в театре во время антрактов, а для бесед сходить в случае надобности в отдельном кабинете ресторана «Оаза».

На следующий день в приемные часы Розенбаум направился к шефу местной воеводской полиции полковнику Костэк-Бернацкому. Полковник, узнав от помощника о приходе Розенбаума, принял его тотчас же. Первым делом Розенбаум показал шефу полиции открытый лист, но последний никак внешне не проявил к этому внимания, а лишь достаточно резко сказал: «Если вы имеете возможность помочь нам в раскрытии этой банды, то пожалуйста. Мы к вашим услугам». И сразу же заявил о предоставлении им Розенбауму права действовать самостоятельно или совместно с лучшим своим сотрудником Мечиславом Ястржембским, которого тотчас же к себе вызвал. Познакомив агентов, полковник предложил им некоторое время поработать в служебном кабинете Ястржембского. Здесь агенты быстро условились, что Ястржембский не будет без просьбы Розенбаума вмешиваться в дела, связанные со «Свободным Рабочим», договорились также о месте и времени предполагаемых контактов. Уже прощаясь, Ястржембский порекомендовал Розенбауму обратить внимание на двух рабочих паровозного депо, находившихся у него на подозрении, – Роберта Рынкевича и Константина Кржижановского.

Вечером Шиманский, воодушевленный приездом Розенбаума, принес ему список всех известных ему членов деповской организации из 52 фамилий, включая и комитетчиков. Первым в списке шел его председатель паровозный машинист Клеменс Корженевский, вслед за ним шли рабочие-слесари – Глэмбоцкий, Литецкий, Пясковский, Кокинский, Елец... Не увидев в списке Рынкевича и Кржижановского, Розенбаум дал ему задание последить за ними. Через несколько дней подозрения Ястржембского в отношении этих двух лиц подтвердились. Более того, от последних Шиманский узнал, что все ячейки железнодорожников имеют между собой связь и что Брест, в частности, подчиняется общему комитету в Вильно, председателем которого является паровозный мастер – техник главных виленских мастерских Ежи (Георгий) Жилинский.

Полученная информация незамедлительно пошла в Варшаву и Новогрудок, после чего Розенбаум вместе с Ястржембским решили пойти на доклад к полковнику Костэк-Бернацкому. Последний с плохо скрываемым выражением лица («не ожидал, не ожидал») поблагодарил доверенного госполиции за оказанную помощь, приказал Ястржембскому немедленно учредить надзор за участниками организации, а после отъезда Розенбаума сразу же приступить к аресту ее членов.

Уходя из кабинета высокомерного Костэк-Бернацкого, Розенбаум не скрывал своего удовлетворения по поводу того, что слегка сбил спесь с ближайшего сподвижника Пилсудского. Спустя годы, когда полковник стал Новогрудским, а затем Полесским воеводой, до Розенбаума дошли некоторые сведения из биографии этого человека. Родился Костэк-Бернацкий в 1889 году, учился в Вильно, после чего продолжил обучение в Гааге. Учился он на философском факультете местного университета, имел склонности к изучению языков, небезуспешно сочинял стихи. Во время учебы в Голландии он оказался замешанным в студенческую ссору, в результате которой один из студентов был убит. В убийстве стали подозревать Костэк-Бернацкого, и ему пришлось бежать во Францию, где он вступил в Иностраннный легион. Когда началась мировая война, он был ранен, попал в германский плен, откуда бежал и вернулся в Краков. Здесь он вступил в легионы Пилсудского, которого знал еще по Вильно. Дослужился до офицерского звания, в частях, где ему довелось служить, он устанавливал дисциплину по

образу иностранного легиона, участвовал также в организации военной жандармерии. По окончании войны он постоянно находился рядом с Пилсудским. После майского переворота и захвата власти пилсудчиками стал комендантом Брестской крепости, в которой сидели политзаключенные – противники маршала. С 1931 года был воеводой Новогрудским, а с 1932 года – воеводой Полесским в Бресте. Вскоре становится создателем и организатором концлагеря в Картуз-Березе, где ввел спецрежим для политзаключенных. 3 сентября 1939 года последний Полесский воевода становится третьим человеком в государстве после президента И. Мосьцицкого и маршала Э. Рыдз-Смиглого. Однако через короткое время его взлет сменился периодом падения: интернирование в Румынию, затем в 1945 году арест по требованию новых польских властей. Из тюрьмы Костэк-Бернацкий вышел по амнистии в 1956 году. Через год он умер в Варшаве¹⁹.

Следующим городом в маршруте труппы был Белосток, но в этот приезд здесь импрессиарио раскрыто ничего не было. Зато отсюда по согласованию с шефом местной полиции Демб-Бернацким он ездил в Чарну Весь, где дело о «Свободном Рабочем» по-прежнему оставалось в «подвешенном состоянии». Во время мимолетной встречи там с Каролем Котлярчиком ему удалось выяснить, что их организация увеличилась на восемь членов. С помощью Даниэля Дворжецкого удалось установить связи с виленским железнодорожным комитетом. Последняя информация выявила потребность Розенбауму самому побывать в Вильно. После встречи 15 июня с генералом Розвадовским в Варшаве эта поездка становилась наиболее актуальной в ряду с другими заданиями по политическому сыску. Но в силу опасности выхода из-под контроля операций в Гродно и Чарной Веси Роженбауму выехать в Вильно не получалось. Правда, в один из дней июня 1923 года Розенбауму удалось встретиться с шефом Виленской воеводской политполиции генералом Боханом. В ходе беседы с ним была получена не только важная агентурная информация по Вильно, но и заключен договор о совместных действиях на ближайшую перспективу. Розенбаум, в частности, договорился с генералом Боханом о переводе своих сотрудников (Вальдена, Лясоты и Шиманского) из Пинска и Бреста рабочими-токарями в виленские железнодорожные мастерские, «поближе к Ежи (Георгию) Жилинскому».

Между тем во второй половине июня 1923 года Розенбауму удалось повстречаться с Котлярчиком в Белостоке, в ходе чего стало известно об изменениях в составе руководства ячейки в Чарной Веси. На основании решения общего собрания этой организации ее комитет возглавили Кароль Котлярчик (председатель), Болеслав Белозерский, Станислав Соколовский и Гораций Гриневицкий. Организация пополнилась двумя весьма перспективными рабочими Робертом Рутковским и Болеславом Боженским – связниками с Белостоком и Вильно.

В конце июля труппа Зелинского начала гастроль в Гродно. За это время Розенбаум, благодаря контактам с капитаном Калиновским, его сотрудником Збигневом Закржевским, а также со старыми «друзьями» из местной ячейки, пришел к выводу о тесной связи гродненских рабочих с виленским центром. Во время одной из встреч с Цейтнером, Либерманом и Дворжецким удалось установить состав виленского руководства: Ежи (Георгий) Жилинский – председатель; Вернер, Сиверс, Седлицкий – члены комитета, а также активную роль в установлении межпартийных связей со стороны гродненских активистов – Александровича, Ленчевского и Мартенса. Розенбауму бросилось в глаза то, что рабочие-евреи в руководстве местной организации стали постепенно уступать свое место рабочим из числа белорусов и поляков, за исключением, пожалуй, Ш.Шторца, не выпускавшего из рук контроля над гродненскими ремесленниками. 27 июня 1923 года Розенбаум присутствовал на общем собрании руководства гродненской и августовской организацией. Последнюю представляли Лисовский, Змигродский и Радомский. Сам факт его проведения, явно возросший количественный состав организации в Гродно и Августове, вынуждали Розенбаума думать о завершении этого дела: «птичка из клетки вот-вот может улететь». Вместе с Закржевским на следующий день они пошли к капитану Калиновскому и заявили о том, что дело в Гродно и Августове настолько выяснено, что остается только одно – прикрыть всех известных им членов организации, о чем незамедлительно будет сообщено и генералу Розвадовскому. В своих рапортах в Варшаву и Новогрудок Розенбаум убедительно просил об одном, чтобы репрессивные меры по отношению к его «друзьям» принимались лишь спустя некоторое время после его отъезда из Гродно. Кроме того, он высказывал свои опасения по поводу

развития ситуации в Вильно, ибо ехать туда не собирался, оправдываясь тем, что маршрут его дальнейших гастролей идет на Ковель–Ровно.

В Ковель Розенбаум прибыл в конце сентября, и здесь, как это часто бывало с ним, он совершенно случайно встретился с паровозным машинистом Янчевским, некогда еще в царское время сотрудничавшего с охранкой в качестве агента полковника Оже-де-Ранкура, начальника Киевского железнодорожного жандармского отделения. Полагая, что такая встреча на новом месте может быть не бесполезной, импрессарио (а именно так он представился Янчевскому), пригласил старого знакомого выпить по рюмке у него в номере. Выпили. Стали говорить «за жизнь» (оба владели одесским жаргоном), в ходе чего Розенбаум спросил у Янчевского, состоит ли он сейчас на услугах в политполиции. На что последний ответил, что сейчас он ездит машинистом на пассажирских поездах на участках Ковель – Брест, Ковель – Здолбуново и Ковель – Владимир – Волынский, но политическим сыском не занят, так как не имеет знакомств в среде членов польской политполиции, хотя брожение умов и просоветские настроения он не раз замечал среди рабочих-железнодорожников.

Получив от него такой ответ, Розенбаум решил действовать с Янчевским в открытую и заявил, что лично он работает в политразведке, и что ему удалось во многих городах напасть на след организации «Свободный Рабочий», рассказав при этом о коммунистической направленности ее деятельности. Делая упор на последнее, Розенбаум был уверен, что как человек, прошедший школу Оже-де-Ранкура, Янчевский не откажется от сотрудничества с ним, тем более если предложить ему сразу на карманные расходы 100 злотых. Сделав такое предложение машинисту о совместной работе, он тотчас же получил его согласие, тем более, как заявил последний, что его паровоз уже четвертый день находится в ремонте и ранее чем через две недели он вряд ли из Ковеля куда-то выедет, так как обязан находиться при ремонтируемой машине. Для встреч в театре и свободного туда доступа он выдал машинисту контрамарку на все спектакли на две osoby. Приблизительно через 2-3 дня от Янчевского поступила первая информация: среди ковельских железнодорожников есть организация «Свободный Рабочий», имеющая комитет в составе: машинист Иосиф Дворановский – пред-

седатель; Роман Ремишевский, Григорий Глинский и Станислав Тыць – члены. Эти сведения Янчевский получил от своего коллеги Дворановского, причем последний и его записал кандидатом в члены данной организации. Удалось также узнать, что в организации пока около 40 человек. При этом Янчевский подал Розенбауму их список. Чуть позже он же сообщил о наличии в Ковеле такой же организации в 25 человек среди местных ремесленников, а еще через день, что на вагонном заводе в Скаржиско в ячейке «Свободного Рабочего» числится 120 членов, а на заводе летательных аппаратов в Дэмблине Яна Фрузинского (в царское время Ивангород) существует не меньшая по числу членов ячейка. В завершение этой встречи Розенбаум попросил у Янчевского две его фотографии, необходимые ему для ходатайства перед генералом Розвадовским о зачислении машиниста в число штатных агентов политполиции.

18 ноября 1923 года по вызову генерала Розвадовского Розенбаум находился в Варшаве. Здесь он доложил шефу госполиции о сделанном в Ковеле и дал письменную характеристику Янчевскому, после чего получил согласие генерала на зачисление последнего агентом политполиции с постоянным окладом (300 злотых в месяц) и с оставлением его в занимаемой должности на железной дороге. Далее Розвадовский сообщил о своем распоряжении начать аресты в Пинске, Слониме, Августове, а также поинтересовался мнением Розенбаума на сей счет в отношении о Гродно и Чарной Веси. На что тот ответил, что считает там свою работу законченной, о чем не раз уже сообщал господину генералу. «В таком случае, – продолжил генерал, – я дам распоряжение о начале арестов и здесь». В конце встречи Розенбаум получил от шефа приказ о перенесении своей деятельности в центральную Польшу, а также решение о вознаграждении агента в размере двух тысяч злотых. Получив в кассе деньги, а в отделе личного состава приказ о зачислении в агенты Янчевского, Розенбаум направился в гостиницу «Бристоль», где встретил полковника Корвин-Пиотровского. Тот находился в Варшаве уже несколько дней, а потому имел возможность утверждать, что генерал очень ценит Розенбаума, и не исключено, что в начале нового года сам он будет переведен в Варшаву на должность заместителя шефа госполиции. Приятные для обоих новости как всегда отметили в ресторане. На следующий день Розенбаум выехал в Луцк. Здесь ничего в политическом

плане сделано не было, если не считать встречи с приехавшим сюда в поездку машинистом Янчевским и передачи ему приказа о назначении его штатным агентом. Тогда же Янчевский передал ему список из 30 рабочих – членов ячейки «Свободного Рабочего» на Ковельской лесопилке во главе с их председателем рабочим Шишковичем.

В конце ноября Розенбаум прибыл в Ровно – последний город по его работе с группой Л.П.Зелинского. Вращаясь среди театральной публики, он установил в городе не только наличие прокоммунистических настроений среди его еврейского населения, но и достаточно сильные сепаратистские тенденции среди местных украинцев. Главными идейными вдохновителями этих течений соответственно были: председатель Еврейского благотворительного общества Мойша Ниселевич и руководитель городского любительского украинского драматического кружка Алексей Герасименко. Об этом было заявлено в местную политполицию полковнику Дзевановскому, а также занесено в рапорты Розвадовскому и Корвин-Пиотровскому.

В конце декабря 1923 года Розенбаум распрощался с группой Л.П.Зелинского и выехал в Новогрудок к Корвин-Пиотровскому. От последнего он получил распоряжение срочно переключиться на Вильно, иначе, полагал полковник, там будет уже поздно что-то исправить. В столицу «крэсов восточных» доверенное лицо госполиции прибыло на второй день нового, 1924, года. С железнодорожного вокзала он сразу же отправился на улицу Киевскую, где только что обосновался переведенный сюда из Бреста Шиманский. Последний поблагодарил Розенбаума за смену его жительства, так как сейчас, кроме зарплаты токаря железнодорожных мастерских, он получает еще и жалованье платного агента. «Жаль только, – сетовал он, – что Вальден и Лясота не с нами, а в главных железнодорожных мастерских в Лапах». Сообщил он также, что имеет постоянную связь с генералом Боханом. Что касается организации «Свободный Рабочий» среди виленских железнодорожников, то она пока спокойно живет и работает под предводительством Ежи (Георгия) Жилинского, между тем как ее филиалы уже кое-где раскрыты. Недавно с помощью агентов из числа машинистов и кондукторов раскрыты ячейки этой организации на станциях Крулевщизна и Зябки вблизи советской границы. Шиманский не

преминул похвастаться, что ему и в самом Вильно удалось завязать знакомство с руководителем ячейки рабочих-мебельщиков Веславом Курочицким. Отношение генерала Бохана к этому следующее: не спешить с репрессиями, а только раскрывать в возможно большем масштабе членов этой организации.

На следующий день Розенбаум сам отправился к Бохану. Он показал ему свой открытый лист, а также сообщил подробно о раскрытых им на территории «крэсов» организаций «Свободный Рабочий» в Пинске, Бресте, Слониме, Гродно, Августове и Чарной Веси, о связи их между собой и с Вильно. Потом, дав письменную характеристику на Шиманского, доложил, что на 5 января вызван в Варшаву, к генералу Розвадовскому. Поручений и инструкций Розенбаум от Бохана на получил, на том и расстались. Вечером он встретился с Шиманским, который передал ему письмо в Лодзь к одному из коллег по политическому сыску рабочему фабрики Шайблера Клеменсу Курнатовичу. 4 января Розенбаум выехал в Варшаву.

5 января 1924 года рано утром он встретился в гостинице «Бристоль» с полковником Корвин-Пиотровским и вместе с ним отправился в Управление госполиции, к генералу Розвадовскому. После краткого доклада обоим генерал сообщил Розенбауму, что произведены аресты в Пинске, Бресте, Гродно, Августове и в Чарной Веси всех без исключения лиц, о которых он когда-либо доносил. Затем разговор был переведен в плоскость его будущего – политического сыска в центральной Польше, при этом шеф госполиции подвел его к карте Речи Посполитой. Этот момент надолго, если не навсегда, отложился в памяти Розенбаума. Когда генерал водил указкой (а может быть и рукой, нет, определенно, рукой) по карте, ему, как в детстве, представилось, что он находится в окружении Наполеона... Явиться за инструкцией Розенбауму было приказано через день, 7 января, к 11 утра. Оставшуюся часть дня 5 января доверенный полиции провел исключительно «для себя».

Глава IX. «ГАСТРОЛИ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПОЛЬШЕ

6 января 1924 года. Этот день Эдуард Розенбаум полностью посвятил подысканию себе соответствующего ансамбля для гастролей в малоизвестном ему районе Польши. В этом деле ему здорово помогло концертно-театральное бюро Витольда Иодко-Наркевича. Последний, по-видимому, наслышанный о разворотливости Розенбаума, предложил ему устройство гастролей оперно-опереточного ансамбля из числа артистов Большого оперного театра в Варшаве во главе с Грушинским и опереточную труппу из варшавских артистов во главе с Вандой Янковской. Поскольку других вариантов не было, то Розенбаум взялся за работу сразу с двумя коллективами. На сей раз договор на двенадцать гастролей (по 4–6 спектаклей каждого из коллективов был заключен между Розенбаумом и Иодко-Наркевичем в расчете на 12 городов (Лодзь, Кутно, Торунь, Быдгощ, Грудзендз, Тчев, Иновроцлав, Хемно, Влоцлавек, Плоцк, Радом, Кельцы).

Заключив этот договор и набросав черновой маршрут гастролей, Розенбаум на следующий день отправился в Управление госполиции. Генерал принял его немедленно (у него в кабинете уже находился полковник Корвин-Пиотровский), а узнав об оформленном договоре на гастроли, одобрил этот шаг агента вместе с черновым маршрутом, хотя и заметил, что над ним еще надо работать. После этого шеф госполиции перешел к изложению возлагаемого на Розенбаума задания. Задание состояло из двух частей: «1) продолжение дел по линии «Свободного Рабочего» и 2) раскрытие других прокоммунистических организаций». Особое внимание уделялось Центральному промышленному району (Радом, Люблин, Лодзь, Кутно, Быдгощ). Для его выполнения Розенбауму предоставлялось право пригласить для этой деятельности сотрудников по своему усмотрению, хотя о каждом из них он обязан был доносить

Розвадовскому. Устанавливались детали связи и информирования друг друга.

Отпуская Розенбаума, Розвадовский приказал ему на завтра явиться к нему в его приемные часы уже с отработанным маршрутом, а Корвин-Пиотровский напомнил вдогонку, что будет ждать его между тремя-четырьмя часами у себя в 92-м номере гостиницы «Бристоль». «Отработав» маршрут с Иодко-Наркевичем, доверенный госполиции в условленное время явился к Корвин-Пиотровскому. Полковник сразу же объявил Розенбауму, что с 1 февраля он вступает в исполнение своей новой должности – заместителя шефа госполиции Польши. Приняв поздравления от Розенбаума, он сразу же перешел к делу: «Эдуард, имей в виду, «Свободный Рабочий» – это не партия, но по степени своего влияния и в количественном отношении она, несомненно, является главной опорой коммунистов в стране. Сам знаешь, главную роль в ней играют евреи, а они имеют связь с Москвой, которая не жалеет средств на пропаганду мировой революции и коммунизма. При возникновении подозрений в отношении прокоммунистически настроенных лиц тоже прошу тебя особенно не церемониться. На террор и пропаганду коммунистов мы ответим тем же».

Ознакомив Корвин-Пиотровского с маршрутом и сроками гастролей, импрессарио указал на его условность и связь с меняющейся политической ситуацией в стране. Полковник обещал доложить об этом генералу во время вечернего доклада и попутно напомнил Розенбауму о необходимости завтрашней явки к генералу в приемные часы, сказав при этом, что и он будет у генерала в установленное время.

Разговор в кабинете Розвадовского на следующий день шел приблизительно о том же, что и ранее наедине с полковником. Генерал лишь обратил внимание Розенбаума на то обстоятельство, чтобы лиц, заподозренных им в прокоммунистическом настроении, он лично, во избежание саморазоблачения перед труппой и публикой, не арестовывал, а поручал это дело местной агентуре. Говоря о серьезности возлагаемой на Розенбаума задачи, он подчеркивал, что на новом месте будет значительно труднее, чем на «крэсах восточных», но он все же надеется на его находчивость и богатый опыт. Эти качества особенно пригодятся в Лодзи – «главном очаге антигосударственной коммунистической пропаганды».

Затем он вручил Розенбауму чек в кассу Управления на получение двух тысяч злотых на служебные расходы по разведке, а тысячу злотых лично в качестве вознаграждения за работу. Напомнив агенту о непосредственной его подчиненности своему заместителю Корвин-Пиотровскому, генерал дал понять, что их беседа подошла к концу.

Перед выездом из Варшавы в турне по подготовке городов, указанных в маршруте, для гастролей импрессарио Эдвард Ружинский зашел в бюро Иодко-Наркевича с просьбой подыскать ему помощника, который бы постоянно находился при труппе во время спектаклей, давая тем самым ему возможность отлучаться по организационно-театральным делам, что, несомненно, уменьшит расходы на разъезды. Разумеется, входя с таким предложением в бюро, Розенбаум думал в первую очередь о своих будущих необходимых отъездах-приездах в Варшаву. Директор бюро согласился с этим предложением, тем более что Розенбаум выступал в качестве администратора двух ансамблей, и такое в практике бюро уже имело место.

Вечером 13 января 1924 года Розенбаум выехал в Радом. Здесь у привокзального буфета он встретил Иосифа Горжевского, который в бытность его офицером Висленской флотилии работал в портных мастерских в Модлине. Сейчас он работал в местных артиллерийских мастерских. Не имея здесь других знакомых, Розенбаум пригласил бывшего сослуживца зайти к нему вечером в гостиницу «поговорить, выпить чаю и поужинать». В назначенное время Иосиф явился в номер, и между бывшими речниками завязался разговор. Говоря о себе и своей теперешней работе, Горжевский сказал: «Зарабатываю я хорошо, получаю 1 злотый 25 грошей в час. Рабочий день семичасовой, так что мой валовый дневной заработок составляет около 9 злотых. После всяких отчислений, включая и больничную кассу, на руки мне выдается 6 злотых 40 грошей. Жить можно недурно, так как продукты здесь дешевы. Состою я при мастерских пулеметным мастером, как слесарь и токарь по металлу». Постепенно собеседник импрессарио перешел на интересующую последнего тему: «Среди рабочих артиллерийских мастерских очень заметно отклонение влево, в сторону коммунизма. Наверное, есть даже какие-то большевистские организации, но я стараюсь в политику не вмешиваться, так как этим дохода своего не уве-

личу, а неприятностей можно нажать кучу. Это дурачье – наши рабочие – наслушаются жидовских агитаторов и видят сплошной рай в Советах. Холера их возьми, была б сила, поразносил бы им черепа... Правда, в последнее время и среди рабочих уже появляется оздоравливающая пропаганда сторонников Романа Дмовского, нашей эндеции, но это капля в море, да и правительство косо смотрит на эндеков, а потому и выходит, что настоящий поляк находится сейчас между молотом и наковальней. Если будет так и дальше, то все наши труды и жертвы, отданные независимости, обратятся в полнейшее ничто, и мы пропадем, как мухи зимой...».

В ответ на это «откровение» Розенбаум понимающе сказал Горжевскому, что такие чувства «переживает каждый честный поляк, но это не значит, что достичь своего мы можем только путем пролома черепов, ибо имеется возможность по-другому честно послужить Отчизне, получая при этом еще и заработок». Горжевский оказался сообразительным малым, ибо сразу же заметил: «Я понимаю, на что вы намекаете, но для того чтобы работать в контрразведке, нужно иметь и знания, и соответствующие знакомства, ведь просто с улицы туда никого не примут». Тогда Розенбаум открыто сказал ему, что если у него действительно есть желание поработать в политической разведке, то это можно легко устроить: были бы только две фотографии паспортного образца. Таковых у Горжевского не было, но зато при себе оказались четыре фотографии, приготовленные для удостоверения члена больничной кассы. Сказав, что и такие фотографии пойдут для зачисления его в политические агенты, а затем кратко пояснив, какие преимущества обретает Горжевский в качестве агента, Розенбаум показал будущему агенту свой открытый лист, после чего выдал удивленному собеседнику 200 злотых (под расписку) на расходы по линии политического сыска.

В дальнейшем эта встреча стала приобретать черты инструктажа, в ходе которого доверенный госполиции рассказал завербованному Горжевскому о существовании среди радомских железнодорожников организации «Свободный Рабочий». Он сообщил также все ему известное о Скаржиско и Демблине и поручил войти в тесную связь с членами прокоммунистических организаций, дав ему для начала фамилии рабочих Эдуарда Теодоровича и Александра Котовича. Горжевский не скрывал своего удовлетворения

по поводу столь неожиданно повернувшейся для него встречи со старым знакомым. Очередная встреча ему была назначена на 1 февраля здесь же, в номере гостиницы, сразу после спектакля. Импрессарио же, заказав для себя на 1 января этот же номер, выехал из Радома для подготовки гастролей в других городах.

Прибыв для подготовки этого города к гастрольным выступлениям, Розенбаум сразу же после окончания административно-театральных обязанностей отправился на фабрику Шайблера, чтобы познакомиться и завязать контакты с рабочим Клеменсом Курнатовичем, к которому имел рекомендательное письмо от Шиманского. Курнатович, уже имевший по просьбе Шиманского опыт агентурной работы, с места заявил, что местная организация «Свободный Рабочий», несмотря на произведенные в их рядах перед Рождеством 1923 года аресты, продолжает существовать, насчитывая только на их фабрике около 600 человек. Возглавляет организацию комитет из 15 человек, который является главным комитетом «Свободного Рабочего» в Лодзи. Председателем комитета является Левенман Лейзер-Лейба. В городе, по словам Курнатовича, имеется и другая прокоммунистическая организация, базирующаяся вокруг газеты польских коммунистов «Чэрвоны Штандар» («Красное Знамя»). В этом объединении, кроме рабочих, состоят мелкие чиновники, представители образованных слоев. Во главе организации стоят Беньямин Винер и Константин Кохановский. Комитет издает свою газету на шاپирографе. Один из его номеров Курнатович пообещал Розенбауму в ближайшее время принести.

Уже на следующий день, сразу после работы, Курнатович явился в гостиницу к Розенбауму и первым делом вручил ему номер подпольной газеты «Чэрвоны Штандар», отпечатанный на шاپирографе. Поскольку Курнатович был голоден, то Розенбаум велел номерному принести закуску и подать два обеда из ресторана гостиницы, а сам стал просматривать газету, более похожую на прокламацию и по форме, и по содержанию. В его руках был второй январский номер газеты, выше названия которой помещался лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Даже непродолжительного знакомства с «Чэрвоным Штандаром» Розенбауму было достаточно для того, чтобы сделать вывод об умении авторов «зажигать революционными настроениями рабочую массу». Последняя страница газеты была посвящена местным новостям, но вникнуть в

них агенты не успели, так как принесли выпивку и закуску. В ходе трапезы Курнатович сообщил следующее: «В своем большинстве рабочая масса в Лодзи тяготеет к коммунизму, и это не случайно, так как значительный процент рабочих городских фабрик составляют евреи. В среднем на каждом предприятии работает около двух тысяч, а на фабрике Шайблера и Гросмана – до четырех тысяч рабочих, не считая служащих. В противовес коммунистическим настроениям в городе развивается деятельность эндееции во главе с блестящим оратором адвокатом Ковальским. Между рабочими левого направления и принадлежащими к эндееции участились столкновения, переходящие в драки. В прошлом, 1923, году во время разрешенной правительством первомайской демонстрации между ними вспыхнуло настоящее побоище, для разгона которого потребовалось активное вмешательство членов конной и пешей полиции». Ужин явно затягивался, но, уже прощаясь, разговорившийся Курнатович с некоторой обидой сказал, что несмотря на имеющийся у него опыт разведывательной работы штатным агентом он не состоит, хотя к нему довольно часто обращаются за помощью отдельные сотрудники политполиции за плату. В среднем за это он имеет около 150 злотых в месяц. В настоящее время никаких поручений у него нет, и материалы по организации «Чэрвоны Штандар» он собирает по личной инициативе, никто из агентов лодзинской политполиции его о ней не расспрашивал, и Розенбауму он сообщает о ней впервые. На вопрос Розенбаума «давно ли эта организация существует», он ответил, что с ноября 1923 года. Тогда импрессарио предложил ему работать совместно, но уже в качестве штатного агента, что он обещал в ближайшее время оформить должным образом. Гарантируя Курнатовичу выполнение своих обещаний, Розенбум сразу же вручил ему 300 злотых под расписку о получении. Не желая быть в долгу, Курнатович вдруг вспомнил о том, что лодзинские организации «Свободный Рабочий» и «Чэрвоны Штандар» имеют свои филиалы в городе Кутно на сахарном заводе «Констанция» и на чугунолитейном заводе Фэтка, где работает его «надежный и добрый приятель Вильгельм Вернер, на которого в деле политической разведки можно полностью положиться».

Получив от Курнатовича рекомендательное письмо к Вернеру, Розенбаум на следующий день, 25 января 1924 года, выехал в

Кутно. Однако на заводе Фэтка нужного рабочего он не застал, так как он находился на излечении в лазарете. Розенбаум сразу же отправился туда и застал его гуляющим по палате. Поскольку в палате Вернер был не один, то Розенбаум предложил ему выйти в коридор. Там они сели на одну из скамеек. Розенбаум представился импрессарио Эдвардом Ружицким и вручил ему письмо от своего приятеля Курнатовича. Вернер взял письмо, быстро его прочитал и сразу же выразил свое согласие быть совместно с Розенбаумом, но только при условии полного выздоровления, а для этого «нужно будет потерять дней десять», во всяком случае, сказал он, так обещают ему врачи. Дальнейший разговор очень напоминал вербовку Курнатовича, только в данном случае все было гораздо быстрее. Перед уходом Розенбаума Вернер написал ему расписку за только что полученные им 200 злотых авансом в счет будущей разведывательной работы.

С 28 по 30 января 1924 года импрессарио находился в Варшаве. Вначале он побывал в бюро Иодко-Наркевича, где ему был представлен его помощник Роберт Рейх, бывший импрессарио профессора оккультных наук и гипнотизера Адама Чербака. Удовлетворение по этому поводу вскоре сменилось негодованием: дополнительно к имеющимся двух труппам ему вменялось в обязанность организовать 12 концертов популярного пианиста Николая Орлова в шести городах Польши. После обеда он пошел на прием к генералу Розвадовскому. Тот встретил Розенбаума словами: «Вы превзошли все мои ожидания. За столь короткий срок вы сделали то, чего мы долго не могли получить от своих агентов на местах. Как и прежде, обращаю ваше внимание на Лодзь – это главный очаг социалистической пропаганды, который деморализует польского рабочего. Мобилизуйте там все силы по своему усмотрению для скорейшей ликвидации этого осинового гнезда коммунизма». Просмотрев привезенную Розенбаумом газету «Чэрвоны Штандар», генерал поставил перед доверенным лицом полиции следующее задание по Лодзи: «1) занять своих людей везде – в типографиях легальных и подпольных и особенно в еврейских; 2) такие же свои люди должны быть в муниципалитете и других госучреждениях; 3) в Лодзи для пользы дела на расходы не скупиться». Затем Розвадовский высказался по поводу желательности проведения 5 февраля конференции всех активно работающих в этом направлении

агентов, а также выразил свое согласие с зачислением в штатные агенты сотрудников Розенбаума – Горжевского и Курнатовича. Документы на Вернера еще готовились.

В тот же день Розенбаум и его помощник Роберт Рейх вместе концертным ансамблем пианиста Николая Орлова выехал в Радом. При встрече с Горжевским он узнал, что в Скаржиско из числа наиболее идейных рабочих-слесарей создана агитационная группа для работы в пользу «Свободного Рабочего». При содействии своего старого приятеля Леона Лесневского ему удалось узнать о наличии на оружейно-орудийном заводе отдела этой же организации в количестве 30 человек. Этот короткий разговор закончился вручением Розенбаумом Горжевскому удостоверения штатного агента политполиции. Последний не скрывал по этому поводу своей радости.

5 февраля 1924 года в Варшаве в Управлении госполиции состоялось расширенное заседание (по определению Розенбаума – конференция), на которое были приглашены бывшие сотрудники Розенбаума по работе на «крэсах всходних»: Закржевский, Янчевский, Вальден, Лясота, Шиманский, а также Курнатович. Большой вклад в подготовку конференции внесли полковник Корвин-Пиотровский и приехавший за день до начала заседаний Розенбаум. Открывая конференцию, генерал Розвадовский заявил, что собрал сюда всех присутствующих с целью: «1) освещения политического положения и выяснения настроений рабочих в Польской Республике; 2) дачи указаний по ликвидации уже раскрытых дел; 3) выработки плана дальнейших действий; 4) обмена мнениями приглашенных сотрудников и др». После этого он традиционно обратил особое внимание на рабочий вопрос в Лодзи, пользуясь при этом информацией, почерпнутой из рапортов Розенбаума. В ходе своего доклада он обращался с вопросами то к нему, то к Курнатовичу как потомственному рабочему, хорошо знающему положение дел, что называется, изнутри. После оглашения своего решения – приступить к окончательной ликвидации прокоммунистических организаций, раскрытых на «крэсах всходних», генерал предоставил слово своему заместителю полковнику Корвин-Пиотровскому для краткого анализа политической ситуации в стране.

В общих чертах выступление полковника было сведено к следующему: «Рабочие, особенно на крэсах всходних, охвачены, как

заразной болезнью, близостью Советов, откуда под видом реэмигрантов прибывает в страну масса евреев, рассказывающих здесь о райской жизни в Советской России, а наши рабочие слушают с упоением эти сказки и никто из них не догадывается спросить у этих типов, зачем же они бежали из «рая» и приехали мучиться в Польшу? Это явление характерно как для крэсов восточных, так и для Конгресувки, и везде, как следует из донесений агентов, еврейство является главным пропагандистом социал-коммунизма, а следовательно, и главной угрозой для нашего молодого независимого государства. Уверен, что каждый из присутствующих здесь признает правоту моих слов. Не так ли, господа?» В ответ на это обращение полковника из зала прозвучало единодушное: «Правда!».

Воодушевленный поддержкой агентов, Корвин-Пиотровский закончил свое выступление призывом к установлению самого строгого надзора за еврейством: «чуть кто будет заподозрен в социал-коммунизме или хотя бы в сочувствии к нему, тех сразу необходимо лишать свободы! Ваше мнение, господа?». В ответ на это все агенты опять дружно выразили свое согласие со сказанным. Вслед за этим полковник предложил перейти к обсуждению положения в Лодзи, представив при этом слово Курнатовичу. Этого, впрочем, хотел и генерал Розвадовский. Шеф госполиции и его заместитель, вероятно, желали проверить информацию, получаемую от Розенбаума, через ответы неискушенного в такого рода делах новоиспеченного агента Курнатовича. Все они сводились к следующему: «Рабочему человеку всегда жилось нелегко. Сейчас, когда в России произошла революция, и у наших рабочих появился соблазн приобрести с помощью Советов лучшую жизнь. Это значит отнять у богатеев их богатства и поделить все поровну. Одни в это верят, а другие сомневаются, понимая, что всякий дележ – это кровь. Вот такие рабочие и должны быть опорой новой Польши. В Лодзи свыше тридцати крупных и мелких промышленных предприятий, и я думаю, что на них всегда найдется по одному хотя бы человеку-охотнику помочь политической полиции. Среди них и такие настоящие поляки, которые хорошо владеют еврейским жаргоном и даже грамотных по-еврейски... Думаю, что в данный момент следует приступить к ликвидации уже раскрытого в Лодзи, за исключением организации «Чэрвоны Штандар», так как слежка за ее членами

поможет докопаться и до других организаций, еще пока неизвестных. Я окончил».

Выразив одобрение сказанному Курнатовичем, Корвин-Пиотровский, как бы в оправдание перед Розенбаумом, обойденным возможностью выступить, заметил, что «эта точка зрения вполне совпадает со взглядами нашего доверенного лица, что ясно видно из его донесений».

О ситуации в Гродно докладывал представитель тамошней политполиции Закржевский. Он, в частности, сообщил, что к настоящему времени в городе за принадлежность к «Свободному Рабочему» арестованы свыше 200 человек и все они содержатся в гродненском тюремном замке. Производится дальнейший строгий надзор за рабочими транспорта, фабрик и заводов, ремонтных мастерских, ведется учет всех лиц, заподозренных в коммунистических настроениях. «Хочу честно сказать, – завершил свое выступление Закржевский, – что для меня такой объем работы не под силу, и я прошу о выделении мне помощи».

Далее было предоставлено слово Шиманскому, который заявил, что в Вильно пока ситуация находится под контролем, и что он каждые десять дней докладывает генералу Бохану по рабочему вопросу. Арестов на предприятиях пока не производилось. Вальден и Лясота заявили, что в главных железнодорожных мастерских им до настоящего времени пока не удалось напасть на след прокоммунистических организаций.

После этого генерал Розвадовский, поблагодарив всех присутствующих за участие в обсуждении важных государственных вопросов, попросил полковника Корвин-Пиотровского индивидуально побеседовать со всеми агентами об их периодах и объявил заседание закрытым.

Такого рода собеседования состоялись, и на них ушел весь следующий день. С Розенбаумом и Курнатовичем полковник встречался дважды: вначале с обоими вместе, а потом и с каждым в отдельности. Последняя беседа Корвин-Пиотровского с Розенбаумом завершилась следующим резюме: «Эдуард, специальный инструктаж тебе давать, как другим, не буду, ибо ты имеешь уже достаточный опыт в нашем деле, подтверждением чего является вся твоя предыдущая работа. Для обеспечения ее выполнения предоставляю тебе и на будущее право подбирать себе нужных сотруд-

ников. До сих пор в их подборе у тебя не было срывов. С финансовой отчетностью у тебя все в порядке. В связи с возможными крупными расходами в Лодзи и Люблине я даю тебе на личную отчетность пять тысяч злотых, из которых выдашь сколько нужно Курнатовичу. Тебе же лично генерал приказал мне выписать чек на две тысячи злотых... Я заканчиваю и еще раз напоминаю: Лодзь, Лодзь и еще раз Лодзь. Встретимся на обеде в «Астории».

Получив в кассе деньги, Розенбаум при выходе из здания политполиции повстречал Курнатовича. Поздравив последнего за то, что он хорошо держался перед начальством и обо всем говорил толково, он тотчас же пригласил агента в приемную и вручил под расписку ему тысячу пятьсот злотых на начало работ по подготовке агентов из числа рабочих, а затем от себя лично – двести злотых «в знак нашей дружбы и сотрудничества на перспективу». На этом они расстались.

На обеде в «Астории» Корвин-Пиотровский и Розенбаум, устав от напряжения служебных дел, слегка расслабились и почему-то перешли к воспоминаниям молодости, но затем также неожиданно прекратили об этом говорить. Прощаясь, полковник сказал Розенбауму: «Эдуард, я думаю, ты все правильно понимаешь, и у тебя не должно быть по отношению ко мне никаких сомнений, мы старые служаки. О крсах временно забудь, как бы их и не было. Единственная теперь твоя забота и работа: Лодзь, Люблин, Кутно и вообще Центральный промышленный район, Конгрессувка. Видеться мы должны минимум два раза в месяц. Рапорты присылай в исключительно важных случаях по адресу: гостиницы «Бристоль», «Варшава».

В тот же день ночным поездом импрессарио выехал в Радом. На следующий день к нему в гостиницу явился Горжевский с информацией о том, что на оружейно-оружейном заводе, кроме ячейки «Свободный Рабочий», существует еще городская организация под названием «Свобода Трудящихся» («Воля для люду працуенцэго»). В ней насчитывается до 150 человек, большинство из них рабочие из частных предприятий города. В комитете же – преимущественно оружейники. На след этой организации Горжевский напал благодаря своему товарищу Лесневскому, который познанил его на собственной квартире с неким Давыдом Гурвичем, фельдшером Радомской еврейской больницы. Представляя пришед-

шего Горжевского как члена организации «Свободный Рабочий», Линеvский попросил Гурвича продолжать ранее начатый разговор, из которого выходило, что фельдшер как председатель комитета организации «Свобода Трудящихся» ищет пути соединения двух организаций в одно целое, «ибо у той и другой цель одна – свобода, равенство, братство». Вместе с этим в беседе с Горжевским и Лесневским Давид Гурвич выразил обеспокоенность тем, что многие из «Свободного Рабочего» уже находятся под колпаком у полиции, а это значит, что обеим организациям надо проявлять высокую бдительность, тем более что из Лодзи также поступают тревожные новости, и спросил на сей счет мнение товарища Горжевского.

Не ожидавший такого поворота, последний все же нашелся и ответил, что он «вполне согласен с объединением двух организаций, тем более, что это укрепит их материально, но решить такой важный вопрос может только собрание комитетов двух организаций, хотя любое большое скопление людей достаточно опасно». На этом собеседники разошлись, договорившись еще обязательно встретиться.

В ходе этого разговора Горжевский сумел запомнить свыше десятка фамилий активистов организации «Свобода Трудящихся», их список при встрече он вручил Розенбауму. По характеристике агента Гурвич являл собой тип достаточно образованного человека. Он окончил русскую гимназию, учился в Харьковском университете на медицинском факультете, но во время Февральской революции вынужден был оставить университет и вернуться к родителям в местечко Конин бывшей Радомской губернии, откуда он родом. В Радоме он экстерном окончил фельдшерскую школу и занимался в Конине частной медицинской практикой. С установления польской власти Гурвич устроился на штатную должность фельдшера в Радомскую еврейскую больницу.

Сказанное Горжевским Розенбаум оценил как большую удачу и порекомендовал ему как можно ближе сойтись с Гурвичем, чтобы установить, с кем он имеет связь в Лодзи. Выдав ему 300 злотых на расходы, связанные с сыском, и 100 злотых в качестве премиальных за важную информацию, он сообщил Горжевскому, что завтра утром выезжает по театральным делам по маршруту Кельцы, Люблин, Лодзь. Услышав, что импрессарио будет в Люблине, он тотчас

же заявил, что там на авиационном заводе «он имеет трех друзей еще со времен похода 1920 года, на которых можно вполне положиться, так как они являются убежденными поляками-националистами». В ответ на это Розенбаум сказал: «В таком случае садитесь и пишите к одному из них письмо и просите, чтобы он познакомил меня с двумя другими, но предупреждаю, чтобы потом не было недоразумений, дело серьезное. Напишите также о себе и напомните, что их усилия будут вознаграждены. Фамилии моей в письме не упоминайте, а пишите «на подателя письма». После чего Розенбаум отдал агенту бумагу, перо и усадил писать письмо, а сам тем временем распорядился приготовить ужин и закуску на две osoby прямо в номере. Еще до того как принесли ужин, письмо было написано и адресовано на имя Чеслава Чайковского.

За ужином Горжевский рассказал кое-что о своем приятеле. Оказалось, что ему около сорока лет, что он квалифицированный рабочий по монтажу авиационных двигателей. В 1920 году добровольцем вступил в легионы Пилсудского и за боевые заслуги был награжден орденом «Виртути Милитари» и «Крестом Храбрости» (Кшиж Валечных), пользуется уважением как со стороны начальства, так и рабочих. Последние единогласно избрали его председателем рабочей конфликтной комиссии для разбора споров с администрацией. Двое других упомянутых рабочих (Юзеф Дмуховский и Ромуальд Раевский) работают там же слесарями, им обоим от 30 до 35 лет. Парни они хорошие, дружат с Чайковским, с другими рабочими отношения также нормальные. Оба – холостяки, и рабочие в шутку прозвали их «старыми петухами».

Прочитав письмо, составленное Горжевским, Розенбаум нашел его таким, каким и хотел его увидеть, особенно в той части, где автор письма писал, что он «очень доволен своей работой, и что она достаточно хорошо оплачивается». Адрес Чайковского Горжевский написал на частную квартиру по улице Фредры, 18.

Провожая агента, импрессарио приказал ему, не упуская из вида организацию «Свободный Рабочий», следить за «Свободой Трудящихся». Особенно важно иметь постоянное наблюдение за председателем последней Давидом Гурвичем. В случае обнаружения чего-то важного в свое отсутствие он рекомендовал Горжевскому немедленно сообщать об этом Корвин-Пиотровскому по адресу: «гостиница «Бристоль» в Варшаве». На следующий день Ро-

зенбаум выехал утром с ансамблем в Кельцы, где, проведя первый гастрольный вечер и сдав все свои дела там своему помощнику Рейху, уехал в Люблин как для устройства концерта пианиста Николая Орлова, так и по делам сыска.

В Люблин Розенбаум приехал 19 февраля 1924 года. Устроив здесь все для концертов пианиста Орлова, он в тот же день, когда рабочая смена на заводе окончилась, отправился на квартиру Чеслава Чайковского. Последнего он застал вместе с женой за ужином. Чайковский занимал чистенькую, уютную квартирку, недурно обставленную и состоящую из двух комнат и кухни. Извинившись за причиненное беспокойство, импрессарио передал хозяину дома письмо от Горжевского, представившись своим театральным псевдонимом. Хозяйка предложила Эдуарду Розенбауму чай, а сам Чайковский тотчас же принялся за чтение письма. Прочитав его, рабочий подошел к импрессарио и, крепко пожимая ему руку, сказал, обращаясь к жене: «Пойди-ка, дорогая, принеси нам чего-нибудь покрепче и хорошую закуску: я хочу обмыть знакомство с достойным человеком». Когда жена вышла, Чайковский искренне заявил гостю, что он очень рад этому знакомству и охотно поможет ему во всем, «ибо ждет не дождется, когда начнется истребление на заводе коммунистической заразы». Оглянувшись на двери, куда вышла жена, он полупшепотом добавил: «назначайте мне место и время встречи, но жена об этом ничего не должна знать, ее надо как бабу держать подальше от серьезных дел». Розенбаум на это заметил, что он остановился в гостинице «Виктория», и если хозяину будет удобно, то он будет ждать его у себя 39-м номере в 18 часов вечера.

Через несколько минут вернулась жена, и гостеприимные хозяева настояли, чтобы гость остался у них на целый вечер. В присутствии жены хозяина дома импрессарио, разумеется, говорил лишь о гастролях и о тогдашних театральных знаменитостях, с которыми он находился, естественно, в самых близких, почти дружеских отношениях. Это особенно восхищало хозяйку дома, но постепенно сами хозяева перевели разговор на тему о политическом положении Польши, а также о том, что «Польша буквально наводнена еврейством». На последнее обстоятельство особенно напирала «милая жена Чайковского», оказавшаяся «яркой антисемиткой». Она не раз во время застолья достаточно резко говорила

об этом, а муж ее рьяно поддерживал, неоднократно отмечая, что «правительство явно подрывает свои устои, принимая в Польшу реэмигрантов-евреев из России, полностью зараженных там коммунистическим духом». В течение вечера супруги неоднократно и единодушно восклицали: «И нет же на эту дрянь никакой холеры!». Все это укрепило уверенность Розенбаума, что в лице Чайковского он будет иметь надежного помощника в деле политического сыска.

Весьма многообещающей оказалась и беседа импрессарио с Чайковским в гостиничном номере. Здесь рабочий сразу же заявил, что весьма охотно дает свое согласие работать в политической разведке: «В Люблине недовольство рабочих существующим порядком вещей слышится по делу и без причины на каждом шагу, но я не могу понять, почему наши власти на это не обращают никакого внимания. Почему коммунистическим агитаторам–евреям все это сходит с рук. Особенно ярко это проявилось на праздновании 1 мая²⁰. Я наблюдал эту демонстрацию, разрешенную властями, что называется, со стороны. Руководство ею осуществлял специальный комитет, избранный из представителей всех трудовых коллективов города. Во главе колонны демонстрантов, впереди оркестра пожарной дружины, шел председатель городской пожарной охраны, он же вице-бурмистр (еврей по национальности). Оркестр играл коммунистический гимн «Интернационал», а участники шествия (более половины из них – евреи) пели этот гимн на польском языке с необычайным воодушевлением и подъемом. Первомайское шествие проходило по центральной улице города «3-го мая» с последующим переходом на «Площадь Свободы» под надежным прикрытием стоявших по обе стороны улицы шпалер пешей и конной наружной полиции. Уже здесь, на «Площади Свободы», участник шествия и известный социалист Соломон Браун попытался произнести речь, но был остановлен комендантом полиции... Слава Богу, хоть это смогли! Большого я вам сегодня ничего не скажу, но могу только с уверенностью сказать, что уже в ближайшее время я постараюсь войти в тесный контакт с рабочими, оказавшимися подверженными коммунистическому влиянию».

Розенбаум обрисовал разгневанному Чайковскому общее состояние настроений среди рабочих Польши, рассказал об их основных организациях, а также о том, что уже сделано по отноше-

нию к ним со стороны властей и чего последние ожидают со стороны политполиции по ослаблению антигосударственного влияния. Вслед за этим он расспросил у Чайковского о его товарищах Раевском и Дмуховском, а также заявил и о своем желании познакомиться с ними. Через день Чайковский привел друзей к Розенбауму. Последние сразу же заявили, что они – искренние патриоты, а потому «готовы всем сердцем содействовать политразведке». Тогда доверенное лицо госполиции повторил им всем вместе ранее уже данное Чайковскому задание по политическому сыску среди рабочих. После этого он предложил Дмуховскому и Раевскому действовать только по указаниям Чайковского. С особым удовольствием он вручил при этом Чайковскому 300 злотых, а его приятелям по 100 злотых каждому под расписку на расходы, связанные с выполнением полученного задания. Чувствовалось, что и новоиспеченным сотрудникам эта процедура пришлась по душе. Рассказав об ответственности, которая возлагается в связи с этим на каждого из них, Розенбаум составил соответствующий письменный акт, тогда же подписанный всеми присутствующими.

После этой встречи Розенбаум отправился через Варшаву в Лодзь. В столице импрессарио задержался на один день. Здесь он посетил Корвин-Пиотровского, которому подробно доложил обо всем сделанном в Радоме и Люблине, а также согласовал вопросы экстренной связи с ним на случай его отсутствия рядом со своими новыми сотрудниками. По этому поводу полковник заметил, что отправление последними шифрованных рапортов по адресу («гостиница «Бристоль» в Варшаве») может быть признанным только временным, поскольку со следующего месяца он предлагает новый порядок поддержания связи с агентами. В исключительных случаях необходимо использовать адрес: «Варшава, Алее Уездовска, 16, кв.4, Альфонсу Бандровскому для госпожи Ядвиги». Все письма с указанием этого адресата будут передаваться ему немедленно. В общих случаях информацию надо посылать по адресу: «Варшава, Кошикова, 3, кв.1. Евгению Корвин-Пиотровскому». В первом случае он будет письма вскрывать, а во втором – брать в стол, в свой служебный кабинет, не читая их до прибытия туда Розенбаума. На прощание Корвин-Пиотровский выдал доверенному лицу две банкноты по 500 злотых под расписку.

В Лодзь Розенбаум приехал ночью. На следующий день, ближе к вечеру, он повонил на фабрику Шайблера, прося дежурного на проходной передать Курнатовичу, что «импрессарио Ружицкий ждет его после работы в кондитерской «Кристал». В условленное время Курнатович явился к Розенбауму, предупредительно заказавшему для рабочего-агента обед. С аппетитом поедая его, он сообщил, что сеть сыскных агентов в количестве 15 человек им уже организована (имеется их список, нет пока на всех фотографий). С помощью новичков удалось установить, что коммунистические агитаторы не жалеют усилий для объединения в городе разрозненных организаций. К возможному союзу «Свободного Рабочего» и «Свободы Трудящихся» стремится недавно выявленная организация типографских рабочих под названием «Дер Штерн» («Знамя»), состоящая исключительно из евреев, к ним частично примыкают и другие работники печатной отрасли (граверы, штамповщики и др.). Было также доложено, что все нештатные агенты рабочие имеют свой участок разведывательной работы и конкретные задания.

По просьбе Розенбаума через день после этой встречи состоялось его знакомство с одним из помощников Курнатовича, назвавшимся Каролем Граппом. На Розенбаума он произвел приятное впечатление своей собранностью, аккуратностью, неспешной и продуманной речью. Тридцатичетырехлетний уроженец города Домбровы Гурничей, уже около десяти лет работал наборщиком при газете «День Лодзи» («Дзень Лудзки»). За короткое время ему удалось установить, что в организации «Дер Штерн» насчитывается свыше 200 человек, а руководит ими комитет в составе шести человек. Грапп сумел стать кандидатом в члены этой организации, благодаря хорошим отношениям с коллегами по работе и свободному владению устной и письменной речью еврейских рабочих. Всему этому он научился, будучи учеником наборщика, в еврейской типографии города Бендина. Здесь же в Лодзи большинство из его окружения ничего не знает об этих возможностях Граппа. В числе наиболее важных сведений, доставленных рабочим, было то, что «3 марта, а это значит через две недели, намечено проведение общего собрания актива всех прокоммунистических организаций Лодзи с целью их быстрого объединения». На это собрание намечается прибытие председателей рабочих организа-

ций из наиболее крупных городов (центрального промышленного района (ЦПР): Люблина, Радома, Заверця, Кутно и Домбровы Гурничей. Эту информацию Каролю Граппу удалось заполучить через случайно подслушанный разговор председателя комитета организации «Дер Штерн» Нафтули–Мейлаха Натансона – старшего наборщика и метрапанжа еврейской газеты «Дер Лодзимер Тог» с членами комитета «Свободного Рабочего» Хаимом-Носелем Недерманом, намеченными в качестве курьеров для посылки в упомянутые города. Из разговоров Граппа с другими рабочими стало ясно, что местом проведения этого собрания планируется дом коммуниста зубного техника Мейлаха Марморштейна в предместье Лодзи Балут (по улице Мьяновского, 13). В ходе незамысловатых расспросов агент узнал, что в пристройке к этому дому имеется достаточно большой полуподвал с электрическим освещением, где свободно могут разместиться до 150 человек. Когда-то здесь располагалось подсобное помещение шляпной фабрики Литке, сейчас же над ним возведена одноэтажная надстройка, в которой находятся квартира и зубная мастерская Марморштейна.

Это полуподвальное помещение на Балуте его хозяин использует как временный склад для транзитных товаров, иногда сдает его в аренду для устройства свадеб. Кстати, в целях конспирации общее собрание планируется обставить как день для свадебного угощения. О Мейлахе Марморштейне Кароль Грапп знал лишь то, что еще до мировой войны он учился в Киеве в зубоврачебной технической школе, затем работал по специальности в Варшаве. Во время войны выехал вглубь России, но во время кайзеровской оккупации Украины сумел перебраться в Лодзь. Известно также, что Марморштейн является членом комитета рабочей организации «Чэрвоны Штандар» и редактирует газету этой организации с таким же названием. В связи с этим Грапп добавил: «Я знаю лично Марморштейна, так как он часто заходит в нашу редакцию, и хотя наша газета «День Лодзи» печатается на польском языке, направление ее вполне юдофильское, такое же, как у варшавской газеты «Наш Пшегленд» («Наше Обозрение»). Редактирует нашу газету также еврей, помощник у него поляк Мечислав Мостовский – член ППС, а родной брат его работает в газете «Роботник» («Рабочий») – печатном органе ППС.

В дополнение к сказанному Граппом Клеменс Курнатович представил Розенбауму свой рапорт о проведенной за последнее время работе, а также именные списки членов организаций, заподозренных в прокоммунистических настроениях, а также недостающие фотографии на нештатных агентов. В списках, составленных на больших канцелярского формата листах в клеточку, были имена около тысячи человек. После чего Клеменс доложил, что сегодня утром ему удалось поговорить со старшим мастером красильного цеха, председателем комитета «Свободного Рабочего» Левенманом. Из этого разговора он узнал, что вчера их комитет принял большинством голосов решение о присоединении к организации «Чэроны Штандар». Тогда же было решено до 3 марта сего числа провести совместное заседание комитетов двух организаций по вопросам избрания нового комитета, объединения имеющихся материальных и денежных средств, а также по определению нового названия объединенной организации.

Ввиду серьезности процессов, протекающих в рабочей среде Лодзи, Розенбаум потребовал от своих сотрудников во что бы то ни стало постараться попасть на планируемые рабочими заседания и собрания, пообещав со своей стороны немедленно получить на сей счет консультации со стороны госполиции. Прощаясь с агентами, он посоветовал им до этой поры с местными отделами полиции не общаться и никаких сведений до его возвращения из Варшавы туда не давать.

После ухода Курнатовича и Граппа Розенбаум занялся чтением их рапортов, просмотром списков членов рабочих организаций, а также перечнем имен рабочих—сотрудников по части политического сыска. В последнем помимо Курнатовича и Граппа, значились следующие лица: Эмилиан Анджеевский, Гжегож Возницкий, Даниэль Гольмонт, Тадеуш Домбровский, Даниэль Демо, Ежи Жолкевский, Збигнев Жолнеркевич, Зенон Завадский, Зигфрид Заремба, Ян-Адольф Иваницкий, Зыгмунт Моравский, Анджей Коленда, Болеслав Когут. Вчитываясь в их имена, он пытался представить себе не только их лица (до просмотра уже имеющихся фотографий), но и те возможные открытия в деле, для которого они были призваны. Грапп и Курнатович определенно порадовали его добытой информацией, но она одновременно была и причиной его бессонницы.

Утром невыспавшийся Розенбаум поднялся с твердым решением ехать в Варшаву для личной встречи с Корвин-Пиотровским. Однако прежде чем спешить на вокзал, он решил зайти к шефу воеводского отдела госбезопасности, бывшего одновременно и начальником всей местной полиции, генералу Яну Поплавскому. Войдя в здание отдела, Розенбаум показал дежурному чиновнику свой знак под лацканом визитки и, не называя своей фамилии, попросил доложить генералу о необходимости его срочно принять. Несмотря на то, что в приемной находились несколько человек, генерал принял Розенбаума тотчас же. После предъявления открытого листа генерал предложил ему сесть и сказал, что он знает о миссии доверенного лица в городе Лодзи и готов оказать ему всяческое содействие и помощь. Розенбаум в свою очередь объяснил Яну Поплавскому цель своего визита – это просьба о том, чтобы дать распоряжение местным органам политической и наружной полиции не предпринимать приблизительно до 3 марта никаких ограничительных мер среди рабочих Лодзи в связи с принадлежностью последних к существующим в городе революционным организациям, «так как для этих птичек расставлены силки, в которых они неминуемо окажутся. Малейшие же репрессивные меры спугнут птичек, они разлетятся и будут вновь пакостить и тогда с большим трудом расставленные ловушки обратятся в пустой звук...».

Перейдя от образной обрисовки проблемы к ее конкретному разрешению, Розенбаум рассказал генералу о планируемом объединении существующих в Лодзи организаций. При этом он подчеркнул, что «необходимо сделать все, чтобы это собрание состоялось, так как оно даст нам ключ к раскрытию революционного заговора против правительства не только в нашем городе, но и во всем ЦПР (Центральном Промышленном районе)». В доказательство реальности этих планов он поставил в известность шефа госбезопасности о готовящемся участии в заговоре двух своих сотрудников.

Согласившись с доводами доверенного лица, генерал Поплавский спросил у него о наличии конкретных доказательств существования в городе коммунистического заговора. В ответ на это Розенбаум показал ему все имеющиеся у него именные списки членов лодзинских организаций, а также экземпляр подпольной газеты «Чэрвоны Штандар», отпечатанный на шапирографе. Просмот-

рев полученные от Розенбаума материалы, генерал с выражением некоторой неловкости на лице признал, что о газете «Чэрвоны Штандар» и организации «Дер Штерн» он впервые слышит.

В это время раздался телефонный звонок, генерал взял трубку и начал разговаривать. Из этого разговора Розенбаум понял, что на связи находится полковник Корвин-Пиотровский, так как генерал ему отвечал: «Да, да, именно сейчас у меня находится господин Ружа...», после чего передал Розенбауму трубку. Последний взял ее и услышал голос Корвин-Пиотровского, который без всякого удивления фактом присутствия агента в кабинете Поплавского спросил: «Когда вы будете в Варшаве?». На что Розенбаум ответил: «Сегодня ночью выезжаю, и завтра буду у вас с докладом». В этой ситуации полковнику, по-видимому, ничего не оставалось делать, как посоветовать доверенному лицу в случае острой необходимости прибегнуть к услугам телефона генерала Поплавского, так как этот аппарат совершенно независим от общей телефонной связи. «Жду завтра в десять часов», – этими словами полковника и закончился незапланированный разговор.

Когда Розенбаум положил телефонную трубку, генерал вышел из-за стола, сел с ним рядом и сказал: «Господин командор, только что я узнал, что вы в полном смысле человек нашего круга, поэтому я всегда готов быть вам полезным. Что же касается ожидаемого 3 марта, то давайте за пару дней до этого встретимся и обговорим все детали операции». Было уже довольно поздно, когда Розенбаум вышел от генерала, и поэтому он сразу же поспешил в гостиницу, ибо до отъезда в Варшаву ему надо было еще встретиться в условленное время с Курнатовичем и новоиспеченным агентом Яном-Адольфом Иваницким. В отличие от агентов-рабочих Иваницкий являлся чиновником магистрата, хотя и происходил из семьи рабочего-каменотеса. Ему было 28 лет, он имел неоконченное среднее образование (6 классов царской гимназии). По свидетельству Курнатовича, сам он хорошо знал не только Иваницко-го, но и его отца, всю жизнь проработавшего в фирме по производству надгробных памятников. Молодой Иваницкий попал в чиновники еще во время немецкой оккупации Польши. Работает в магистратуре шестой год, является горячим польским патриотом, сторонником народно-демократической партии (эндеции). Вместе с тем, как и все чиновники средней руки, он входит в состав профсо-

юза «Союз рабочих нравственного труда», члены которого – люди самой разной политической ориентации. Некоторые из них (в том числе и Ян Иваницкий) входили в состав организации «Свобода Трудящихся», хотя по своим убеждениям и не имели ничего общего с коммунистами. Более того, по совету и с ведома воеводской политполиции, он еще и подрабатывал частным образом в паре со штатным агентом таковой Евгением Лозинским. Когда же последний перешел на службу в наружную полицию г.Влоцлавека, то Иваницкий, считая свое пребывание в «Свободе Трудящихся» совершенно бесперспективным, также решил уйти из организации и переехать в Гурны Шленск. Но агент Курнатович, почувствовавший в нем родственную душу, не позволил ему это сделать, и привлек к совместной работе в политическом сыске. На встречу с Розенбаумом Иваницкий пришел вместе с Курнатовичем. Тот представил импрессарию нового сотрудника, который принес с собой результат своей недавней работы список рабочих и служащих магистрата, принадлежащих к «Чэрвоному Штандару» и «Свободе Трудящихся».

Иваницкий подтвердил все сказанное о нем Курнатовичем, выразив при этом желание стать штатным агентом политполиции. Что касается организации «Свобода Трудящихся», то он показал, что в ней насчитывается около 300 человек. Председателем комитета этой организации является Борух-Иосель Берг – главный бухгалтер фабрики мануфактуры «Блават Зажевский» в Лодзи, а заместителем – магистратский служащий (лавник) Арон Бендер. Последнему, по словам Иваницкого, выгоднее быть с ним в хороших отношениях, так как, занимаясь в секретариате магистрата благотворительной помощью для безработных, он контролировал в этом направлении финансовую деятельность упомянутого лавника. Именно от него Иваницкий и узнал, что лодзинские организации «Чэрвоны Штандар» и «Свобода Трудящихся» стоят на пути объединения в единую организацию, но этому противится рабочий комитет организации «Дер Штерн». В этой связи руководитель «Свободы Трудящихся» Берг намерен вступить в переговоры с председателем комитета организации «Дер Штерн» Натанзоном. Вслед за этим Иваницкий подал Розенбауму список из 15–20 лиц интеллигентных профессий, желающих войти в члены организации «Свобода Трудящихся». Среди них значились медики-врачи Гольд, Гляуберманн, адвокат Лискер и др.

Новые моменты в информации Иваницкого показались Розенбауму достаточно многообещающими, чтобы поощрить его. Он сразу же вручил ему 100 злотых под расписку и пообещал через несколько дней представить в госполицию его кандидатуру для утверждения в качестве штатного агента.

Встреча Розенбаума с Курнатовичем и Иваницким уже подходила к концу, когда в гостиничный номер вошел Грапп с небольшой, как он выразился, «новостью». «Сегодня я был в редакции газеты «Дэр Лодзинэр Тог», где председатель нашей организации «Дер Штерн» Натанзон предложил мне мандат для участия в объединительном собрании 3 марта. Когда он обратился к рабочим с вопросом о том, поддерживают они мою кандидатуру или нет, то последние в один голос заявили: «Пусть идет нашим делегатом, мы его знаем». После этого к Натанзону зашел председатель организации «Свобода Трудящихся» Борух Берг. О чем они говорили я не слышал, так как оба вышли в соседнее помещение». За эту новую информацию и Граппу импрессарио выдал 100 злотых под расписку. Прощаясь с агентами, он вместе с выдачей заданий предложил каждому из них «на дорожку» по рюмке водки, заявив при этом, что через полтора часа выезжает в Варшаву.

Приехав на следующий день в Варшаву, Розенбаум подробно доложил Корвин-Пиотровскому обо всем, что сделано в Лодзи. Просматривая списки лиц, заподозренных в прокоммунистических настроениях, полковник обратил внимание доверенного лица на то, что 80 % из них были евреями, а остальные – поляками. Вместе с этим, он подчеркнул и такую местную особенность: на фабриках Лодзи одну пятую часть рабочих составляют немецкие рабочие, но ни один из них не принадлежит ни к одной из выявленных организаций. Что касается польских антикоммунистических организаций, то здесь, несомненно, выделяется эндеция во главе с адвокатом Ковальским, близким другом Романа Дмовского – родоначальника этого движения. «Впрочем, эндеция – это вне нашей компетенции», – заявил Корвин-Пиотровский и тут же сообщил, что им получено из Радома от Горжевского весьма ценное донесение, подтверждающее наличие связей между рабочими организациями Радома и Лодзи. Последнее означало, что Розенбауму необходимо срочно быть в Радоме.

В гостиницу к Розенбауму Горжевский заявился где-то около полуночи и с удовлетворением сообщил, что благодаря доверчивым отношениям с Давидом Гурвичем ему удалось получить от него не только приглашение на объединительное собрание, но и познакомиться с лодзинскими делегатами (Авербухом – от «Чэрвоного Штандара» и Глуzmanом – от «Свободного Рабочего»), невольно проинформировавших его об уже состоявшемся пару дней назад объединении их организаций и об переговорах по этому вопросу между «Свободой Трудящихся» и «Дер Штерн». Они разъяснили также порядок участия представителей Радома на объединительном собрании в Лодзи на Балуте. На сегодняшнем заседании, а именно оттуда заявился с запозданием Горжевский, присутствовал также курьер из Лодзи Хаим Цедерман. На этом заседании было решено, что делегатами от радомских рабочих комитетов на объединительном собрании в Лодзи примут участие следующие представители: Давид Гурвич, Лея Голевчинер («Свобода Трудящихся»), Клеменс Клетневский, Иосиф Горжевский («Свободный Рабочий»). На внесении кандидатуры Горжевского в состав радомской делегации особенно настаивал Давид Гурвич. В конце заседания было составлено соответствующее постановление и вручено курьеру из Лодзи Цедерману, которому предстояло еще посетить собрания в Люблине и Ченстохове. Поздравив Горжевского с достижением поставленной цели, ибо попасть в делегаты было не столь простым делом, как это может показаться на первый взгляд, Розенбаум вручил ему в качестве поощрительной премии 200 злотых. На этом агенты расстались, а утром почти не спавший и разбитый Розенбаум выехал в Кельцы. Там, сказавшись больным, он сдал все административно-театральные дела своему помощнику Роберту Рейху и в тот же день выехал в Люблин.

Приехав в Люблин, Розенбаум первым делом отправился на квартиру Чеслава Чайковского, которого он застал дома одного (жена вышла к соседке, и он ждал с минуты на минуту ее возвращения), но уже собравшегося идти по делам сыска к Дмуховскому и Раевскому. Решив не мешать его планам, импрессарио назначил на вечер у себя в гостинице встречу с Чайковским и его ближайшими помощниками, а сам пошел по своим театрально-гастрольным делам.

Вечером разговор между Розенбаумом и Чайковским свелся в общих чертах к следующему. Чеслав Чайковский: «На авиационном заводе мне удалось завязать близкие отношения со старшим мастером токарного цеха Леоном Квасневским. Знаю я его давно как человека социалистического направления мыслей и как члена ППС. Пригласил я его к себе домой с помощью утешительницы всех униженных и оскорбленных (при этом Чайковский весьма мастерски шелкнул себя по кадыку). Выпили, закусили и Леон разоткровенничался. Выяснилось, что он крайне недоволен существующим в стране порядком вещей, а потому как может, объединяет вокруг себя таких же обездоленных. И тут же признал, что ему удалось организовать на заводе ячейку организации «Свободный Рабочий». В ней, сказал он, пока 80 человек, но самый большой недостаток – это то, что организации не хватает людей, пользующихся доверием рабочих масс: «Вот если бы вы или Раевский с Дмуховским согласились бы войти в наш состав, – заметил Леон, – то тогда бы дело у нас пошло лучше. Вас как представителя рабочей конфликтной комиссии все на заводе знают и уважают, и если бы вы приняли участие в улучшении нашей судьбы, то наши рабочие пошли бы за вами, как утята за утками: давай, брат, вместе работать!». На что я выразил свое охотное согласие и вот уже несколько дней, образно говоря, ношу красный фрак революционера. Я знаю фамилии всех членов нашей заводской ячейки, список которых здесь вам и вручаю. В комитете нашем сейчас идут разговоры об объединении всех революционных организаций в одно целое. Раевского я также ввел в нашу ячейку, и мы начинаем только сейчас понимать, в какой опасности находится наше Отечество, а потому не пожалеем своих сил, чтобы искоренить эту мерзость».

Эмоции Чайковского передались и Иосифу Дмуховскому, который сообщил, что ему удалось также завязать дружеские отношения со многими рабочими частных фабрик города («Корона», «Металл», «Инвалид», «Цукер Любельски» и др.). С их помощью он познакомился со старшим мастером завода по изготовлению протезов Каролом Левандовским и мастером завода чистящих и моющих средств «Корона» Мандельштамом. Оба они являются на своих предприятиях активистами «Свободного Рабочего» и «Свободы Трудящихся». Со слов Мандельштама, организация «Свободы Трудящихся» насчитывает свыше 300 человек, а председателем

ее комитета является химик-технолог завода Израиль Цедербаум, бывший львовский студент. Здесь со дня на день ждут прибытия курьера из Лодзи, занимающегося вопросом объединения организаций рабочих в Польше.

Ромуальд Раевский, будучи членом заводской ячейки «Свободного Рабочего», по поручению Чайковского выявлял прокоммунистические организации на других предприятиях города. Одной из таких ячеек «Свободного Рабочего» являлось объединение ремесленников, которое возглавлял частный сапожник Ян Дубейко. Здесь имелось около 50–60 членов. Сейчас идет работа по присоединению этой ячейки к нашей заводской организации. Другую прокоммунистическую организацию «Свобода Трудящихся» из числа рабочих городской бойни и местных больниц возглавляет портной-закройщик фирмы Витковского Мойша Блюменфельд. Эта организация входит в состав более крупной, руководимой упомянутым Израилем Цедербаумом. «Со слов Дубейко, – заметил Ромуальд, – я знаю, что в Люблине ожидается не сегодня-завтра приезд специальных курьеров».

Выслушав Чайковского и других агентов, Розенбаум отметил некоторую легковесность полученной ими информации, а потому настойчиво потребовал ее скорейшего углубления, имея в виду не только проникновение на объединительное собрание, готовящееся в Лодзи, но и на ежедневную работу на других предприятиях города, включая изучение положения дел на железной дороге.

26 февраля 1924 года импрессарио из Люблина поехал в Лодзь с заездом по дороге в Варшаву). Там, сообщив Корвин-Питровскому о новостях в Радоме и Люблине, Розенбаум никаких новых инструкций не получил, вероятно, в связи с очевидностью нацеленности всего внимания полиции на объединительное собрание рабочих в Лодзи. Единственным реальным полученным в Варшаве от полковника документом было медицинское свидетельство, подготовленное полковником по просьбе импрессарио для бюро Иодко-Наркевича о том, что в связи с воспалением толстой кишки он «должен быть подвергнут оперативному лечению, которое может продлиться до двух недель». Это свидетельство, разумеется, было фальшивым, ибо Розенбаум был вполне здоров, но только так, на его взгляд, можно было как-то оправдаться перед бюро за имевшие в последнее время место промахи в административно-

театральной деятельности импрессарио. Как и ожидалось, Иодко-Наркевич с пониманием отнесся к медицинским проблемам Розенбаума: все формальности были улажены, и последний в ночь с 28 на 29 февраля (1924-й год был високосным – В.Ч.) выехал в Лодзь.

Первым, кого здесь повстречал Розенбаум, был Курнатович. Последний искренне признался, что надеялся увидеть импрессарио лишь завтра, т.е. 1 марта, а сегодня он может дать ему лишь самую общую информацию о ситуации в рабочих организациях города да передать свежий номер газеты «Чэрвоны Штандар». Розенбауму ничего не оставалось, как согласиться с оправданием и одновременно предложением Курнатовича – собраться всем местным агентам завтра вечером у него в номере. Попрошавшись с Курнатовичем, импрессарио взялся за чтение полученной газеты. В передовице он подчеркнул для себя строки со словами благодарности от имени руководства организации «Чэрвоны Штандар» в адрес Бенямина Винера «за проведенную им работу по организации городских рабочих». В отделе хроники он обратил внимание на описание благотворительной деятельности зубного врача Визнера, проводившего бесплатное лечение низкооплачиваемых рабочих и сделавшего пожертвования в пользу «Чэрвоного Штандара» (через Бенямина Винера) в сумме 500 злотых. Розенбаум записал имя врача к себе в блокнот с целью наведения о нем справок у своих сотрудников. В этом же местном отделе было напечатано крупным шрифтом объявление, вносившее серьезные коррективы в организацию ближайшей разведывательной акции: «Ввиду того, что день, назначенный для собрания комитетов всех рабочих организаций, выпадает на пятницу, то таковой по просьбе рабочих-евреев переносится на вечер субботы». Текст этот, судя по всему рукой Курнатовича, уже был обведен красным карандашом. Итак, объединение назначено на 4 марта. А это значит, можно детально обдумать ситуацию, на что, как всегда, не хватает времени. С этими мыслями импрессарио необычно легко уснул.

На завтра в условленное время Курнатович, Грапп, Иваницкий и Анджеевский были у Розенбаума. С последним в списке агентов импрессарио еще никогда ранее не встречался, поэтому, представляя его, Курнатович коротко рассказал о нем: «Эмилиан Анджеевский – по профессии механик (демонстратор картин) кинотеатра «Люкс», ему 37 лет, работает по этой специальности с 14-летнего

возраста. Назначен в 1901 году учеником демонстратора фильмов в кинотеатре Ричарда Штремера в Киеве. В Лодзи живет и работает с 1919 года. До этого жил в России, где его отец был экономом, или управляющим, в имении знаменитого богача Терещенко в Таращанском уезде Киевской губернии. Учился вначале в киевском шестиклассном городском училище, потом в ремесленном училище, но последнего по причине внезапной смерти отца не окончил. Остался он с матерью и старшей сестрой. Мать устроилась птичницей в имении графини Браницкой под Белой Церковью, сестра была взята в горничные там же, а он в поисках себе пропитания попал в кинематограф Штремера на полное иждивение от хозяев с окладом в пять рублей в месяц. Здесь, благодаря управляющему Коренкову, он, попав в ученики к опытному мастеру кинематографа Константину Базарскому, и с помощью последнего вскоре стал настоящим киномехаником». Сказанное Курнатовичем со слов, вероятно, самого Анджеевского, последнего весьма удовлетворило, так как он в ходе своего представления Розенбауму несколько смущенно в знак согласия кивал головой. С интересом отнесся к характеристике Анджеевского и сам Розенбаум, поскольку как киевлянин хорошо помнил и Ричарда Штремера, и Николая Ивановича Коренкова, более того, как завсегдатай данного кинематографа он знал их лично. Поэтому он и предложил агенту-новичку первому отчитаться о проводимой им работе.

Эмилиан Анджеевский рассказал следующее: «В кино «Люкс» я работаю с 1919 года. Владелец заведения – Арон Левинсон. В последнее время я заметил, что к нам, в кинотеатр, особенно часто стал заходить Бенъямин Винер, разговаривать с рабочими и служащими. Я стал к нему присматриваться, и понял, что он ведет революционную агитацию, причем не только у нас, в кинотеатре, но и среди тружеников других кинематографов. А их у нас в Лодзи и окрестностях (Балуты, Хойно, Зажево и Табианцы) где-то более тридцати, а на каждый кинотеатр минимально приходится по 3-4 человека служащих и по 5-6 человек рабочих, что в сумме дает свыше трехсот человек. Владельцы кинотеатров – все без исключения евреи. Надо иметь в виду также и то, что в районах расположения кинотеатров находятся городская бойня, еврейская больница, множество частных предприятий, занимающихся извозным ломовым промыслом, около ста пекарен... И везде имеются бедные,

недовольные люди, ищущие возможности к протесту или защите. Как-то зашел ко мне знакомый механик из кинотеатра «Аврора» и стал меня уговаривать прийти на собрание работников всех кинотеатров, которое состоится в доме Мarmorштейна на Балутах. Там, дескать, будет выступать Винер о необходимости нам организоваться для улучшения нашего положения. Услышав фамилию Винера, я согласился и поддакнул, что действительно капитал давит из нас последние соки и еще что-то в этом же духе. Надо заметить, что Балуты – самое идеальное место для проведения подобных собраний: глухо, тихо, дома среди пустырей стоят редко; в летнее время бездомные здесь устраивают себе ночлеги, зимой же пусто, весной – грязь... Когда мы с приятелем пришли на это место, то там уже было около 150 местных рабочих, тихонько переговаривающихся друг с другом. Потом начал говорить Винер, а говорил он красиво, зажигательно, употребляя слова «революция», «эксплуатация», «социализм» и т.д. Все слушали, открыв рты, а когда оратор предложил записываться в организацию «Чэрвоны Штандар», то присутствующие единогласно поддержали этот призыв, некоторые даже вносили добровольные денежные пожертвования. Потом избрали состав комитета новообразовавшейся ячейки во главе с Винером. Избранному казначею сразу же были переданы собранные только что деньги. Так возникла новая ячейка «Червоного Штандара» из работников кинематографии. Всего записались в нее вместе со мной 143 человека. При закрытии собрания Бенъямин Винер поблагодарил всех собравшихся за поддержку и заявил о подчиненности образовавшейся ячейки главному городскому комитету во главе с Мейлихом Мarmorштейном. После чего стал раздавать участникам собрания номера газеты «Чэрвоны Штандар».

Вторым отчитывался о состоянии дел на своем участке Ян-Адольф Иваницкий: «Участок мой сложный. Во-первых, это бойня, находящаяся в ведомстве городского магистрата, с количеством штатных рабочих около 250 человек и около 30 человек сезонных наемных рабочих из числа ломовых извозчиков, нанимаемых частными поставщиками мяса. Во-вторых, это пекарни. Их в Лодзи вместе с пригородом насчитывается до 150, и все они перегружены работой, а это, немного-немало, более тысячи человек (рабочие-пекари и обслуга лавок). Большинство пекарен находится в руках евреев. Из общего их числа (150) имеется еще в центре

города 12 пекарен турецких и 8 польских, остальные – еврейские. В-третьих, это еврейская больница в центре и ее отделения в других районах города. Исключая врачей, в них трудятся свыше 400 человек. Таким образом, под моим контролем находится свыше двух тысяч человек. Около половины из них состоят членами районной организации «Чэрвоны Штандар». Сегодня я узнал, что вечером состоится заседание комитетов двух ячеек этой организации: от кинематографа и от городских рабочих и служащих. На этом заседании будут присутствовать и представители главного комитета Бенъямин Левенманн и Константин Кохановский. С помощью бухгалтера Берга у меня есть возможность попасть на это заседание».

Кароль Грапп доложил о том, что в последнее время в Лодзи по вопросу объединения организаций «Дер Штерн» и «Свобода Трудящихся» наметились некоторые разногласия: «в частности, наш председатель Нафтул Натанзон утверждает, что это объединение принесет больше вреда, чем пользы, так как возможна потеря контакта руководства со своими рабочими, а это может привести к проявлению революционного экстремизма... Одна положительная сторона, что материальные средства, столь нужные для нашей пропаганды, будут сосредоточены в одних руках – объединенного комитета».

Клеменс Курнатович, как бы суммируя сказанное его сотрудниками, заявил о том, что «в Лодзи на текущий момент имеется четыре прокоммунистические организации («Свободный Рабочий», «Свобода Трудящихся», «Чэрвоны Штандар», «Дер Штерн»). Самые крупные из них, располагающие ячейками в разных местах города, – это «Свободный Рабочий» и «Чэрвоны Штандар». Все главные деятели этих организаций, а также большинство рядовых членов и сочувствующих им, нам также известны. И если бы дело не шло о том, что планируемое коммунистами объединительное собрание, несомненно, выявит ряд новых деталей в их деятельности, а также организационные связи с другими населенными пунктами и предприятиями, то я считал бы настоящий момент самым удобным для принятия мер пресечения, так как всякое промедление только запутывает и усложняет дело разведки, а революционные организации только усиливает... Уже сегодня можно говорить о том, что на общем собрании комитетов будут присутствовать наши люди: я (при этом Курнатович показал имеющийся у него мандат –

В.Ч.), Кароль Грапп и Ян-Адольф Иваницкий. Это позволяет составить более подробный доклад о распространении коммунизма в Лодзи».

Заслушав всех присутствующих, Розенбаум поставил перед агентами две задачи: «1) остающиеся до начала объединительного собрания дни использовать для углубления наших познаний о повестке дня собрания, о принимаемых мерах предосторожности со стороны его организаторов, а также о местах размещения и прибытия всех иногородних; 2) на самом собрании необходимо зафиксировать фамилии присутствующих, выступающих с речами и в прениях; после окончания собрания каждому в отдельности составить подробный письменный рапорт». Уже прощаясь с агентами, Розенбаум напомнил им о необходимости еще раз собраться у него вечером 3 марта, и уже попутно спросил у агентов, знают ли они имя Визнера? На что Иваницкий ответил, что этот зубной врач занесен им в список подозрительных лиц, но принадлежность его к какой-либо из левых организаций пока не зарегистрирована.

На следующий день в служебное время импрессарио отправился к шефу воеводского отдела госбезопасности генералу Яну Поплавскому. Он достаточно подробно рассказал ему о состоянии дел, включая сведения о подготовке к собранию 4 марта, передал ему последний номер газеты «Чэрвоны Штандар» а также списки членов одноименной организации. После этого шеф госбезопасности и доверенное лицо госполиции перешли к обсуждению самой операции, связанной с проведением коммунистами объединительного собрания. Розенбаум категорически не принял предложения генерала обеспечить патрулирование улицы Мяновского на Балутах агентами тайной полиции и постовыми наружной полиции, ибо это, по его мнению, вызовет подозрительность у участников собрания, что может привести к его срыву. Генерал долго не хотел соглашаться с доводами Розенбаума, но в конце концов уступил ему со словами: «Может быть, вы и правы».

Было решено после обеда в субботу обеспечить дежурство агентов только на подходах к улице Мяновского, а также устроить дежурный состав наружной полиции в здании Балутского отдела полиции. Для поддержания связи между Поплавским и Розенбаумом, который должен будет находиться неподалеку от места проведения собрания, в его распоряжение выделялся специальный ку-

рьер. В ходе обсуждения операции было также условлено, что пока госполиции не станут известны результаты проведения собрания, аресты его участников производиться не будут. Команду об их начале можно будет давать лишь после соответствующего донесения Розенбаума.

Когда разбор операции практически завершился, выяснилось, что часть списков членов прокоммунистических организаций Лодзи находится в Варшаве у Корвин-Пиотровского. Генерал Поплавский в связи с этим позвонил по телефону полковнику, и в ходе этого разговора сообщил, что Розенбаум находится рядом с ним. После чего к телефону был приглашен импрессарио. В течение трех-пяти минут им с полковником удалось обговорить все детали операции, главная цель которой состояла в аресте всех членов революционных организаций, включая и участников собрания, но лишь после его завершения. Сказав, что все недостающие списки будут доставлены генералу спецкурьером, Корвин-Пиотровский сообщил также, что сам он приедет в Лодзь курьерским поездом, а потому к 12 часам дня у генерала должны обязательно собраться все принимающие участие в операции люди. Передав генералу содержание телефонного разговора с заместителем начальника госполиции, Розенбаум откланялся, пообещав 4 марта к 12 часам быть у него.

Из воеводского управления Розенбаум пошел в магистрат к Иваницкому, которого застал погруженным в свои служебные бумаги. Оторвав его на минуту от дел, импрессарио попросил его сразу же после работы быть у него в гостинице. Иваницкий ответил, что непременно прямо из магистрата приедет к нему (в 1920-е годы в Польше все учреждения работали с 8 часов утра до трех часов дня без обеда – В.Ч.). Когда Розенбаум глянул на часы, то до назначенного времени оставалось еще полтора часа, и он решил идти пока прямо в гостиницу.

Здесь он застал приехавшего из Радома Иосифа Горжевского. Тут же, в фойе гостиницы, находился и приехавший из Люблина Чеслав Чайковский. Оказывается, оба прибыли сюда одним поездом. Разместив их как старых знакомых в ранее забронированном номере, чтобы они смогли привести себя после дороги в порядок, Розенбаум отправился в ресторан, где попросил приготовить столик на четыре персоны в отдельном кабинете. Через пару минут

явился Иваницкий, и они оба прошли в кабинет, одновременно передав через официанта просьбу привести из 11-го номера гостиницы двух только что приехавших господ. В ожидании Горжевского и Чайковского импрессарио сказал Иваницкому, что очень рассчитывает на его помощь в подыскании ему помещения неподалеку от места собрания, где он мог бы находиться и поддерживать связь как со всеми агентами, так и с политполицией. Одним словом, пришли к выводу, что хозяева этого помещения должны быть людьми в полном смысле слова надежными... В это время в кабинет вошли Горжевский и Чайковский. Познакомив их с Иваницким, Розенбаум в ходе обеда продолжил прерванный разговор с Иваницким. При этом последний сказал, что вполне подходящее для операции помещение он знает. Это квартира его давнего приятеля, конторского служащего Альфреда Теодоровича, живущего на улице Мянковского, 22 в собственном доме. Семья его состоит из жены и троих детей, он является горячим поклонником Романа Дмовского и состоит членом «Стронництва Народового». Теодорович и его супруга – люди спокойные, тихие, но ответственные. Чтобы заслужить их симпатию и доверие, достаточно похвалить «эндецию» и поругать евреев. Если им сказать, для каких целей нужна на сутки их квартира, то они из патриотических побуждений, предоставят ее для Розенбаума и его связного совершенно бесплатно. «Дело не в деньгах, мы заплатим столько, сколько нужно, – сказал Розенбаум, и сразу же прибавил к сказанному. – Впрочем, вам виднее. Делайте, как хотите, лишь бы было нужно нам помещение».

Включившийся в разговор Горжевский сообщил, что из Радома вместе с ним приехали Давид Гурвич, Клеменс Клетневский и Лея Головчинер. Все трое приглашали его ехать вместе с ними, но он отказался, сказав, что имеет в Лодзи замужнюю сестру и хочет с ней повидаться. Гурвич тем не менее попросил его зайти к нему завтра к 10 часам утра, и что он с Леей остановится у Бендеров по Пшенфельнянской улице, 20. Чайковский же сказал, что с ним из Люблина приехал Израиль Цедербаум, который прямо с вокзала поехал к своему приятелю Мейлаху Марморштейну.

На этом разговор был завершен, да и обед съеден. Необходимо было браться за дело. Иваницкий поехал к Теодоровичам, пообещав через пару часов приехать с ответом, а Розенбаум с Чайковским и Горжевским пошли отдохнуть в гостиницу. Вскоре,

как и обещал, вернулся Иваницкий, подтвердивший, что с помещением все улажено так, как он и думал, и предложил Розенбауму поехать вместе с ним к Теодоровичам, чтобы представить его хозяевам. У Теодоровичей посидели за чаем пару часов, беседуя на самые разные темы. Люди эти оказались именно такими, как их охарактеризовал Иваницкий. Прощаясь с Теодоровичами, Розенбаум уже имел в своем блокноте свыше десяти фамилий лиц, подозреваемых супругами в сочувствии к коммунизму. В большинстве случаев ими были их знакомые по месту жительства и службы: доктор Лещинер, провизор Рабинович... Расстались агенты с Теодоровичами как добрые и давние знакомые.

На следующий день, т.е. 3 марта 1924 года, уже ближе к вечеру, у Розенбаума в номере собрались его сотрудники – Курнатович, Грапп, Иваницкий, Анджеевский, Горжевский и Чайковский. Все шестеро имели мандаты на участие в объединительном собрании революционных организаций ЦПР. Говорили из них в ходе встречи только Курнатович и Горжевский. Курнатович, в частности, сообщил, что «Цедерману, который ездил курьером по городам промышленного района, поручено организовать охрану собрания и патрулирование на Балутах. Для этой цели были привлечены 15 рабочих с фабрики Шайблера – членов организации «Свободный Рабочий». Каждый из них знает свое место и что делать в случае опасности. Проверкой мандатов на право участия в собрании будет заниматься при входе в помещение сам Цедерман. В случае надобности выхода из помещения он же будет выдавать и соответствующие пропуска с номерами, соответствующими номерам мандатов. Пропуск без мандата, как и мандат без пропуска, не будут считаться действительными».

Горжевский, побывавший с утра у Гурвича, познакомился с Мarmorштейном, который сообщил ему о повестке дня собрания, включающей свыше десяти пунктов. После этой информации был рассмотрен вопрос о порядке поддержания связи агентов – участников собрания между собой, а также с Розенбаумом в доме Теодоровичей. При этом было решено, что через каждые три часа к нему будут приходить Иваницкий или Анджеевский (в зависимости от конкретной ситуации), а во время перерыва – Курнатович.

4 марта около 12 часов Розенбаум уже был в кабинете генерала Поплавского. Корвин-Пиотровского пока еще не было, и в

ожидании его прибытия завязался разговор о том, что сделано за два последних дня как службой госбезопасности полиции, так и агентами во главе с Розенбаумом. После этого генерал познакомил импрессарио с курьером между ними на время операции – Мечиславом Янушевским. Оба договорились встретиться около шести вечера у дома Теодоровича. В это же время прибыл прямо с вокзала полковник Корвин-Пиотровский. Он передал генералу необходимые для проведения операции дополнительные списки, а затем попросил Розенбаума доложить о готовности к операции. Доклад Розенбаума полковник одобрил, как и все действия, предпринятые им, а потом сказал, что останется в Лодзи до вечера воскресенья. При этом генерал Поплавский предложил Корвин-Пиотровскому остановиться у него дома. Тот согласился и тут же, отпуская Розенбаума, сообщил ему о своем желании еще сегодня побывать на квартире Теодоровича как в точке, приближенной к главному объекту их внимания.

Придя в гостиницу, Розенбаум встретился с Чайковским и Горжевским, еще раз предупредил их о необходимости точного следования всем пунктам задания, в особенности тех, которые могут послужить материалом для дальнейшей разведки. Так прошло время до собрания.

Перед наступлением сумерек Розенбаум отправился на свой пост, т.е. на квартиру Теодоровичей. Те его уже ждали и сразу же усадили гостя за чай. Через минут пятнадцать сюда явился и связной генерала – Мечислав Янушевский. Около семи часов вечера, незадолго до начала собрания, к Розенбауму зашел Иваницкий с сообщением, что к началу собрания все готово, ждут лишь нескольких представителей местных организаций, и что из иногородних представителей, кроме уже известных, прибыли делегации из Домбровы Гурничей, Сосновца, Бендзина, Заверця, Ченстоховы, Кутно, Радомско, Петрокова, Калиша. Сказал также о том, что часа через два – два с половиной он или Анджеевский постараются проинформировать его о ходе собрания. Со слов Иваницкого, на съезд уже прибыли около 18 человек. Пока все идет спокойно, здание собрания не возбуждает внешне к себе никаких подозрений, так как декорировано зелеными гирляндами и бело-красными национальными флажками. Это сделано, по настоянию Марморштейна и Натанзона, для отвода глаз любопытных. Есть даже

несколько рабочих с музыкальными инструментами (скрипка, бубен, аккордеон), чтобы в случае чего изобразить субботнее веселье.

Около десяти вечера вновь к Теодоровичам заскочил Иваницкий и, слегка задыхаясь от спешки, сообщил, что состоялись выборы президиума собрания: председатель – Марморштейн, его заместитель – Берг, члены – Винер и Натанзон. Председатель кратко, но с подъемом объяснил цель собрания и призвал всех присутствующих к объединению. Из иногородних делегатов уже выступили: председатель организации «Чэрвоны Штандар» из Домбровы Гурничей, объединяющей рабочих Сосновца, Бендина и Заверця, Петр Пршысмьцкий. В этой организации имеется, по словам выступавшего, около полутора тысяч организованных рабочих; делегат из Бендина Гинзбург; делегат из Закруца – рабочий цементного завода «Высока» от организации «Свобода Трудящихся» – Болеслав Бродовский; из Сосновца от организации «Чэрвоны Штандар» старший мастер с шахты «Вулкан» (фамилию не разобрал) и от этой же организации – делегат из Домбровы Гурничей от рабочих металлургического завода «Гута Банкова» – Юзеф Плучек. Все выступавшие призывали присутствующих к объединению местных и региональных организаций в одно объединение или партию. После своих выступлений все делегаты, как правило, передавали председателю президиума списки членов своих организаций. Сказав обо всем этом, Иваницкий поспешил обратно на собрание. После этого Розенбаум послал находившегося при нем курьера к шефу госбезопасности с краткой информацией о ходе собрания, четко написанной на листке из блокнота за подписью «Антоний Ружа».

Часа через полтора курьер вернулся вместе с приехавшим в Лодзь Корвин-Пиотровским. Последний, уже ознакомившись с запиской Розенбаума, пришел сюда с твердым решением – немедленно по завершении собрания арестовать его участников и завладеть всеми списками членов этих организаций, а также документами собрания и его постановлениями. С этой целью он уже приказал около часу ночи оцепить полицейским кордоном весь район, а двор здания, где происходило собрание, в решающий момент должны занять силы политполиции. Второе кольцо оцепления всего Балута должны были обеспечить, по его плану, два батальона 48-го Петроковского пехотного полка. С этим он уехал, предуп-

редив, что к часу ночи приедет обратно и что сам будет руководить операцией на месте.

Через несколько минут забежал Анджеевский, сообщивший, что выступления делегатов закончились и что вот-вот начнется обсуждение главного вопроса – об объединении всех организаций.

Около часу ночи вернулся полковник Корвин-Пиотровский и заявил, что Балуты окружаются солдатами 48-го полка и что из этой зоны никто не выйдет, ибо всякий подозрительный будет задержан. Сейчас, добавил он, генерал Поплавский, согласно уже имеющимся спискам, приступил к аресту лиц, заподозренных в антигосударственной деятельности. Со словами: «Лодзинская революционная зараза должна быть уничтожена» полковник начал беседу с Розенбаумом в свете поступившей к последнему информации о ходе нелегального собрания. В это время опять забежал Анджеевский, сообщивший, что начались прения по основному вопросу и что они носят очень острый характер, но можно надеяться, что часа через два собрание закончится. Сразу после этого Корвин-Пиотровский передал через Анджеевского приказ всем сотрудникам политразведки, присутствующим на собрании, покинуть его перед завершением и сразу же прибыть сюда, к Розенбауму. Анджеевский по-военному четко ответил: «Слушаю, господин полковник», и тотчас же побежал на собрание. Вслед за ним вышел из дома Корвин-Пиотровский, сказав Розенбауму, что пойдет посмотреть, как идет оцепление района. Минут через 30–40 он вернулся обратно, заявив, что «пехотинцы – молодцы, а полицейский отряд готов к выступлению».

Незадолго до этого к Теодоровичам пришел Курнатович, доложивший, что на собрании объявлен 20-минутный перерыв, заметно общее утомление в зале, и что вопрос об объединении прошел незначительным большинством голосов. Новое название объединенных организаций принято почти единогласно – «Чэрвоны Штандар». Еще предстоит выборы объединенного комитета новой организации, принятие постановления по этому вопросу и заключительное выступление председателя собрания. Курнатович сообщил также, что он дал распоряжение своим людям начать по одному, не вызывая подозрений, выходить из зала, как только слово для выступления будет предоставлено председателю президиума. В целом же у делегатов, по словам Курнатовича, «никакого беспо-

койства нет, рабочая охрана спокойна». С этим он опять ушел на собрание. Стал собирался на выход и Корвин-Пиотровский. Уже уходя, он сказал Розенбауму: «Я иду в комиссариат, до него – 15 минут ходу. Как только прибудет сюда первый наш сотрудник, немедленно высылайте ко мне курьера. Его приход будет равнозначен приказу о введении в действие отряда полицейской стражи...».

Приблизительно в начале второго часа ночи прибежал Горжевский и сказал, что минут через 40–50 можно ожидать окончания собрания. Рабочая охрана на улице уже снята и присутствует в зале собрания, и только у двух выходов со двора стоят рабочие-постовые: всего четыре человека. Получив это сообщение, Розенбаум тотчас же отправил Янушевского к полковнику. Где-то через час к Розенбауму стали по одному подходить его сотрудники. Курнатович явился последним. Войдя в дом, он возбужденно заявил, что полицейский отряд во главе с Корвин-Пиотровским без шума снял часовых у дверей дома Мраморштейна и уже вошел в помещение, где проходило собрание, и что он выскочил оттуда в последнюю минуту: «Уверен, что делегаты будут не в состоянии что-нибудь предпринять, так как их уверенность в безопасности была полной, ибо представители охраны через каждые полчаса убеждали всех присутствующих, что снаружи все спокойно. Отряд полиции явился тогда, когда его совсем не ждали...».

Пока между агентами шел обмен впечатлениями о последних событиях ночи, явился усталый, но довольный полковник. Он пожал каждому из сотрудников руку и поблагодарил их за проделанную работу. Показывая на туго набитый портфель, Корвин-Пиотровский, заметил, что здесь у него находятся все захваченные на собрании материалы об «лодзинском очаге революции», а потом уже более спокойно обрисовал ситуацию: все участники собрания арестованы, скрыться никому не удалось, и они уже отправлены под конвоем солдат и конной полиции для временного содержания под стражей в военной тюрьме, находящейся здесь же, на Балутах. Полная ликвидация революционных групп в ЦПР, по его мнению, должна завершиться в течение нескольких дней.

Подозвав к себе Розенбаума, полковник устало улыбнулся и сказал: «Ну а теперь можно расходиться, однако прошу всех вас к 12 часам быть в политическом отделе госбезопасности при воеводском управлении».

На следующий день, т.е. 5 марта 1924 года, в назначенное время в воеводском управлении началось совещание по подведению итогов ночной операции. Открыл совещание Корвин-Пиотровский. Поблагодарив еще раз всех сотрудников во главе с Розенбаумом за работу, он вручил каждому из них по 500 злотых наградных. Столько же выписал агентам в чеках генерал Поплавский. Было также очевидно, что Анджеевский, Грапп и Иваницкий зачислены в число штатных агентов при Главном управлении госполиции в Варшаве с месячным окладом в 300 злотых. Всем им предлагалось явиться 10 марта к Корвин-Пиотровскому. Последний, к общему удовлетворению, заявил также о том, что списки членов прокоммунистических организаций, составленные в разное время агентами, почти полностью сходятся со списками, захваченными на собрании, а это является важным показателем добросовестного отношения всех собравшихся агентов к делу. К числу первоочередных задач он отнес выявление адресов «бунтовщиков», а затем сообщил, что их аресты продолжаются и продлятся до тех пор, пока они все до единого не будут под замком».

Далее началось обсуждение насущных задач в области политического сыска, а также мест использования каждого из агентов. Курнатовичу и Граппу полковник предложил пока оставаться в Лодзи, но в скором времени ожидается их перевод в Варшаву. Анджеевскому и Иваницкому он предложил также подумать о новом месте, где они лучше всего могли бы применять свой опыт. Чайковский и Горжевский оставались по-прежнему в Люблине и Радоме. Розенбауму было приказано оставаться в Лодзи с целью подготовки новой сети разведки в тесном взаимодействии с генералом Поплавским. Всем штатным агентам давалось право вербовки верных людей из рабочей среды за соответствующее вознаграждение. Все они должны были раз в декаду приезжать в Варшаву в Главное управление госполиции для отчета о своих делах. Командировочные расходы планировалось им оплачивать по прибытии (из расчета на второй класс билетов по железной дороге и 15 злотых в сутки). Время явки лодзинским агентам назначил и генерал Поплавский. Но вскоре совещание было закончено, и собравшиеся стали расходиться. В кабинете генерала остались лишь трое: сам генерал, Корвин-Пиотровский и Розенбаум. Между ними состоялся более доверительный разговор, касающийся не только ха-

рактические деятельности каждого из агентов, но и в целом итогов ночной операции. В частности, полковник сообщил о том, что на собрании были арестованы 203 человека, в том числе все члены комитетов лодзинских организаций. Арестованы и все лица из списков тех, кто находился под подозрением. Сегодня ночью по месту их жительства будут проведены вторичные обыски с целью обнаружения компрометирующих этих людей материалов. Начатый полковником разговор продолжил генерал, сообщивший, что общее количество участников рабочих организаций в одной только Лодзи приближается к трем тысячам. «Самое примечательное, – с выражением напускного удивления добавил он, – состоит в том, что их комитеты на 99 процентов состоят из евреев, а в самих организациях процент евреев, во всяком случае, не меньше 60-ти. Думаю, что дня через три все эти тысячи будут под замком: держать их на свободе слишком опасно для государства».

Где-то спустя час начатый разговор был продолжен на квартире у генерала за обедом. Здесь Поплавский и Корвин-Пиотровский опять многократно как бы убеждали и себя, и Розенбаума, что «всю революционную работу на территории государства проводят исключительно евреи, являющиеся эмиссарами большевистской Москвы, от которой получают огромные деньги, доказательством чему являются найденные у евреев-комитетчиков большие суммы иностранной валюты в долларах». Других тем, имеющих отношение к политике, не поднималось.

После обеда Розенбаум, поблагодарив генерала за прием, а полковника – за приятную компанию, направился в гостиницу. Около семи часов вечера туда к нему стали подходить подчиненные ему агенты. Каждый из них принес с собой донесения, на основании которых импрессарио составил общее донесение о вчерашнем собрании. Затем разговор перешел на тему о создании новой сети сотрудников сыска, причем было решено оставить в ней тех из людей, которые были ранее привлечены к сотрудничеству Курнатовичем, и с которыми Розенбаум еще не встречался, а также добавить по его предложению еще четырех новых: Константина Кожуховского – старшего ткача фабрики Шайблера, Михаила Козакевича – рабочего по окраске тканей той же фабрики, Александра Леваневского – рабочего Зажевской мануфактуры, Зыгмунта Садовского – химика Видзевской мануфактуры. После-

дующая беседа в основном вращалась вокруг дальнейшей судьбы каждого из агентов. В частности, Иваницкий просил у Розенбаума протезировать его перед начальством для перевода во Влоцлавек, а Анджеевский – в Бельско (ранее австрийский Билитц), где у него имелись приятели на фабрике мануфактуры. Грапп выразил желание перебраться в Катовице, где на сталелитейном заводе работает его шурин Вернер Вредэ, и что он, Грапп, владея немецким языком, «на Гурном Шленске сможет принести большую пользу политической разведке, чем в Варшаве». Уже прощаясь, Розенбаум напомнил всем сотрудникам о необходимости завтра в назначенное время быть у генерала Поплавского.

На следующий день утром Розенбаум пошел к генералу, рассчитывая застать у него и Корвин-Пиотровского, но тот незадолго до этого уже уехал в Варшаву. Розенбаум доложил генералу о своем видении новой разведывательной сети в Лодзи и предложил новый состав агентуры. Просмотрев ее список, Поплавский заявил, что лично ему из числа представленных лиц, известны только Даниэль Гольмонт, Тадеуш Домбровский, Зенон Завадский, Зыгмунт Моравский, Григорий Возницкий; остальные фамилии ему неизвестны. При этом он высказал мнение о желательности сокращения этого списка из 15 человек до 10, мотивируя это тем, что «после нанесенного революционерам удара, они вряд ли захотят получить его во второй раз, а потому имеется возможность заподозренных в левых взглядах уже сажать под замок по одному и без всякого шума, а раз так все идет, то число агентов увеличивать не стоит...».

Розенбаум, разумеется, понял нажим генерала на последние слова, но тем не менее попросил у него разрешения высказать свое мнение по данному вопросу. Признав справедливость слов своего собеседника в отношении «сильного удара», нанесенного полицией по рабочему движению, он между тем заметил, что «нельзя и мысли допускать, что оставшиеся на свободе рабочие будут навечно подавлены в своих коммунистических настроениях. Пройдет время, и на смену арестованным придут новые люди, готовые на любые жертвы, поэтому на борьбу с революцией я смотрю несколько по-иному. Я видел русскую революцию, да и вы, господин генерал, служа в царской гвардейской кавалерии, видели то же самое, что и я. Разве не потворствовали революционерам ошибочные дей-

ствия царского правительства, еще более вызывавшие своими непродуманными мерами ненависть к себе и государю всего народа. Нам, полякам, во избежание повторения этих ошибок, ни в коем случае нельзя терять бдительности и допустить, чтобы наша недавняя победа в Лодзи²¹ обратилась в Пиррову победу. Нам надо не то что удвоить, а утроить силы политической разведки и еще глубже внедриться в среду враждебных нам элементов. Вот почему я настаиваю на сохранении в своем распоряжении всех заявленных сотрудников. Думаю, что они смогут, помимо всего прочего, объединить вокруг себя патриотическую и здоровую часть рабочих. Надо удержать ее от ухода в стан противника. Ведь если бы у нас не было опоры среди этой государственно-сознательной части лодзинских рабочих, то мы вряд ли бы достигли тех результатов, которые мы сегодня имеем».

Как это было и раньше, генерал не выразил прямо своего согласия с мнением доверенного лица госполиции, но в его поведении и словах («может быть вы и правы, судя по всему, ваша интуиция в рабочей среде вас до сих пор, кажется, не подводила») эта убежденность начинала чувствоваться достаточно определенно. После еще нескольких самых общих фраз генерал пожал Розенбауму руку, и тот вышел из кабинета.

Вечером того же дня в номер к Розенбауму пришел Курнатович в сопровождении вновь приглашенных к работе агентов из рабочих. Из их среды своим более-менее интеллигентным видом выделялись двое: Михаил Козакевич и Зигмунт Садовский. Из характеристики, данной им Курнатовичем, и ответов их на вопросы Розенбаума стало известно следующее. Михаилу Козакевичу было 35 лет, он уроженец бывшей Подольской губернии. Отец его, хотя был и крестьянского происхождения, сумел устроиться управляющим, или старшим экономом, в имении богатого помещика Мозарани неподалеку от Винницы. Прослужив здесь около 30 лет, старший Козакевич, оставив службу у помещика, стал заниматься своим хозяйством, завел плантации сахарной свеклы и стал ею снабжать соседние сахарные заводы. Дело он вел умело, а потому быстро разбогател. Сына Михаила он определил в Винницкое реальное училище, но последний по неспособности к науке учился плохо. Тогда отец, забрав мальчика оттуда, отправил его к сестре своей жены, муж которой работал ткачом на фабрике Циндля, из-

вестной своими тканями по всей России. Так, благодаря дяде, он с 14 лет начал учиться ткацкому ремеслу. Вскоре после этого старый Козакевич умер, а мать, продав хутор, приехала в Лодзь, где купила дом на улице Видзевской, 70, в котором она и поселилась вместе с сыном. В конце 1918 года мать умерла, а он пошел добровольцем в легионы Пилсудского. Участвовал в разоружении немцев и в изгнании их из Польши, а затем принимал участие в походе против большевиков, за что был награжден «Кшижем Валечных» («Крестом Храбрых»). В 1921 году был демобилизован из армии и с тех пор трудился ткачом на фабрике Шайблера. В среде рабочих пользовался уважением и доверием.

Зыгмунт Садовский, 32 года. Уроженец Лодзи. Работает на Видзевской мануфактуре с юных лет. За счет фирмы окончил в Лодзи двухгодичные курсы химиков по окраске тканей. Как опытный профессионал в своем деле пользуется уважением среди рабочих, часто бывает в качестве консультанта на других предприятиях отрасли, имеет широкие знакомства среди технической интеллигенции и рабочих. Ныне работает на фабрике Шайблера. Биографии других агентов друг от друга почти не отличались: начальная школа, с раннего возраста работа в цеху, на фабрике.

После общего знакомства все пришедшие к Розенбауму подтвердили свое желание работать в политразведке. Причем Михаил Козакевич заявил что к этой деятельности он «приступает не из материальных выгод, так как неплохо зарабатывает, да и от матери в наследство ему кое-что досталось, а берется за нее по убеждению, как враг всякого революционного движения и для подавления его он готов даже свои личные средства выложить из кармана». Остальные трое рабочих высказались приблизительно в таком же духе.

Назначив Михаила Козакевича старшим в новой группе агентов (последний с удовольствием принял на себя эту ответственность), Розенбаум сказал, что, кроме лиц, здесь присутствующих, в его подчинении будут находиться и люди, ранее работавшие с Курнатовичем: Гжегож Возницкий, Даниэль Гольмонт, Тадеуш Домбровский, Ежи Жолкевский, Збигнев Жолнеркевич, Зенон Завадский, Зигфрид Заремба и Зыгмунт Моравский. Оказалось при этом, что все эти лица хорошо известны Козакевичу. С учетом этого он сразу же заявил, что «хотел бы Жолкевского, Жолнеркевича и Зарем-

бу, как любящих выпить, заменить рабочими более солидными, и за которых он готов головой поручиться...». К их числу он относил Ежи Грудня, Болеслава Добржаньского и Иосифа Ледницкого. Розенбаум выразил свое согласие с такой рокировкой среди агентов, не возражал против этого и Курнатович. В итоге импрессарио дал Курнатовичу распоряжение освободиться от услуг упомянутых Козакевичем агентов с выплатой им по 100 злотых под расписку, мотивируя этот расчет последними событиями, происходившими в Лодзи и начавшимся свертыванием политразведки из соображений уменьшения расходов. Он также попросил поблагодарить их за проведенную ими работу. Вслед за этим Розенбаум перешел к инструктажу нового пополнения в плане необходимого оформления документов, формы подачи сообщений, их периодичности, а также порядка связи, как с ним, так и с воеводским и варшавским начальством. Договорились, что о своем приезде в Лодзь Розенбаум будет сообщать по телефону на фабрику Шайблера Козакевичу, начиная со следующей фразы: «Пани Мария Закржевская просит зайти к ней (время)». Это будет означать, что он уже находится в гостинице.

Новый день для Розенбаума и Козакевича начался с визита к генералу Поплавскому. Тот одобрил план мероприятий, разработанный визитерами, и приказал Козакевичу еженедельно каждую субботу в 12 часов дня являться к нему с докладом о ходе политразведки и для получения инструкций. Генерал выписал ему и чек на 500 злотых на текущие служебные расходы на подотчет. После этого он потребовал, чтобы в первое же воскресенье, после окончания богослужения в костелах, Козакевич явился к нему со всеми новыми сотрудниками, так как он желает «не только с ними побеседовать, но и знать каждого из них в лицо». Генерал коротко поговорил с Михаилом Козакевичем о его жизни, политических взглядах, и выразил уверенность в том, что знание последним рабочей Лодзи «позволит ему внести посильный вклад в дело спасения Отчизны от еврейского социал-коммунизма». Обращаясь к Розенбауму, он поблагодарил его за раскрытие в Лодзи столь огромной антигосударственной организации, о чем он считает «своим долгом довести... до сведения маршала Пилсудского». На такой высокой ноте и закончилась разведывательная деятельность Эдуарда Розенбаума в Лодзи.

Перед отъездом в Варшаву Розенбаум устроил у себя в номере прощальный ужин, на который пригласил Курнатовича, Иваницкого и Козакевича. Несмотря на уговор – о политразведке ни слова, постепенно разговор у собравшихся все равно перешел в эту плоскость. Курнатовича интересовало, кому он должен сдать оставшиеся деньги с подотчета. Удовлетворившись ответом Розенбаума («это изложено в инструкции, выданной вам Корвин-Пиотровским»), он передал импрессарию расписки Жолкевского, Жолнеркевича и Зарембы о получении полного расчета за работу в сыске, заявив при этом, что все трое были очень довольны вознаграждением и выразили готовность, если потребуется, быть полезными политразведке. Козакевича волновал по неопытности вопрос о том, как распоряжаться деньгами, данными ему на сотрудников. На это Розенбаум ответил четко с учетом собственного опыта: «Размер вознаграждения зависит от характера и важности поручаемой работы, но, разумеется, нужно принимать во внимание материальное состояние данного сотрудника в момент выдачи ему тех или иных сумм. Кроме того, он (сотрудник) должен всегда чувствовать, что труд его оценивается справедливо, и тогда он будет ревностно относиться к своим обязанностям. Что до авансов за работу на будущее, то старайтесь их избегать, так как любая работа должна оплачиваться по существу, после ее выполнения. Авансы сотрудникам на расходы по службе давайте, сообразуясь с имеющейся у вас суммой подотчетных средств. Если она мала, составьте смету на необходимые расходы и при еженедельном докладе или в экстренном порядке смело идите к генералу Поплавскому и просите увеличить ваш собственный аванс... Одним словом, интересы дела должны быть превыше всего, а деньги под это всегда найдутся».

Иваницкий был заинтересован в подыскании своего человека при городском магистрате. О своих поисках в этом направлении он уже говорил Розенбауму, поэтому на сей раз он пришел в гостиницу со своим кандидатом на эту роль. Поскольку человек этот находился в вестибюле, то Иваницкий сбегал за ним и представил его Розенбауму. В ходе знакомства выяснилось, что кандидату в агенты Генриху Миклашевскому 28 лет, он уроженец Лодзи, окончил местное коммерческое училище, женат, работает в персональном отделе магистрата и ведает кадрами городских предприятий с

1921 года. Хорошо подобрал состав служащих большинства предприятий Лодзи, умеет находить подход к людям. Побеседовав коротко с Миклашевским, Розенбаум решил зачислить его в сотрудники, подчинив по делам политразведки Михаилу Козакевичу. После этого разговоры перешли на темы достаточно отвлеченные и малозначимые. Той же ночью импрессарио выехал в Варшаву.

Утро 8 марта в столице уже традиционно началось для Розенбаума со встречи с Корвин-Пиотровским. Он достаточно подробно доложил ему о событиях в Лодзи, о своих действиях по организации здесь новой разведывательной сети, охарактеризовал Михаила Козакевича и его сотрудников. Полковник доклад и действия доверенного лица одобрил, после чего сообщил, «что на днях к двум с лишним тысячам арестованных в Лодзи добавилось около десяти тысяч арестов, произведенных по спискам лодзинского «исторического» собрания в Ченстохове и Кутно. Дано распоряжение сегодня же приступить к арестам в Люблине и Радоме, а также в Скаржиско и Демблине. Удар по противнику нанесен мощный. Генерал Розвадовский доволен твоей работой и приказал мне сразу же идти к нему с тобой, как только приедешь».

Через несколько минут оба уже сидели в кабинете шефа польской госполиции. В ходе беседы с Розенбаумом генерал расспрашивал его о деталях налаженного им сыска в Лодзи, хотя для всех присутствующих было ясно, что вся эта беседа не что иное как дань форме, протоколу. В конце беседы шеф госполиции сказал доверенному лицу то, что, вероятно, хотел сказать в самом ее начале: «Господин командор, совершенно искренне признаюсь, что я не нахожу слов для выражения вам своей благодарности за содеянное вами в Лодзи и других городах района. Одно обещаю, что о вашем деле я специально доложу маршалу Пилсудскому». Долго пожимая Розенбауму руку, генерал Розвадовский одновременно дал указание Корвин-Пиотровскому выписать для доверенного лица пять тысяч злотых в качестве награды за работу. После этого полковник повел Розенбаума в свой кабинет, выписал на его имя чек, позвонил кассиру и приказал ему принести выписанную сумму прямо в кабинет. Там же награжденный этот чек и подписал. В этом жесте и внимании к своей персоне было что-то, заставившее его быть более уверенным в своих силах и возможностях. Вместе с тем он понимал, что в данный момент он сознательно подда-

вался обыкновенным человеческим слабостям, но Розенбаум не противился этому.

Перед выходом от Корвин-Пиотровского последний с улыбкой обратился к Розенбауму: «А теперь два дня гуляй, а 10-го утром приходи сюда. Сегодня буду ждать тебя в опере, думаю, мы заслужили хороший ужин. И вот тебе паспарту на все столичные театры». Пропуск на все театральные спектакли (в него полковник вписал кличку агента «Антоний Ружа») Розенбаум взял скорее как свидетельство о росте его агентурного престижа, но не более того, так как театральная Варшава его хорошо знала как известного импрессарио, и хорошие места на всех спектаклях ему были гарантированы.

Утром 10 марта, согласно имевшейся договоренности, Розенбаум был принят полковником в своем кабинете. Эту встречу Корвин-Пиотровский начал с сообщения, что по распоряжению генерала Розвадовского ему как доверенному лицу предоставляется двухмесячный отдых от политразведки, но за это время он должен подобрать себе соответствующий ансамбль, театральную группу для гастролей и разведывательной деятельности в новых районах Польши. При этом полковник предложил доверенному лицу право воспользоваться помощью его бывших сотрудников. Розенбаум сразу же попросил о переводе в помощь ему Кароля Граппа в городе Катовице, Эмилиана Анджеевского в городе Бельско, а Иваницкого во Влоцлавеке. На эти просьбы Корвин-Пиотровский ответил согласием, от себя добавив, что Курнатовича немедленно переведет в Варшаву. Начатый разговор был продолжен за завтраком в казино госполиции. В ходе его полковник стал сетовать на технические трудности, связанные со следствием в отношении арестованных недавно лиц, а также предстоящего над ними суда. Как он заметил, все это дело после окончания следствия будет доложено маршалу Пилсудскому и уже по усмотрению его будет решено, куда передавать все дело – в гражданский или военный суд. Генерал Розвадовский в своем докладе намерен убеждать маршала о передаче виновных в компетенцию особой сессии военного суда.

Затем Корвин-Пиотровский поинтересовался, как Розенбаум намерен провести свой двухмесячный отдых от дел по разведке. И тот ответил, что большую часть этого времени он будет находиться вместе со своей группой, но если ему как-то и удастся урвать для

настоящего отдыха хотя бы две-три недели, то он таковые хотел бы провести ...в госпитале или санатории для нервных больных: «Сейчас, после всего происшедшего, я действительно устал и нравственно, и физически, а потому хотел бы немного ни о чем не думать и ничего не делать. Два года совмещения административно-театральной и разведывательной работы вымотали меня окончательно. В настоящее время мой ансамбль находится в Кельцах и Люблине, куда переехал уже без меня, и я в полном неведении, что там делается...». Полковник вполне сочувственно отнесся к ситуации Розенбаума, но тем не менее для большей убедительности дважды сказал ему, что от обязанностей импрессарио он его не только не освободит, но таковые прямо вменяет ему в обязанности, так как вывеска импрессарио для политразведки столь же нужна, как пища и воздух для всякого живого существа. «Единственное, что в данном случае я могу для тебя сделать, – заметил полковник, – так это устроить в хороший санаторий доктора Сонгайло в Вилянове под Варшавой. Это я тебе обещаю».

После завтрака оба в кабинете Корвин-Пиотровского участвовали в решении дальнейшей участи лодзинских и люблинских агентов. В ходе индивидуального собеседования было решено, что Кароль Грапп переедет в Катовице для работы по специальности в редакцию газеты «Дзенник Гурношленски» («Гурношленский дневник»). Его трудоустройством займется госполиция. Клеменс Курнатович дал свое согласие на переезд в Варшаву, Ян-Адольф Иванович на свой перевод во Влоцлавек. Он переводился в разряд штатных агентов, а потому дополнительно в сферу его деятельности по разведке включался и город Плоцк. О месте его новой работы в должности контролера в пароходном обществе «Вистула» с директором данного общества было уже договорено. Эмилиан Анджеевский согласился ехать в Бельско с правом самому приискать там себе работу. До момента трудоустройства ему было назначено дополнительное вознаграждение по 100 злотых в месяц. Он также переводился в штатные агенты. И Анджеевский, и Грапп с удовлетворением восприняли свой перевод опять в подчинение Розенбауму.

В отношении к прибывшему из Люблина Чеславу Чайковскому все оказалось несколько сложнее. Когда Корвин-Пиотровский задал ему вопрос: «Считает ли он возможной свою дальнейшую

работу в Люблине, где в ближайшее время начнутся аресты?», то неожиданно для себя получил утвердительный ответ агента. Чайковский совершенно уверенно заявил что он как многолетний председатель конфликтной комиссии продолжает оставаться у люблинских рабочих вне подозрения, а потому он охотно и с пользой для дела будет продолжать начатую среди них работу, и здесь он вполне рассчитывает на успех. С этими доводами Корвин-Пиотровский вполне согласился, подчинив Чайковского непосредственно своему руководству в качестве штатного агента. Иосифу Горжевскому полковник предложил перевод в Варшаву для работы по специальности на электростанции, на что агент также охотно дал свое согласие.

После беседы с агентами Корвин-Пиотровский заговорил с Розенбаумом о его будущей работе в политразведке: «Думаю, друже, что после толкового отдыха и лечения ты ведь заскучаешь по привычной работе. А впереди тебя могут ожидать такие города как Катовице, Краков, Познань, Иновроцлав. Да и те, что поменьше, разве менее интересны? Взять, к примеру, соляные шахты Велички. Впрочем, что это я тебе говорю обо всем этом как туристу или импрессарио, ведь ты же – разведчик, и в этом обличье стоишь немало. В предстоящей работе есть немало интересного. В городах Гурного Шленска, кроме рабочего движения, следует обратить внимание на националистические настроения среди тамошних немцев. В Бельско – на «Союз еврейских торговцев», в Познани опять-таки те же немцы. Ну а кругом, как это в коммунистическом манифесте, – «бродит призрак коммунизма...». Вообще, ты эту работу знаешь и, уверен, любишь. Инструктировать наперед тебя не собираюсь, так как учить ученого, это значит невольно делать из него дурака. Так что в отношении будущей работы тебе предоставляется полная свобода действий».

Воспользовавшись таким дружеским оборотом служебной беседы, Розенбаум не посчитал нужным как-то реагировать на сказанное полковником, а попросил разрешение идти на встречу с Граппом и Анджеевским для обсуждения работы в новом районе страны. В этом поступке доверенного лица Корвин-Пиотровский увидел не только согласие со сказанным, но и желание работать в нужном для разведки направлении. Беседа с агентами – потенциальными сотрудниками проходила в номере гостиницы «Бристоль»,

заказанном для Розенбаума самим Корвин-Пиотровским. Малость, но такая забота, пускай и небескорыстная, грела душу импрессарио.

Утро следующего дня началось с поиска подходящего гастрольного ансамбля в предполагаемом для разведки районе. Зайдя в театральное бюро Иодко-Наркевича, Розенбаум заявил ему, что завтра днем уезжает в Люблин к своему ансамблю и намерен с ним работать вплоть до завершения гастролей. При этом он добавил, что был бы очень признателен господину директору, если бы он подобрал для него ансамбль для турне по городам Катовице, Краков, Познань и др. Директор бюро с пониманием отнесся к этой просьбе и предложил для начала два ансамбля: тот, с которым Розенбаум уже работает, и труппу, включающую в себя магнетические и гипнотические сеансы Бен-Али, не исключая в последующем и другие варианты. Поблагодарив Иодко-Наркевича за понимание ситуации, Розенбаум откланялся и сказал, что планирует в очередной раз быть в Варшаве в 20-х числах марта.

Обедал Розенбаум по приглашению Корвин-Пиотровского в отдельном кабинете ресторана «Астория». В ходе обеда полковник посоветовал доверенному лицу, во избежание ненужных разговоров в ансамбле по поводу его частых отлучек, ни в Люблине, ни в других городах, за исключением Лодзи, в политразведку не вмешиваться. В Лодзи же ему было поручено проверить всю работу налаживаемой разведсети, и о результатах этой проверки он обязан сообщить непосредственно ему. «Последнее не означает, – добавил, оглядываясь по привычке по сторонам, полковник, – что я не доверяю генералу Поплавскому. Генерал прекрасный военный, человек высшего света, во всех своих общественных и служебных делах личность уважаемая и безупречная..., но в политразведке он не имеет необходимого чутья, а потому слабо в ней ориентируется». Посчитав неприличным пускаться в разговоры о вышестоящих чинах, Розенбаум доложил шефу об итогах беседы со своими сотрудниками и директором театрального бюро, а потом сразу перешел к тому, что его волновало: «В Кутно у меня сейчас находится в неопределенном положении приглашенный там мною сотрудник из числа рабочих литейного завода «Фэтке» некто Вильгельм Вернер. Я хочу ознакомиться, как он справляется с данным ему поручением, и если таковая работа окажется на уровне, то хочу его иметь в резерве на будущее время. Быть может, он мне

пригодится в Познани, откуда, если не ошибаюсь, он родом». Это предложение полковник одобрил.

Когда служебная тематика оказалась исчерпанной, к их столу, как бы почувствовав это, подошел популярный в ту пору писатель Корнелий Макушинский²². Будучи слегка навеселе, он наклонился над сидящим Корвин-Пиотровским и с юмором спросил: «А что, господин полковник, это правда, что и у нас в Лодзи завелась Большевия?» (так в ту пору в высоких кабинетах Польши называли СССР – В.Ч.). Этот вопрос Корвин-Пиотровский обошел молчанием и лишь недовольно буркнул: «Еврейская работа». Розенбаум про себя одобрил поступок полковника, но лично воздержался от комментариев, ибо знал Макушинского как сотрудника ряда столичных газет правого направления, автора не только театрально-критических обзоров, но и хлесткого писателя-сатирика. По-видимому, по этой же причине не стал вступать с писателем в диалог и Корвин-Пиотровский. Вечером импрессарио выехал к своему ансамблю в Люблин.

До начала спектаклей в Лодзи Розенбаум никакой политразведкой не занимался. Приехав сюда в первых числах апреля 1924 года, он сразу же связался по телефону с Михаилом Козакевичем. Тот доложил, что на его фабрике Шайблера «никаких попыток организации рабочих не замечено. Фабрика быстро восполнила дефицит в рабочих, работает в две смены, брожения умов среди рабочих не замечено. Попытки подозрительных элементов устроиться здесь на работу были предотвращены. При обыске у некоторых из них «была найдена коммунистическая литература, экземпляры старой газеты «Чэрвоны Штандар», а у нескольких евреев – московские русские газеты». По донесению Генриха Миклашевского среди рабочих и служащих городских скотобоен и еврейской больницы была предпринята попытка создания нелегальной ячейки левого толка, но благодаря бдительности полиции ее удалось сорвать. Около 20 рабочих во главе с медицинской сестрой больницы Элей Эпштейн взяты под стражу. Эпштейн, местная уроженка, в 1922 году вернулась в Лодзь из Большевии. При ней во время обыска было найдено много брошюр коммунистического направления на польском языке, фотографии Маркса и Энгельса, а также несколько экземпляров известного сочинения К.Маркса «Капитал». Так что сотрудники наши работают. Особых замечаний к

ним нет. Особой старательностью отличается химик Видзевский мануфактуры Зыгмунт Садовский».

Выслушав информацию Козакевича, импрессарио вручил ему контромарку в театр на две osoby и предложил сразу же после спектакля явиться к нему в гостиницу, а сам отправился в воеводский отдел госбезопасности. Генерал Поплавский встретил Розенбаума особенно любезно, подчеркнув, что он «еще раз убедился в правильности взгляда на увеличение сети сотрудников в городе, так как Лодзь в революционном отношении представляет действующий вулкан. Даже после известных массовых арестов нам пришлось взять только в последнее время под стражу около двухсот человек...». При этом генерал предложил осмотреть массу компрометирующих арестованных лиц материалов. После беглого просмотра их генерал спросил Розенбаума: «Ну что, как вам это нравится?». На это последний ответил: «Конечно же, нынешнее положение вещей мне совсем не по вкусу, но одно удовлетворяет меня – это то, что я не ошибся в своих прогнозах о необходимости увеличения числа сотрудников, и то, что последние устраивают вас своей работой». «Да, это толковые люди, особенно Козакевич и Садовский», – заметил генерал. И тут же спросил собеседника, как долго он собирается оставаться в Лодзи. Розенбаум ответил, что собирается быть в городе до конца гастролей ансамбля и пригласил Поплавского «сделать честь ему и всей труппе своим посещением театра». На прощание генерал сказал, что завтра обязательно будет с женой в театре, и в свою очередь пригласил импрессарио к себе в воскресенье на домашний обед.

В тот же день после спектакля Розенбаум беседовал у себя в номере с Козакевичем и Садовским об общем состоянии дел в Лодзи. Ему хотелось послушать Садовского, якобы отличавшегося аналитическим мышлением. Последний, в частности, заметил, что в последние пять-семь дней среди рабочих города и предместий заметна какая-то нервозность, неуверенность в себе и даже боязнь. Это особенно заметно среди еврейского населения городских окраин. Есть основание считать, что центр прокоммунистического движения начал перемещаться с окраин, из фабрично-заводских предместий в центр города, где докопаться до нитей управления этим движением гораздо сложнее, чем на производстве, где каждый рабочий на виду и всем известен. «Должен заметить, – про-

должил Садовский, – что главными руководителями и инспекторами революционного движения в городе, как и прежде, являются евреи».

Между тем подходило время отъезда Козакевича в Варшаву для встречи с Корвин-Пиотровским. После кратких наставлений импрессарио сотрудники распрощались. До приезда Козакевича ничего особенного для Розенбаума в Лодзи не наблюдалось, и он был поглощен театральным администрированием. Возвратившись из Варшавы, Михаил Козакевич привез ему письмо от полковника, в котором последний сообщал, что Козакевич произвел на него очень хорошее впечатление, так как в нем «чувствуется толковость, точность в высказывании своих мыслей и большой патриотизм». Все это позволило Корвин-Пиотровскому не только зачислить его в число штатных агентов, но и доверить ведение политразведки в Лодзи, изредка лишь контролируя его работу.

Во второй половине апреля, завершив гастроли в Лодзи, Розенбаум вместе с труппой прибыл в Кутно. Здесь он прежде всего поспешил повидаться со своим сотрудником Вильгельмом Вернером, который о политической ситуации в городе сообщил следующее: «Так случилось, что мой выход из больницы совпал с большими арестами на предприятиях города. Были арестованы более тысячи человек по подозрению в участии в коммунистическом движении. Однако, не знаю, по каким причинам, на свободе осталось еще много таких лиц, место которых в тюрьме. Их список я составил, большинство из записанных в него мне известны по их связям с организацией «Чэрвоны Штандар». Всех их я стараюсь держать в поле зрения, а с одним из них, столяром Шлемой Фридманом, даже вчера беседовал. С улыбкой на лице он сказал мне, естественно, считая меня членом организации «Чэрвоны Штандар», следующее: «Многих дельных людей позабирали, но самые толковые на свободе летают и делают наше дело...». При этих словах Вернер передал Розенбауму упомянутый список, содержавший 34 фамилии. Импрессарио поручил агенту продолжать дальнейшую слежку за подозрительными лицами, а сам решил на следующий день съездить в Варшаву к Корвин-Пиотровскому. Между Варшавой и Кутно курсировало в сутки немало поездов (езды до столицы было всего около трех часов), и это позволяло, выехав рано утром курьерским, к вечеру же свободно вернуться обратно.

Так Розенбаум и сделал, и на следующий день, еще до обеда, он уже был в кабинете полковника. Когда тот сравнил список Вернера со списком, лежавшим у него в папке, озаглавленной «Кутно», то был крайне удивлен тем, что лица, упомянутые в привезенном ему списке, еще не взяты под стражу, так как все фамилии, за исключением лишь нескольких лиц, были зафиксированы в списке при деле «Кутно». Поблагодарив Розенбаума за привезенные списки, он тотчас же распорядился по телефону об аресте еще находившихся на свободе лиц. На этом их короткая встреча закончилась, и импрессарио сразу же поехал в Кутно, куда прибыл задолго до начала спектакля.

На следующий день, поговорив с Вернером и заручившись его согласием на дальнейшую совместную работу в политразведке, Розенбаум предложил ему быть штатным агентом в Познани, на что последний охотно согласился, объяснив это следующим: «В Познани я учился своему мастерству, потом долгое время работал на чугунолитейном заводе, так что у меня там много знакомых в рабочей среде. Однако сразу хочу сказать, что в Познани революционного движения левого толка быть не должно, так как тамошний народ, включая рабочих, воспитаны больше в национально-католическом духе. Может там иметь место и немецкое национальное движение».

Желая сохранить Вернера для совместной работы, Розенбаум предложил ему приготовить две фотографии и быть готовым к отъезду завтра в качестве курьера в Варшаву с его донесением к полковнику. В этом рапорте имелись и оценка политической ситуации в Кутно («после дополнительных арестов здесь царит полное успокоение умов»), и просьба о зачислении Вернера штатным агентом со скорейшим направлением в Познань.

Следующим местом гастролей ансамбля был город Плоцк. Вся труппа изъявила желание ехать туда через Варшаву, а оттуда паромом – уже в Плоцк. Розенбаум, естественно, этому не противился, так как ему предстояло подписание контракта с Иодко-Наркевичем на дальнейшие гастроли сроком до 15 сентября 1924 года. Таковой документ в Варшаве был подписан, и импрессарио тем самым обязывался выехать не позднее 1 июня 1924 года в турне для подготовки выступлений своего ансамбля в новом районе страны. Кроме того, он подписал контракт на организацию гастроль-

ных сеансов мага-гипнотизера Бен-Али и концертного ансамбля в составе профессора Варшавской филармонии пианиста Урштейна, тенора Януша Крживицкого, скрипача-солиста Здислава Венявского, артистки Богуславы Боженской, виолончелиста Бруно Кульчицкого и лирической певицы Ванды Королевич (колоратурное сопрано).

Не мог обойти своим вниманием импрессарио и Корвина-Питровского, сообщив ему о подписанных контрактах и графике выступлений, начиная с 1 июля 1924 года в городах Краков, Бельско, Дзедзице, Катовице, Хожев, Живец, Величка, Познань, Инворслав. При этом он пояснил, что если по делам политической разведки необходимо будет посетить города Мысловице и Бытом, то таковые могут быть заняты под сеансы Бен-Али. Вообще на сеансы Бен-Али он очень рассчитывал, полагая, что «проводимые им во время гипнотических сеансов эксперименты вызывают большой интерес не только у интеллигенции, но и у рабочих, что позволяет быстрее обычного войти с ними в более близкий контакт». На это соображение Розенбаума полковник отреагировал достаточно коротко: «Для вящей славы Отчизны, друже, все средства хороши». Импрессарио еще с гимназических лет был известен тот девиз, которым иезуиты прикрывали свои изуверства ради укрепления владычества папы римского, но в этой ситуации он не сумел на сказанное никак отреагировать и, наскоро попрощавшись, вышел.

Последующая работа в Плоцке, Влоцлавеке, Торуни, Быдгощи, Грудзендзе и Тщеве прошла для импрессарио впустую, ибо эти города в революционном отношении никакой опасности не представляли, а за немецким национальным движением бдительно следила местная как наружная, так и тайная полиция. Единственное, что можно было там считать заданием по политразведке, так это посещение Яна-Адольфа Иваницкого во Влоцлавеке. Судя по всему, он там скучал без работы, но вида особенно не показывал. Постепенно начинал нервничать от осознания своего безделия в разведке и Эдвард Ружицкий, но он все-таки верил в то, что всякая хандра – явление временное и преходящее.

Глава X. ПО МАЛОЙ ПОЛЬШЕ И ГАЛИЦИИ

По прибытии в Краков Розенбаум почувствовал, как постепенно к нему начало возвращаться то тревожно-приподнятое состояние, которое сопутствует всякому нормальному разведчику в пору настоящей работы. Это состояние посетило его сразу же после того, как в ходе устройства своих театральных дел он встретился со своим бывшим подчиненным – поручиком Пинской военной флотилии Генрихом Хараевичем. В данное время последний занимал в городской магистратуре пост секретаря. Хараевич, конечно же, не считал, что с получением этой должности он достиг Бог знает чего, но во время встречи с Розенбаумом держался с должным для своего поста достоинством. Искренне обрадовавшись встрече со своим командором, он пригласил Розенбаума пообедать вместе с ним в казино магистрата.

За обеденным столом, после традиционных кратких воспоминаний о совместной службе, завязался разговор, имевший политическую окраску. Инициатором его был сам секретарь магистрата. «Мы, – сказал Хараевич, – сейчас крайне обеспокоены настроениями среди жителей той части города, которая называется «Плянты». Заселена она, подобно Налевкам в Варшаве, исключительно евреями и представляет из себя некий «красный угол». Там повсюду развешаны красные флаги, транспоранты с боевыми революционными лозунгами, и не только молодые люди, но и старые пейсатые евреи, т.н. цадыки, разгуливают по улицам с красными бантами и розетками. Наши воевода, президент города, начальник политотдела госбезопасности князь Сапега считают, что это ни что иное как вызов еврейства всему польскому правительству. Сегодня в президентуре состоится совещание по этому вопросу. Городские власть предрежающие лица более всего обеспокоены тем, как бы эти настроения не возымели своего влияния на рабочие массы».

«Вообще этот год, – продолжал Хараевич, – какой-то неудачный. Из Львова также есть сведения, что 1 мая против демонстрантов пришлось использовать войска, но там это явление более-менее объяснимо, так как в городе много украинцев, есть среди них какие-то самостийники и в конце концов там совсем близко до большевистской границы. А оттуда плывет эта ужасная пропаганда всемирной пролетарской революции к нам...». На все это Розенбаум заметил, что только у страха глаза велики, и что здесь, в Кракове, вместо того, чтобы залить маленький огонь и не дать ему разгореться, делается все как раз наоборот. Уж если такая манифестация или празднество допускаются, так надо иметь в резерве средства для их подавления, если только таковые начнут обращаться в бунт или «в вызов правительству». А если евреи надели красные банты, так это им было разрешено, и разве неизвестно, что они в Польше – главные эмиссары большевизма». «Одним словом, – подчеркнул Розенбаум, – вам надо было этой манифестации не разрешать или противопоставить ей реальную силу. Впрочем, братец ты мой, все то, что мы делаем, называется переливанием из пустого в порожнее. Давай говорить прямо, если ты хочешь всему этому воспрепятствовать, то я готов тебе помочь, но только найди мне в среде служащих или рабочих пару человек, настроенных в польском патриотическом духе. Если таковые у тебя на примете есть, то познакомь меня с ними и перестань отчаиваться, все будет хорошо. Но только дай мне слово офицера и дворянина, что этот разговор останется между нами. И поверь, уж если я тебе такие вопросы предлагаю, а ты меня знаешь не первый день, то я на это имею веские основания. Итак, я жду твоего ответа».

Удивленный Хараевич, подумав с минуту, сказал: «Даю слово офицера и дворянина Речи Посполитой. И сразу же отвечаю, что у меня есть такие люди, и я могу тебя с ними познакомить. Один из них химик-фармацевт Станислав Стемпневский, другой – рабочий Гораций Домашевич. Оба работают на фабрике медицинских препаратов доктора Клявэ. Если хочешь, то приходи к шести часам вечера ко мне в магистрат, туда придут и они, и я вас познакомлю». Розенбаум, естественно, согласился, но попросил, чтобы Хараевич представил его рабочим под его театральным псевдонимом – Ружицкий. Затем несколько успокоившийся Хараевич стал расспрашивать импрессарио, что он за фигура, если, занимаясь теат-

ральными делами, интересуется еще и политикой. На это Розенбаум ответил: «Знаешь, Генрих, у каждого человека есть свой конек. Мой конек – это помощь нашему правительству в борьбе с врагами Отечества». Услышав это, секретарь широко улыбнулся Розенбауму и сказал: «Твой конек не может не вызывать уважения, но ты не оскорбишься, Эдвард, если я назову своим главным увлечением женщин. При всем этом я тоже патриот...». Зная слабости лихого поручика еще по флотилии, импрессарио даже и подумать не мог, что по такому поводу можно оскорбиться, но лишь напомнил Хараевичу о его друзьях. «В таком случае, – продолжил собеседник, – Стемпневский и Домашевич будут тебе ценными помощниками. Особенно Домашевич, который не может спокойно смотреть на красные флаги и банты. И хотя они оба по своим убеждениям являются яркими юдофобами, им в полной мере можно доверять. Помогать тебе они будут бескорыстно и по совести».

Покончив с этим вопросом, Розенбаум перешел к вопросам административно-театральным и попросил Хараевича помочь ему к завтрашнему дню уменьшить налог с гипнотических сеансов Бен-Али с 35 % до 10. В противном случае театральное бюро, труппа и он сам не смогут не то что заработать, но и покрыть расходы на рекламу, транспортные расходы, аренду театра и т.д. Хараевич вздохнул, но обещал помочь путем подведения сеансов Бен-Али под рубрику научных сеансов. На этом сослуживцы разошлись, подтвердив свою готовность встретиться вечером.

В назначенное время импрессарио пришел к Хараевичу, который познакомил его со Станиславом Стемпневским и Горацием Домашевичем. После взаимного представления он пригласил последних к себе в гостиницу, сказав, что имеет к ним очень важную просьбу. Оба слегка растерялись, обратив свои взоры на секретаря, но тот весело сказал им: «Идите, идите, господа. Это мой бывший командир, ручаюсь, что вы будете им довольны».

Уже в номере гостиницы «Европейская» Розенбаум с ходу общил своим новым знакомым, что со слов поручика Хараевича он знает об их желании принести посильную помощь правительству, а потому он «готов пойти навстречу их желанию, не нанося при этом им ни ущерба по службе, ни по их карману, так как расходы будут оплачиваться сразу, но в зависимости от проявленного усердия в работе. Предпреждаю, что работа наша серьезная, интерес-

ная и для государства полезная. В Кракове центр тяжести этой работы ложится на раскрытие роли евреев в нравственном разложении наших рабочих, отторжении их от любви к своему народу и склонении их в сторону революционно-коммунистических воззрений».

Услышав это, Стемпневский и Домашевич как-то подтянулись и в один голос ответили, что они с удовольствием приложат свои силы к делу политической разведки с тем, чтобы послужить родине, а потому они уже сейчас готовы к выполнению любого задания. Пожав обоим крепко руки, Розенбаум перешел к постепенному освещению особенностей их работы: «Хочу напомнить вам, господа, о необходимости соблюдения полной тайны – это значит, что о вашей работе вы даже намекнуть никому не имеете права и временно, до получения от меня распоряжения, говорить об этом участии в политразведке даже органам местной политической власти, поскольку я как доверенное лицо Главного управления госполиции ставлю их в прямое подчинение себе и своему шефу в Варшаве полковнику графу Корвин-Пиотровскому, являющемуся одновременно заместителем начальника всей госполиции государства генерала Розвадовского. Ставлю вам в обязанность приобретение широкого круга знакомств, если такового сейчас нет, в рабочей среде Кракова и снискании к себе их полного доверия. Особое внимание обратите на рабочих–евреев и те еврейские фирмы, которые пользуются трудом рабочих смешанных национальностей и религий с тем, чтобы не могли вести свою пропаганду среди рабочих-христиан. На лиц, заподозренных в сочувствии к революционному движению, составляйте списки по следующей форме: 1) фамилия и имя; 2) семейное положение; 3) материальное состояние; 4) место работы; 5) место жительства; 6) примечание, где отмечается, в чем данное лицо заподозрено.

Второй момент. Для вашей ориентировки и обеспечения раскрытия вами в Кракове революционных организаций сообщая вам о тех из них, где присутствие этих сообществ и здесь не исключено: 1) «Свободный Рабочий»; 2) «Чэрвоны Штандар»; 3) «Свобода Трудящихся»; 4) «Дер Штерн». Если таковые в Кракове окажутся, то надо войти с ними в контакт, вплоть до личного вхождения в одну из них, для того чтобы иметь возможность собрать сведения о личном составе этих организаций. Если в городе окажется организация с другим названием, то поступать по отношению к ней сле-

дует тем же порядком. Для выполнения полученного задания вам предоставляется право пользоваться услугами третьих лиц по вашему выбору. К этому выбору надо подходить очень осторожно, а потому эти лица должны быть вам не только знакомыми, но, прежде всего такими, на которых вы вполне можете положиться как на самих себя. Этих лиц вы будете вознаграждать из аванса, который я вам сегодня же выдам и отчет, с которого до нового распоряжения вы будете сдавать мне. Это задание должно быть выполнено до 1–5 июля текущего года. А теперь прошу выдать мне расписку на 750 злотых, господин Стемпневский, из которых вы по мере надобности будете выдавать нужные суммы господину Домашевичу». Получив расписку, Розенбаум выплатил агентам вышеозначенную сумму, чему те, судя по их лицам, были несказанно рады. Прощаясь, они обещали Розенбауму оправдать возложенное на них доверие. Попросив их не спешить, импрессарио в знак первого знакомства предложил поужинать у себя в номере. За ужином оба рассказывали о первомайском шествии рабочих в Кракове и оба в один голос утверждали, что среди них 90 – 95 % были евреями. Слушая их, Розенбаум все более убеждался, что Хараевич и он в своем выборе агентов не ошиблись.

На следующий день, устроив все театральные дела, Эдуард Розенбаум выехал в Бельско. Здесь он сразу же по прибытии пошел в адресный стол, находившийся в магистрате, чтобы узнать местожительство Эмилиана Анджеевского. Жил он на улице Инвалидов, 42. Хозяина он застал дома за завтраком. Разговора о деле не получилось, так как Анджеевский сделал нежданному гостю предупредительный знак – приложил указательный палец к губам и кивнул в сторону занимавшейся хозяйством жены. Поэтому импрессарио ограничился лишь вопросами о том, как ему живется на новом месте и устроился ли он на работу?

Оказалось, что работу Анджеевский получил на одной из фабрик акционерного общества «Бельская мануфактура», директором которого является владелец фабрики «Корона» Изаак Зильберберг. Работает он механиком при динамо-машине, в воскресенье и праздничные дни работает демонстратором картин при фабричном кинозале. Показ фильмов для рабочих в эти дни бесплатный, и потому зал, как правило, бывает забит до отказа. Сеансы идут с двух часов дня до десяти часов вечера. Первый сеанс идет в два

часа, а последний – в десять. Кроме того, три раза в неделю для всех служащих акционерного общества пускается два сеанса за минимальную плату. Цена билетов от 80 до 20 грошей. За работу при динамо-машине он получает 90 грошей за каждый час своего труда, а за демонстрацию картин – по 3 злотых от каждого воскресного и праздничного сеанса и по полтора злотых от каждого будничного сеанса. Так что на свое материальное положение он не жалуется, ибо цены на продукты приемлемые. За непродолжительное время он успел приобрести широкий круг знакомых и приятелей среди рабочих. На этом разговор закончился. Розенбаум попросил Анджеевского зайти вечером в нему в гостиницу, на что последний ответил, что сможет это сделать только завтра, так как эту неделю работает во вторую смену, а вообще все фабрики общества работают в три смены.

Утром следующего дня разговор о бесплатных киносеансах для рабочих был продолжен. Анджеевский рассказал, что «большинство кинокартин, показываемых здесь, американского и английского производства. По своему содержанию они посвящены показу благополучной жизни рабочего класса на Западе, его единению при решении производственных и общественных проблем с предпринимателями, их добрым и независимым взаимоотношениям между собой во вне рабочее время». Эти картины, по мнению Анджеевского, демонстрируются для того, чтобы «показать возможности жить мирно как фабрикантам, так и рабочим, а также с целью отвлечения их от революционного движения». Все титры на кадрах даются на польском и немецком языках, поскольку большой процент местных жителей говорят между собой по-немецки, несмотря на свое польское происхождение. Объясняется это тем, что Бельско, а под австрийским владычеством Билитц, длительное время находился под сильным влиянием всего немецкого. Это влияние до сих пор чувствуется на фабриках и заводах, на рынках, в магазинах и т.д. Все бельские евреи говорят между собой исключительно по-немецки. Вся документация и отчетность на предприятиях ведется на немецком языке. Директора нашего акционерного общества – поголовно евреи, но по манерам, речи их нелегко отличить от немцев.

В последнее время в город и его предместья стали массами прибывать и приживаться польские евреи, которые и являются са-

мым опасным элементом в распространении коммунистических идей. Именно им удалось создать в Бельско ячейку организации «Владза Класе Працуенцэй» («Власть Трудящемуся Класу»). На сегодня в ней состоит около 50 человек. Председателем ячейки является львовский еврей – столяр местной мебельной фабрики Арон Штернберг. Каких-нибудь контактов с этой ячейкой и «Бельской ману-фактурой» пока не выявлено.

Что касается рабочих немецкой национальности, то они объединены между собой в «Союз немецких рабочих». Это скорее не союз, а клуб, который находится на улице Лютеранской. Там имеются кегельбан, домино, шахматы, буфет, зал для танцев и пивная с бильярдом. Цель этого клуба весьма простая – сохранение своей культуры и религии. Председателем этого союза-клуба является пастор местной лютеранской кирхи Бюллер. Пока ничего предсудительного в деятельности членов этого объединения не замечено».

Поблагодарив Анджеевского за полученную информацию, Розенбаум попросил его договориться на фабрике с получением для себя трехдневного отпуска с тем, чтобы составленное им донесение Анджеевский в качестве курьера мог бы отвезти в Варшаву к полковнику Корвин-Пиотровскому. Причиной такой просьбы импрессарио назвал «необходимость срочного выезда в Дзедзице и Катовице по театральным делам». Анджеевский пообещал договориться обо всем с фабричной администрацией.

Выйдя из гостиницы, Розенбаум купил в ближайшем киоске немецкую газету «Берлинер Тагеблатт», а также сигару – необходимые атрибуты немецкого бургера – и смело вошел в пивную немецкого рабочего клуба. Безупречно владея немецким языком, он заказал себе пива и сел за столик, ближайший к общему большому столу (так называемый «штаммитиш»). Закурив сигару и полузакрывшись газетой, он стал наблюдать за сходящимися к общему столу немцами и прислушиваться к их разговорам. Их было около двух десятков, людей в возрасте от 35 до 40 лет и старше. Судя по их наружному виду и темам разговора (о фабричных делах, об условиях работы, начальстве и т.д.), это были настоящие рабочие. Розенбаум стал еще внимательнее вникать в смысл их разговоров, прерываемых иногда возгласами «проклятые евреи», и понял, что весь их шум-гам сводился к следующему. Немецкие рабочие сетовали на то, что прибывающие из Лодзи и Галиции евреи стремятся

революционизировать фабричных рабочих, подрывают в их среде трудовую дисциплину, настраивают рабочих против мастеров цехов, особенно если таковыми являются немцы, и что некоторые польские рабочие начинают им верить, что усиливает антинемецкий дух. Отдельные немцы высказывали удивление по поводу того, что польские рабочие предпочитают верить евреям и действовать по их указке. Тут же предлагались меры по борьбе с этим явлением. При этом один из участников разговора заявил, что главным из этих новоявленных агитаторов является комиссионер акционерного общества «Бельская мануфактура» некий Каганович.

В целом же немцы проявляли полную лояльность по отношению к польскому государству, не делая ни ему, ни правительству никаких критических оценок и замечаний. Вместе с тем в их словах нередко звучала ирония в смысле сердобольного отношения поляков к еврейству. Такой, в частности, была одна из фраз, долетевшая до ушей импрессарио: «Удивляюсь, что поляки столь охотно обнимаются с евреями. Это объятья им могут в будущем дорого стоить». Посидев еще немного, Розенбаум расплатился за пиво и вышел из клуба, пожелав рядом сидящим посетителям приятного времяпрепровождения.

После десяти часов вечера к нему в гостиницу пришел Анджеевский и сказал, что отпуск на три дня он получил. Тотчас же условились, что поедут завтра вместе вечерним местным поездом: Розенбаум до Катовице, а Анджеевский дальше, до Варшавы. Заняв отдельное купе в вагоне первого класса, агенты не спеша повели разговор о своих делах, в том числе и о Кагановиче. Анджеевский попросил обратить внимание на то, что в составленном им списке ячейки «Свобода Трудящемуся Классу» это имя не только указано, там же имеется и пометка – «агитатор», указано и место работы – комиссионер-вожатер акционерного общества «Бельская мануфактура». Известно также, что родом он из Львова. Его комиссионерская деятельность охватывает Краковское, Львовское, Варшавское и Люблинское воеводства, он имеет широкие связи и солидную клиентуру.

Поручив Анджеевскому передать лично в руки полковнику пакет со своим донесением, Розенбаум попросил содержание его дополнить подробной характеристикой личности революционной и коммерческой деятельности Кагановича. На этом разговор закон-

чился, так как поезд подходил к Катовице. Прощаясь с Анджеевским, импрессарио сказал, что обратно в Бельско он будет дней через пять.

Пока Розенбаум добирался до гостиницы «Империял» и занимал уютный номер, на город опустился вечер. Несмотря на позднее время, он снял телефонную трубку и позвонил Каролу Граппу, в типографию газеты «Дзенник Гурношленский». К аппарату подошел именно он, и на приглашение доверенного лица прийти к нему в гостиницу ответил, что обязательно придет через час-полтора, но ненадолго, так как работает сегодня в ночную смену. В назначенное время он действительно пришел и кратко рассказал о том, что благодаря своему шурину Вернеру Вредэ он приобрел в городе массу знакомых среди рабочих сталелитейного и прокатно-рельсового заводов, шахтеров и печатников. Имеются у него данные и о движении среди катовицких немцев. Подробности всего этого он пообещал сообщить завтра, после работы. Остаток вечера Розенбаум посвятил посещению городского театра, где шли гастроль Венской оперетты. Попутно он надеялся повидаться с директором театра и поговорить с ним о найме театра для своих ансамблей. Оба предприятия ему вполне удалось. Несмотря на то, что импрессарио пришел в гостиницу поздно, он сумел как следует отдохнуть, и утром следующего дня чувствовал себя вполне свежим и здоровым.

В полдень к нему пришел Грапп, давший отчет Розенбауму о своей работе со времени переезда в Катовице. По его мнению, рабочее движение революционного толка не пользуется успехом у коренных шленских рабочих. К нему больше тяготеет пришлый элемент из-под Бендина и Сосновца. Главным пропагандистом здесь социалистической идеологии является старший типографский мастер еврейской шленской газеты «Дер Обенд» («Вечер») Лейзер Калманович. Как стало известно, он член комитета местной организации, центр которой находится в Бендине и которая называется «Власть Трудящемуся Классу». Здесь, в Катовице, усилиями того же Калмановича организация находится лишь в начальной стадии формирования и насчитывает не более сотни человек. Калманович предложил и Граппу записаться в эту организацию, на что тот охотно согласился и вот уже около месяца состоит ее членом. Благодаря этому он уже был на общем собрании членов организации, после чего ему удалось составить необходимый список, в котором

значатся 76 членов. Кроме этого, Грапп передал своему шефу еще и список сочувствующих этому движению в количестве 24 человек.

Ознакомившись мельком с новыми данными, Розенбаум не смог сдержать улыбки, так как в первом и втором списках преобладали фамилии, столь часто встречаемые в Домбровецком и Келецком районах: Баран, Сосна, Козел, Врона, Липа, Заенц и др. Председателем местного комитета значился в списке некий Роман Рай. Характеризуя немецкое национальное движение, Грапп назвал его достаточно развитым благодаря деятельности его руководителя директора местных немецких народных школ Карла Вебера. С этим движением ведет энергичную борьбу знаменитый польский шленский деятель, организатор бывшего здесь в 1921 году восстания против немцев Войцех Корфанты²³.

Далее Кароль Грапп перешел к вопросу, который он назвал «личным». Он сообщил о том, что пригласил к себе в помощники по политическому сыску своего племянника, сына Вернера Вредэ – 18-летнего Кароля. Юноша этот достаточно развитой, воспитан матерью в польском национальном духе, прекрасно владеет немецким языком, окончил семиклассное народное училище и работает с большим рвением. Старший Вредэ также завзятый враг еврейства и социализма и весьма охотно помогает в сыске за рабочими сталелитейного и рельсового заводов. Как отец, так и сын от предложенных им Граппом денег за услуги по разведке категорически отказались, говоря, что это они делают от всей души и сердца.

Розенбаум заинтересовался помощниками Граппа, особенно Каролем Вредэ и предложил собеседнику привести их к себе завтра в гостиницу. На следующий день, сообразуясь со всем тем, что было рассказано Граппом, импрессарио решил придать знакомству с отцом и сыном Вредэ более интимный характер, а потому накануне этой встречи накопил вина, закусок, сладостей, ожидая гостей с легким угощением.

В назначенное время все трое явились. Хозяин номера усадил их за стол и первым завел разговор с Вернером Вредэ о его работе, заработках и т.п. По его немногословным ответам Розенбаум понял, что живет это семейство в материальном отношении нелегко, зарабатывая каждый злотый тяжелым надрывным трудом, но при всем этом к легким деньгам не стремится. Чуть-чуть отпив вина, отец и сын ни к чему на столе не притрагивались. В этой ситуации

Розенбауму не оставалось ничего иного, как заговорить о трудном внутреннем положении в стране, о том, что нестабильность в ней по вине революционного брожения может привести к катастрофе молодое государство, тем более что само польское общество и сознательные патриотические силы проявляют инертность. Вместо того чтобы помочь правительству искоренить зло, они замыкаются в себе, принося тем самым ущерб не только государству, но и своим семьям. После этого достаточно политического вступления, импрессиарио почувствовал себя, по меньшей мере не самым последним актером, а потому сразу, напрямую обратился к старшему Вредэ с вопросом: «А почему бы вам, человеку, настроенному против всяких революций, любящему свое Отечество, опытному рабочему, имеющему в своей среде громадные связи и пользующимся доверием людей, как я слышал об этом от Кароля, не протянуть нам свою руку помощи? Что вас удерживает от этого? Наверное, то же, что вам не позволило взять и вознаграждение от господина Граппа за оказанную вами ему помощь. Буду с вами откровенен. Вам, очевидно, казалось, да и сейчас кажется, что эти деньги грязные и что они, быть может, связаны с несчастьем для других. Отбросьте подобные угрызения совести и помните только об одном, что на этих деньгах нет не только грязи, но и соринки, так как то, что вы сделали, дав нужные сведения, вы сделали не только для пользы своей, а это значит, что вы не видели в этом деле своей личной выгоды, а думали, работали для пользы всего польского народа, среди которого завелась сорная трава, которую нужно вырвать с корнем, чтобы она не уничтожила всего того, что еще осталось в нашем народе хорошего. Вот почему я говорю вам: давайте дружно работать все вместе по искоренению зарождающегося в рабочей среде зла. Жду вашего прямого и искреннего ответа, на который может быть только два слова «да» или «нет», никаких других с «но» или «если», здесь быть не может».

После такой, полной патетики, речи Вернер Вредэ на пару минут задумался, затем сдержанно откашлялся и сказал: «Вы, уважаемый, сейчас прочитали в моей душе все, как в открытой книге. А потому я говорю «да», и вот вам моя рука в знак того, что в вашем и нашем деле я буду работать честно и добросовестно». После этих слов все почувствовали какое-то облегчение и сразу же обратили свои взоры на приготовленное угощение. Розенбаум

не торопил события. Выждав какое-то время, он опять обратился к Вернеру: «А теперь, господин Вредэ, глядя на вашего сына, хочу попросить вашего разрешения послать его в качестве моего курьера для передачи важного служебного пакета в Варшаву. Я думаю, что это ответственное поручение он в точности выполнит. Свою уверенность в сказанном я основываю на рекомендациях господина Граппа и том положительном впечатлении, которое производит на меня ваш сын». Польщенный словами Розенбаума, старший Вредэ выразил с планами импрессарио полное согласие. Были тотчас же поставлены конкретные задачи и перед Вернером разведать, не имеет ли организация «Власть Трудящемуся Классу» своих отделений (ячеек) в других городах Гурного Шленска (Катовице и Бендин оставались под контролем Граппа). После вручения Вернеру 300 злотых на командировочные расходы и выдачи поручения Каролю (быть завтра в два часа дня для получения секретного пакета) разговор единомышленников перешел на общие темы, и только когда на дворе стемнело, гости покинули номер Розенбаума.

На следующий день в условленное время Кароль Вредэ был у шефа. Инструктаж, проведенный им для молодого курьера, был предельно жестким: «Пакет, который я вам вручу перед отходом поезда в Варшаву, вы должны будете лично вручить заместителю шефа госполиции полковнику Корвин-Пиотровскому, взяв от него расписку, если не будет обратного пакета. По прибытии к месту назначения дежурному чиновнику сказать только то, что вы присланы курьером от доверенного лица из Катовице с пакетом. Показать пакет, но из рук не выпускать. Ехать в Варшаву обязательно вторым классом. Впрочем, я сам вам куплю билет как в одну, так и в другую сторону. Приехав в столицу, никуда не заходить, а ехать извозчиком с вокзала прямо в Главное управление госполиции. В дороге пакет иметь все время при себе и держать таковой закрытым в портфеле, чтобы никто из посторонних не мог его видеть, а самое лучшее, сложить его вдвое, если без складывания не войдет, и спрятать в боковой внутренний карман жилетки. На извозчика, гостиницу и проживание даю вам 30 злотых. За успешное выполнение моего поручения по возвращении вам будет выплачено вознаграждение». Вечером Розенбаум отправил курьера в дорогу, а сам начал собираться в путь для организации гастролей своих ансамблей по утвержденному ранее маршруту.

Города Хожев, Бытом и Живец в целях политразведки Розенбауму ничего не дали. Вся надежда уставшего от безделья импресарио возлагалась на Величку. Город, где находились самые большие в Польше соляные шахты, давал работу полутора тысячам рабочих—шахтеров, состав которых пополнялся за счет жителей горных селений, так называемой «гурали», а также из числа жителей Домбровецкого, Келецкого, Гурно-Шленского и Краковского районов.

Приехав в Величку, Розенбаум остановился в гостинице «Краков». Устроив в течение двух дней все дела по театру, он, наконец, получил возможность ознакомиться и с местной политической обстановкой. С этой целью он решил направиться к настоятелю местного костела Владиславу Скальскому. С ним импресарио был знаком еще со времен военного похода Пилсудского 1920 года, когда отец Владислав был военным капелланом 9-й пехотной дивизии, которой командовал его тезка Владислав Сикорский. В подчинении у последнего была и военная речная флотилия, в которой служил Эдуард Розенбаум. Со времени демобилизации в 1921 году он знал, что ксендз Станислав направлен в Величку. Узнав же по приезде у первого прохожего о том, что последний и сегодня служит здесь, Розенбаум еще больше обрадовался. Он знал, что с этим человеком можно вполне открыто обо всем говорить, ничего не опасаясь.

Встреча в доме у священника была дружеской и теплой. Ксендз провел старого знакомого к себе в кабинет, и потекла спокойная беседа о том, кто, где, что и как. Как и положено, в беседе со священником импресарио на все его вопросы отвечал честно и откровенно. Он сказал, что пришел сюда не только потому, что ему искренне хотелось повидать давнего знакомого, но и потому, что его новое служебное положение немало влияет на возможность поговорить со святым отцом, зная при этом, что сказанное ему никогда никто не узнает. В подтверждение этих слов ксендз помолился и сказал, что его слово свято.

Когда пришла пора Розенбауму задавать вопросы, то ксендз ответил, что «брожение рабочих масс в сторону социализма здесь, в Величке, заметно больше среди приехавших рабочих, местные же гурали – народ надежный, крепкий и неподвластный дурным влияниям. Правда, на окрестных лесопилках («тартаках»), находящихся в руках евреев, работает немало их соплеменников, вот они-то

и являются разносчиками заразы социал-коммунизма. В этой своей дьявольской работе главная для них цель – подрыв в народе веры в Иисуса Христа, вот почему жидо-масонерия направляет протест людей труда против костела. Что до конкретных объединений смутьянов, то об этом я ничего сказать не могу, но мой костельный сторож Тыртэк, кажется, мне говорил о них. Сейчас я приглашу его сюда и заведу с ним разговор на интересующие тебя темы, а ты уж сам ориентируйся в этом. Во всяком случае, ты должен знать, что я всегда охотно пойду в этом деле тебе на помощь, так как служить для блага Отчизны – это не только похвально, но и отвечает законам Предвечного».

Через некоторое время пришел сторож Тыртэк, еще крепкий и здоровый мужчина с проседью в волосах и бороде. Ксендз представил ему Розенбаума как старого приятеля и сослуживца. Вначале разговор со сторожем шел о делах костельного совета, но постепенно его удалось перевести на желательную тему. Из словесного общения ксендза с Тыртэком стало ясно, что во многом возмутителем спокойствия среди местных рабочих является шахтер Ян Голомб²⁴, прибывший на заработки в Величку из Домбровецкого горного района около года назад. Сторож, в частности, заметил, что подозрение к себе он вызывает не только потому, что не ходит в костел. Как человек развитой и грамотный, он читает книги и газеты и даже выписывает газету «Работник» – орган ППС (Польской социалистической партии). Номера таковой раздает для чтения другим рабочим шахты №1 «Юзеф Пилсудский», где сам работает. Ян Голомб часто, особенно в нерабочие дни, встречается с рабочими лесопилки лесоторговца Файерманна. Эта лесопилка находится в десяти километрах от города, но связана с железнодорожной станцией узкоколейкой. Там имеется столовая для рабочих, а при ней сильный радиоприемник. Поесть и послушать приемник туда сходится немало шахтеров и рабочих. Был там в прошлое воскресенье и мой сын Юзеф, который рассказывал, что Голомб читает там вслух газеты и ведет разговоры о тяжелом положении польских рабочих».

Когда Тыртэк ушел, Розенбаум поблагодарил Владислава Скальского за столь полезную для политразведки беседу, обозначившую фигуру, от которой можно разматывать «революционный клубок». На эту роль ксендз сразу же предложил кандидатуру сына

Тыртэка – Юзефа: «Ему 27 лет, человек он женатый, серьезный, по специальности шахтер и работает на одной шахте с Голомбом, и если нужно, то с ним можно поговорить». Одобрив эту идею, сослуживцы распрощались, чтобы обратиться к столь привычным делам: ксендз к костельным, а импрессарио к театральным.

Утром, когда номерной принес Розенбауму завтрак, он, вероятно, со скуки стал говорить с ним о всякой всячине, об отце Станиславе, о Тыртэке..., и неожиданно тот заметил, что не только знает младшего Тыртэка, но в какой-то степени приходится ему родственником, так как женат на его двоюродной сестре. После некоторой паузы номерной охарактеризовал его предельно лаконично: «хороший и порядочный человек». Когда в ходе разговора Розенбаум выразил желание побывать на соляных шахтах, то его собеседник предложил ему присоединиться к одной супружеской чете из соседнего номера, которую он вызвался сопровождать в поездке с этой же целью. Импрессарио, разумеется, согласился и уже через полчаса вместе с супругами Ленковскими из Варшавы на экскурсионной фуре поехал осматривать шахту имени Пилсудского. По дороге он как мог разделял восторженные ожидания своих попутчиков в преддверии встречи под землей с костелом, устроенным из соли, а также замечательной фигурой Матери Божией – точной копии ее скульптуры в Люрце. Сделана она также из соли каким-то любителем-скульптором из местных жителей.

В шахте с помощью номерного Розенбаум познакомился с шахтером Юзефом Тыртэком, который в тот момент был в роли экскурсовода в соляном костеле под землей. Проявляя искусственный интерес к подземным творениям, он буквально засыпал вопросами шахтера, что позволило ему в конце экскурсии не только дать последнему чаевые за экскурсию, но и пригласить его к себе в гости в гостиницу «Краков». Здесь свою беседу с шахтером импрессарио начал с выражения своего восхищения от недавно увиденного под землей, а затем перевел разговор на костельные темы вообще и на ксендза Скальского, в частности. Он не преминул сказать, что, со слов отца Станислава, он знает о собеседнике много хорошего и что в своих важных государственных делах ксендз рекомендовал обратиться именно к нему. Польщенный таким вниманием к своей персоне, Юзеф тут же и достаточно охотно дал согласие присмотреться получше не только к Яну Голомбу, но и выяс-

нить причастность последнего к революционной агитации среди рабочих лесопилки и шахтеров. В знак добросовестного исполнения своих будущих обязанностей он произнес: «Присягаю на святой крест в моей искренности и желании». Потом перекрестился и, поцеловав свой нательный крестик, продолжил: «Так, да поможет мне Всемогущий Бог и Его Пресвятая Мать». Дав ему на расходы по разведке 300 злотых, Розенбаум порекомендовал шахтеру приискать себе верного помощника, на что последний ответил, что если ему такая помощь понадобится, то лучшего помощника, чем свой отец, ему не найти. Уже зная старого Тыртэка, импрессарио с таким мнением не мог не согласиться. Ночью он выехал в Бельско.

Незадолго до приезда в Розенбаума Бельско в городе прошли аресты и обыски среди членов и сочувствующих ячейки «Власть Трудящемуся Классу». За решеткой оказалось около 80 человек. По словам Анджеевского, это событие в среде рабочих «не нашло какого-то видимого отклика, предприятия работают нормально и воздух немного очистился. Среди немцев-рабочих наблюдается радостное оживление». В ходе встречи с Розенбаумом Анджеевский также сообщил, что интересовался при помощи местных рабочих Эдмунда Ковнацкого и Антония Бржезинского политической ситуацией на бумажной фабрике в Дзедзицах близ Бельско. Пока там ничего определенного не обнаружено, кроме того, что значительная часть рабочих-евреев, прибывших на фабрику из Краковского и Келецкого воеводств, группируется вокруг организованной в местечке дешевой столовой-кашерной, в которой цены сравнительно недороги. Хозяйкой этой столовой является вдова зубного врача Роза Рейзер, состоящая на жаловании еврейского благотворительного общества «ТОЗ», основавшего эту столовую. Это же еврейское общество организовало бесплатное снабжение молоком детей из беднейших еврейских семей местечка. «Из всего этого, – продолжил Эммилиан Анджеевский, – я делаю вывод, что среди рабочих-евреев в Дзедзицах может существовать революционная организация. Политический сыск за этой кошерной столовой я поручил Эдмунду Ковнацкому, знающему еврейский жаргонный язык, о чем еврейское окружение совсем не догадывается».

Учитывая сказанное, Розенбаум поручил Анджеевскому расширить свои связи с рабочими Цешина. Тем более что между Бельско и Цешинском совсем недавно установилось постоянное желез-

нодорожное и автобусное снабжение. После этого инструктажа он попрощался со своим агентом и пошел на железнодорожный вокзал, откуда первым вечерним поездом отправился в Катовице, куда прибыл около полуночи.

Устроившись в привокзальной гостинице, Розенбаум бегло прочитал письмо от Корвин-Пиотровского, переданное ему Анджеевским, после чего лег спать. На следующий день он связался с Каролом Граппом и договорился с ним о срочной встрече. Последний по прибытии сразу же передал шефу расписку о получении Корвин-Пиотровским донесения от Розенбаума через курьера Вредэ, а также письмо от него, после чего сообщил, что недавно был в Бендине и присутствовал там на собрании комитета организации «Власть Трудящемуся Классу». Ему удалось составить список членов этой организации, в котором «из двухсот фамилий лишь 30–40 фамилий были не еврейскими, а польскими. Эта организация находится в стадии становления, большинство членов ее составляют уроженцы не только Бендина, но Домбровы Гурничей и Сосновца. Что касается Катовице, то здесь три дня тому назад также прошли по приказанию госполиции аресты и обыски среди членов упомянутой уже организации». По его мнению, в Катовице после этого должно установиться среди рабочих затишье, тем более что большинство коренных шленских рабочих обнаруживает симпатии не столько к прокоммунистическому и еврейскому движению, сколько к пронемецкому, привлекавшему их внимание реализацией экономических задач в крае.

Когда Грапп ушел, Розенбаум стал читать письмо к нему Корвин-Пиотровского. К письму были приложены деньги в двух банкнотах по 500 злотых на расходы по сыску. Кроме прочего, полковник сообщал о последних решениях по оперативной обстановке в Катовице и о своем намерении несколько изменить маршрут театральных гастролей ансамблей импрессарио в направлении Познани. Часа через полтора после этого к Розенбауму явился Вредэ-старший с информацией о том, что на днях он был в Хожеве и там от своего давнего приятеля, мастера металлургического завода Михаила Микушевского, узнал о существовании у них организации «Власть Трудящемуся Классу». В Мысловицах он приобрел себе помощника в деле политразведки в лице своего приятеля шахтера Теофила Яновского. Правда, тот никаких сведений по своей шахте

«Крулевский» еще не имеет. В этот момент пришел в номер Вредэ-младший. Чувствовалось, что исполненное им недавно задание принесло ему удовлетворение: 50 злотых, врученных ему в качестве вознаграждения импрессарио, он взял как вполне заработанные, дав при этом шефу соответствующую расписку.

Прощавшись с отцом и сыном Вредэ, Розенбаум пошел на вокзал и первым же вечерним поездом выехал в Варшаву. Прибыв с докладом к Корвин-Пиотровскому, он обрисовал ему достаточно подробно ситуацию с распространением революционных настроений на Гурном Шленске в Краковском воеводстве, особо подчеркнув при этом возрастающую роль Бендзина в пропаганде коммунистических идей. Этот город хотя и не входит в состав Гурно-Шленского воеводства, ибо расположен в воеводстве Келецком, но, пользуясь своей близостью к крупнейшим шленским центрам посредством железнодорожного, автобусного и трамвайного сообщения, широко использует эти возможности для пропагандических целей. Затем импрессарио остановился на положении дел в Катовице, Хожеве. Мысловицах, а также передал полковнику списки, известных ему членов организации «Власть Трудящемуся Классу» список лиц, недавно приглашенных для сотрудничества, а также список устроенных для гастролей своих ансамблей городов с указанием сроков их там выступлений.

В связи с докладом Розенбаума полковник внес коррективы в его задание на ближайшее время, исключив из него работу в Познани, куда он решил послать из Кутно Вильгельма Вернера, а самого докладчика послать в Дрогобыч – центр нефтяной промышленности региона. С учетом сложившейся там обстановки он потребовал выезда туда немедленно, выписав на эти цели Розенбауму под отчет сразу тысячу злотых.

На следующий день по прибытии в Дрогобыч Розенбаум отправился к своему давнему приятелю Яну Модзылевскому, который работал главным бухгалтером на государственном нефтяном промысле «Рыдз-Смиглы». В связи с сильной занятостью по работе Модзылевский извинился перед старым другом и попросил его зайти к нему вечером домой: «Друже, сколько всего произошло на белом свете после наших гимназических и студенческих времен, и обойти все это мимолетным разговором в конторе – большой грех. Жду тебя с Андзей (женой) у себя часов в восемь: поболтаем, как

люди, и мешать нам никто не будет». К толстяку Яну Эдуард с детства испытывал симпатию за его добрую душу и отзывчивость. Он всегда с теплотой вспоминал дни вакаций, которые они часто проводили с Модзылевским в имении его родителей в Гайсинском уезде Подольской губернии. Именно там, во время визитов в семьи соседей–помещиков он впервые испытал на себе силу женских чар и аромат настоящий на запахе трав и любви аромат украинских ночей.

Первые полчаса встречи у домашнего очага прошли в воспоминаниях о былом. И одному, и второму пришлось за последние годы немало пережить, и искренние слезы не раз увлажняли глаза школьных друзей. Когда Андзя ушла распоряжаться по кухне, Розенбаум открыто, как старому другу, сообщил Яну о главной цели своего визита «в твой, Янек, медвежий угол». Модзылевский на это не обиделся, а лишь сказал, что «всеобщая зараза коммунизма, к сожалению, дошла и сюда. Политическое брожение среди рабочих нефтяного промысла день ото дня становится все более заметным. Но поскольку от соприкосновения с ними я огражден не только стенами своего кабинета, но и толстыми очками, то я могу об этом судить лишь по разговорам с рабочим экспедиционного отдела Дионизием Дымэком. Человек он зрелый (45 лет), религиозный, пользующийся уважением в рабочей среде, его суждениям о настроениях людей я верю больше, чем кому-нибудь другому. Если хочешь, Эдвардзе, то я его к тебе пришлю...». Розенбаум, естественно, согласился, но предупредил Янека, что согласно принципам своего служения Отчизне в гостиничных списках он значится под фамилией «Ружицкий».

Друзья в тот вечер явно засиделись, но гостеприимный Янек не выпускал из своего дома Эдуарда до тех пор, пока тот не выпил «оглоблевой» и не пообещал хозяину быть у него завтра на обеде. Проснулся Розенбаум рано и с большой головой. К последнему он уже начинал привыкать. Главное для него было – это не пропустить визит Дымэка. Последний же явился сразу, как только импрессиарио приобрел привычное для себя и людей состояние. Рабочий Дымэк внешне производил впечатление вполне интеллигентного человека, способного с ходу понять, чего от него хотят, тем более было видно, что и Янек с ним «поработал».

На предложенные импрессарио вопросы Дионизий Дымэк ответил следующее: «Я твердо знаю о существовании в Дрогобыче комитета организации «Свобода Трудящемуся Классу», так как экспедитор Миколай Мацевич – председатель этого комитета – не раз предлагал мне вступить в число ее членов, но я всякий раз отговаривался тем, что у меня большая семья, а потому не имею права рисковать куском хлеба для нее, хотя и отдаю для отцепного Мацевичу два-три злотых, благодаря чему пользуюсь доверием последнего. Знаю со слов Мацевича, что его ближайшими помощниками в организации являются: частный экспедитор на железной дороге Мейлах Меерович, а также рабочие-нефтяники – Кунц, Грабовский и Дыль. Всего членов организации – свыше ста членов. Вся документация организации хранится у местного зубного врача, некоего Шнайдера». После этой информации Розенбаум предложил Дымэку стать штатным агентом политполиции, и тот с удовольствием согласился. Получив под расписку 250 злотых, он пообещал добыть в ближайшее время списки членов этой организации. И свое обещание он сдержал. Через два дня он принес список, в котором было 175 фамилий.

Поблагодарив новоиспеченного агента, Розенбаум пошел к местному начальнику отдела госбезопасности ротмистру Александровичу с просьбой о немедленном аресте указанных в списках лиц, ссылаясь при этом на приказ, данный на сей счет Корвин-Пиотровским в его последнем письме. Александрович, поняв, с кем имеет дело, тотчас же отдал приказ о немедленном начале арестов и обысков в соответствии с адресами, указанными Дымэком. Как затем выяснилось, сведения, доставленные им, оказались удивительно точными, включая и все, что касалось дантиста Шнайдера. При обыске у него оказалась не только документация организации, но и круглая резиновая печать, а также квитанционная книжка, на чеках которой были оттиски этой же печати. Корвин-Пиотровский, получив эти сведения от Розенбаума, выписал ему чек на 1500 злотых в качестве вознаграждения за политразведку в Дрогобыче и пообещал зачислить Дымэка в число штатных агентов в самое ближайшее время. На этой встрече Корвин-Пиотровский сказал: «Теперь поезжай к ансамблям, свяжись с театральным бюро и заканчивай начатое в Кракове и на Гурном Шленске дело».

Устроив в Варшаве все дела с театральным бюро Иодко-Наркевича, включая сроки выступления ансамблей в намеченных для гастролей городах, Розенбаум вместе с первым ансамблем был готов к выезду в Краков. Перед отъездом в новое турне, он, как это и было условлено, явился на прием к Корвин-Пиотровскому. Тот сразу же принял Розенбаума и первым делом сообщил о том, что в Бендине, Бельско, Катовице, Хожеве и Мысловицах вся «шайка» ликвидирована, из-под ареста не ушел ни один из главных бунтовщиков. Тем не менее он оставил там для дальнейшей работы людей, завербованных Розенбаумом, связав их непосредственно с собой. Заметив, что в августе он будет находиться в отпуске, который он мечтает провести на берегу моря в Ястарне, полковник предупредил импрессарио, что в случаях особой важности он может и туда присылать к нему курьера. Кроме того, он потребовал от доверенного лица «кончать» Краков, Величку и Дрогобыч. При этом он выдал ему большое количество заверенных бланков приказов на аресты, а также две тысячи злотых на текущие расходы.

В начале июля 1924 года Розенбаум с опереточно-оперным ансамблем приехал в Краков. Гастроли были рассчитаны на двадцать дней, тем не менее, сразу же по прибытии в гостиницу импрессарио вызвал к себе своих сотрудников Станислава Стемпневского и Горация Домашевича. Оба доложили о том, что им удалось напасть на нужный след и собрать подробные сведения о существующей в Кракове с апреля текущего года революционной организации прокоммунистической направленности под названием «Власть Трудящемуся Классу». Комитет этой организации возглавляет фармацевт местной еврейской больницы Пейсах Пэрэль, членами же его являются: Лейзер-Хаим Лемперт – чиновник местной кассы, Вульф-Иосель Дайнер – старший мастер фабрики красок «Гвезда», Ян Машэцкий – рабочий трикотажной фабрики, Иосиф Ключинский – приказчик предприятия Наума Нахтманна, Абрам-Изаак Краковер – кондитер кондитерской фабрики «Промень». Список членов этой организации в количестве 500 человек Стемпневский раздобыл благодаря своему приятелю, химику завода «Гвезда» Августину Малиновскому, состоявшему в дружеских отношениях с Яном Мокшецким – членом комитета. Кроме этого списка, Розенбауму был передан список лиц, заподозренных в контактах с названной организацией, всего около 1500 человек. Других ре-

волюционных организаций в городе ими не обнаружено. По заявлению агентов, в числе лиц, принадлежащих к выявленной организации, христиане составляют лишь около 20 процентов, все остальные – евреи.

Поблагодарив Стемпневского и Домашевича за работу и, конкретизировав задания наперед, Розенбаум решил посетить начальника воеводского политотдела госполиции генерала Эдуарда Конаржевского. Тот его незамедлительно принял и одобрил проведение всех запланированных вместе с помощниками мероприятий.

В 20-х числах июля импрессарио выехал с ансамблем в Бельско и Катовице, где гастролы продолжались до середины октября, после чего опереточно-оперный ансамбль завершил свои концертные поездки и возвратился в столицу на зимний театральный сезон. Сам же Розенбаум отправился в Бельско, где стал работать с группой Бен-Али, оставив концертную труппу на своего помощника. Вместе с сеансами Бен-Али импрессарио в сентябре–октябре месяце посетил города Бельско, Дзедицы, Катовице, Хожев, Бытом, Живец и Краков. В этот период, т.е. после прошедших недавно арестов, никаких признаков революционного брожения здесь не было обнаружено. Вызвав в Краков своего помощника для передачи дальнейших гастролей в Дрогобыче, сам Розенбаум взял концертный ансамбль и отправился с ним в первых числах ноября 1924 года в Величку.

Приехав в Величку, Розенбаум побывал в гостях у ксендза Владислава Скальского, а затем через него вызвал к себе в гостиницу Юзефа Тыртэка. Последний доложил, что за последнее время он достаточно близко сошелся с Яном Голомбом, «подлаживаясь под его тон». В результате Голомб ввел его в кампанию, собирающуюся на лесопилке Файермана, где он ведет с рабочими беседы в прокоммунистическом духе. Около двух месяцев назад Голомб организовал здесь ячейку организации «Власть Трудящемуся Класу». В состав комитета, который он возглавляет, вошли рабочие-шахтеры Зыгмунт Сковронэк и Вацлав Врубель, а также еврейские рабочие с лесопилки Герц и Штауб. В ячейку на первом организационном собрании записались 37 человек, на сегодня их число увеличилось еще человек на десять. После этого Юзеф передал шефу упомянутые списки и сказал, что в воскресенье состоится очередное собрание ячейки.

Поблагодарив Тыртэка, импрессарио попросил его зайти к нему после вечерней службы в костеле. Сам же сразу решил с завтрашнего дня начать ликвидацию группы Голомба, чтобы она не успела пустить в Величке корни. С этой целью на следующий день утром от отправился в местное староство, где размещался отдел госбезопасности, возглавляемый капитаном Стояновским. Предъявив ему свои документы, а также рассказав о возложенных на него полномочиях в свете последних политических процессов в Величке, он посчитал нужным заявить о своем решении немедленно взять под стражу всех выявленных Тыртэком-младшим лиц. Стояновский, уточнив вместе с доверенным лицом некоторые детали предстоящей акции, отдал приказ своим подчиненным о начале в городке и его окрестностях обысков и арестов.

Через два дня все члены прокоммунистической организации в Величке во главе с Голомбом и другими комитетчиками были арестованы. Во время обысков при аресте было обнаружено большее количество марксистской литературы, документация ячейки, а также некоторые принадлежащие ей суммы денег. По взаимному согласию Розенбаума с капитаном Стояновским был составлен акт найденного при обысках, который затем был отправлен с курьером в Варшаву.

Когда в конце ноября, после окончания гастролей, Розенбаум вернулся в столицу, он явился к Корвин-Пиотровскому и сделал подробный доклад о работе, проведенной в Кракове и Величке. В знак благодарности за службу он получил от полковника две тысячи злотых наградных, а также отпуск до конца 1924 года. Этот отпуск Розенбаум провел в Варшаве, в семье двоюродной сестры.

Глава XI. РЕЙД ПО «ГЛЕЮЩИМ УГЛЯМ»

В середине января 1925 года скучающий от затянувшегося отпуска, Эдуард Розенбаум неожиданно был вызван к полковнику Корвин-Пиотровскому. После обмена мало что значащими фразами их разговор уже через пару минут приобрел характер служебного и делового. Всегда бодрый и подтянутый шеф начал его с общей характеристики рабочего движения, а потом все сказанное перевел к заданию, которое возлагалось на слегка пополневшего Розенбаума. Он сказал, что в местах, где в 1924 году были проведены разведывательно-репрессивные мероприятия, среди рабочих масс наступило заметное успокоение, и тем не менее есть потребность совершить вторичный рейд по всем городам Центрального промышленного района (ЦПР) с целью восстановления и укрепления там агентурной сети. «Необходимо, – подчеркнул полковник, – связать всех штатных сотрудников из среды рабочих, назначив над каждым районным звеном ответственного сотрудника и его помощника, вменив им в обязанность поддерживать постоянную связь с главным управлением или лично, или посредством курьера». Для выполнения этого задания он поручил Розенбауму подготовить соответствующую концертно-гастрольную программу. На случай проведения необходимых арестов он выдал ему достаточное количество соответствующих бланков, заверенных печатью госполиции и подписями генерала Розвадовского и самого полковника. На все служебные расходы Розенбаум получил подотчетную сумму в три тысячи злотых. Выезд на задание был намечен на срок не позднее 31 января.

Несмотря на то, что в данном задании Розенбаум не видел ничего необычного, к выполнению его он готовился, как всегда, добросовестно. Первым делом он встретился с Иодко-Наркевичем, пригласил его посидеть в ресторане и по-человечески, без формальностей, поговорить о проблемах организации предстоящих

гастролей. Директор не выразил при этом особой радости, но на приглашение откликнулся, зная или догадываясь о второй жизни импрессарио Ружицкого. Выпив рюмки две-три, он не мог не признать, что «театрально-гастрольное дело импрессарио освоил не только достаточно глубоко, но и прекрасно знает резервы повышения его эффективности, т.е. доходности». На следующий день оба с удовлетворением подписали контракт на организацию гастролей опереточной группы «Театр-Ревю» сроком на один год с правом концертной деятельности на территории всей Польши. В помощники Розенбауму назначался все тот же немец Роберт Рейх – человек деловой, но чрезвычайно замкнутый, что совсем не вязалось со стилем его жизни и служебными обязанностями.

Покончив с этой частью дела, а затем с расписанием будущих гастролей, Розенбаум пришел к Корвин-Пиотровскому. Последний рекомендовал ему обратить особое внимание в этой гастрольной поездке на города Заверце (металлургический и цементный заводы), Домброву Гурничу (сталелитейный и рельсовый заводы, угольные шахты) и Бендин (угольные шахты, чугунолитейный завод, мебельная фабрика Гроссмана), где, по его словам, еще могут находиться «тлеющие угли» революционного рабочего движения. Здесь необходимо наладить усиленную работу агентов из рабочих. Ставилась также задача проверить работу агентов в городах Гурного Шленска: в Кракове, Дрогобыче и Величке, а также «прозондировать» Львов на предмет наличия там почвы и для прокоммунистического движения, и для сепаратистского движения украинцев. Приняв задание к исполнению, импрессарио попросил разрешение начать гастроль с Лодзи, а завершить их во Львове, а также о продлении театральной концессии и срока пользования железнодорожным билетом. Полковник пообещал все сделать и пригласил Розенбаума поужинать на прощание с ним в «Астории». Ужин прошел на традиционно высоком уровне, о политике не говорили, и лишь прощаясь, полковник напомнил импрессарио о задании по Львову и вручил ему уже с продленным сроком действия проездной билет по всем государственным железным дорогам. На следующий день импрессарио выехал на гастроль.

В Лодзи он, пробыв всего лишь день, повидался с Михаилом Казакевичем и Зигмунтом Миклашевским. Оба говорили о явном успокоении на фабриках и заводах, хотя на днях арестованы не-

сколько подозрительных рабочих и служащих из еврейской больницы и с городских скотобоен. Козакевич сообщил, что по его заданию Возницкий и Домбровский ведут усиленную слежку за частными и мелкими городскими предприятиями, но пока безрезультатно. «Сеть сотрудников действует исправно, а главное – охотно», – при прощании заявили они.

В Заверце Розенбаум встречался со своими сотрудниками Феликсом Щепанским и Дионизием Дзевульским. Щепанскому удалось выявить отстатки организации «Власть Трудящемуся Класу», которую возглавляли Гириш Гордон и Шай Шеваха. В этой группе всего лишь 17 человек, в основном рабочие цементного и металлургического заводов. Дзевульский к представленному списку устно добавил еще троих подозрительных людей. С полученными сведениями Розенбаум обратился к начальнику местного отдела госбезопасности капитану Томашевскому с просьбой об аресте в ближайшую ночь всех упомянутых в списке лиц. Данная акция в указанное время была проведена. На следующий день, назначив Дзевульского ответственным по разведке в районе Заверце, Розенбаум выехал в Катовице.

Прибыв в Катовице, Розенбаум встретился с Каролом Граппом и Вернером Вредэ. Грапп, курирующий ситуацию в Катовице, Бендине и Домброве Гурничей, заявил об успокоении в рабочей среде, хотя его помощник в Бендине шахтер с шахты «Нептун» Кароль Мышковский подозревал в коммунистических настроениях около 30 человек. Он составил список этих лиц. Вернер Вредэ сообщил, что благодаря его сыну, а также агенту Михаилу Микушевскому в Хожеве удалось выявить и арестовать по приказу полковника Корвин-Пиотровского (к нему с донесением ездил Вредэ-младший) семь рабочих-пропагандистов.

Помимо этого, Вернер Вредэ рассказал о попытках видного деятеля Гурного Шленка Войтеха Корфанты объединить всех местных рабочих в легальный союз «Роботник Гурношленски» («Гурношленский Рабочий»). Главная ее цель – недопущение в рабочую среду рабочих из других городов страны, создание специальных конфликтных комиссий из членов союза для разбора недоразумений между рабочими и работодателями, а также основание беспроцентных ссудных касс для членов опять-таки рабочего союза. Отношение к этим мероприятиям со стороны большин-

ства рабочих пока остается пассивным. Рабочие же революционной ориентации бойкотируют эту деятельность Корфанты.

После докладов агентов Розенбаум предложил им подобрать возможность и время для того, чтобы вместе съездить в Бендин, Домброву Гурничу и Мысловицы. Уже на следующий день импресарио вместе с Граппом поехали в Домброву Гурничу. Сам он остановился в гостинице, а Грапп сразу же ушел к здешним своим помощникам. Через некоторое время Грапп вернулся в гостиницу в сопровождении двух рабочих: Семена Шабловского – мастера завода «Гута Банкова» и Иоахима Яворского – шахтера с угольной шахты «Оржел». Грапп представил их Розенбауму и коротко охарактеризовал каждого из них. Затем они рассказали, что им известно о настроениях рабочих. Шабловский, в частности, заметил, что «в последнее время вновь становится заметным на заводе мастер прокатного цеха Рышард Эйхлер – убежденный социалист, член ППС. Пользуясь тем, что эта партия легально существует, он почти ежедневно в свободное от работы время читает им социалистические газеты и журналы. Такие читки и беседы он проводит в общественной столовой, куда приходят и шахтеры с расположенных поблизости шахт». Яворский не только подтвердил это, но и вручил Розенбауму список наиболее активных участников этих читок, всего 32 человека.

На основании услышанного последний заявил рабочим об их приеме в число своих сотрудников и о временном их подчинении Граппу, при этом выдал им по 200 злотых за труды под расписку. На этом встреча закончилась, новоиспеченным сотрудникам были даны последние рекомендации, после чего Розенбаум с Граппом поехали поездом в Бендин. Уже через 15–20 минут они были на местном вокзале, откуда сразу же отправились на частную квартиру помощника Граппа Кароля Мышковского – рабочего с угольной шахты «Нептун». Его удалось застать дома. Это был старый холостяк, человек трезвый и набожный. В его комнате, кроме стола, стула, тумбочки и лежанки, на стене висела, судя по всему, самая дорогая из всех предметов его дома – икона Божией Матери Ченстоховской. Перекрестившись на икону, Мышковский сообщил, что со времени своей последней встречи с Граппом и передачи им списка подозрительных лиц в Бендине ничего нового не произошло. «Правда, – добавил, подумав, рабочий, – от рабочих соседней

сосновской шахты «Минерва» я слышал, что там, среди шахтеров вертится последнее время какой-то подозрительный субъект, якобы представитель книгоиздательства «Арс» и продает им по очень низким ценам всякого рода брошюры, гравюры, календари, а потом неофициально показывает и раздает любопытным брошюрки, написанные в духе коммунистов. Больше новостей не имею».

Вскоре после этого агенты разошлись, вернее, Мышковский остался дома, а Розенбаум с Граппом вышли на улицу. Глянув на часы, импрессарио сообразил, что еще не поздно и до закрытия госучреждений остается около часа; он предложил Граппу зайти в ресторан и заказать обед на двоих, а сам бегом бросился в местный отдел госбезопасности. С начальником последнего он быстро уладил дело об аресте уже ночью лиц, отмеченных в списке Мышковского, после чего присоединился к Граппу. После обеда оба электротрамваем выехали через Сосновец в Катовице.

По дороге Грапп предложил задержаться на пару часов в Сосновце, чтобы там переговорить со своими знакомыми в интересах политического сыска. Тогда же условились, что импрессарио будет ждать его в пределах часа в кондитерской «Кристал», которая находилась на привокзальной площади. Только и успел Розенбаум выпить чашечку кофе, как вернулся Грапп и предложил ехать с ним на улицу Пилсудского к его знакомому, который уже ожидает их у себя дома. Этим знакомым оказался мастер Сосновского металлургического завода «Корона» Антоний Пешхлевский. Квартира его находилась в помещении, принадлежащем заводу, и состояла из двух комнат с кухней. Перед приходом неожиданных гостей он, по договоренности с Граппом, отправил жену с детьми в город, так что приход последних ожидался лишь часа через два. С учетом этого он сразу перешел к делу.

Пешхлевский с места заявил, что согласен на совместную работу в политразведке. О существовании среди рабочих какой-либо революционной организации он пока ничего не слышал, но предполагает, что такая организация в ближайшее время может появиться, так как рабочие интересуются литературой по вопросам коммунистического мировоззрения. Часть из них недавно охотно приобретала брошюры «Воспоминания о Карле Марксе», «Социалистическая революция в России» и др. у некоего представителя книгоиздательства «Арс» Фридмана. Из любопытства он сам ку-

пил упомянутые брошюры и в подтверждение сказанного показал их Розенбауму. Последний хотел выкупить их у рабочего, но тот отдал брошюры шефу бесплатно. После этого Пешхлевскому были даны конкретные задания по сыску; он был подчинен по этим вопросам Граппу, но первое вознаграждение и аванс на расходы по разведке в размере 300 злотых при прощании вручил ему Розенбаум.

На следующий день Розенбаум поехал вместе с Вернером Вредэ в Мысловицы. Приехав туда, они поселились в номере гостиницы «Европейская», после чего импрессарио остался там, а Вредэ-старший поехал за своим помощником Теофилом Яновским, с которым вскоре и прибыл. Теофил доложил, что после проведенных в городе арестов никакой революционной организации среди рабочих не существует, но сторонники этого направления еще есть. Все они без исключения работают на шахте «Крулевска». Представив Розенбауму список подозрительных лиц в количестве 39 человек, Яновский добавил, что все люди в списке – поляки, за исключением 5–7 человек, носящих еврейско-немецкие фамилии. Взяв этот список, доверенный госполиции поручил Яновскому вести дальнейшую строгую слежку за рабочими и держать тесную связь с Вернером Вредэ.

В соседнем Хожеве Розенбаум и Вредэ побывали дома у агента Михаила Микушевского. Жил он один и только-только вернулся с работы. Прибывшим к нему он рассказал следующее: «После поголовных арестов, произведенных у нас в конце прошлого года, на какое-то время установилось затишье, но сейчас среди приезжих рабочих опять стало заметно желание объединиться и создать новую организацию. Таких людей я знаю человек двадцать. Этот список я намеревался в ближайшие дни отвезти к Вернеру. О таком желании создать новую организацию мне рассказал наш кочегар Ян Длугош, приехавший на завод из Ченстоховы в прошлом году, когда после арестов там стали набирать новый состав рабочих. Он человек молодой, развитой и бойкий. Как-то подошел ко мне и стал жаловаться на тяжкую рабочую долю. Я стал ему поддакивать и в конце концов выведал, что ему удалось бежать из Ченстоховы в ту пору, когда там и в Лодзи производились аресты участников революционных организаций, и где он, по его словам, состоял членом организации «Свободный Рабочий». На этом

Микушевский закончил свое сообщение, достал из тумбочки упомянутый список и передал его Розенбауму. Тот в свою очередь поблагодарил его за работу, пожелал «держаться в таком же духе» и подчинил его непосредственно Вредэ, выдав для поощрения агенту 100 злотых наградных.

По возвращении в Катовице в гостиничном номере Розенбаума состоялось совещание, на котором доверенный госполиции сообщил, что выявленных в ходе поездок по населенным пунктам региона (за исключением Домбровы Гурничей) подозрительных он решил взять под стражу и с этой целью он планирует завтра быть у шефа местного отдела госбезопасности. Кроме того, он подготовил подробное донесение об этой поездке в Главное управление госполиции, с которым в Варшаву завтра же отправится курьером Кароль Вредэ. Затем он назначил Кароля Граппа старшим сотрудником в районе Домбровы Гурничей, Заверце, Бендине, Сосновце и Катовице, а Вернера Вредэ – в на район Мысловице – Хожев. Помимо этого, он произвел денежные расчеты с Граппом и Вредэ-старшим, которого в своем донесении в Варшаву просил произвести в штатные агенты.

Выслав курьера в Варшаву, Розенбаум выехал для выполнения задания Корвин-Пиотровского в Бельско. Здесь он первым делом связался с Эмилианом Анджеевским, который ему доложил, что «в самом Бельске пока все спокойно, чего, – добавил он, – не скажешь о Дзедзицах». Как оказалось, здесь его помощники Эдмунд Ковнацкий и Антоний Бжезинский раскрыли деятельность организации «Власть Трудящемуся Классу». Судя по представленному тогда же импрессарио списку, она представлялась организацией отнюдь не маленькой: в ней было указано свыше 200 фамилий. В числе активистов выявленной организации значились рабочие бумажной фабрики Вацлав Вышинский, Берэль Баум, Константин Конарский, Ревека Редлих и заведующая столовой Роза Рейзер. Председателем организации состоял старший экспедитор фабрики Лейба Лихтерман. Заполучить список организации Эдмунду Ковнацкому удалось лишь благодаря тому, что он сумел попасть в число членов упомянутого комитета.

Поблагодарив Анджеевского за важную информацию и обязав его прислать как можно быстрее к нему для беседы Бжезинского и Ковнацкого, Розенбаум тотчас же направился к шефу местно-

го отдела госбезопасности капитану Зарембе. Представившись ему доверенным лицом госполиции, он передал ему соответствующие документы на право производить по своему усмотрению аресты подозрительных лиц, а также их свежий список, написанный химическим карандашом, с просьбой начать это дело поскорей, но не арестовывать Ковнацкого как главного героя дела. Капитан Заремба пообещал удовлетворить эту просьбу доверенного госполиции и начать аресты уже сегодня вечером.

На следующий день, как только начало рассветать, в гостиничный номер Розенбаума постучали взволнованные Ковнацкий и Бжезинский. Оба были напуганы тем, как бы начавшиеся аресты не отразились на их безопасности, а потому стали просить Розенбаума о переводе их на другую работу, подальше от Бельско и Дзедзиц. Ковнацкий как уроженец Кракова просил перевести его туда, а Бжезинский выразил желание быть переведенным во Львов. Розенбаум успокоил их и пообещал в короткое время через Корвин-Пиотровского эту проблему решить. Выплатив обоим агентам наградные за сделанное ими дело, Розенбаум направился к Станиславу Зарембе. Последний проинформировал его о ходе арестов, а также разрешил ознакомиться с материалами, добытыми сотрудниками госбезопасности в ходе арестов и обысков в Дзедзицах. Просматривая их, доверенный госполиции наткнулся на переписку Лейбы Лихтермана с неким Мордухом Мэрклисом, проживающим в Варшаве и работающим там на фабрике папиросных гильз «Двуватка». В письмах последнего к Лихтерману давались указания относительно образа действия членов комитета в Дзедзицах, там же были прокламации, отпечатанные на гектографе, а также упоминания о деньгах, высланных для нужд организации «Власть Трудящемуся Классу». Важной находкой было письмо, в котором Мэрклис рекомендовал Лихтерману «быть осторожным и прекратить переписку с подотделом центра в Кракове, так как полиции удалось напасть на его след». Там же сообщалось о том, что председатель этого подотдела Пейсах Парель и возглавляемый им комитет в настоящее время находятся под стражей. В связи с этим Мэрклис высказывал свою озабоченность по созданию нового места для деятельности центра, чем и занимался член центрального комитета Вульф Винавер в Перемышле и Кракове. По согласованию с Зарембой, Розенбаум уже на следующий день через курье-

ра Ковнацкого выслал эти письма в качестве приложения к своему донесению о событиях последних дней к Корвин-Пиотровскому.

Договорившись с Ковнацким, чтобы после возвращения из Варшавы он его искал в Величке, Розенбаум вечером того же дня выехал из Бельско в Краков. Здесь он встретился с агентами Станиславом Стемпневским и Горацием Домашевичем, которые проинформировали его о попытках возрождения на Плянтах (на конфектной фабрике «Промень» и трикотажной фабрике Наума Нахтмана) организации «Власть Трудящемуся Классу». Оба предприятия, со слов агентов, по своему составу еврейские и около 90 процентов работающих на них – евреи. Раскрыть эту организацию удалось при помощи старшего кондитера фабрики «Промень» Яна Вержбицкого. Прекрасный специалист, высокооплачиваемый и ценимый администрацией работник, он сразу же согласился на сотрудничество с контрразведкой, мотивируя свое решение тем, что «считает своим долгом разобраться весь тайный механизм их деятельности среди рабочих и промышль, наконец, замыленные глаза полякам – еврейским прислужникам». Именно такой случай недавно ему представился. Ян Вержбицкий сразу после работы пришел к Домашевичу и сказал, что «в город приезжает какой-то Вульф Винавер для проведения собрания рабочих двух местных фабрик, которое будет проходить в школе (дом молитвы), вроде синагоги, только поменьше» и что он не знает, как ему поступить («для пользы дела, думаю, что быть там надо, но с точки зрения католика находиться не только в еврейской молельне, но и даже в иноверческом христианском храме считается большим грехом, и это меня более всего смущает»). Домашевич, а затем и Стемпневский убеждали его следующим образом: «Янек, если тебя в эту молельню призывает дело Отчизны, то тем самым и вся Католическая Церковь, связанная с государством неразрывными узами, также полностью на твоей стороне. А потому все поляки и даже сам Святой Отец, то есть папа римский, не поставят тебе это в грех, а наоборот, зачтут в число заслуг».

Сказанное агентами вполне убедило Вержбицкого, и он пошел на собрание в еврейскую молельню, где Вульф Винавер с большим пафосом призывал присутствующих не предаваться отчаянию в связи с репрессиями, обрушившимися на рабочих, а наоборот, «сплотиться для борьбы вокруг знамени свободы под лозунгами

центрального комитета организации «Власть Трудящемуся Классу». На собрании присутствовало человек сто, большинство из которых были рабочими конфектной фабрики. Стемпневский и Домашевич с помощью Вержбицкого по горячим следам, т.е. сразу после собрания, составили список участников собрания и передали его Розенбауму. Дело было днем, а потому последний попросил агентов пойти к нему в номер еще раз вечером, но уже с Вержбицким.

После их ухода Розенбаум еще раз просмотрел полученный список, а затем отправился к шефу политотдела госбезопасности Краковского воеводства генералу Конаржевскому, но последнего в кабинете не застал. Как доложил дежурный чиновник, генерал ушел на совещание к воеводе и прибудет лишь к десяти часам вечера. Попросив чиновника передать генералу, что на прием к нему приходил «Антоний Ружа», Розенбаум вышел из приемной, пообещав до конца дня здесь еще побывать.

В назначенное время, в семь часов вечера, в гостиничный номер явились Стемпневский, Домашевич и Вержбицкий. Последнему на вид было лет 45. Как особо отличившийся, он начал свой доклад с того, что передал Розенбауму дополнительно список еще из 37 человек из числа лиц, сочувствующих организации «Власть Трудящемуся Классу». Список представлял собой листок, вырванный из обыкновенной школьной тетради в клеточку, заполненный химическим карандашом снизу доверху. Далее из разговора с Вержбицким выяснилось, что Вульф Винавер проживает в Плянтах на Школьной улице, 5, в доме некоего Абрама Изаксона работающего на конфектной фабрике и также являющегося членом упомянутой организации. Вержбицкому удалось несколько раз выследить, как в этом доме проходят какие-то встречи-совещания. Как правило, их проводил Винавер, а в его отсутствие – Изаксон. Сегодня, направляясь в гостиницу и проходя по Школьной улице, он опять видел все тех же людей, собиравшихся к дому №5. На этом доклад Яна Вержбицкого был закончен, так как все последующее, сказанное им, сплошь состояло из его антиеврейских высказываний, лившихся, по словам Розенбаума, словно «горный поток». Остановить его удалось лишь вручением ему 300 злотых в качестве вознаграждения под расписку.

Поскольку подходило время собираться на прием к генералу Конаржевскому, Розенбаум срочно вызвал к себе номерного и при-

казал ему тотчас же накрыть стол в номере для своих коллег. Стемпневскому же до своего возвращения от генерала он поручил быть на ужине в роли хозяина, с чем все присутствующие выразили свое согласие. Когда импрессарио пришел в управление, Конаржевский был уже на месте. Еще здороваясь, генерал сказал, что ждал Розенбаума и надеялся заранее на полезность этой встречи. То, что доложил Розенбаум генералу, судя по всему, перешло границы ожидаемого, так как он несколько помрачнел в лице, встал из-за стола и заходил по кабинету. Однако через пару минут собрался, глубоко вздохнул и заявил, что к арестам он приступит немедленно. Вызвав дежурного чиновника, генерал приказал тотчас же обеспечить прибытие в управление коменданта полиции с четырьмя отрядами полицейских, а также восемью старшими агентов политполиции с тем, чтобы уже через час они могли приступить к арестам на Плянтах. Розенбауму же генерал Конаржевский предложил завтра рано утром зайти в его кабинет, и он охотно предоставит ему возможность ознакомиться с материалами, взятыми у революционно настроенных рабочих во время обысков. На прощание генерал Конаржевский натянуто улыбнулся и сказал, что чувствует по отношению к Антонию Руже «интуитивное доверие».

Когда импрессарио вернулся в номер, товарищеский ужин еще продолжался. Выпив с удовольствием штрафную рюмку водки, он коротко рассказал агентам о результатах своей встречи с генералом и выяснил их отношение к арестам, исходя из озабоченности последних своей личной безопасностью. Убедившись, что агенты спокойны за свое будущее, Розенбаум дал каждому из них задание по разведке, после чего назначил Станислава Стемпневского ответственным за политический сыск в городе Кракове и его окрестностях, вменив ему в обязанность периодические контакты с Варшавой. Произведя все необходимые между собой денежные расчеты, а затем посидев еще полчаса, агенты разошлись по домам.

Утром Розенбаум отправился к генералу Конаржевскому, где получил возможность изучить материалы, найденные при обыске в доме Изакона. Среди самых разнообразных бумаг удалось обнаружить список ЦК организации «Власть Трудящемуся Классу», который Розенбаум попросил генерала, если это возможно, приказать перепечатать для него на машинке, там же оказался и список членов этой организации по городу Варшаве. Генерал любезно

согласился это сделать, и через полчаса доверенный госполиции имел готовый перепечатанный список. Пока список печатался, генерал сообщил, что прошедшей ночью арестован весь состав комитета организации во главе с его председателем Вульфом Винавером. «Сегодня с утра, – сказал он, – аресты среди рабочих будут продолжены, так что через день-два весь материал по этому делу можно будет высылать в Главное управление госполиции в Варшаве».

Закончив просмотр интересовавших его материалов и поблагодарив генерала за любезность по подготовке списков, Розенбаум направился в гостиницу, где его уже ждал Стемпневский с отчетом по расходу денежных средств с выданных ему как ответственному на подотчет с авансов. Последний заявил также, что ночные аресты породили среди жителей города массу слухов и что в газете «Час Краковски» помещена заметка под заглавием «Раскрытие чинами госполиции новой революционной банды еврейской коммуны». К сожалению, купив эту газету на станции и прочитав данную статью, он забыл газету в вагоне. Пообедав вместе со Стемпневским, а затем, дав ему последние указания, доверенный госполиции стал собираться в дорогу и вскоре выехал в Величку.

Пребывание Розенбаума в Величке совпало с религиозным праздником Благовещения. Как подлинный католик, он пошел с утра в костел, одновременно рассчитывая встретить там местного своего сотрудника Юзефа Тыртэка или его отца. На его удачу, во время процессии (крестного хода) он увидел сразу обоих, т.е. отца и сына. По окончании богослужения (мессы) у выходных ворот костельной ограды Розенбаума встретил Тыртэк-сын, сказавший, что, заметив шефа на процессии, решил подождать его здесь, у ворот. Поздоровавшись с ним за руку, Розенбаум попросил рабочего зайти к нему в номер с тем, чтобы поговорить о деле, на что последний ответил: «Прошу простить меня, но сегодня ввиду такого большого праздника, когда даже птицы не вьют своих гнезд, никаких самых нужных разговоров я вести не могу и не хочу. Завтра же приду к вам с самого утра и сделаю обо всем подробный доклад». Доверенному лицу ничего не оставалось, как согласиться с предложенным вариантом встречи. Поскольку времени впереди было много и праздник только-только начинался, то он решил зайти в гости к ксендзу Владиславу Скальскому. Посидев и поговорив у него не-

много на праздничную тему, Розенбаум затем отправился к себе в гостиницу.

Вечером приехал из Варшавы Эдмунд Ковнацкий. Он вручил доверенному лицу пакет от полковника Корвин-Пиотровского, в котором было две тысячи злотых на дальнейшие расходы по сыску, а также доложил о своей встрече в Бельско с Анджеевским, который ему сообщил, что «в Бельско царит полное спокойствие, а в Дзедзицах объявлено о дополнительном приеме рабочих на местную бумажную фабрику». Зная о намерениях Коовнацкого перебраться в Краков, Анджеевский на место Ковнацкого пригласил себе в помощники дельного рабочего Тадеуша Тромба. Сказав об этом, Ковнацкий нашел еще один повод напомнить Розенбауму о своей просьбе, на что последний ответил: «Что до Кракова, то это покажет будущее, а пока оставайтесь при мне и готовьтесь на завтрашний вечер к поездке в Варшаву...». После ухода агента Розенбаум сел за написание подробного донесения Корвин-Пиотровскому. В нем среди прочего он просил о зачислении Станислава Стемпневского и Горация Домашевича в штатные агенты при Главном управлении госполиции.

На следующий день, ранним утром, к Розенбауму явился Юзеф Тыртэк, который рассказал следующее: «В настоящее время организованного революционного движения в Величке нет, но среди рабочих, особенно лесопильных заводов, широко распространяется газета «Работник» – официальный орган ППС, статьи которых обсуждаются на все лады на их официальных собраниях в предвыходные и праздничные дни в общей столовой при лесопилке Файерманна. Собрания эти разрешены местным староством, но чтение «Роботника», безусловно, производит на рабочих вредное влияние. Не случайно после недавнего коллективного чтения газеты один из них Элем Кацинельбоген поднял вопрос о воссоздании новой организации «с целью объединения всех рабочих для борьбы против капитала». И хотя предложение Кацинельбогена получило отрицательный ответ со стороны рабочих, человек 20 из 65 участников собрания его поддержали. Список сторонников Элема я составил и передаю вам». После ухода Тыртэка Розенбаум просмотрел этот список, а затем переписал под копирку в двух экземплярах и отправился к местному шефу политотдела госполиции капитану Стояновскому. Обговорив с последним все детали пред-

стоящих вечерних арестов и обысков, доверенный госполиции вернулся в свой номер, дополнив свое донесение Корвин-Пиотровскому новыми пунктами, после чего сразу же пошел в соседний номер, занимаемый Ковнацким. Рассказав ему о последних событиях в Величке, он предложил Ковнацкому не ехать в Краков, а остаться для пользы дела здесь. Последний не стал особо возражать, лишь заметил, что, став штатным агентом, он меньше думает о своем рабочем заработке. Кроме того, на лесопилке Файерманна у него есть знакомый Гирши Гаузнер, который недавно предлагал ему там место сторожа, так что «карта здесь сама идет в руки».

Сообщив Ковнацкому, что с минуты на минуту он ожидает своего местного сотрудника, Розенбаум предложил ему перейти в его собственный номер, что и было сделано. Вскоре явился Юзеф Тыртэк. Хозяин номера познакомил двух агентов между собой и попросил Тыртэка поделиться последними новостями из рабочей жизни. Тот, как всегда, был лаконичен: «В настроениях рабочих прослеживается две линии. Рабочие—шахтеры недовольны революционизацией рабочих лесопилок под прикрытием ППС. Лесопильщики же, не глядя на это, активизируют свою деятельность. Подтверждением этому является запланированное на субботу (это через два дня) общее собрание рабочих всех лесопилок под видом танцевального вечера, на проведение которого есть разрешение староства. Вход на вечер 20 грошей». После этого Юзеф передал Розенбауму свежий список вновь заподозренных в симпатиях к коммунизму в количестве в 12 фамилий. Когда агенты ушли, доверенный госполиции внес коррективы в уже имеющиеся списки и пошел на встречу с капитаном Стояновским.

В кабинете последнего состоялся обмен информацией (как идут аресты, что найдено при обысках, какова атмосфера на промышленных предприятиях и т.д.) в заключение чего капитан и импрессарио договорились о том, что свою документацию о последнем деле они смогут послать в Варшаву через надежного курьера Ковнацкого. Пригласив в управление Ковнацкого и оформив все необходимое для подготовки и получения секретного пакета к Корвин-Пиотровскому, Розенбаум и агент вернулись в гостиницу, где импрессарио передал дополнительно Ковнацкому под расписку и свое донесение, уточнив при этом, что из Варшавы он должен приехать в Дрогобыч, где и сможет найти его в «Гранд-Отеле».

Вечером Розенбаум и Ковнацкий вместе отправились на вокзал, откуда с разницей в полчаса разъехались в разные стороны: Ковнацкий – в Варшаву, а Розенбаум – в Дрогобыч. По прибытии сюда импрессарио первым делом через гимназического товарища Яна Модзылевского связался со своим сотрудником Дионизием Дымэком. Последний принес многообещающую делу политической разведки информацию – «ему удалось войти в доверие и даже завязать дружеские отношения с рабочими нефтеучастка имени Пилсудского Антонием Пржецецким – молодым рабочим, очень популярным среди рабочих, которые его очень любят, верят ему и называют «наш Антось». Благодаря дружбе с Антосем Дымэк не только знает, что делается на нефтепромысле, но и в городе. Все, что ему в результате этого становится известным, он заносит в специальный блокнот, находящийся всегда под ключом, и чтобы ключ этот не потерять или не забыть случайно дома, он носит его всегда при себе на цепочке от нательного крестика, и таким образом, он всегда спокоен и за ключ, и за блокнот». Далее Дымэк заметил: «У меня на сегодняшний день в блокноте записано свыше сотни имен подозрительных лиц. Что же касается самой организации, то я вам уверенно могу сказать, что ее нет, но есть среди рабочих их идейный костяк, и его составляют наиболее сознательные рабочие. Вчера мне Антось высказал мысль, что пора уже создавать комитет, «который как надо поведет рабочее дело». С этой целью он решил собрать наиболее верных людей, пользуясь теплой погодой, весной и кануном страстной недели, где-нибудь за городом. Лучшими из этих дней он считает среду или Великий четверг. Меня Антось приглашает в воскресенье помочь ему составить списки участников собрания и определить день и место выборов...».

Поблагодарив Дымэка за доклад и хорошую разведку, Розенбаум тут же выплатил ему наградные в размере 300 злотых и попросил завтра, т.е. на Вербное воскресенье, после составления вместе с Антосем списка участников и установления дня выборов в комитет, прийти к нему в гостиницу. На том и условились.

На следующий день, уже под вечер, пришел Дымэк и сообщил, что собрание для выборов комитета решено устроить в Великую пятницу после полудня, т.е. между 12 и 14 часами. Местом проведения собрания избрана лесная поляна под названием «Кэмп-па Пястовска», находящаяся в полутора километра за городом,

на которой обычно устраиваются летом народные гуляния с музыкой и танцами. В настоящее же время там глухо и пусто. Вслед за этим он представил Розенбауму список лиц, приглашенных на собрание. Оповещение о времени и месте проведения его Антось и Дымэк взяли на себя, поделив участников собрания на две равные группы на каждого. Оповещение решено начать завтра с обязательным предупреждением приглашаемых не идти толпами, а маленькими группами (не более четырех-шести человек). Рекомендовано всем таким группам не сходиться по дороге и не разговаривать. У кого есть велосипеды, ехать на таковых, не задерживаясь, возле и других групп. Список участников собрания заключал в себе 112 фамилий, при каждой фамилии указывался точный адрес данного лица.

Не будучи никогда в окрестностях города, Розенбаум спросил у Дымэка, не может ли тот проводить его туда, чтобы ознакомиться с местностью, но Дымэк ему в этом отказал, сославшись на то, что будет очень занят оповещением приглашаемых на собрание рабочих. Правда, уже уходя, он посоветовал шефу обратиться с этой же просьбой к господину Модзылевскому, который хорошо знает это место.

На следующий день утром Розенбаум позвонил Янеку Модзылевскому и, попросту говоря, напросился к нему в гости, поставив перед собой цель, побывать на месте намечаемого собрания. Школьный товарищ искренне откликнулся на просьбу о встрече и назначил ее импрессарио на время обеда. В ходе его последний рассказал Янеку о своей просьбе, и тот удивительно охотно откликнулся прогуляться на Кэмпу, что называется, на сытый желудок. Осмотрев лесную поляну, Розенбаум пришел к выводу, что всех без исключения участников собрания здесь вполне возможно взять, надо лишь изначально продумать, как расставить сильное полицейское оцепление, а для этого необходимо, подумал импрессарио, побывать у местного шефа госбезопасности и ротмистра Александровича.

На обратном пути Янек спросил Эдуарда, где он думает быть на Пасху, на что последний ответил: «Точно даже не знаю – или в вагоне, или в Перемышле, а может быть, и здесь, так как со второго дня Пасхи в Дрогобыче начинаются гастроли моего концертного ансамбля и знаменитого гипнотизера Бен-Али, так что скорее всего

останусь здесь». Добродушный Модзылевский сразу же ухватился за сказанное и пригласил Эдуарда отпраздновать Пасху вместе, чтобы затем вместе побывать в Перемышле у общего товарища по гимназии Леона Аудерского. И Янек стал рассказывать, как он в прошлом году гостил у Леона, работающего в Перемышле заведующим местной больницей. «Кстати, – пояснил он, – Аудерский пользуется, помимо всего, большой частной практикой, а женат на своей еще гимназической симпатии Марыльке Грабовской, брат которой подполковник Альфред Грабовский состоит шефом госбезопасности в Сандомирском повете...». Так друзья дошли до города. Попрощавшись с Янеком и пообещав еще с ним связаться по телефону, Розенбаум пошел к себе в гостиницу. По прибытии туда выяснилось, что вернулся из Варшавы Ковнацкий. Он передал письмо от Корвин-Пиотровского и устное сообщение с просьбой побывать у него в начале мая, а во Львов пока не заезжать. Сам Ковнацкий уже побывал в Величке, где отчитался перед капитаном Стояновским. «Хочу заметить, – добавил он, – что аресты в городе произвели большое впечатление на его жителей: поляки радуются происшедшему, а евреи, разумеется, удручены. Небезынтересна и позиция по отношению к арестам в Величке со стороны варшавских газет: «Дзенник Народовы», «Газета Польска» восхваляют деятельность политполиции, а «Наш Пшегленд» и «Роботник», наоборот, резко критикуют ее, поместив на своих страницах статьи, озаглавленные – «Возвращение к временам царизма» и «Наследники графа Муравьева». С этими словами Ковнацкий вручил шефу целую кипу свежих газет.

В свою очередь Розенбаум поделился с агентом возникшими у него планами по ликвидации революционной организации в Дрогобыче и попросил собеседника откровенно высказать свое мнение на сей счет. Тот ответил, что поступил он бы также, но «только к арестам сочувствующих коммунистов прибег на их квартирах, а на Кэмпе бы их не трогал». На этом разговор их закончился: Ковнацкий, чувствуя себя усталым с дороги, пошел к себе в номер спать, пообещав утром явиться к шефу, а последний принялся за чтение письма от Корвин-Пиотровского. Содержание письма было следующим: полковник благодарил Розенбаума за работу как от своего имени, так и от имени генерала Розвадовского. Одобрял последние мероприятия доверенного лица и предписывал ему по-

ступать так же, как и раньше, т.е. пресекать с самого начала раскрываемое зло. Предлагал в первой половине мая быть в Варшаве с последующими поездками в Жирардов и Сандомир. Прочтя это послание, Розенбаум еще раз убедился, что с арестами не следует тянуть, дожидаясь выборов в комитет, с тем, чтобы до Пасхи в Дрогобыче с революционерами было покончено.

На следующее утро, т.е. в Великую среду, к Розенбауму в номер зашел Ковнацкий, который еще раз высказал свое согласие с необходимостью начала арестов уже сегодня, мотивируя это тем, что ничего нового собрание не даст, как только конкретизирует имена активистов, но они так или иначе будут все равно арестованы. Найденное же при обысках даст дополнительную информацию о степени участия в революционных делах их владельцев, и это станет ничуть не меньшим обвинением, чем избрание последних в комитет. Подготовив в двух экземплярах уточненные списки, Розенбаум сразу же отправился к ротмистру Александровичу, предложив ему приступить к арестам немедленно, причем просил его начать их с Пржезецкого Антония как главного организатора революционного движения. Согласился с новым поворотом дела по отношению к рабочим активистам и Дымэк, появившийся в гостинице после обеда. Его мотивация была следующей: «Арест лиц, виновных в сочувствии к революционному движению уже сейчас отрезвляюще подействует на остальных рабочих, отобьет у них охоту к объединению...». Когда позднее вечером Розенбаум пришел к ротмистру Александровичу, то выяснилось, что аресты и обыски идут полным ходом, и что утром можно будет ознакомиться с их результатами. Речь, разумеется, шла о так называемых вещественных доказательствах размаха и тайных пружин движения, и упустить такую возможность Розенбаум не мог себе позволить. Утром он вместе с Ковнацким начал эту работу с просмотра бумаг, обнаруженных у Антося. В них среди брошюр, газет, прокламаций и фотографий видных деятелей коммунистического движения (Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Троцкого и Ворошилова) были обнаружены постановления ЦК организации «Власть Трудящемуся Классу» в Варшаве с указанием ряда районных организаций, в том числе Кракова, Львова, Станиславова и др., воззвания к рабочим, а также небольшая по формату газета «Владза роботничовльосьценська») (Рабоче-Крестьянская Власть»), напечатанная ти-

пографским способом. Пока Ковнацкий, с разрешения местного шефа, делал копии нужных для разведки документов, Розенбаум и Александрович беседовали о деталях начатой в Дрогобыче операции. Ротмистр, в частности, не переставал удивляться и негодовать по поводу «упорной склонности рабочих к идеям коммуны», продолжающим, несмотря на репрессии со стороны властей, «лезть очертя голову прямо на рожон». Как и большинство чинов госбезопасности, главной причиной происходящего в Польше он считал местных евреев, находящихся на постоянных услугах у Москвы, «не жалеющей денег на пропаганду мировой социалистической революции».

Весь вечер и следующий день ушел у Розенбаума на составление донесений Корвин-Пиотровскому, а на собеседования со своими агентами по поводу текущей работы и планов на ближайшее будущее, а также на инструктаж и проводы Ковнацкого в Варшаву. Когда последний возвратился в Дрогобыч, то передал Розенбауму ответный пакет от полковника, сообщив при этом, что «их деятельность получила у варшавского начальства положительную оценку, включая и решение Розенбаума не ждать собрания, а сразу приступить к задержанию бунтовщиков».

Официальное послание Корвин-Пиотровского в основном сводилось к следующему: сообщалось о том, что выявление Розенбаумом контактов рабочих Кракова, Бельско, Велички и Дрогобыча с Варшавой нанесло мощный удар по руководящим структурам организации «Власть Трудящемуся Классу» в столице. В течение трех дней задержаны и арестованы около четырех тысяч человек, большинство из них посажены в Цитадель на Павиаке; доверенному госполиции предписывалось прибыть в Варшаву до 10 мая «в связи с назреванием важных политических событий и желанием временного нахождения тебя рядом»; Львов и Станиславов ему предлагалось оставить в совершенном покое, так как на основании изъятых у арестованных в Варшаве лиц сведений, туда уже даны распоряжения о принятии радикальных мер по отношению к ячейкам организации. «Вообще, – писал Корвин-Пиотровский, – то, что тебе (Розенбауму – В.Ч.) удалось первому напасть на след Центра организации в столице, процентов на 80 облегчило нам нашу работу, и генерал Розвадовский, как и я сам, выражаем тебе пока на словах нашу огромную благодарность. Все остальное ос-

тавляем до личного свидания». Что касается положения в Дрогобыче на текущий момент, то Розенбауму поручалось с помощью Ковнацкого и Дымэка укрепить здесь существующую сеть сотрудников. В адрес Ковнацкого было сказано: «О подыскании места службы Эдмунду Ковнацкому мы еще поговорим при личном свидании в Варшаве, а пока держи его при себе, это человек толковый и преданный делу». В этом же конверте находилась и копия приказа о зачислении Дионизия Дымэка штатным агентом госполиции.

В канун Светлого Христова Воскресения Розенбаум чувствовал себя настолько утомленным, что опасался, как бы прямо в гостинице не слечь, но приглашение на праздничный обед, полученное от Янека Модзылевского, немного приободрило его. Сам обед прошел великолепно, о политике в присутствии супруги Янека никаких разговоров не велось, зато много было воспоминаний об ушедшей молодости. Правда, уже прощаясь, Эдуард попросил Янека прислать к нему завтра в гостиницу Дымэка сразу после окончания работы на нефтяном промысле. Утром Розенбаум зашел в номер Ковнацкого и предупредил его, что вечером, когда придет Дымэк, он намерен провести совещание по вопросу устройства в Дрогобыче надежной системы политического сыска. Вечером такое состоялось, что позволило детально расписать как обязанности и подчиненность каждого из них в новой ситуации, так и потребность в новых агентах. В заключение совещания доверенный госполиции вручил Дымэку копию приказа о его зачислении в штатные агенты, специальный знак, который привез Ковнацкий, а также приличное денежное вознаграждение. Уже расходясь, агенты вспомнили о предстоящем дне 1 мая, что означало, что нужное бдительное к нему отношение у них уже сформировалось.

Имея предписание Корвин-Пиотровского прибыть в Варшаву к 10 мая, Розенбаум решил Первомай «встречать» в Дрогобыче и посмотреть, как он здесь пройдет. В один из дней, предшествующих празднику рабочих, доверенный госполиции узнал от ротмистра Александровича, что правительство вынужденно пошло на разрешение местным организациям ППС устраивать рабочее празднество, включая шествие по городу и маевки. При этом Александрович добавил, что имеет соответствующее распоряжение, с одной стороны, обязывающее не чинить препятствий празднику, но,

с другой стороны, требующее быть наготове на случай так называемых эксцессов. По словам того же ротмистра, еще вчера у него и у старосты уже побывал руководитель местной организации ППС доктор Маргулис с информацией о том, что члены ее вполне официально готовятся к своему празднику с шествием рабочих, а затем к организованному отдыху на природе. В тот же день к Розенбауму пришел Дымэк и доложил, что на промысле были представители ППС, призывавшие рабочих к празднованию Первомай. Они раздавали листовки с программой праздника, кроме того, и в городе оказалось расклеенным большое количество афиш с призывом ко всем трудящимся праздновать «свой рабочий праздник», много кругом и объявлений с программой праздника за подписью местного лидера ППС Маргулиса. По словам Дымэка, рабочие достаточно равнодушно относились к этим призывам и решили, по примеру прошлых лет, не принимать участия в шествии, но на работу тоже не выходить.

Тем не менее праздник состоялся. Было и шествие (демонстрация) рабочих, хотя и весьма незначительное. Участие в нем принимали преимущественно городские рабочие и ремесленники, нефтяники остались верны своему решению, и действительно, они в этот день не работали. По мнению доверенного госполиции и его агентов, среди демонстрантов преобладали евреи. Рабочих-поляков практически не было среди демонстрантов. Дымэк полагал, что всего их было не более двадцати человек. И это при всем том, что на празднике играл «Интернационал» и «Варшавянку» прекрасно сыгранный оркестр местной пожарной команды. Спустя два дня в Дрогобыче отмечался день 3-го мая – государственный праздник в честь польской Конституции. К большому удовольствию Розенбаума и его сотрудников, в его праздновании рабочие приняли более активное участие, чем в прошлом году. Особенно активными в этот день были рабочие нефтяного промысла имени Пилсудского.

9 мая 1925 года, оставив ответственным за политическую разведку в Дрогобыче Эдмунда Ковнацкого, Розенбаум выехал в Варшаву. По прибытии в столицу он, как всегда, первым делом пошел в Главное управление госполиции, к полковнику Корвин-Пиотровскому. Здесь Розенбаум рассказал о том, в каком состоянии по линии политического сыска он оставил Дрогобыч, поделился своими наблюдениями о праздновании в городе 1-го и 3-го мая. Пол-

ковник же сообщил доверенному госполиции, что им удалось полностью обезвредить в Варшаве организацию «Власть Трудящемуся Классу» и даже захватить ее типографию. Проведенные полицией аресты и обыски в Варшаве позволили увидеть усилия ЦК этой партии, направленные на «захват влияния в Малой Польше (Львов, Станиславов и Сандомир)», но своевременные меры позволили обезвредить ячейки данной организации и в этих городах. Что же касается Лодзи, то за последнее время из этого главного очага революционного движения в Польше не получено ни одного сигнала о наличии там коммунистических организаций. «А это значит, – продолжал полковник, – что вся эта организация в целом вполне ликвидирована и ее восстановление при той агентурной сети, которую нам удалось развернуть с помощью самих же рабочих, можно с полной уверенностью считать делом невозможным».

Далее Корвин-Пиотровский остановился на мерах по укреплению означенной сети. «Для того чтобы заинтересовать рабочих в деле политразведки, – отметил он, – генерал Розвадовский хлопотал в министерстве внутренних дел дополнительный для этих целей кредит, из которого мы будем оплачивать деятельность каждого сотрудника сети, независимо от его работы, определенной суммой, но не менее 75 злотых в месяц, а за выполнение конкретных заданий такими сотрудниками, он будет получать еще и отдельную плату, уже как вознаграждение. Все сотрудники из числа рабочих состоят на учете у шефа управления и на них открыт специальный реестр «Сверхштатные служащие Главного управления госполиции».

Что касается статуса Розенбаума, то здесь полковник сказал ему следующее: «Тебе генерал решил предложить пост советника при Главном управлении с оставлением тебя в то же время и доверенным нашим лицом при ныне исполняемых тобою обязанностях. Советую тебе по-дружески принять эту штатную должность, которая по нашей полицейской табели приравнивает тебя в общей государственной табели к лицам пятого класса. Если это перевести на язык цифр, то сие означает 1500 злотых в месяц плюс три процента суточных за дни в командировках».

Со слов самого Эдуарда Розенбаума, это предложение «полковник сделал в такой форме, что ответить на него отказом было просто невозможно». Поэтому он не только согласился с предло-

женным, но и поблагодарил своего шефа за оказанное ему доверие. Сразу же после этого в кабинет полковника вошел генерал Розвадовский, который, улыбаясь, поздоровался с доверенным лицом за руку и сразу же приступил к выяснению интересующих его вопросов в связи с работой Розенбаума в последнее время. На все из них были даны точные и подробные ответы. Выслушав их, генерал предложил Корвин-Пиотровскому выплатить Розенбауму причитающееся вознаграждение. Однако в это время полковник сообщил генералу о том, что только что доверенный госполиции принял их предложение о занятии должности советника управления. Генерал воспринял это сообщение с видимым удовлетворением. Он сразу повеселел и перешел с тона официального на более салонный, не скрывая того, что он «этого в глубине души ожидал». Он тут же продиктовал Корвин-Пиотровскому текст приказа о новом назначении Розенбаума с сохранением нынешних обязанностей от 1-го апреля 1925 года. Кроме того, за успешную его работу, благодаря которой был раскрыт центр организации «Власть Трудящемуся Классу», генерал Розвадовский распорядился выплатить Розенбауму три тысячи золотых наградных. Сказав все это, генерал пошел к себе, а Корвин-Пиотровский, закончив все формальности, связанные с новым назначением старого своего товарища, распорядился, чтобы тот располагался при нем, выделив для этого Розенбауму служебный кабинет рядом со своим, и чтобы он со следующего дня работал здесь с 8 часов утра до 3 часов дня над разбором материалов, изъятых у рабочих-активистов. На их основании ему поручалось в двухмесячный срок, т.е. до 1 августа 1925 года, составить подробный и раздельный отчет для следствия.

Весь этот срок Розенбаум безвыездно работал в Варшаве. Полученное задание оказалось делом кропотливым и сложным. И это при том, что в помощь ему были выделены трое молодых сотрудников с юридическим образованием, проходивших так называемую аппикантуру (стажировку), дающую им право занимать потом судебные должности. Тем не менее к назначенному сроку работа была завершена и представлена полковнику. Тот же, одобрив ее, передал составленные материалы судебным властям.

Через несколько дней после этого Розенбаум получил отпуск на шесть недель и выехал вместе с семьей двоюродной сестры, живущей в Варшаве, на Балтийское побережье. Погода в ту пору

уже испортилась, пошли дожди, в результате чего Розенбаум заболел и, не закончив отпуск, по протекции генерала Розвадовского был помещен в офицерское отделение военного госпиталя имени маршала Пилсудского, где пролежал до начала декабря. У него был сильнейший ревматизм, осложнившийся затем тяжелым внутренним заболеванием, уложившим его на операционный стол. После выхода из госпиталя советник госполиции так и не смог по состоянию здоровья приступить к своей привычной работе. Так закончился для него 1925 год.

Глава XII. В ЖИРАРДОВЕ И ГДЫНЕ, В ПОЗНАНИ И ЛОДЗИ

В 1926 году Эдуард Розенбаум имел по линии Главного управления госполиции всего лишь два задания по политической разведке. Выполнение первого из них заняло не много не мало около шести месяцев. А началось оно, как всегда, с вызова к полковнику Корвин-Пиотровскому. Было это в десятых числах января. «Ну, друже, думаю, что ты и сам понимаешь, что засиделся в кабинете. А тут дело для тебя просто под заказ», – начал свою беседу полковник, как только похудевший за время болезни советник полиции появился у него на пороге. Внешне Розенбаум ничем не выдал своего волнения, хотя этого вызова он уже ожидал, однако мощный внутренний прилив бодрости, уверенности в себе он сразу же почувствовал.

«Тебе никогда не приходилось бывать в Жирардове?», – спросил Корвин-Пиотровский. «Так вот, – продолжал он, – сейчас такая возможность тебе представляется, и сам понимаешь, что дело идет не об экскурсии». Далее полковник стал рассказывать о Жирардове: «Это недалеко от Варшавы, между последней и Скерневицами, где-то четвертая или пятая станция от столицы, приблизительно в полуторачасовой езде отсюда пассажирским поездом. Здесь с давних, еще царских, времен существуют огромные фабрики так называемой «Жирардовской мануфактуры». Первую из них основал в 1830 году французский изобретатель и предприниматель Филипп Жерар. После его смерти город и получил данное название, но уже на польский манер. Отсюда берет свое начало и польское рабочее движение. В 1883 году многотысячная забастовка хотя и закончилась кровопролитием (трое убиты, четверо ранены), но в то же время она явилась первой победой польских рабочих, так как предприниматели вынуждены были вернуться к прежним расценкам. Эта историческая справка к тому, что совсем

недавно в Жирардове опять появились симптомы старой болезни. Сейчас бывшие фабрики принадлежат частному акционерному обществу «Жирардовская индустрия». Генеральным директором его является самый крупный держатель акций этого богатого предприятия граф Грохольский. Хочу заметить, что этот граф находится в хороших, если не в приятельских, отношениях с нашим генералом Розвадовским. Ранее он никогда с подобными просьбами к нам не обращался, но на днях сказал генералу, что в последнее время на фабриках его общества участились забастовки с выставлением экономических требований, и, несмотря на то, что они со стороны администрации насколько возможно удовлетворяются, забастовки все же продолжаются, что приносит предприятию колоссальные убытки. Поэтому граф Грохольский высказал нам свое предположение, что за чисто экономическими требованиями его рабочих, являющимися, по его мнению, только ширмой, скрывается какая-то политическая цель, ввиду чего он, граф Грохольский, просит нас заняться этим делом. У генерала, скажу тебе честно, после поступления этой просьбы другого исполнителя ее, кроме тебя, сразу и не нашлось. Так что считай, что это приказ. Надеюсь, ты в порядке?». И как всегда, не дожидаясь ответа, полковник перешел к самому заданию. Он сказал: «Завтра же выезжай в Жирардов и начинай работу. Я не исключаю, что в своих предположениях граф прав. С ним ты можешь говорить по этому делу вполне свободно. Методы и приемы работы выбирай по своему усмотрению».

Получив такое право, Розенбаум сразу же попросил о том, чтобы его представили графу Грохольскому здесь, в управлении, а затем в общих чертах изложил полковнику зарождавшийся в его голове план будущих действий, предупредив, что его выполнение займет от трех до четырех месяцев.

Корвин-Пиотровский внимательно выслушал соображения советника полиции, выразил с ними свое согласие и сказал, что немедленно переговорит об этом с генералом. Минут через десять оба были вызваны в кабинет к генералу Розвадовскому, который сообщил Розенбауму, что в целом план его одобряет, что же касается встречи с графом Грохольским здесь, то и эта просьба вполне удовлетворима, хотя на это уйдет два-три дня. Что касается плана работы, то он был достаточно прост. Сам Розенбаум о нем рассказывал так: «Я решил просить графа Грохольского о предоставле-

нии мне на его фабрике такой должности, при которой я мог бы иметь возможность как можно чаще сталкиваться с рабочими и, заслужив у последних доверие, получать необходимую информацию о том, что на предприятии происходит. Служба эта, конечно же, будет чисто фиктивной, но заработную плату я должен получать согласно установленной для этой должности ставки. Я буду для виду, как и все прочие, получать эту зарплату, расписываться за нее в ведомостях и, если это на фабрике практикуется, буду просить авансов, т.е. жить таким образом, чтобы этот образ жизни соответствовал получаемой зарплате. Получаемые от администрации суммы, а также зарплату я буду сдавать затем в депозит графа Грохольского, на руки генералу Розвадовскому, или в другое какое-либо место по указанию графа».

Где-то через неделю Розенбаума вызвал к себе генерал Розвадовский, в кабинете которого уже находился граф Грохольский. Представляя ему Розенбаума, генерал сказал: «Представляю вам советника и доверенного госполиции, который любезно согласился, господин граф, помочь разобраться в истинном положении вещей на фабриках «Жирардовской индустрии», но при условии выполнения тех требований, о которых вы, господин граф, только что, перед приходом господина советника, от меня слышали и по отношению к которым вы высказали свое согласие. Теперь же договаривайтесь между собой».

С графом договоренность была достигнута тотчас же, и он предложил советнику должность помощника заведующего отделом экспедиции, т.е. снабжения и сбыта, одной из фабрик. При этом граф пояснил, что для господина советника была бы по силам и должность самого советника, но на этот пост правление акционерного общества недавно только утвердило многолетнего работника фирмы господина Плавского. Розенбаум на это сказал, что должность помощника со всех сторон для задуманной операции более удобна. Было также условлено, что свою должность Розенбаум займет с 10 февраля, так как встреча эта проходила в последних числах января. Что касается получаемых на фабрике сумм, то было решено, что таковые он будет сдавать сразу же генералу Розвадовскому.

В собственноручных показаниях, спустя годы, Розенбаум опускает детали своего вхождения в образ помощника заведующего

отделом, не повествует он и о том, как выискивал себе помощников в деле разведывания источника забастовочного движения в Жирардове и т.д. Произошло это, вероятнее всего, оттого, что в проведении этой операции не было, по его мнению, ничего выдающегося, как всегда, срабатывала привычная и испытанная на практике технология, и она давала свои результаты.

Как отметил в своих показаниях советник госполиции, это первое в 1926 году свое задание он завершил к середине июня, раскрыв на фабриках «Жирардовской индустрии» вполне самостоятельную революционную организацию, носившую название «Вызволены роботник польски» («Освобожденный польский рабочий»). Возглавлял организацию мелкий служащий фабричной конторы (счетовод) Веслав Вонсович, его заместителем был старший кладовщик Иосиф Френкель. В организации также были Ян Жардельский и другие. Однако именно указанные трое рабочих из отдела, в котором «работал» Розенбаум, случайно, сами того не подозревая, навели его на след организации. Всего в состав комитета входили 15 человек. При аресте у Вонсовича был найден список всех членов организации. Поскольку их количество было весьма внушительным, то, по свидетельству Розенбаума, эта цифра (4 758 человек) осталась у него «глубоко в памяти».

После раскрытия революционной организации помощник заведующего отделом экспедиции подал заявление на увольнение за три месяца и все это время для сокрытия своего участия в этом деле продолжал оставаться на фабрике в занимаемой должности. И только свидетельство врача о болезни (она еще давала о себе знать) вынудили его сократить этот срок до двух месяцев. Все аресты и обыски в Жирардове были произведены чинами Главного управления госполиции под личным руководством полковника Корвин-Пиотровского. Сам Розенбаум все это время находился на своей должности помощника заведующего отделом. О том, что он является агентом политполиции, никто из сотрудников и рабочих не догадывался. Взаимоотношения его с заведующим и находящимися в его подчинении рабочими были столь хорошими, что перед уходом Розенбаума с фабрики они ему устроили прощальный вечер. Вернулся советник полиции в Варшаву в первых числах августа и по поручению Корвин-Пиотровского вплоть до сентября месяца занимался обработкой материала, изъятого во время арестов

и обысков на «Жирандовской индустрии». После окончания этого дела в Главное управление приехал граф Грохольский, чтобы поблагодарить господина советника за освобождение Жирандовских фабрик «от призрака коммунизма» (так в ходе этой акции шутил он). Испросив разрешения генерала Розвадовского, Грохольский вручил Розенбауму всю его заработную плату помощника заведующего отделом (1800 злотых) за шесть месяцев работы, от 1 февраля до 1 августа 1826 года, а затем округлил ее для ровного счета от себя до суммы две тысячи злотых. От генерала Розвадовского награды были также вручены, но несколько позже.

Второе и последнее задание в 1926 году Эдуард Розенбаум получил в начале сентября. На этот раз вызвавший его к себе в кабинет Корвин-Пиотровский беседу с ним начал с воспоминаний о теплом Черном море, о том, каким прекрасным там бывает «бархатный сезон», после чего без обиняков перевел эти лирические отступления ближе к делу и сразу же предложил Розенбауму отправиться в Гдыню для проведения политразведки среди рабочих строящегося там порта, а также в частном пароходном обществе «Балтик», директором которого являлся бывший моряк австрийского торгового флота капитан Владислав Крыжановский. Последнего Розенбаум знал лично.

Из этой беседы стало известно, что в Гдыне в последнее время в изобилии разбрасываются всевозможные антиправительственные прокламации, почти в открытую распространяют большевистские газеты, привозимые из Советской России. «Ты посмотри, – сказал, обращаясь к советнику, полковник, – нет ли там какой-либо революционной организации или попыток основания таковой? Впрочем, – продолжал он, явно желая польстить Розенбауму, – что я могу посоветовать, как работать среди портовой публики морскому волку. Давай за дело, друже. Когда ты отправляешься в Гдыню?». На что Розенбаум ответил: «Поеду тотчас же, как только наведу необходимые справки в Департаменте морских дел». На это у советника ушло два дня, и 7 сентября он отправился на задание.

Приехав в Гдыню, он прежде всего посетил начальника торгового порта капитана Евгения Квятковского²⁵, которого достаточно хорошо знал еще со времен похода 1920 года. От него он узнал, что постройку порта здесь осуществляет строительная фирма варшавских инженеров Янковского и Тетмайера. Последний являлся

родственником известного польского писателя Казимира Тетмайера – автора на шумевшего в свое время романа «Конец эпопеи» о войне 1812 года. Розенбаум читал его и, разумеется, не разделял критического отношения автора к культуре Наполеона Бонапарта в Польше. Тем не менее он с удовлетворением воспринял высокую оценку Тетмайеру – инженеру, данную начальником строящегося порта. «Одно плохо, – отметил вслед за этим капитан Квятковский, – что среди рабочих этого предприятия слишком много людей, съехавшихся сюда с разных мест и настроенных при этом крайне революционно. Я уже неоднократно сообщал об этом в свой департамент, но чем они смогут мне помочь...».

Посетив Квятковского, старого знакомого, чьи политические убеждения Розенбаум давно знал, он не стал кривить душой и скрывать цель своего визита в Гданьск. Услышав же последние сетования капитана, он с улыбкой заметил: «Вот видишь, раз я к тебе явился, значит, департамент, наконец, проснулся». «А что, всякое может быть, – ответил на это Квятковский, – и если счастливый случай нас свел, я считаю своей обязанностью помочь тебе всем, чем смогу. Первым делом предлагаю тебе остановиться у меня. Я по-прежнему закоренелый холостяк, места у меня хватит. А мой денщик-повар свое дело знает». На это предложение Розенбаум охотно откликнулся, и весь вечер, благодаря гостеприимству Станислава Квятковского, прошел тепло и сердечно.

Утром начальник порта предложил своему гостю пройтись с ним по строящемуся порту. В ходе его осмотра Квятковский легко заводил разговоры с рабочими, называя их по именам и фамилиям. Это, наряду с прекрасной зрительной памятью, приобретенной Розенбаумом на военной службе и в делах политического сыска, позволяло ему с ходу надолго запечатлеть окружающих у себя в голове. Прогулка по строящемуся порту заняла почти полдня. Вернувшись к Квятковскому на квартиру, советник полиции попросил его выдать ему постоянный пропуск в порт. Назавтра такой документ был получен, что позволило Розенбауму почти ежедневно ходить на строящиеся в порту объекты, где он заводил с рабочими разговоры на всякие темы, шутил с ними, угощал папиросами и т.д.

Однажды во время одной из таких прогулок Розенбаум встречал своего бывшего матроса, который служил вместе с ним во время похода 1920 года и принимал деятельное участие в поимке

лиц, разоружавших польские уланские пикеты. Звали этого матроса Станислав Гржимек. Подойдя к нему и пожав ему руку, Розенбаум сказал: «Рад тебя, братец, видеть. Что же ты тут делаешь, почему не на корабле?». И в ответ услышал немного злое: «Что делаю? Да просто засоряю море...». С ходу уловив, что у парня не идут дела, Розенбаум взял его под руку и отвел немного в сторону от других рабочих. «Послушай, Гржимек, – обратился к рабочему бывший его начальник, – у меня к тебе просьба: нигде не называй меня своим командором, я для тебя, если возникнет такая потребность – «господин доктор». Это важно». Договорившись, Гржимек сразу что-то сообразил, улыбнулся и ответил: «Все понял, господин доктор». Угостив бывшего матроса папиросой, Розенбаум пошел вместе с ним к группе стоявших рядом рабочих, угостил папиросами их, а потом, уходя, как бы в продолжение чего-то, известного только им двоим, сказал: «Ну что ж, засорять и дальше свое море...».

Покрутившись немного возле этой группы рабочих, Розенбаум медленно двинулся к другому строящемуся объекту, как вдруг услышал за собой шаги. Он обернулся. Это был Гржимек. «Господин доктор, – достаточно громко, обращаясь к нему, сказал он, – вы забыли у нас свой портсигар». И действительно вручил командору его любимый кожаный портсигар, который он или забыл, или обронил, когда угощал папиросами рабочих. Розенбаум поблагодарил Гржимека, дал ему на пиво и пригласил к себе в гости, в гостиницу, куда он с утра переехал, не желая стеснять Квятковского.

Под вечер Гржимек явился, причем был он слегка навеселе. Розенбаум усадил его в кресло и с ходу стал расспрашивать о жите-бытье, о работах в порту, о заработках и о настроениях рабочих. На последний вопрос бывший матрос ответил несколько неожиданно: «Если бы у меня было под рукой оружие, честное слово, я бы всех их перестрелял. Это все прохвосты, дурни и большевики, а вы знаете, как я их «люблю». Но что сделаешь, живя с ними в одном бараке, вою с ними заодно...а порою и водку с ними пью». Услышав такие откровения, Розенбаум сказал Гржимеку: «Дорогой, живи с ними и дальше так, более того, постарайся от них узнать, нет ли среди них какой-либо революционной организации. А чтобы было тебе за что с ними выпить, вот тебе, братец, сто злотых. Сделаешь мне это дело, то сможешь неплохо заработать. В

общем, как только что-либо узнаешь, лети ко мне...». Гржимек, несмотря на хмель в голове, все прекрасно понял, что и подтвердил словами, сказанными при прощании: «Командор, как и в былое время, в 1920 году, я вас не подведу».

Между тем Розенбаум продолжал свои прогулки по порту. Однажды, проходя мимо оживленно беседовавших рабочих, он краем уха услышал с их стороны отдельные долетевшие до него слова: «собрание, Ястарня, шхуна». Собрать эти слова воедино было несложно: ясное дело, что речь шла о каком-то сборище. Одного только не мог понять Розенбаум, неужели Ястарня, где живут рыбаки-кашубы – люди достаточно зажиточные, известные своим польским национальным духом и глубокой преданностью католицизму, может стать местом проведения революционного собрания? В связи с этим он решил побывать в Ястарне, чтобы на месте обдумать возникшие вопросы. Среди рыбаков-кашубов им ничего подозрительного замечено не было, но зато обратила на себя внимание очень красивая, замечательно оснащенная шхуна с золотыми накладными буквами на борту «Добра новина» («Добрая весть»), Поговорив с рыбаками, Розенбаум выяснил, что хозяином шхуны является сын богатого торговца, студент Варшавского политехнического института Леон Циковский. Все лето он проводит на яхте в море, в компании друзей, а зимой оставляет ее на попечение ястарнских рабаков, а точнее, на солтыса (старосту) рыбацкой деревни Кжиштофа Копали. Розенбаум нашел старосту, и тот любезно согласился «столичному пану» показать «Добру новину». По внутреннему своему устройству шхуна походила на яхту и была двухпалубной. Внизу, под верхней палубой находились жилые помещения, в средней части была большая кают-компания, на корме имелись две небольшие каюты (на два и четыре места), а на носу размещался кубрик на восемь человек. Шхуна командору понравилась. При осмотре ее у него стали зарождаться светлые воспоминания о своих былых морских мечтаниях, но они тотчас же были прерваны внезапно появившейся догадкой: «а вдруг шхуной захотят воспользоваться рабочие-революционеры?». Поэтому он сразу же обратился с вопросом к старосте: «Скажите, почтенный, а нельзя ли договориться об аренде шхуны на один день для прогулки по морю?». На что Кжиштоф Копаль ответил: «Ни в коем случае. Такова воля владельца. Несколько дней тому назад был у меня кто-то

из Гдыни, похожий на моряка-матроса, который также хотел заарендовать шхуну часа на три для прогулки и даже предлагал хорошие деньги, но я, несмотря на настойчивые просьбы приезжего, ответил ему отказом. Для меня честное рыбацкое имя важнее всего». Выразив внешне сожаление по поводу несговорчивости старосты, внутренне Розенбаум еще более утвердился в правильности своих предположений о наличии в порту нелегальной организации: «след найден и теперь надо нажимать на Гржимека». Но делать этого не пришлось. Как только на следующий день он разыскал в порту Гржимека, тот, не дожидаясь вопроса командора, тотчас же ему сообщил: «Все, что вас интересует, я уже имею. Вечером буду у вас со всеми данными на руках». Так оно и случилось. Правда, в отличие от прошлого визита, Гржимек на сей раз был трезв и вел себя подчеркнуто солидно.

Начал он с сообщения о том, что революционная организация в порту есть и называется она «Польска работнича» («Рабочая Польша»). Возглавляет ее рабочий Ян Вержба. Он бывший подкипер с парохода «Полония» общества «Балтик». Его ближайшие помощники: Войцех Млот, Винцент Вржод и Кароль Куява. Все члены комитета живут в портовом бараке, всю документацию хранит у себя Войцех Млот. В организации насчитывается около 200 членов. Свое краткое сообщение рабочий закончил словами: «Комитетчики планировали провести собрание представителей организации в Ястарне, на шхуне «Добра новина», куда по этому поводу ездил Ян Вержба с целью ее аренды с тем, чтобы собрание состоялось в море. У него была даже подготовлена судовая команда из рабочих, плававших ранее на самых разных судах, но ввиду того, что ему наотрез отказали в найме шхуны, он отложил проведение собрания на неопределенное время».

Похвалив Гржимека за работу, Розенбаум выплатил ему триста злотых под расписку, а от себя лично добавил сослуживцу еще 20 злотых, что называется, «на пропой». От последних для видимости он отказывался, но потом с благодарностью взял, пообещав и на будущее быть командору полезным. После того как Гржимек ушел, советник и доверенный госполиции отправился к шефу местной госполиции майору Прушинскому. Представившись полным своим титулом, Розенбаум предъявил ему завизированные ордера на аресты и попросил произвести таковые сегодня же ночью в двух

портовых бараках одновременно, добавив при этом, что список всех членов организации полиция найдет у Войцеха Млота. Майор Прушинский обещал все сделать оперативно, а главное – «как надо», гарантируя при этом уже вечером следующего дня показать советнику госполиции выявленные у арестованных материалы. Вечером Розенбауму действительно удалось ознакомиться с некоторыми вещественными доказательствами, подтверждающими наличие в Гдыне организации «Рабочая Польша». Аресты продолжались в городе и порту на протяжении трех суток. В результате за решеткой оказались 187 человек. Операция в Гдыне от начала ее и до полного завершения заняла два месяца. В первых числах ноября Розенбаум вернулся в Варшаву. Здесь, в Главном управлении госполиции, он занимался анализом материалов, полученных в Гдыне, и другой, как он сам называл ее, – «бумажной работой».

Зима 1927 года прошла у Эдуарда Розенбаума преимущественно в стенах служебного кабинета. То, чем он занимался, трудно было даже назвать работой. Иногда начальство приглашало его к себе для выяснения каких-то деталей, связанных с его бывлой разведывательной деятельностью то в Лодзи, то в Кракове, а то и на «крэсах», но такие вызовы практически не нарушали монотонности серых будней. Нелегким бременем становилась и некогда привольная холостяцкая жизнь. Напоминали о себе и прежние болячки. Правда, к весне советник слегка оживился, стал подумывать о настоящей работе, и это внутреннее предчувствие чего-то нового его не подвело.

Где-то в конце марта – апреле Розенбаума пригласил к себе Корвин-Пиотровский и предложил готовиться к срочной командировке в Познань на крупный химический завод «Индустрия химикальна», где за последнее время прошли на экономической почве две забастовки. Сам факт забастовок, судя по всему, не очень беспокоил полковника («они были, есть и будут» – не раз говаривал он), больше всего его волновало то, что до сих пор в этом регионе забастовок не было. Как истинный патриот он несколько раз в присутствии советника выражал свое недоумение по этому поводу: «Ну ладно, Лодзь, Жирардов – там всегда не хватало патриотизма, но чтобы в Познани готовили нам удар в спину – это уж слишком... Ведь познанские поляки широко известны своей преданностью независимой Польше, а тут... Одним словом, сам понимаешь, дру-

же, – надо ехать. Кстати, там ты будешь не один, по соседству с химзаводом, на сталелитейном заводе «Познань», работает твой бывший помощник Вильгельм Вернер. Как он нам сообщает, на его заводе пока все спокойно, так что ты можешь прибегнуть к его услугам».

Когда Корвин-Пиотровский стал говорить о самом предприятии и его продукции, то Розенбаум уловил в его речах и другую причину для беспокойства. Завод этот был акционерным и принадлежал «Польскому химическому обществу», находящемуся под попечительством президента Польской Республики профессора-химика Игнация Мосьцицкого, являвшегося также и почетным председателем этого общества. Одним словом, полковнику хотелось, чтобы его ведомство в глазах высшего политического руководства было, что называется, «на месте».

Сообщив, что директором этого завода является доктор химии Эдгард-Роберт Риттер, полковник добавил, что от шефа, генерала Розадовского, Розенбаум получит письмо для передачи директору завода с самыми общими сведениями о возложенной на него миссии и с просьбой о полном содействии ему со стороны администрации. Напомнив о необходимости по прибытии в Познань представиться шефу воеводской госбезопасности генералу Маковскому, Корвин-Пиотровский в отношении этой встречи дал своему доверенному лицу и советнику несколько рекомендаций: «Не обижайся, друже, но хочу тебя предупредить. Генерал Маковский – коренной познанец и при Вильгельме II служил в немецкой армии ротмистром уланского полка, носящего имя кайзера и квартировавшего в той же Познани. Большой службист и педант, он везде и всегда требует по отношению к себе чисто официальных отношений и очень не любит, чтобы лица, стоящие ниже него по службе, без его к тому требования, высказывали ему непрошенно свое личное мнение по делу».

Не дав опомниться опешившему от неожиданности советнику (где, когда и с кем он мог себе позволить такое), полковник перешел на несвойственный ему приказной тон: «На подготовку к этой, думаю, довольно длительной по времени командировки, даю тебе трехдневный срок, при выезде получишь суточные за месяц вперед и на могущие возникнуть в Познани расходы на дело (здесь Корвин-Пиотровский сделал небольшую, но многозначительную пау-

зу) ... две тысячи злотых». Получив такие наставления, Розенбаум не через три дня, а уже на следующий день выехал в Познань. Во время встречи с генералом Маковским он не позволил себе произнести ни одного лишнего слова. Сам же генерал предельно лаконично охарактеризовал положение дел на химзаводе: «Две забастовки на заводе действительно имели место, но носили они чисто экономический характер. Сейчас завод работает нормально. Думаю, что политической подкладки у этих забастовок нет». Однако, посмотрев на молча взирающего на него Розенбаума, Маковский сделал небольшую паузу, после чего его самоуспокоенность сменилась на некую нервозность. Он, в частности, сказал: «Конечно, в настоящее время, когда во всей Европе влияние социалистического Востока становится очень заметным, можно ожидать всяких сюрпризов. Нельзя ни за что ручаться. Москва не жалеет средств на пропаганду своей идеи всемирной социалистической революции и, к сожалению, у нас, как у ближайшего соседа с противоположным мировоззрением. Разносчиками коммунистических идей повсеместно выступают евреи. К счастью, в нашем Познанском воеводстве их практически нет, а если и есть, то максимум процента два... Впрочем, вы свободны. Буду с нетерпением ожидать сведений от вас».

Выйдя от генерала, Розенбаум решил не идти, как было запланировано ранее, к директору завода, полагая лучшим повидаться со своим бывшим помощником в Кутно Вильгельмом Вернером. Придя к нему на квартиру, советник полиции застал его уже возвратившимся с первой заводской смены. Уединившись в отдельной комнате, агенты повели разговор о жизни и политическом положении в Познани. Вернер, в частности, сообщил о том, что организованного движения среди местных рабочих с явно революционным уклоном в Познани не существует. Хотя в последние две недели какое-то непонятное возбуждение среди общей массы рабочих имеет место. То тут, то там стали говорить о несправедливой оценке их труда, о повышении заработной платы. На этом требовании особенно настаивали пришедшие рабочие из центральной Польши. Рабочих-евреев на заводах нет, кроме двух лаборантов на химическом предприятии. С помощью своих приятелей Вернер установил за ними наблюдение, но до сих пор в их поведении ничего предосудительного не замечено.

Получив эту информацию, Розенбаум условился с Вернером продолжить этот разговор на следующий день у него в гостинице, а сам направился на химзавод. Его директор доктор Риттер после ознакомления с письмом от генерала Розвадовского, врученным ему Розенбаумом, как-то сразу потеплел и, глядя в глаза собеседнику, заявил: «Я более чем уверен, что прошлые забастовки являются результатом какой-то политической интриги. Мы почти полностью удовлетворяем экономические требования рабочих, но последние по-прежнему находятся в каком-то возбужденном состоянии. В этом я убеждаюсь после каждого ежедневного обхода фабрики. Признаюсь, что несмотря на все мое желание и старание, я не могу докопаться до истинных причин их враждебности. Поэтому, господин советник, я буду вам очень обязан, если вы сумеете развязать этот узел противоречий, и обещаю вам наперед, что с моей стороны вы будете иметь необходимое содействие в решении стоящей перед вами задачи. Тем более что генерал Розвадовский пишет, что вам можно во всем доверять, представляя даже полную свободу действий».

Розенбаум же для развязки так называемого узла в Познани решил использовать тот же способ, который привел его к успешному разрешению подобного дела в Жирардове. А потому он поставил перед доктором Риттером целый ряд вопросов, от решения которых могло зависеть успешное выполнение задания. Они касались как должности, в которой придется работать агенту, формы взаимоотношений с ними, оплаты его труда и т.д. Риттер, что называется, с ходу ответил на эти вопросы и согласился удовлетворять все условия, выдвигаемые Розенбаумом, включая и такое право последнего, как «давать или не давать директору информацию о ходе политического сыска». Что касается должности, то наиболее подходящей для советника госполиции он посчитал должность сменного мастера, на которую была весьма кстати и официальная вакансия. Розенбаум с этим предложением также согласился, прикинув сразу, что быть мастером, особенно сменным, это весьма широкая возможность общаться со многими рабочими и в то же время – быть рядом с начальством. После этого довольный директор сказал: «Сейчас для проформы напишите прошение о приеме на работу, а завтра можете становиться в третью смену. Уже сегодня я предупреджу всех начальственных лиц о вашем назначении и о ва-

шем выходе завтра на смену. Приходите на завод во время работы первой смены (с 6 до 14 часов), а я распоряжусь, чтобы ее сменный мастер ознакомил вас с производством, отделами, а также со своими обязанностями». Так, с 11 апреля началась работа Розенбаума по политразведке на химзаводе в Познани. Уже уходя из кабинета директора, он попросил подготовить ему сведения о количестве работающих с разделением их на местных и приезжих из центральной Польши: «Для последних, – добавил он, – желательна отметка – откуда прибыл, с какого времени работает. Хотелось бы знать также, имеются ли среди рабочих евреи». Выслушав пожелания агента, директор улыбнулся и пообещал все оперативно сделать.

Вечером того же дня в гостиничном номере состоялась встреча Розенбаума с Вернером. Советник, поделившись своими новостями, попросил Вернера дать ему фамилии людей, находящихся на химзаводе под подозрением у его приятелей, а также попросил помочь подыскать подходящую однокомнатную квартирку, чтобы она была под стать сменному мастеру и холостяку. Такой у Вернера сразу не нашлось, а в отношении подозрительных лиц он пообещал поработать.

Утром при подаче прошения директору завода Розенбаум получил от него необходимый список, напечатанный на пишущей машинке, с соответствующими пометками. Постепенно входя в курс новой для себя производственной деятельности, он стал приобретать, преимущественно среди приезжих, нужные знакомства, чутко прислушивался к разговорам вокруг. Для того чтобы как можно скорее завоевать расположение к себе рабочих, новый мастер всегда старался пойти им навстречу, не отмечал опозданий на работу, покрывал незначительный брак в продукции, позволял непродолжительные отлучки со смены и т.д. Там, где упущения были посерьезнее, он делал рабочим замечание в форме братского или отеческого наставления, никогда не повышая голоса. В разговорах с рабочими употреблял чаще всего обращение «братец», так что вскоре на заводе он стал «своим парнем». Похоже, такое мнение дошло и до ушей директора Риттера, несколько озадаченного молчанием советника госполиции. Вероятно, в связи с этим он во время обхода цехов, увидев Розенбаума оживленно разговаривающим с одним рабочим, громко сказал в его адрес: «Мастер, вы

лучше смотрите за работой, а не отвлекайте рабочих от дела простыми разговорами». На это замечание сменный мастер вытянулся и ответил: «Виноват, господин директор». Данное директорское замечание оказалось ему весьма кстати, снискав еще большее расположение рабочих к мастеру. Как потом выяснилось, директор поступил именно так вполне умышленно, по-своему подыграв бывшему импрессарию. Так шаг за шагом Розенбаум добивался доверия к себе со стороны рабочих.

Приближался рабочий праздник 1-го мая. Правительством, как и в прежние годы, было разрешено в этот день шествие рабочих. Наиболее активной была при подготовке праздника партия польских социалистов – ППС. Когда рабочие спрашивали своего сменного мастера, будет ли он участвовать в этом празднике, он без малейших колебаний давал всем утвердительный ответ. И действительно, в весенний праздник трудящихся он шел в одних рядах с ними. После Первомая рабочие стали с ним еще более откровенны. А на костельный праздник Пресвятой Девы Марии (это было 15 августа) один из рабочих, приехавший недавно из Лодзи, Мечислав Мухлинский, устраивая дома именины своей жены Марианны, пригласил мастера к себе в гости. Среди них был и лаборант Леон Либих. На именинах преимущественно были рабочие химзавода, несколько человек представляли и другие предприятия города, но все без исключения были уроженцами Лодзи. Всего гостей было 18 человек. После того как гости выпили по рюмочке и по второй, Розенбауму стало ясно, что все присутствующие на вечеринке – активисты прокоммунистической рабочей организации «Валька з капиталэм» («Борьба с капиталом»). Оказалось, что Мухлинский – председатель комитета, а Либих – его заместитель. Марианна также была членом комитета и проводила работу на пробковой фабрике. Среди присутствующих на именинах были две работницы этой фабрики, Ванда Мальшевская и Ядвига Прилуцкая – ее подруги и члены организации.

В ходе застолья выяснилось, что присутствующие озабочены недостаточным ростом организации. Это в первую очередь касалось коренных жителей Познанщины. Особенно трудно, отмечали они, поддаются революционной агитации рабочие мыловаренного и сталелитейного заводов. В члены организации за последнее время вступили только четыре человека. Леон Либих говорил, что причи-

ной этому является отсутствие способных агитаторов. Он, в частности, сетовал: «Вот если бы были все мы такими, как Мильх. Будучи чахоточным, слабым и больным, он тем не менее делает наше дело. И четыре человека со сталелитейного завода – это его заслуга. Сейчас он находится в больнице, но и там он проводит нужную нам работу. Считаю, что неплохим средством привлечения в свои ряды рабочих могли бы стать подписные листы, чтобы в случае увольнения, что сейчас распространено, человек не остался бы без гроша в кармане. По новому закону, если поденный рабочий в течение 28 дней не станет на работу, то он подлежит увольнению...».

Первой откликнулась на призыв Либиха Марианна Мухлинская, которая взялась за внедрение подписных листов у себя на предприятии. Ну а для начала решила проверить на сей счет отзывчивость к рабочему делу гостей. Никто, разумеется, не стал протестовать. Первой положила на тарелку за себя и за мужа взнос в 10 злотых сама виновница торжества. Когда она подошла к Розенбауму, он тоже положил 10 злотых, остальные клали кто сколько мог. Всего было собрано чуть больше 100 злотых. Эти деньги при прощании были переданы Либиху.

Получив весомые доказательства наличия в Познани революционной организации, Розенбаум решил до поры до времени никому об этом не говорить. Во-первых, он еще не знал, у кого находится список членов организации, во-вторых, ему не хотелось навлекать на себя подозрения проведением арестов сразу же после именин, в-третьих, он решил проследить, что раскроет в этом же деле его помощник Вильгельм Вернер, до этого отрицавший наличие в городе нелегальной организации.

В течение месяца Розенбаум безрезультатно занимался решением поставленных самому себе задач, пока в конце концов сам Мухлинский не заговорил с ним по интересующим его вопросам. Это было в начале октября. Сразу же после окончания смены и получения зарплаты Мухлинский пригласил мастера на пиво, и тот охотно согласился. Усевшись в укромном уголке полупустого кабака, оба начали говорить о чем придется, пока Мухлинский почти шепотом и с радостью на лице не сообщил Розенбауму, что количественный состав организации, благодаря подписным листам, начал расти, причем не только у них на заводе, но и там, где ранее проводимая агитация не давала должных результатов. К

«Борьбе с капиталом» примкнули познанские пекари, трубочисты, жестянщики. Их представители Адам Сялковский, Бронислав Жолондзь, Зыгмунт Мотковский, Мстислав Михалкевич предложили комитету свои услуги по агитации. Сказал Мухлинский и о потерях для организации: умер Мильх, собирается перенести свою революционную работу в Лодзь Либих. Он окончательно решил заявить о своем увольнении с завода с тем, чтобы продолжить дело «Борьбы с капиталом» в родном городе. «На бедного Либиха, – заметил Михлинский, – очень подействовала смерть его друга Мильха. Со дня смерти последнего он ходит как полуумный, так что уехать ему из Познани в Лодзь необходимо. Ну а там уж он развернется. Вместе с Лодзью мы – сила...». Жалея Либиха, что, по мнению собеседника, было так нетипично для революционеров, Мухлинский проговорился о том, что списки и вся документация организации находятся на хранении у этого «пламенного борца за освобождение рабочего класса».

Получив все эти сведения, Розенбаум уже на следующий день отправился к генералу Маковскому с просьбой о немедленном начале арестов среди членов познанской организации «Борьба с капиталом». Последний был крайне удивлен информацией, полученной от советника госполиции, а потому обошелся без всяких к этому комментариев, лишь заявил: «К арестам бунтовщиков и забастовщиков мы приступим уже ночью. Вы свободны». Еще более был удивлен результатами работы Розенбаума директор завода, ибо он уже давно считал так называемого «сменного мастера» классическим бездельником. Уже прощаясь и благодаря агента за двойную работу по развязке «проклятого узла», он признался в том, что был момент, когда он уже не верил в успех задуманного дела.

После удачно проведенной в Познани операции Розенбаум работал в Варшаве в Главном управлении, занимаясь, как и раньше, обработкой материалов, взятых при разгроме познанской организации. В списках ее членов, изъятых у Леона Либиха, значились 715 человек. Большинство из них были арестованы и первичное расследование показало тесные связи этой организации с Лодзью. Когда с готовой пояснительной запиской к упомянутым материалам Розенбаум пошел на доклад к Корвин-Пиотровскому, то от него он узнал, что в Лодзи по спискам Михаила Козакевича уже начаты аресты, но вместе с ними появились кое-какие вопросы.

Главный из них касался того, арестовывать или нет крупных чиновников, попавших в список Козакевича в качестве подозрительных лиц? К таковым принадлежали: Станислав Гонсиоровский – начальник городского паспортного стола, Мечислав Медзинский – начальник воеводского налогового отдела, и Ольгерд Окулич – начальник воеводской инспекции труда. Генерал Поплавский как шеф безопасности не решился на арест и обыск у них, о чем сообщил по телефону начальнику Главного управления госполиции генералу Розвадовскому. В связи с этим генерал Розвадовский приказал Корвин-Пиотровскому командировать в Лодзь советника полиции и своего доверенного человека с целью установления причастности этих лиц к антиправительственному сообществу. Ввиду деликатности дела Розенбауму рекомендовалось, в случае обнаружения достаточных оснований для задержания этих чиновников, произвести аресты необходимо было самым секретным способом, без лишнего шума. На выполнение этого задания ему давалось не более десяти дней. Говоря об исключительной важности порученного Розенбауму дела, полковник, как бы оправдываясь, провозжая его из кабинета, заметил: «Дело это находится на контроле у правительства, и я бы сам взялся за его выполнение, если бы не наши внутренние проблемы. Дело в том, что в ближайшем будущем генерал Розвадовский оставит пост шефа госполиции и займет должность военного вице-министра и одновременно командующего Варшавским военным округом. Ввиду этого мне поручено привести в полный порядок все дела Главного управления». Сказанное Корвин-Пиотровским для Розенбаума не было новостью, ибо слухи о повышении генерала уже ходили среди чинов госполиции, но в сочетании с аргументацией иного, уже личного, свойства оно приобретало характер некоторой доверительности в общении начальника и подчиненного, в прошлом – приятелей. 27 марта 1928 года, в день получения задания, Розенбаум выехал курьерским поездом в Лодзь.

Прибыв в Лодзь, доверенный госполиции сразу же встретился с Михаилом Козакевичем и задал ему главный вопрос: «Как попали в список подозрительных лиц господина Гонсиоровский и Окулич?». На что Козакевич ответил: «Все обстояло очень просто! Будучи в баре «Автомат», я без всякого специального намерения, а совершенно случайно у стойки, где выпивали и закусывали эти

господа, услышал, как Гонсиоровский сказал, обращаясь к Окуличу, что до него дошли слухи о массовых арестах в Познани и что, к сожалению, среди арестованных оказались Либих и Мухлинский («хорошие ребята, помню их еще со школьной скамьи, когда, до поступления в гимназию, я учился вместе с ними во 2-й семиклассной народной школе в Лодзи»). Больше всего меня поразило то, что они говорили о государственных преступниках и жалели их вслух, нисколько не думая о том, что эти слова все окружающие их люди довольно хорошо слышали. Медзинский не участвовал в этом разговоре, а лишь поддакивал двум собеседникам. Замечу, что все они государственные чиновники, и их прекрасно знают в городе».

Визит к генералу Поплавскому позволил советнику госполиции узнать некоторые сведения, касающиеся подозреваемых чиновников. А именно то, что Мечислав Медзинский – дворянин, сын помещика из-под Пнева, что рядом с Лодзью, человек со средствами; Ольгерд Окулич – из семьи чиновника министерства путей сообщения, подпоручик в отставке, во время похода 1920 года воевал в легионах Пилсудского, был тяжело ранен в живот. Что касается Станислава Гонсиоровского, то он оказался сыном вагоновожатого городского трамвая. Рабочее происхождение последнего сразу настроило и генерала, и советника госполиции на то, что от Гонсиоровского вполне можно было ожидать сочувствия и помощи революционному движению пролетариата.

В поисках более близких контактов с упомянутыми чиновниками Розенбаум обратился к генералу Поплавскому с просьбой как-то познакомить его хотя бы с одним из них, но так, чтобы последний не мог догадаться, что объединяет Розенбаума и Поплавского. Генерал призадумался, а потом сказал, что видит только одну возможность к удовлетворению этой просьбы – это то, что если господин советник играет в бридж или винт, особенно в винт. «В таком случае, – пояснил он, – я вас познакомлю с адвокатом Бокшицким – большим любителем винта, членом местного клуба землевладельцев, в котором бывает и Медзинский, также увлекающийся игрой; оба постоянно ищут себе партнеров в этом. Я переговорю со своей женой, она подруга адвокатской жены, с тем, чтобы через день-два пригласить эту чету к нам на обед, где я вас представлю как старого знакомого еще по Петербургу. А сегодня

приглашаю вас к себе на рюмку водки. Думаю, что с помощью жены мы быстрее всего встретимся с Бокшицкими». Так оно и получилось. Генеральша уже в конце обеда сообщила, что она переговорила по телефону с пани Бокшицкой, и та пообещала быть у них в гостях уже завтра. Посидев еще немного у генерала, Розенбаум пошел к себе в гостиницу. К вечеру ему стало скучно, и он решил прогуляться по городу, да и заглянуть в бар «Автомат», в котором раньше никогда не был, так как «вообще испытывал антипатию ко всяким автоматам». Там он пробыл около получаса, но в полной мере убедился, что в этом заведении возможно подслушать любой разговор, даже не напрягая слух. Вся публика «Автомата» состояла из внушительного вида мужчин и женщин легких нравов, и все они почему-то не могли разговаривать тихо.

Дождавшись назначенного для званого обеда дня и часа, Розенбаум пошел к Поплавским. Генерал представил его чете Бокшицких как Ружицкого, т.е. под театральным псевдонимом, под этой фамилией он проживал и в гостинице. Адвокат, узнав, что «господин Ружицкий – большой поклонник винта, бриджа и покера», сразу же пригласил его в клуб на вечернюю партию винта. Адвокат предложил будущему партнеру заехать за ним в гостиницу, чтобы потом было удобнее ввести его в клуб землевладельцев.

Оба приехали в клуб, когда было уже достаточно поздно, но партия винта в обществе Бокшицкого и Медзинского состоялась. Свою первую игру они закончили уже под утро, условившись о новой встрече на «зеленом поле», т.е. за карточным столом, через день. Таких встреч было несколько, и когда карты всех троих достаточно сблизили, адвокат предложил всем поужинать тут же, в клубе. Партнеры с этим согласились, и здесь, совсем произвольно (в связи с проблемами своей адвокатской практики), Бокшицкий коснулся интересующей Розенбаума темы. Он, в частности, заметил: «В связи с процессами над рабочими в Познани и Лодзи для некоторых недобросовестных адвокатов, особенно из числа евреев, начинается пора обильной «жатвы». Люди, заинтересованные в оправдании своих близких, обвиняемых в принадлежности к революционному движению, готовы платить адвокатам бешеные деньги, а последние этим пользуются, стремясь содрать с них последнюю шкуру, зная наперед, что дела не выиграют. Адвокат Беренштам для ведения такого рода дел установил просто фантас-

тическию таксу, и тем не менее находятся глупцы, набивающие карманы его карманы. Я недавно также взялся за одно из таких дел, когда объявил клиенту о сумме своего гонорара, последний заявил мне, что я, видно, не хочу вести его дела, так как за такое небольшое вознаграждение защита давно уже не делается. В доказательство серьезного своего отношения к этому делу, как и к другим своим процессам, я попросил клиента не давать мне авансом вознаграждения, а только после его завершения».

Медзинский, не став вдаваться в размеры адвокатских гонораров, включился в начавшийся разговор, выразив недоумение по поводу того, «как вообще можно защищать убийцу и других явных преступников против государства». После чего выразил сожаление, что «революционная зараза проникает не только в рабочую массу, но и в нашу чиновничью среду». Восприняв это замечание как намек на кого-то из конкретных чиновников, Бокшицкий сразу же ему сказал: «Если вы думаете о господине Г. (в Польше в то время было широко принято в разговорах между собой в общественных местах о каком-либо известном им человеке называть последнего одной заглавной буквой имени или фамилии – В.Ч.), то вы глубоко ошибаетесь: он просто глубоко экзальтированный человек, но духом революции он совершенно не заражен». Между тем эту спонтанную догадку Медзинский отвел очень мягко и дипломатично, сказав, что он не имел в виду ни Зет и Жет, а просто сказал то, что сказал, – «революционная зараза проникает, к сожалению, в среду чиновничества».

В этом месте Ружицкий счел нужным перевести начатый разговор на другую тему, дабы лишний раз показать, что сказанное его мало интересует, а потому он предложил собеседникам выпить за спокойное будущее всех присутствующих. Предложение сразу же было принято, и в дальнейшем ужин проходил в спокойной обстановке. В ходе его из соседней комнаты к буфетной стойке подошел молодой элегантный человек и, выпив рюмку водки, обернулся. Узнав его, адвокат пригласил его к столу. Тот подошел и, поздоровавшись с Медзинским и Бокшицким, коротко представился Розенбауму: «Гонсировский», а тот отчетливо ответил: «Ружицкий». Присев, молодой человек, обращаясь к адвокату в шутливой форме, сказал: «Вот пытался выиграть для вас деньги, но, к сожалению, последние проиграл». «Как это для меня?» – недоуменно спро-

сил Бокшицкий. А Гонсиоровский ему в ответ, все также шутливо: «Собираюсь судиться, вот и хочу выиграть деньги на гонорар для вас...».

После этого молодой чиновник как-то засуетился и хотел было уже откланяться, но, по настоянию Бокшицкого, остался в компании со всеми. Ужин в клубе закончился только к рассвету. Уже расходясь, Медзинский предложил Розенбауму разделить с ними сегодня вечер после службы в баре «Автомат», «так как по четвергам там подают прекрасные фляки». Последний охотно откликнулся на это предложение, но, прикинувшись наивным, сказал, что не знает, где этот автомат искать. Гонсиоровский тут же назвал адрес «Автомата» и добавил, что «это заведение – гордость Лодзи»...

Придя в гостиницу и немного отдохнув, Розенбаум решил пойти к генералу Поплавскому, чтобы от него по телефону поговорить с Корвин-Пиотровским, ибо установленный для задания срок уже истек. На вопрос генерала, что нового в их деле, Розенбаум ответил, что надеется в ближайшие дни поставить на нем точку и попросил разрешения из его кабинета связаться с Варшавой. Генерал охотно это позволил. В разговоре с полковником советник полиции доложил о том, как расследуется дело с лодзинскими чиновниками, подчеркнув при этом, что пока подозрение падает только на одного Гонсиоровского. Медзинский – вне подозрений, а с Окуличем в течение пары дней еще необходимо поработать. Корвин-Пиотровский в свою очередь попросил не затягивать с выполнением задания, так как генерал Розвадовский очень заинтересован, чтобы это дело было разрешено до его перехода на другой пост. В конце разговора он с неожиданным раздражением сообщил, что «кругом все уже открыто называют имя преемника Розвадовского на посту шефа госполиции – молодого и удачливого генерала Корциан-Заморского».

Закончив разговор с полковником и поблагодарив генерала Поплавского за его любезность, Розенбаум пошел в гостиницу, где провалялся остаток дня на диване. С наступлением темноты он собрался и направился в клуб. Народу там было пока немного, и из своих новых знакомых Розенбаум застал здесь лишь одного Гонсиоровского. При первом же взгляде на него чувствовалось, что он не в себе. Воспользовавшись возможностью поговорить с молодым человеком без посторонних, Розенбаум предложил ему выпить по

бокалу вина. Сев за столик, он, извинившись, в шутку спросил своего собеседника: «Вы чем-то расстроены? Думаю, что в таком настроении вы вряд ли на адвоката заработаете». После этого вопроса-реплики Гонсиоровского словно прорвало: «Вы, вероятно, знаете, господин Ружицкий, что меня обвиняют в сочувствии к революционно настроенным рабочим. Да, это так, но я не могу иначе, так как знаю, как горька доля рабочего человека. В тех условиях, при которых он живет, у него есть только два выхода: стать «беспробудным пьяницей» или «бунтарем-революционером». Слабохарактерные и эгоисты становятся пьяницами, а сильные духом, думающие не только о себе, но и о других, жаждут революции. Конечно, есть среди рабочих и другие, но и они постоянно осознают шаткость своего состояния. Сам я – сын рабочего. Отец еще за русскими стал работать на городском трамвае вагоновожатым. И тогда, и сейчас он работает не покладая рук, и почти весь его заработок уходит на детей, на то, чтобы дать им посильное образование и помочь выйти в люди. Нас у отца было шесть сыновей и две дочери. Сестры повыходили замуж, мне посчастливилось окончить гимназию и найти неплохое место, братья работают рабочими и лишь младший завершает сейчас обучение в варшавском училище органистов. По окончании его в этом году ему обещано место в Гнезненском соборе... Поэтому, близко зная рабочую жизнь, я не могу осуждать тех, кто хочет ее радикально изменить...».

Розенбаум выслушал его исповедь, как смог выразил ему свое сочувствие, а затем, подливая вино, попросил молодого человека, успокоиться. К этому моменту пришли Медзинский и Окулич. Поздоровавшись, вся компания прошла в зал, где метали банк. Начали играть, и только Гонсиоровский пока что присматривался к игре. Как выяснилось, ему просто не на что было играть, поэтому он начал просить у своих коллег дать ему в долг 25–30 злотых, с которых он бы мог начать игру. Но приятели ему в этом мягко отказали, намекая на то, что дача в долг кому-либо во время игры – дурная примета, ибо ей всегда сопутствует проигрыш. Вот, дескать, закончим играть, тогда и одолжим. Розенбауму же карта шла, и банкноты все более и более собирались возле него. Поэтому он с улыбкой заявил, что никаким приметам не верит, и дал Гонсиоровскому 100 злотых, а карта, как и прежде, все шла и шла к нему. Однако вскоре он последовал примеру Медзинского и Окулича и также

отошел от стола, решив в компании с ними составить партию виста или бриджа. Гонсиоровский остался у стола один.

Этот вечер в клубе дал Розенбауму то, что он искал. Из чиновничьей троицы лишь Гонсиоровский был в списках подозреваемых, не случайно туда попавшим, но с Медзинским и Окуличем Козакевич явно перестарался. Оставалось выяснить, у кого находится список всей организации. Розенбаум интуитивно связывал их поиск со стариком Гонсиоровским. По согласованию с генералом Поплавским и полковником Корвин-Пиотровским он добился вызова молодого Гонсиоровского, якобы по делам службы, в Варшаву с тем, чтобы в это же время можно было у его отца произвести обыск. Одним словом, все было сделано так, как это задумал Розенбаумом.

При обыске у старого Гонсиоровского был найден запечатанный пакет, в котором находился полный список членов организации «Борьба с капиталом». По приказанию из Варшавы, старика было решено оставить на свободе. Станислав Гонсиоровский был подвергнут дисциплинарному наказанию с понижением в должности. На принятие такого гуманного решения повлияла его хорошая до настоящего времени служба в магистрате, молодой возраст и свойственная ему экзальтированность. Уже в день обыска у старика Гонсиоровского Розенбаум с найденным у него списком подозрительных лиц прибыл в Варшаву. Так завершилась его агентурная работа в 1928 году.

Глава XIII. НА ОБОЧИНЕ

После завершения операций в Лодзи и возвращения в Варшаву Эдуард Розенбаум был оставлен на службе в той же должности в Главном управлении госполиции. Здесь он продолжал заниматься тем же, что и раньше, и, по логике вещей, он был вправе надеяться на получение очередного задания. Однако работа в Лодзи, при всей ординарности выполняемого задания, как в физическом, так и в моральном отношении оказала на советника и доверенного госполиции необычное угнетающее воздействие. Был ли виной тому Гонсиоровский с его откровениями в отношении рабочего вопроса, в целом ухудшение собственного здоровья или еще что-то, но в конце мая 1928 года он почувствовал себя совершенно скверно и стал просить у полковника Корвин-Пиотровского разрешения подать рапорт об увольнении с занимаемой должности. Понимая, что состояние Розенбаума весьма сложное, полковник посоветовал ему приложить к рапорту соответствующее свидетельство врачей и послал его на медосмотр к главному врачу Главного управления доктору-полковнику Владиславу Сенкевичу. Последний покрутил, повертел, обстучал старого агента и, найдя у него сильную неврастению, склероз сердца, выдал ему свидетельство о неспособности к работе и о необходимости прохождения курса лечения и отдыха в полицейском санатории в Закопане. Рапорт Розенбаума об увольнении от должности был Корвин-Пиотровским принят. Перед самым его отъездом в санаторий генерал Розвадовский распорядился выдать ему жалованье за два месяца вперед, выплатить причитающееся содержание на медицинское обслуживание и выдать справку об увольнении со службы по болезни с 1 июня 1928 года.

Сдав все дела по службе, Розенбаум в начале июня выехал в ведомственный санаторий в Закопане, где пробыл до середины августа. После выписки из санатория он решил поехать к своей

двоюродной сестре Марии Ястржембской, проживавшей близ Волковыска на Гродненщине, в имении Пацевичи. Имение это принадлежало помещику Леону Поплавскому, у которого муж Марии был управляющим. У семейства Ястржембских в ту пору гостила и мать Розенбаума – Каролина Сигизмундовна. Поселившись у кузины, Эдуард Эдуардович вел образ жизни достаточно беззаботный, что позволяли некоторые сбережения, впрочем, так легко жить рекомендовали ему и доктора. Он почти ежедневно бывал в гостях то у местного помещика Поплавского, то у других ближайших соседей. Благодаря умению играть на гитаре, в карты, шахматы, недурному баритону, таланту рассказчика и своей былой близости к театральному миру, он на какое-то время стал подлинной душой местного общества. О его недавнем прошлом никто не догадывался, да и он сам на какое-то время о нем забыл. Однажды, находясь в гостях в местечке Пески у местного ксендза Альбина, он познакомился со служившей в доме у ксендза хозяйкой, сравнительно молодой женщиной Теодозией Кшижовской. С той поры он стал гостить в Песках все чаще, в результате чего 27 ноября 1928 года отец Альбин обвенчал Эдуарда и Теодозию в Песковском костеле.

Вскоре после скромной свадьбы Розенбаум с супругой выехали в местечко Зельву, где рассчитывал получить место на фанерной фабрике братьев Конопачких. Жили «молодые» в ту пору очень скромно, снимая комнату в крестьянской хате у некоего Белиды. Деньги были на исходе, продукты питания здесь были недешевы, а зима 1928-1929 годов стояла необычайно суровая. Температура воздуха по Цельсию достигала 48 градусов мороза, так что топить печь надо было как можно чаще. И хотя в окрестностях Зельвы леса было немало, но из-за трудности в доставке дрова в ту зиму стоили весьма недешево. Находясь достаточно продолжительное время в таком бедственном положении, вдобавок без службы и средств к существованию, Розенбаум не раз уже подумывал о возвращении на службу в полицию. Причем уже все равно какую (политическую или наружную), но сколько бы он ни заводил с женой разговор на эту тему, всегда получал от нее один и тот же ответ: «Эдя, выбирай одно из двух: или я, или полиция». И это при всем том, что Теодозия ни до брака, ни после не имела никакого представления о службе Эдуарда в полиции. Она скорее бы поверила, что он был артистом, но полицейским – никогда в жизни.

В апреле 1929 года без чьей-либо посторонней помощи Эдуарду Розенбауму удалось получить работу на цементном заводе «Высока» в местечке Росс²⁶, неподалеку от Волковыска. Несколько дней с утра до вечера он дожидался приема у директора завода Мирецкого, пока тот не сжалился и не взял явно нездешнего человека на завод. В обязанности Розенбаума входило наблюдение за насыпкой готового цемента в бумажные мешки и фанерные бочки, за их завязкой и укупоркой и последующей погрузкой в железнодорожные вагоны. Вначале он работал простым рабочим, а потом заведующий рампой сделал его своим помощником. Завод работал в три смены, а специфика его работы была такова, что на рампе он находился от 16 до 18 часов в сутки. Но это полбеды, вскоре, где-то в конце сентября, в связи с разразившимся в Польше промышленным кризисом, сначала тихо, а потом все громче на заводе стали поговаривать, что на зиму предприятие остановится и будет отправлять потребителям лишь продукцию, имеющуюся в запасе.

В октябре начались массовые увольнения рабочих, однако, как заметил Розенбаум из доверительного общения с ними, они относились к этому делу спокойно («Ничего страшного нет, до лета продержимся»), полностью полагаясь на дотации из государственного рабочего фонда. При расчете с рабочими администрация выплачивала им жалованье за две недели вперед, исходя из средней ставки за день; двухнедельную плату от суммы средней дневной ставки за последние 13 недель и за неиспользованный отпуск (отпуск полагался рабочему после трех месяцев работы, а служащему – после шести месяцев работы на данном предприятии). В ходе увольнения настроение рабочих было вполне спокойное и лояльное как по отношению к заводской администрации, так и в целом к правительству. «Кризис есть кризис», – с пониманием говорили о сложившейся ситуации рабочие. Одну из причин такой реакции на возникшие тогда экономические трудности Розенбаум связывал с тем, что на цементном заводе «Высока» в Росси как среди рабочих, так и среди служащих не было ни одного еврея, и большинство рабочих (свыше 70 %) состояло из казаков и украинцев, бежавших сюда из Советской России. Остальные 30 % составляло местное белорусское население. Среди рабочих завода о каких-либо революционных настроениях и речи не могло быть. Тем более что поселившиеся здесь «беженцы из советского рая, имели

реальную возможность сравнивать, что было там и что они имеют здесь».

15 ноября получил расчет на заводе и Розенбаум, перешедший, как и другие уволенные, на содержание специального государственного фонда, который выплачивал им нормально пособие в течение 13 недель; затем срок этот был продлен до 24 недель. Так прошел 1929 год.

В начале марта Розенбауму удалось устроиться сменным распиловщиком на лесопильный завод графа Адама Браницкого. Эта работа физически была явно не по силам бывшему импрессарию, которому уже пошел шестой десяток. И как только представился случай побывать в Варшаве, куда он был вызван варшавской кухней в связи с болезнью матери, он сразу же решил встретиться и поговорить с полковником Корвин-Пиотровским, занимавшим, как и прежде, пост заместителя шефа госполиции. Узнав от дежурного чиновника о визите Розенбаума, полковник сразу же вышел к нему навстречу, пожал руку и усадил для беседы. В самом начале ее он совсем по-дружески пожурил советника и доверенного госполиции за то, что последний более года не давал о себе никаких вестей и предложил ему бросать свою угробляющую его работу и возвращаться на прежнюю должность в Варшаву. «Тем более, – добавил он, – что новый наш шеф Корциан-Заморский неоднократно в разговоре со мной расспрашивал о тебе».

На это предложение со стороны полковника Розенбаум ответил ему решительным отказом, объяснив и причину его, включая и мнение жены – «или я, или полиция». Тогда Корвин-Пиотровский заметил: «Послушай, друже, если ты не можешь или не хочешь по семейным обстоятельствам вполне официально служить в нашем управлении, то кто тебе мешает сотрудничать с нами частным и секретным образом». На что собеседник сказал следующее: «Это, разумеется, приемлемое предложение, но, с другой стороны, из-за невозможности приезжать сюда я вряд ли могу быть полезным политической разведке, тем более что в нашей глуши и следить-то не за кем. Кроме местечек Россь, Пески да имения Пацевичи, где живет моя кузина, я нигде не бываю. Рабочие по случаю остановки цемзавода расселились в соседних деревнях Красная Весь, Зенчики, Станковцах и о никаких революциях даже и не помышляют.

Под стать им и рабочие нашей лесопилки. Так что вряд ли я воспользуюсь добрым предложением».

Улыбнувшись Розенбауму, полковник тотчас же заметил: «Никогда не поверю, что такой мастер сыска, как ты, не может найти тех, кто должен быть бы на подозрении, даже в такой глуши, как Россь. Я тебя не узнаю...». И в ответ на это бывший советник полиции резонно ответил: «Конечно, найти таких людей несложно. Взять хотя бы местечко Пески. Коренное население его преимущественно еврейское. Много среди жителей местечка и таких, что вернулись из Советской России, а значит, зараженных идеями коммунизма. Но опять-таки для того чтобы ими всерьез заняться, надо там бывать очень часто, а для меня это не так-то просто. Кроме всего прочего, мне известно, что комендант Песковского участка Матеевский является энергичным человеком и заклятым врагом всего революционного. Что называется, на месте находятся и его частные сотрудники – Врублевский и Колендо. Они больше, чем я, могут принести там пользы. Единственно возможным для себя я считал бы раскрытие и обезвреживание единичных лиц, если, разумеется, такие найдутся. Но и здесь я бы не хотел вступать во взаимоотношения с комендантом полицейского участка в Росси, так как у нас в местечке никаких тайн не существует, потому и мое участие в политическом сыске будет тотчас же раскрыто. А для меня, ввиду особой позиции в этом вопросе моей жены, может принять нежелательный оборот».

Выслушав все это, полковник сказал, что он в связи с сомнениями Розенбаума поставит его в такие условия, когда ни с кем, кроме него лично, по делам разведки он встречаться не будет. В конце концов оба пришли к следующему соглашению: бывший советник госполиции, выполняя свои основные обязанности по лесопилке или в другом месте, брал под свою ответственность наблюдение в политическом отношении за отдельными лицами, «захватывая для этого наблюдения такое пространство, на которое дает ему возможность его прямая служба». Плата за сыск будет осуществляться раз в два месяца по воскресеньям за каждое конкретное донесение. Предупреждать о своем приезде в Варшаву (для прикрытия можно говорить о поездке к кухне и матери) Розенбаум должен Корвин-Пиотровского за неделю до этого дня. На бесплатный проезд он получил специальную отрывную книжку с шестью разовыми

билетами для проезда в обе стороны по первому классу обслуживания. На возможные по этому делу расходы, уже прощаясь, полковник вручил Розенбауму 500 злотых.

Вернувшись из Варшавы, Розенбаум стал частным образом, как он впоследствии называл – «совершенно инкогнито» заниматься политическим сыском, почти не обременяя себя тяжелой сезонной работой на лесопилке. Одновременно, насколько это было возможно в его ситуации, он завел обширное количество знакомых, имеющих отношение к лесозаготовкам и деревообработке. За 1930 год ему удалось раскрыть весьма подозрительную в политическом отношении деятельность варшавского брокера из фирмы Геллера, приехавшего на местную лесопилку за так называемой английской рейкой специальной распиловки, некоего Арона Гельфандта, а также работавшего на площадке лесоматериалов при железнодорожной станции Россь уроженца Кракова Боруха Гликлиха. Последние завели широкие контакты со многими жителями близлежащих местечек, инициировали проведение собраний, связанных с улучшением материального и социального положения еврейской бедноты. Об упомянутых лицах Розенбаум донес Корвин-Пиотровскому, и по его распоряжению оба были арестованы. Причем и у одного, и у второго было обнаружено большое количество марксистских изданий, включая издания КПП (Коммунистической партии Польши) и КПЗБ (Коммунистической партии Западной Белоруссии), а также свежие советские газеты и журналы. Оба впоследствии были осуждены: Гельфандт на два года, а Гликлих на 8 месяцев.

В начале 1931 года лесопильный завод, где сезонно подрабатывал Розенбаум, был поставлен на ремонт. Всем рабочим и служащим, которые оказались занятыми на этих работах, выписывалась зарплата в половинном размере. Поскольку он не попал в это число, то решил поехать погостить к своей двоюродной сестре в Пацевичи, а затем проведать свою жену, которая уже гостила в Песках у своей младшей сестры, служившей домохозяйкой у местного ксендза Альбина. Будучи в Пацевичах, Розенбаум заглянул там и к помещику Леону Поплавскому. Так случилось, что в это время у него находился его сосед Антоний Ходаковский. За чайным столом, как это водится, завязался заинтересовавший всех разговор об экономическом положении страны, о промышленном кризисе и т.д., в ходе которого Розенбаум обронил фразу, что «этот

кризис льет, к сожалению, воду на коммунистическую мельницу и подталкивает недавно успокоившиеся массы рабочих на новый виток революционного движения». В ответ Ходаковский заметил: «Вот, посмотрите, скоро и наши песковские обыватели в этом направлении задвигаются...». Сказанное натолкнуло Розенбаума на мысль воспользоваться своим свободным времяпровождением для изучения умонастроений коренных жителей Песков.

Имея здесь хорошего знакомого старика-еврея Шеваховича, бывшего «за русскими» богатым лесопромышленником, зная его как человека, враждебно настроенного по отношению ко всяким реформам и революциям, Розенбаум решил зайти к нему, чтобы побеседовать и поиграть в шахматы (старик был страстным поклонником этой игры и лучшим в местечке шахматистом). Шевахович принял нежданного гостя весьма любезно и сразу завел разговор об Одессе, где в старые времена не раз бывал, помятуя, что гость – уроженец этого южного теплого города. Последнему пришлось приложить немало усилий для того, чтобы вывести, наконец, старика на нужную тему, но они не пропали даром. Вскоре бывший лесопромышленник «переключился» и начал свой монолог с того, что «нынешняя еврейская молодежь уже не хочет слушать своих мудрых стариков, не исполняет религиозных требований, распутничает, заражаясь при этом духом социализма. Она не понимает, что, ухватившись за этот запретный плод, она докатится до такого положения, из которого обратного пути уже не будет».

Сделав многозначительную паузу, означающую, что сейчас он скажет что-то очень важное, Шевахович продолжил: «Сейчас все мы, т.е. наше государство и общественное мнение, находимся на переломе, и тем не менее со стороны правительства должны исходить такие действия, которые дали бы обывателю возможность чувствовать, что он всегда найдет у этой власти нужную поддержку. А что у нас? Куда ни обратись, только и слышишь со стороны власть имущих одни слова – «критические времена, надо потерпеть и т.д.». На эту тему, да и другие, как заметил его единственный слушатель, старик Шевахович говорил долго и даже вполне артистично, и в тот момент, когда уже начало казаться, что конца его выступлению не будет, он вдруг ясно и определенно сказал: «А наш Куклевский. Разве это комендант? Это последний жулик и педбрат. Мы старые еврей-торговцы уже подавали на него жало-

бу в Волковисское староство, а ответа все нет. Комендант же все делает свое.... Я предполагаю даже, что он агент Советов, но молчу об этом до поры до времени, а, кроме того, как еврейю мне все равно нигде не поверят».

Розенбаум тоже не поверил Шеваховичу, однако, во время своего пребывания в Песках он стал, что называется, «издали» наблюдать за Куклевским, выявив, в частности, что комендант навевывается в еврейский кабачок «Юделя» и совершенно игнорирует польское заведение такого же типа «Коленда». В круг его общения входила местная еврейская молодежь во главе с неким резчиком Вандтом, которого обычно все называли Ошер. Таковы были результаты первичного наблюдения за комендантом Куклевским. Однако время нахождения Розенбаума в Песках уже подходило к концу, нужно было ехать домой. Расстояние от Песков до Росси было около 9 километров. Между ними курсировал автобус Пески – Россь – Волковиск. Отходил он из Песков в семь часов утра, а обратно из Волковиска – в половине пятого пополудни, прибывая в Россь около шести часов, а в Пески – около семи часов вечера.

Через два-три дня после этого лесопилка возобновила работу, и Розенбаум встал в смену. 27 марта 1931 года в его жизни произошло важное событие – рождение сына. Пользуясь необходимостью сделать для малыша кое-какие покупки, он выехал в Варшаву, где встретился с Корвин-Пиотровским, получил от него разрешение на продолжение наблюдения за Куклевским. Шел апрель, и жена стала торопиться с крестинами сына, решив сделать их в Песках, на «плебании». Для этой цели Розенбаум попросил для себя на лесопилке недельный отпуск и вместе с женой и малюток-сыном выехал в Пески. В течение недели ему удалось не только совершить обряд крещения сына, но и понаблюдать за «панэм комендантэм». Итоги этого наблюдения не дали Розенбауму того, чего он ожидал в политическом плане, но они в полной мере «выявили моральное разложение этого типа Куклевского, а также его многочисленные служебные злоупотребления». Обо всем этом частный агент доложил в Варшаву. Корвин-Пиотровский, выплатив ему 500 злотых за представленную информацию, заявил, что все основные действия по отношению к Куклевскому на будущее он берет на себя. Спустя два года Розенбаум узнал, что комендант арестован и осужден на восемь лет. В чем конкретно обвинялся

Куклевский, его не интересовало, но, согласно его собственноручным показаниям в апреле 1941 года, ему было «достоверно известно, что до начала германо-польской войны 1939 года бывший песковский комендант еще находился в Лидской тюрьме».

До лета 1932 года Розенбаум работал сезонно на лесопилке, никуда не выезжал и политической разведкой не занимался. 1 июня завод стал, и Розенбаум по протекции лидского ксендза-префекта Добрского, с братом которого он издавна находился в дружеских отношениях, уже 15 июня получил в Лиде должность чиновника в частной нотариальной конторе Болеслава Чижевского. Жена с ребенком остались в России, надеясь приехать к нему, как только он закрепится на работе и найдет подходящую квартиру. В маленьком городке сделать это было отнюдь не просто: узнав о наличии у съемщика семьи с грудным ребенком, домовладельцы сразу же отказывались сдавать ему жилье. Сам же он временно проживал на квартире у одного из коллег по работе. Однажды после безуспешных поисков квартиры у него ночью, во время сна, горлом пошла кровь. Напуганные хозяева отвезли его в больницу и сразу же вызвали к нему жену. Пробыл он в больнице около месяца. Доктор Козубовский, лечивший Розенбаума, при выписке сказал ему, что туберкулеза легких он у него не прослушивает, а потому полагает, что имевшее место кровотечение было «следствием лопнувшего артерио-кровеносного сосуда». После чего порекомендовал больному: горячего не есть, не пить; на солнце не сидеть, поменьше ходить и вообще не утомляться, хотя бы в течение трех месяцев.

Разумеется, придерживаться такого режима Розенбаум не мог, ибо нотариальная работа для него была новой, а чтобы освоить ее, требовалось много трудиться. Официально его рабочий день начинался с 9 часов утра и заканчивался в 20 часов вечера. Но в реальной жизни сидение в конторе затягивалось до 22–23 часов. При такой загрузке ни о какой политразведке и речи не могло быть. У нотариуса Чижевского Розенбаум проработал до 20 ноября, т.е. до того времени, когда последний сам же предложил своему больному служащему устроить его в ипотеку, где условия для работы будут гораздо лучше, хотя и оплата от этого, естественно, не повысится. Но выбирать особо не приходилось, и с этим решением Розенбаум согласился. Чтобы как-то компенсировать потери в зарплате, он, свободно владея французским, немецким и рус-

ским языками, открыл у себя на дому (дабы не платить налоги) нечто наподобие курсов. Так что к нему стали ходить на уроки не только школьники и молодежь, но и офицеры и подхоружие из стоящего неподалеку пехотного полка. Последние преимущественно изучали русский и немецкий языки. Ипотека – курсы, курсы – ипотека: в этой работе прошел для Розенбаума остаток 1932 года и весь 1933 год. Зимой 1933 года умерла в Варшаве мать Розенбаума Каролина Сигизмундовна, урожденная Дюврэ-Куэ.

В начале 1934 года Розенбаум заболел гриппом, но, вероятно, не вылежался, как следует, и вышел на работу. А уже через три-четыре дня он опять слег в постель с тяжелым воспалением легких, перешедшим в настоящий туберкулез. Так что весь февраль-март он пролежал в кровати, а когда встал, то не мог стоять на ногах, так что только во второй половине апреля он смог выйти на работу. С наступлением теплых дней местная больничная касса направила Розенбаума в горный санаторий «Бескиды». Там он пробыл все лето, а в сентябре вышел на работу. Разумеется, от всяких подработок пришлось отказаться. Работал он в ипотеке только до обеда, а придя домой, сразу же ложился в постель. Соблюдать такой режим жизни ему помогал денежными переводами сын от первого брака, проживавший в ту пору в Бельгии, где он работал доцентом политехнического института в Льеже. Кроме того, помогала ему и сестра, жившая в Варшаве, а также племянница его жены, имевшая свое хозяйство близ Волковыска.

Несмотря на строгое выполнение постельного режима и щадящего графика работы, у него в течение года было несколько кровотечений горлом. Так что почти ежемесячно он не выходил на работу от пяти до десяти служебных дней, и только благодаря исключительно человеческому отношению к нему со стороны его начальника Казимира Контовта ему удалось удержаться на службе и получать свой скромный заработок. При таком состоянии здоровья он думал только об одном: как выдержать рабочий день с утра до обеда, а потом – как бы добраться до постели.

В 1935 году положение Розенбаума не только не улучшилось, но, наоборот, ухудшилось от того, что 4 июля 1935 года умер его четырехлетний сын – «наше с женой единственное утешение и радость в жизни». Смерть сына буквально подкосила Розенбаума, но он старался как-то держаться, тем более что у жены на нервной

почве случилось временное помешательство рассудка. Она никого не узнавала и потеряла умение говорить. В этом состоянии она находилась до конца зимы. Весной, как у всех чахоточных, ухудшилось здоровье и у Розенбаума. Надо было ехать в санаторий, но не на кого было оставить жену. Пришлось вызывать из Мостов сестру больной, которая и увезла ее к себе. И только после этого он сам выехал в санаторий. В силу такого рода обстоятельств с разведкой по линии госполиции Розенбаум в последующие годы связан не был.

Глава XIV. В ОБЪЯТЯХ АБВЕРА

Период с 1924 по 1927 годы был временем наивысшего взлета агентурной деятельности Эдуарда Розенбаума в лоне политической полиции Польши. Вместе с тем этот период был достаточно активным и в его контактах с германской разведкой. Выше уже освещалось их зарождение и развитие с 1913 по 1923 годы. Что же касается 1924 года и последующих лет, то эти контакты нашли свое отражение как в материалах следствия, так и в собственноручных показаниях Розенбаума. В них этот раздел выделен из общего контекста «исповеди» обвиняемого в форме отдельного раздела, озаглавленного «Моя деятельность в германской военной разведке в бывшей Польше». Здесь относительно вышеуказанных трех лет говорится следующее: «В 1924 году я по-прежнему был связан все с тем же господином Шиле, которому я передавал все добываемые мною сведения, имеющие военное значение и интерес. Будучи в это время импрессарио театрально-гастрольного ансамбля и разъезжая с таковым по всей Польше, мне по личной инициативе (подчеркнуто Э.Э.Розенбаумом – В.Ч.) удалось доставить германской разведке ценные сведения о военно-заводской промышленности страны, списки фабрик и заводов, в которых изготавливались оружие, снаряжение, боевые припасы. Подавалась мной также и информация о численности рабочих на этих предприятиях, списки начальствующего персонала. За это донесение мною было получено от господина Шиле две тысячи злотых награды. Вообще же в 1920-е годы я получал от германской разведки ежемесячное жалованье в размере 750 злотых».

Отмечая, что в 1924 году вообще не было интенсивной разведывательной работы в Польше на пользу Германии, Розенбаум, в частности, объяснял это тем, что то было время, «когда стараниями маршала Пилсудского последнему удалось установить с Германией добрососедские отношения и значительно смягчить былые

исторические противоречия». При этом автор «показаний» не скрывал в этой связи своей неприязни к «статейкам» польских социалистов из ППС в своем органе «Роботник». Он особенно возмущался тональностью серии статей Зигмунта Мостовского, посвященных польско-германским отношениям и озаглавленных примерно так: «Як стои свят святэм, нигды не был немец полякови братэм» («С тех пор, как существует мир, никогда немец не был для поляка братом»). Далее Розенбаум свидетельствует, что номера газеты с данной публикацией сразу же после выхода в свет были изъяты из продажи и конфискованы, а редактор ее и автор статьи были привлечены к уголовной ответственности, якобы за оскорбление правительства).

В марте-феврале 1925 года Розенбаум получил от Шиле специальное задание с тем, чтобы устроить на работу на оружейно-орудийный завод в Радоме в качестве технических мастеров двух агентов германской разведки – Бернарда Брокка и Иоганна Брюкке. Благодаря своим хорошим отношениям с полковником Корвин-Пиотровским, ему удалось в течение месяца добыть на названных лиц польские паспорта и «протолкнуть» их на нужный германской разведке военный завод. Тогда же по поручению Шиле он передал ему сведения о составе польского военно-морского и коммерческого флотов, со списком начальствующего персонала и точного тоннажа. Шиле довольно часто ездил из Варшавы в Берлин, но это никого не удивляло, ибо во властных структурах было хорошо известно, что его брат Вильгельм Шиле состоит доктором психиатрического отделения в берлинской университетской клинике и пользуется как психолог большой популярностью в Германии.

В начале 1926 года, уезжая с одной из театральных трупп на гастроли по городам ЦПР, Галиции и Гурного Шленска, Эдуард Розенбаум явился в Варшаву к Иоганну Шиле с докладом о своем местонахождении на ближайшее время и получил тогда от него задание – передать секретное письмо некоему г-ну Артуру Арндту, занимавшему в то время пост директора одной из угольных шахт в Гурном Шленске, в Добромысле. Когда Розенбаум явился на виллу адресата, то после прочтения переданного им Арндту секретного письма от Иоганна Шиле, между ними произошел разговор, из которого стало ясно, что хозяин виллы обер-лейтенант германского генерального штаба, будучи подчиненным шефу всей немецкой

разведки в Польше Иоганну Шиле, в то же время является начальником горношленского отдела этой разведки.

Прямого разведзадания Артур Арндт тогда Розенбауму не дал, но просил в период нахождения импрессарио в данном регионе сообщать ему сведения, так или иначе имеющие значение военного характера. Как раз в это время польское правительство прилагало усилия по сооружению огромной водной плотины, имеющей весьма значимое оборонное значение на случай начала военных действий со стороны чешской границы. Плотина эта сооружалась неподалеку от города Цешина и называлась «Полонка». В случае угрозы для Польши, путем открытия шлюзов планировалось затопить всю Заольжанскую долину между реками Висла и Ольжа. Строительство плотины находилось под пристальным вниманием руководства страны. Примечательно, что неподалеку от этого важного стратегического объекта находилась дачная летняя резиденция президента Польской Республики, носившая название «Висла».

Цешинская плотина весьма интересовала Арндта, и для получения оперативной информации обо всем происходившем там он хотел иметь в числе ее строителей среднего ранга своего человека, которому можно было бы поручить такое задание. Таким своим ставленником Артур Арндт хотел видеть молодого польского инженера, кстати, уроженца этих мест, выпускника гидротехнического отделения Варшавской Политехники Станислава Буковского. В этой связи он просил Розенбаума помочь ему в трудоустройстве «своего человека» на данном объекте. Последний пообещал это сделать. Вернувшись в Варшаву, он в одной из частных встреч, за обедом в ресторане, с Корвин-Пиотровским изложил полковнику свою просьбу о Буковском как о родственнике одного из своих знакомых. Корвин-Пиотровский ответил ему предельно коротко: «Надо — сделаем».

Передав эту информацию Шиле, он услышал от последнего в ответ следующее: «Если вам удастся решить этот вопрос по отношению к столь важному объекту, то вы будете должным образом вознаграждены сверх жалованья». Трудно сказать, какова была подлинная реакция на обещание щедрого вознаграждения в то время у немца Эдуарда Розенбаума, но в своих собственноручных показаниях, написанных весной 1941 года, когда война уже приближалась к границам СССР, ему было выгоднее показать себя в

этот момент человеком не идейным, а беспартийным и очень алчным. Явная нарочитость его признания (вот, мол, какая я бяка): «Это мне только и нужно было» еще более усиливается сделанным ниже примечанием автора вышеприведенного признания: «В то время меня обуревала какая-то болезненная жадность к деньгам, и я не считался с поиском средств и способов их добывания». Как бы там ни было, но где-то через неделю вопрос о трудоустройстве инженера-гидротехника Станислава Буковского на строящийся секретный объект «Полонка» был решен положительно. В конце мая 1926 года Иоганн Шиле за помощь в этом деле вручил Розенбауму обещанные ранее пять тысяч злотых. Тогда же немецкий шеф проинформировал своего агента, что сам он уезжает на отдых и лечение за границу, а временно исполнять его обязанности по разведке в Польше будет Рейнгардт Вэдэль, с которым он его в тот же день лично и познакомил. Какого-либо нового задания от них Розенбаум не получил; от него, как и раньше, требовалось лишь следить за изменениями и составом гарнизонов на германо-польской границе и особенно в районе, соприкасающемся с Восточной Пруссией.

В 1927–1928 годах контакты Розенбаума с германской военной разведкой осуществлялись фактически на том же уровне, что и прежде. Так, по поручению Шиле им в эти годы были устроены на службу в Осовецкую крепость, в Управление военно-морского и торгового флотов десять германских агентов польского происхождения («чистейшей воды поляки, состоящие на услугах германской разведки»). Принимаясь за это задание, Розенбаум поставил (ввиду его особой рискованности и опасности) перед Шиле следующее условие: «Чтобы я не был известен этим лицам, пока буду вести дело относительно их устройства на службу, причем кто куда должен быть назначен, должен определять сам г-н Шиле, пусть он сам им прикажет и приготовит соответствующие прошения о приеме на службу. При этом я предупредил Шиле, что на устройство всех десяти человек мне потребуется 6–8 месяцев». Судя по всему, шефу германской разведки ничего не оставалось, как согласиться с предложенными Розенбаумом условиями. В Гдыне устройство германских агентов на службу прошло достаточно легко, благодаря дружеским отношениям агента с начальником Гдыньского порта капитаном Квятковским. В Осовце эта работа была осложнена тем, что как раз в это время давний знакомый Розенбаума комендант

крепости полковник Дзевановский сдавал свою должность вновь прибывшему на его место полковнику Крживицкому, с которым агент лишь где-то и когда-то встречался. И тем не менее к началу 1929 года все люди Шиле в нужных для германской разведки местах были устроены.

В последующие годы (с 1929 до лета 1932) никаких заданий германской военной разведки Розенбаум не выполнял. Связано это было с его практически безвыездным положением в России, хотя и тогда, когда он начал бывать в Варшаве в связи с возобновлением своей частной работы при Главном управлении госполиции, такие личные встречи с Иоганном Шиле имели место. Однако летом 1932 года, в связи с заболеванием туберкулезом в открытой форме, Розенбауму, воспользовавшемуся поездкой к врачам в Варшаву, удалось встретиться с полковником Шиле и после предъявления свидетельства врача о болезни попросить шефа о временном освобождении его от обязанности агента германской разведки до полного поправления здоровья. Последний с такой просьбой вынужден был согласиться, в свою очередь попросив Розенбаума, немедленно связаться с ним, как только он почувствует себя вновь способным к разведывательной деятельности. Таким образом, контакты Розенбаума с германской разведкой прервались почти на пять лет.

В начале октября 1937 года, возвращаясь из санатория в горах и чувствуя заметное улучшение своего здоровья, Розенбаум задержался на пару дней у сестры в Варшаве, где опять восстановил свои контакты с полковником германской разведки Иоганном Шиле. Последний, обращаясь к агенту, сообщил, что «в настоящее время атмосфера немецко-польских отношений начинает все более сгущаться. Это находит свое выражение в том, что польское правительство под влиянием англо-французских происков начало резко сходить с дороги добрососедских отношений с Германией, начертанной в свое время маршалом Юзефом Пилсудским, а потому необходимо максимально усилить наблюдение за дислокацией польских войск, их составом, вооружением. Особое внимание следует обратить на авиационные части: количество летательных аппаратов, их система, назначение, а также – расположение аэродромов, ангаров и т.п.

Ввиду заявления Розенбаума о трудностях, связанных с его отлучками из Лиды в Варшаву для поддержания с Шиле постоян-

ной личной связи, последний поручил ему осуществлять таковую с ближайшим резидентом германской разведки в зоне третьего польского армейского корпуса в г.Гродно – Артуром Лянге, работавшим техническим директором на фанерной фабрике братьев Конопацких в местечке Мосты. Для налаживания новой связи шеф вручил агенту адресованный Лянге секретный пакет. В тот момент Розенбаум и виду не подал, что с Артуром Лянге он встречался осенью 1921 года во время своей службы на военной флотилии в Пинске. В ту пору Лянге исполнял обязанности технического директора на местной спичечной фабрике. Познакомились они в ресторане «Лесурса», оказавшись за одним столиком. Изрядно выпивший Лянге признался Розенбауму как немцу, что он является лейтенантом-летчиком германской армии и в настоящее время здесь, в Польше, «он продолжает служить Германии». Не менее пьяный командор, находившийся в то время из-за постоянных попок в долгах, как в шелках, как бы пропустив мимо ушей эти откровения Лянге, ответил ему: «Если вы настоящий офицер, то одолжите терпящему бедствие соплеменнику хотя бы 600 злотых». Однако лейтенант Лянге в тот вечер ни гроша Розенбауму не дал. Зато через несколько дней, в том же ресторане, когда Лянге и сидевший вместе с ним за столиком «приехавший из Варшавы специалист по фанере» предложили приглашенному к себе Розенбауму более крупную сумму за определенные услуги, то он понял, что имеет дело с германскими агентами и сразу же выразил согласие сотрудничать с ними. При этом он сообщил не ожидавшим такого поворота дела немцам, что в свое время уже работал в германской разведке. От него, разумеется, потребовали доказательств, и он назвал фамилии тех, кто его вербовал и с кем он работал. После скрупулезной проверки этого факта ему была организована встреча в Варшаве с совладельцем пивоваренного завода «Габербуш и Шиле» Карлом Габербушем, являвшимся одновременно заместителем Шиле по германской разведке в Польше. Данное обстоятельство отнюдь не противоречит факту вербовки Розенбаума в Торуню совершенно иными людьми с выводом его на встречу с Шиле. Таковы, вероятно, были правила «игры», и Розенбаум их неукоснительно соблюдал, выполняя одновременно задания и Габербуша и Шиле, не сообщая в то же время никому из них о наличии такого рода двойной связи с руководством германской разведки в Польше.

Иногда это приводило к неизбежным накладкам в работе, как это было, например, и в случае с Леонардом Бауэром.

Когда Розенбаум переезжал из России в Лиду, к новому месту работы, Габербуш дал ему явку к агенту Бауэру, служившему в Лиде в авиационной части вольнонаемным техником, а также к лютеранским пасторам в Гродно и в немецкой колонии Изабелин, близ Волковыска. После установления связи Розенбаума с Лянге в Мостах (к сожалению, документы не сохранили описания встречи этих старых знакомых), последний также связал его в Лиде со своим помощником Бауэром. В этой ситуации Розенбаум вынужден был сообщить Лянге о своем знакомстве с Бауэром. В ответ на это признание лейтенант приказал ему пока избегать встреч с последним, и дал Розенбауму задание собрать всю возможную информацию о личном составе штаба 3-го армейского корпуса, расположенного в Гродно, а также об аэродроме и авиационных частях в Лиде и Порубанке, что под Вильно. Все эти сведения в конце декабря 1937 года им были переданы Лянге.

Параллельно со сбором нужной информации Розенбаум по заданию Габербуша занимался вербовкой в состав немецкой разведки польских граждан (преимущественно из бывших военнослужащих). После его ареста органами НКВД в ноябре 1940 года он назвал имена некоторых из них, завербованных им лично в 1927–1939 годах: Ромуальд Курбицкий, инженер-строитель, перед немецко-польской войной 1939 года жил в местечке Лунно близ Новогрудка, завербован был в 1927 году под кличкой «Фогель»; Ян-Антоний Розницкий, коммивояжер, проживал в Лиде, завербован в 1936 году; Генрих (Герман) Леппе, ревизор складов фирмы «Сполем», житель Вильно, завербован в 1937 году под кличкой «Глюк»; Антон Восинский, агент сыскного отделения польской полиции, проживал в Лиде, в 1938 году был переведен на службу в Слоним, завербован в 1937 году под кличкой «Гуз»; Феликс Гунтовский, поручик запаса польской армии, проживал в Лиде с ренты от сдаваемой в аренду земли, завербован в 1938 году под кличкой «Гун»; Генрих Ляйтнер, зубной техник, по национальности немец, проживал в Лиде, завербован в 1938 году под псевдонимом «Лет»; Генрих Бреннар, служил на сверхсрочной службе в авиационной части в Лиде, завербован в 1938 году; Зебальт Андерс, без определенных занятий, проживал в Лиде, завербован в 1939 году под псевдонимом «Фрайнт».

Всю первую половину 1938 года Розенбаум вплотную работал с Лянге, передавая ему лично самые свежие сведения о перемещении воинских контингентов в районе Лиды – Вильно, а также о сменах в личном составе и командовании важных частей этой зоны. В августе, в связи с поездкой на лечение в санаторий, Лянге поручил ему передать Шиле пакет с секретными материалами. К этому времени германо-польские отношения еще более обострились, так что во время встречи Розенбаума с Шиле, последний акцентировал его внимание на том, что в Гурном Шленске польское правительство под видом проведения военных сборов резервистов фактически проводит частичную мобилизацию населения, а потому поручил ему в ходе нахождения в санатории посылить фиксировать любые подвижки в этом направлении. На обратном пути из санатория в Лиду Розенбаум опять побывал в Варшаве у Шиле, детально рассказав ему обо всем увиденном и услышанном касательно военных сборов резервистов, в свою очередь получив задание строго следить за всем происходящим в штабе 3-го армейского корпуса и в 5-м авиаполку, расположенном частично в Лиде, частично в Порубанке под Вильно. Кроме того, он напомнил агенту о необходимости действовать в разведработе, опираясь исключительно на указания лейтенанта Лянге.

С последним Розенбаум встречался два раза в месяц, передавал ему все, что в военно-политическом плане обращало на себя внимание. В первых числах июля 1939 года лейтенант Лянге заявил агенту о том, что поскольку с 15 июля он уезжает в отпуск, то возникла необходимость связать Розенбаума напрямую с Леонардом Бауэром, предупредив его о том, чтобы он не терял при этом контактов с Шиле.

Такая встреча с шефом германской разведки происходила в Варшаве в канун надвигающегося военного столкновения Германии и Польши. Когда Розенбаум вошел в кабинет к полковнику Шиле, тот был взволнован, и первыми его словами была фраза: «Все кончено...». На вопрос агента о том, какие будут дальнейшие поручения, полковник ответил, что это покажет будущее. Затем вынул из кармана еще полторы тысячи злотых и сказал: «Теперь вы свободны...». Пожимая руку агенту, Шиле произнес что-то вроде того, что «мир велик и прекрасен, но кто знает, встретимся ли мы вновь».

Глава XV. «ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА»

Нападение гитлеровской Германии на Польшу Розенбаум воспринимал с явным недоумением. Он, разумеется, не мог не видеть наличия польско-германских противоречий, ибо прежде всего в их русле он и находил применение своим агентурным особенностям. С другой стороны, будучи немцем, он в то же время не мог не ощущать идущего от матери своего тяготения ко всему польскому. Много было в нем и того, что сформировалось в его характере под влиянием императорской России (гимназия, университет, армейская служба). Однако все это вместе (немецкое, польское и русское) как-то успешно сосуществовало в нем перед лицом постоянно расширявшейся коммунистической угрозы. К ней, т.е. к вторжению с востока, он был подготовлен всей своей предшествующей жизнью, и случись это даже ранее того, что произошло 1 сентября 1939 года, Розенбаум встретил бы это вторжение в полном соответствии со своим мировоззрением и жизненными реалиями. К сожалению, все пошло не так, как он предвидел. В данной ситуации он был не одинок. Разделяя, как и большая часть польского общества, теорию «двух врагов» маршала Юзефа Пилсудского, он сделал явный перекос в своем восприятии СССР как врага №1 для Польши, переключиться же на реальное восприятие угрозы со стороны Германии он так и не смог.

Как и все поляки, Розенбаум слушал радио, читал газеты, отслеживая все то, что творилось на фронте. С удовлетворением, к примеру, он воспринял назначение своего давнего знакомого, губернатора Полесья, генерала Костэк-Бернацкого на пост военного комиссара всей Польши. Всей душой переживал за положение, в котором оказалась военная группировка «Пруссы», во главе которой находился бывший его шеф генерал Демб-Бернацкий. Как личную трагедию он воспринял потери польского военно-морского и речного флота²⁷. Между тем как немец и агент германской воен-

ной разведки Розенбаум не мог не чувствовать на себе той огромной ответственности, которая сформировалась в его восприятии действительности под влиянием фашистской пропагандистской машины. Ее влияние на так называемых «фольксдойче» в Польше было огромным.

Значительно комфортнее почувствовал себя Розенбаум когда после захвата Польши в 1939 году фашистская Германия и СССР стали соседями. Наличие общей сухопутной границы облегчало абверу и СД проведение разведывательных операций. Оккупировав Польшу, нацисты прибрали к рукам часть архивов польской разведки, включая обширную картотеку польской агентурной сети за рубежом, в том числе и находившейся в западных областях Белоруссии и Украины. Были приняты меры к установлению местонахождения агентов и переориентации их на действия в интересах фашистской Германии²⁸. Что касается Эдуарда Розенбаума, то потери внимания к себе со стороны германской разведки в 1939 году он не ощущал. Наоборот, его контакты с немецким резидентом Леонардом Бауэром в период германо-польской войны были особенно тесными. При своих встречах с ним он постоянно передавал ему сведения военного характера, полученные от завербованных им людей и касающиеся передвижения польских войск, их количества и имеющейся на вооружении боевой техники²⁹.

Последняя встреча Розенбаума с Бауэром состоялась 15 сентября 1939 года в лидском кафе «Американка», владельцем которой был некий Будин. В ходе ее резидент сообщил, что, согласно полученной им от немецких разведывательных органов информации, если не сегодня, то завтра, территория Западной Белоруссии и Украины будет занята войсками Красной Армии. В этой связи получено задание развернуть активную агитационную работу против Советской власти и ее мероприятий на указанных территориях, дабы вызвать недовольство этой властью со стороны местного населения. Одновременно предлагалось восхвалять политический строй Германии, агитировать за необходимость выезда в Германию или присоединение этих территорий к Германии. В качестве главного направления деятельности для Розенбаума Бауэр назвал тогда сбор сведений о передвижении частей Красной Армии, их численности и техники.

Приход Советской власти в Западную Белоруссию Розенбаум воспринял со страхом и ненавистью. Ему стоило огромного труда скрывать это от окружающих. Это заметил даже Бауэр, предупредивший, что такое его «шипение» до добра не доведет. Что же касается конкретного выполнения полученного задания, то сведения, передаваемые им резиденту, касались в основном отдельных фактов антисоветских настроений среди местных жителей, преимущественно из числа поляков. Сведениями военного характера Розенбаум не располагал, так как у него отсутствовали какие-то связи среди рядового и командного состава частей Красной Армии, дислоцировавшихся в Лиде, что не давало возможности заполучить нужные для немецкой разведки сведения. Во время одной из таких встреч с Бауэром в кафе «Американка» Розенбаум сообщил ему о наличии на территории Западной Белоруссии в целом и в городе Лиде, в частности, польской антисоветской организации «Союз польских патриотов» («Звензэк Патриотув Польских») и об установлении связи с одним из руководителей ее, Михаилом Борковским. Услышав это, Леонард Бауэр дал поручение ему как можно плотнее войти в контакт с этой антисоветской организацией, сообщив при этом, что «все польские антисоветские организации субсидируются немецкой разведкой и что одним из лиц, через которого идут в Лиду и Вороново эти субсидии, является Леон Подгайный, житель слободы Погулянка, расположенной на окраине города Лиды, что по дороге к деревне Крупово». В завершение этой встречи, происходившей в январе 1940 года, Бауэр еще раз потребовал от Розенбаума более глубокого вхождения в «Союз польских патриотов» с целью дальнейшего изучения работы этой организации на предмет использования ее немецкой разведкой в качестве своей опоры в случае войны Германии с СССР.

В конце января 1940 года, во время очередной встречи Розенбаума с Бауэром, последний сообщил ему, что в ближайшее время он вынужден будет нелегально покинуть пределы СССР и перебраться в Германию для передачи собранной им на территории Западной Белоруссии информации в отделение штаба разведки «Бер», что в переводе на русский означает «Медведь». Перед самым своим отбытием он передал Розенбауму информацию о том, что в феврале 1940 года на территории Западной Белоруссии будет работать так называемая «Смешанная комиссия» из пред-

ставителей Германии и СССР по регистрации лиц, желающих уехать на жительство в Германию, и что в числе немецких представителей этой комиссии будет представитель гестапо, который обязательно выйдет на встречу с ним. И такая встреча действительно состоялась.

12 февраля, в воскресенье, в три часа дня в квартиру, где проживал Розенбаум, зашел какой-то незнакомый пожилой мужчина и предложил хозяину выйти с ним на улицу для разговора. Уже во дворе «гость» тихо произнес «хайль», на что Розенбаум незамедлительно ответил «хайль Дойчланд». После того, как он дополнительно сказал «кузель», что в переводе на русский язык означало «пуля», у хозяина не было уже никаких сомнений, что незванный гость – представитель немецкой разведки и с ним можно свободно обо всем говорить. После этого мужчина, назвавшийся Шеллем, предложил Розенбауму пройтись с ним за город в направлении гродненского шоссе для встречи с лейтенантом немецкой разведки, членом так называемой «Смешанной комиссии». Выйдя за город, они были встречены идущей в город легковой машиной. Когда Розенбаум и Шелль в нее сели, машина развернулась в сторону Васишишек. Сидевший рядом с водителем представитель «Смешанной комиссии» первым делом спросил у Розенбаума о состоянии дел в «Союзе польских патриотов» в Лиде и Вороново. В частности, лейтенант интересовался численным составом организации и наличием у ее членов оружия. По этим вопросам Розенбаум дал исчерпывающую информацию по Лиде, а по Вороново – в том объеме, в котором он получил ее от Подгайного. Однако в целом сказанное агентом немцев вполне удовлетворило. Когда же они потребовали от Розенбаума отчета о выполнении задания, связанного со сбором сведений о частях Красной Армии, то по этим вопросам он не мог ответить так, как на это последние рассчитывали. Его информация носила достаточно общий характер. Он указал, что в г.Лиде сосредоточено около четырех дивизий войск Красной Армии, в составе которых есть тяжелая дальнобойная артиллерия, пехота и кавалерия, а на аэродроме имеется большое количество самолетов, которые в ночное время находятся в лесах, прилегающих к аэродрому. Агент сообщил также о известных ему фактах перемещения частей Красной Армии. Так, в момент отправки советских войск на финляндский фронт в декабре

1939 года и январе 1940 года через Лиду проходили части 3-го кавалерийского корпуса в полном составе, а также части 50-й и 100-й пехотных дивизий. Штабы 3-го кавкорпуса и 100-й дивизии находились в Лиде. На вопрос лейтенанта, имеются ли в районе города зенитные батареи и где они расположены, Розенбаум ответил, что ему известна одна зенитная установка, состоящая из двух зенитных орудий, расположенная в конце Летной улицы. На вопрос, какие части размещаются в казармах бывшего 77 польского пехотного полка, он сообщил, что никаких там воинских частей пока нет, а расположены в этих зданиях конторы военторга, горпищеторга и райпотребсоюза.

Выразив свою неудовлетворенность ответами Розенбаума, лейтенант дал ему следующее конкретное задание: 1) установить точную дислокацию частей Лидского гарнизона, их численность, рода войск, характер и численность вооружений, места расположения и т.д.; 2) организовать повседневное изучение настроений среди местного населения, наладить контакт со всеми антисоветскими польскими организациями; 3) продолжить вербовку новых лиц в число агентов германской разведки; 4) установить (и немедленно) связь с органами НКВД, внедрившись в них на службу в качестве агента.

Необходимость установления Розенбаумом связи с органами советской госбезопасности лейтенант объяснял следующим образом: «Истинные немцы не должны забывать о том, что Германия имеет коварных врагов, и эти враги в лице Англии и ее союзников стремятся втянуть Советский Союз в войну с Германией, и эта война Германии с Советским Союзом, несмотря на существующий между этим двумя странами договор о ненападении и дружбе, рано или поздно будет. Желая в этой войне победы, мы – немцы – должны уже сейчас готовить для себя на территории бывшего польского государства нужную опору, формируя у местных поляков прогерманские чувства. В этих целях Германия создала на польских территориях недавно отошедшее к ней польское губернаторство, на территориях же, отошедших к Советам, мы должны проводить работу по развитию у местного населения озлобленности и недовольства Советской властью».

Перейдя непосредственно к роли самого Розенбаума в этом процессе, немецкий разведчик заметил: «Вы должны стать одним

из средств этого озлобления. Проникнув в число агентов НКВД, вы должны будете поставлять этим органам ложные сведения, провоцируя тем самым Советскую власть на репрессии по отношению к местному населению. Вращаясь же среди работников НКВД, вам значительно проще будет получать нужную нам информацию по военным вопросам, а также о мероприятиях властей по укреплению обороноспособности страны на территории Западной Белоруссии».

Конкретные рекомендации были даны Розенбауму и по вопросам вербовки местного населения в число агентов немецкой разведки. Данное задание он выполнял особенно активно. В числе первых, по заданию лейтенанта, им были завербованы: житель Волковыска Станислав Ластовский, работавший на местной фарнерной фабрике (псевдоним «Лерхе» – «Ласточка»), Витольд Вильчинский, житель Лиды (кличка «Вольф» – «Волк»), Антон Раевский, житель Щучина (кличка «Парвадис» – «Райская птичка»). Вербовка Ластовского осуществлялась во время командировки обоих в Волковыск, в ходе выпивки и беседы в доме местного цыгана по имени Кароль. Получив от Ластовского согласие, Розенбаум дал ему кличку «Лерхе» и выплатил 50 рублей советскими деньгами. Столько же он платил и другим завербованным агентам. Вербовка Вильчинского и Раевского была им проведена в помещении нелегальной пивной, содержавшейся на лидском рынке неким евреем Шмуэлем. Все завербованные были офицерами или капралами запаса польской армии в возрасте до 40 лет, состояли в «Союзе осадников», имели выраженную прогерманскую ориентацию, а у Антона Раевского мать была немкой. Все завербованные получили задание: 1) следить за дислокацией и передвижением частей Красной Армии в районе их проживания, собирать сведения об их численности, характере вооружений, местах расположения и т.д.; 2) изучать настроения людей, особенно присматриваться к антисоветскому движению, проникать в их формирование.

Каждому из завербованных лиц Розенбаум назначал очередную встречу на последние дни июня 1940 года. Ориентируя их на эти дни, Розенбаум исходил из следующих соображений: во-первых, чем реже встречаешься с людьми, тем меньше навлекаешь на себя и на других подозрений, а во-вторых, на 4 июля 1940 года у него была назначена встреча с представителем немецкой развед-

ки, и к этой встрече ему очень хотелось получить от недавно завербованных агентов более полную и конкретную информацию, чем это было в феврале месяце, во время первой встречи с лейтенантом. Вторая встреча с ним произошла в точно назначенное время, так же, как и раньше, на гродненском шоссе, в машине лейтенанта. На ней присутствовал и Шелль. Как утверждал впоследствии в ходе следствия Эдуард Розенбаум, после июльской встречи ни с кем из представителей немецкой разведки он больше никогда не встречался. Уже после ареста Розенбаума проверкой, произведенной органами НКВД, было установлено, что в списках лиц, убывших в Германию в 1940 году через советско-германскую смешанную комиссию, значился Бауэр Леонард Устинович, 1900 года рождения, проживавший в г.Лиде по улице Вызvolения, №38, с ним убyla также его жена – Ядвига Григорьевна Бауэр, 1900 года рождения. В числе лиц, прошедших через смешанную комиссию, значился и бывший содержатель лидского кафе-ресторана «Американка» Борис Будин, до января 1940 года проживавший в г.Лиде, а затем нелегально ушедший в Литву, где проживал в Вильно, ул. Квятковая, 4, кв.13.

При всей тщательной законспирированности разведывательной деятельности Эдуарда Розенбаума она не могла не стать объектом внимания органов НКВД с первых же дней установления в Лиде Советской власти. Он обращал на себя взоры соседей и вообще горожан как человек приезжий, нездешний. Подводило его и природное свойство показывать себя, заговаривая с людьми, даже мало знакомыми. Он был не прочь акцентировать внимание собеседников на благородстве своего происхождения, военных и прочих заслугах. Кроме всего прочего, в довоенной Польше он состоял членом целого ряда общественно-политических организаций («Союз офицеров запаса», «Стронництво Народове», «Акция католицка» и др.), целью которых была борьба против революционного движения и коммунизма. Он являлся, в частности, секретарем комитета лидской организации «Стронництво Народове», неоднократно на ее собраниях выступал с антисоветскими и антикоммунистическими докладами. Как член комитета был начальником отряда знаменосцев организации. В дни государственных праздников он красовался среди публики с орденом «Кшиж Валечных» («Крест храбрых»), полученным им за участие в польском походе 1920 года

против Советской России, рассказывал любопытным и о том, что за «особые заслуги перед государством был представлен в 1928 году к другой высокой награде, которую получить не успел». Близким знакомым, бывавшим у него в гостях, Розенбаум показывал и награды, полученные им от царского правительства еще до революции 1917 года, – ордена св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, св. Станислава 3-й и 2-й степеней, а также орден «Льва и Солнца», которым он был награжден персидским императором во время визита последнего в 1912 году в Одессу. Тогда он был среди тех, «кто отвечал головой за неприкосновенность высокого гостя».

В материалах следствия по делу Эдуарда Розенбаума сохранились донесения осведомителей и заявления жителей города в отношении его политической неблагонадежности. Некоторые из информаторов указывали на подозрительность его общения с другими лицами. Уже 18 сентября 1939 года, т.е. на следующий день после того, как в Западную Белоруссию вошла Красная Армия, в органы НКВД поступила анонимная записка, в которой среди прочего говорилось: «Спросите весь город Лиду, и каждый еврей скажет, что Розенбаум везде речи кричал, что евреи и коммунисты погубили Расею. Один раз Розенбаум руководил в Лиде антикоммунистической демонстрацией, принимал участие в пикетировании еврейских магазинов, состоял в близких отношениях со Стасевичем и другими чиновниками польской администрации. Меня он как-то встретил и сказал: «Старик, скоро наша Польша вернется, и у нас найдутся машины, чтобы вывезти всю нынешнюю шваль за город, в поле, и расстрелять. Я нехорошо пишу и неправильно, потому что – уже старик. Сдал на 63 года. Ваш друг беларуски».

В выписке из протокола дела, не имевшего отношения к Эдуарду Розенбауму, но приложенного к делу, имелось свидетельство следующего содержания: «Моя знакомая, что живет рядом с Розенбаумом, видела, что к нему часто по ночам приезжает какой-то велосипедист в военной польской летной форме (не исключено, что речь идет о Леонарде Бауэре, служившем до 1939 года в 5-м авиационном полку – В.Ч.). У него постоянные связи и с деятелями ОЗОНа («Огул Зъедночэння Народоваго» – В.Ч.) – контрреволюционной фашистской организации. В разговорах с местными жителями-евреями он открыто не раз говорил: «Скоро придет Гитлер и вас всех повесят».

В одном из заявлений, переданных 17 октября 1939 года в городской отдел НКВД, имелась такая информация: «Сообщаю, что в г.Лиде по улице Гужистой, 12, кв.3 проживает бывший капитан царского флота Розенбаум. В 1933 году он хвастался мне, что в 1920 году, во время советско-польской войны, положил немало большевиков. До прихода Красной Армии был в тесной дружбе с Зденеком Кшизовским, который теперь работает шофером у военных. Сам Розенбаум в последнее время работал в ипотеке. Говорят, что он также преподает уроки германского и английского. Свой».

В агентурных донесениях охраны НКВД были и такие сведения: «25 апреля 1940 года я встретил на улице 17 сентября Розенбаума, который работает бухгалтером в леспромхозе. В беседе со мной он сказал: «Несмотря на то, что на Балканах началась военная суматоха, меня это мало радует, так как пока до нас Англия и Франция дойдут, то нам роса глаза выест. Я имею в виду большевиков». Когда же зашел разговор о выселении осадников, то он сказал: «Этот народ без помощи Англии и Франции никогда не сможет здесь возродить своего польского государства. Они ждутся того, что всех поляков вывезут отсюда». Другой осведомитель в своем донесении от 27 июня 1940 года писал: «Розенбаум высказывался о большевиках крайне враждебно. Часто встречался с поручиком Стасевичем и майором Рунцем, которые были активными деятелями ОЗОНа. Майор Рунц арестован, поручик Стасевич сбежал».

Разумеется, Розенбаум не мог не понимать, что такого рода информация о нем обязательно будет «поступать туда, куда надо». Единственно, чего он боялся, так это того, чтобы его никто не опередил с выдачей местным чекистам сведений о деятельности в городе «Союза польских патриотов» (СПП). Поэтому, как только он получил задание от немецкой разведки внедриться в органы НКВД, им сразу же в адрес органов было написано несколько донесений о подозрительной деятельности в Лиде некоторых горожан, имеющих отношение к СПП. Вероятно, тогда же состоялась и вербовка его чекистами. Во всяком случае, в одном из протоколов его допросов имеются строчки, имеющие отношение к этому факту. «Вопрос: С которого времени вы являетесь агентом Лидского горотдела НКВД БССР?». Ответ: «Агентом Лидского горотдела НКВД являюсь

с апреля 1940 года, работал под псевдонимом «Ружицкий». На первых порах Розенбаум доносил на рядовых членов организации, затем на ее верхушку, а потом и на совершенно посторонних людей. Таких доносов он написал в течение непродолжительного времени на 27 человек. Впоследствии в ходе следствия на вопрос: «Какую цель вы преследовали, провоцируя органы НКВД на аресты людей, которые не были замечены в проведении контрреволюционной деятельности?», Розенбаум отвечал: «Войти в доверие органов НКВД для самоспасения себя от разоблачения своей контрреволюционной преступной деятельности». В данном случае под этой деятельностью пока имелось в виду лишь личное участие в руководящем органе СПП, но для сотрудников горотдела это уже не было тайной. Ибо арестованные по его доносу руководители СПП (Михаил Борковский и Александр Риттер) к этому времени дали достаточно полные показания и о данной организации, и о роли в ней Розенбаума. Кстати, показания Боровского и Риттера еще более усилили недоверие сотрудников НКВД к сведениям Розенбаума, касающимся численного и списочного состава членов СПП. Их явное завышение, произвольное включение в списки членов Союза совершенно случайных людей ставили перед ними вопросы: для чего это надо, что за этим стоит? Не случайно этот вопрос был задан ему в числе первых в день его задержания, 1 ноября 1940 года. К ответу на него он был явно не подготовлен, а потому попросил у следователя дать ему возможность ответить на него письменно. Тональность и логика ответов Розенбаума на эти вопросы оказались весьма оригинальными. Помещаем здесь лишь часть его пояснений по данному поводу: «Ввиду того, что в моих показаниях по делу участников польской контрреволюционной повстанческой организации СПП мною были допущены некоторые закругления, а также сведения, не соответствующие действительности, настоящим доношу нижеследующее: граждане Федорович, Чищевик, Клышейко, Сегень, Рутковский, Шепелевич, Осовский, Осовская, Валош и Каплун к названной выше организации не принадлежали и были мною пристегнуты к делу для придания большей важности этой организации как враждебной Советскому Союзу. Что касается граждан Танюкевич и Пилецких, то их имена я указал по причине их давних и близких отношений с семейством Борковских, состоявших в числе активистов организации. О Кнопик Вла-

диславе знаю в действительности только то, что к ней собирались на квартиру послушать радиопередачи на польском языке из Лондона лица, упоминаемые в моих донесениях, но о чем там говорилось, мне неизвестно. Однако могу сообщить, что на Пасху 1940 года я был у Пилецких на вечернем чае, где была и она и где высказывались явно враждебные, насыщенные яростью и негодованием слова в адрес Советского Союза, товарищей Сталина и Молотова, а поскольку я обязался перед органами НКВД и самому себе дал слово всеми имеющимися у меня возможностями искоренять и отдавать в руки отдела всех врагов Советского Союза, то я и ее приобщил к этому делу, так как не предполагал, что следствие по нему будет столь подробным и прекрасно налаженным, ибо в то время я не имел еще ни малейшего понятия о социалистической разведке (так в тексте – В.Ч.). Признаю, что я и подумать не мог, что следствие будет вникать во все мельчайшие детали встреч и разговоров, что имеет место и теперь, поэтому и заявляю, что я поступил неправильно, нехорошо. В заключение должен сознаться, что взятые на себя задания были выполнены не так, как надо, но в будущем я постараюсь исполнять их не жалея ни сил, ни энергии, ни здоровья». Однако такого будущего у Розенбаума уже не было.

Из показаний в ходе следствия наиболее активных членов СПП, включая и Розенбаума, можно составить лишь наиболее общее представление о деятельности этой организации. В канун нападения Германии на Польшу в г.Лиде при поддержке властей была организована легальная патриотическая организация «Комитет по оказанию помощи Войску Польскому»³⁰, вся практическая деятельность которого сводилась к изысканию средств на закупку для армии продовольствия, медикаментов, а также организации медицинской помощи, питательных пунктов и т.д. В состав «Комитета» входили представители городской администрации, руководители общественных объединений, другие известные в городе люди. Председателем «Комитета» являлся лидский поветовый староста, в прошлом майор легионов Пилсудского Станислав Гонсовский, заместителями председателя были бургомистр г.Лиды Иосиф Задурский и нотариус Винцент Попковский. Членами «Комитета» являлись: Михаил Борковский – торговец, председатель поветового комитета ОЗОНа³¹, Артур Цивинский – председатель окружного суда; Вацлав Сопотько – повятовый врач; Александр Желеновский – ди-

ректор гимназии; Михаил Гурский – председатель общества земледельцев, Здислав Жилинский – помещик.

После прихода в Лиду Советской власти оставшиеся в городе руководители «Комитета» возглавили «Польскую войсковую организацию» («Польска организация войскова»), или сокращенно ПОВ. Главной задачей ее была организация повстанческих отрядов из числа бывших военнослужащих и других лиц с целью организации вооруженного выступления против Советской власти за восстановление польского государства. Это «восстание приурочивалось к моменту разгрома союзниками Германии и для удара по частям Красной Армии с тылу». В состав повстанческого комитета ПОВ входили: Задурский – бургомистр, Палюх – секретарь магистрата, Войтушкевич – директор коммунальной кассы, Амброжей – секретарь гмины. В прошлом все они были офицерами польской армии.

Вскоре после этого глава польского правительства в эмиграции генерал Владислав Сикорский выпустил воззвание, в котором «все польское население призывалось не падать духом, так как англичанами и французами скоро Германия будет разбита и поляки вновь возродят свое государство». В конце этого воззвания польское население призывалось к организации повстанческих организаций и отрядов, ожидая его, Сикорского, приказа для вооруженного выступления. В связи с этим воззванием в Вильно в октябре 1939 года был создан комитет под названием «Союз польских патриотов» (СПП)³², который возглавили лидчанин Цивинский, ксендзы Рилеско, Яблжковский и др. Спустя несколько дней после этого в Лиду из Вильно приехала жена лидского инженера Владимира Вержбицкого, которая по поручению Цивинского передала Михаилу Борковскому не только текст воззвания генерала Сикорского, но и приказ комитета СПП – приступить к созданию в Лиде и окрестностях организаций СПП, а также повстанческих отрядов.

Во исполнение этого приказа Михаил Борковский тотчас же вместе с Вержбицкой в костельном доме, в саду по улице Деканке, созвал первое собрание лиц, из которых считал возможным создать комитет СПП. На этом первом собрании присутствовали, кроме Борковского и Вержбицкой, Александр Риппер – майор польской армии, Эдуард Розенбаум – майор польской армии и Ядвига Танюкович – служащая старостата. На этом собрании, зачитав воззва-

ние генерала Сикорского, присутствовавшие пришли к решению: поскольку в городе уже существует комитет ПОВ, то, для того чтобы не расплывать сил, правильнее будет создать один объединенный комитет для указанных в воззвании целей.

Через несколько дней после этого состоялось еще одно собрание, на которое были приглашены члены комитета ПОВ. Собрание это, в связи с отсутствием Борковского, проводил Владимир Вержбицкий. Кроме него, на собрании присутствовали: Вацлав Сопотько, Александр Риппер, Вацлав Скибинский, Эдуард Розенбаум, Александр Желеновский, Ядвига Таниюкевич, Легат и кседз-декан Боярунец.

Участники собрания избрали комитет СПП, в состав которого вошли все присутствовавшие на нем, за исключением Легата и ксендза Боярунца. Председателем комитета единогласно был избран Борковский. Тогда же было решено считать прекратившим свое существование комитет ПОВ, поскольку Задурский был арестован, а Скибинский и Вержбицкий вошли в состав комитета СПП.

По инициативе председателя комитета СПП его члены собирались до конца 1939 года дважды. Первое заседание проходило во второй декаде ноября в гостинице «Виленская», где в то время проживал инженер Владимир Вержбицкий. На этом собрании было решено реорганизовать комитет в штаб организации с определением в нем ряда отделов по примеру воинских частей. Тогда же был набросан план деятельности формирования, много внимания уделялось вовлечению в него новых членов; было, в частности, решено, что каждый член комитета должен завербовать в ряды организации не менее трех человек. Второе собрание состоялось в середине декабря в гостинице «Польская», в номере родственника Вержбицкого – Антона Минейко, местного помещика. На этом собрании председатель комитета Михаил Борковский не присутствовал по семейным обстоятельствам: перевозил свою престарелую мать из Владимира-Волынска в Луцк; проводил собрание Владимир Вержбицкий. Среди основных вопросов, обсуждавшихся в тот день, были вопросы о недостаточном росте организации и о трудностях, связанных с изысканием оружия для членов повстанческих отрядов организации.

В январе 1940 года на квартире Михаила Борковского состоялось первое заседание штаба СПП, на котором были назначены

и руководители его отделов. Во главе организационно-мобилизационного отдела был поставлен Вацлав Сопотько (на заседании отсутствовавший); руководство отделом пропаганды, агитации и вербовки взял на себя Владимир Вержбицкий; военный отдел был доверен Эдуарду Розенбауму, имевшему, по мнению всех членов комитета, «наиболее значительный военно-командный опыт»: отдел вооружения и снабжения повстанческих отрядов был поручен для руководства Александру Рипперу, также отсутствовавшему на этом заседании. Впоследствии последний пытался узнать у Борковского и Вержбицкого, кто какие отделы возглавляет и что дано ему для работы в организации, но ответа четкого не услышал, и лишь в отношении себя Риппер узнал – «своим участком вы будете довольны, так как будете иметь в своем ведении отдел снабжения».

Судя по всему, становление организации происходило достаточно сложно, ибо, кроме ежемесячных встреч членов комитета, чаще всего не в полном составе, другой работы не проводилось. Не случайно в начале февраля председатель комитета Михаил Борковский, встретив случайно на улице Риппера, пригласил его как члена штаба к себе домой для того, чтобы решить вопрос «что делать?». Председатель был обеспокоен тем, что руководители отделов «работу совершенно не двигают, и она стоит на мертвой точке, а некоторые из них вообще бежали из города в неизвестном направлении». Среди них он, в частности, назвал Казимира Сопотько, руководившего оперативным отделом и боевой подготовкой организации и сразу же после назначения на этот пост бежавшего за границу.

Вся инициатива членов комитета сводилась преимущественно к разговорам с людьми, вызывавшими, по их мнению, хоть какое-либо к себе доверие. Как правило, это были бывшие военнослужащие, чиновники, торговцы, осадники, являвшиеся в свое время членами проправительственных политических партий и общественных объединений. Но и работа с ними нужного эффекта не давала. Атмосфера жесткого контроля за «классовым противником», реальные репрессии новых властей против значительной части местного польского населения вынуждали их соблюдать осторожность, чаще всего сводимую к позиции – ни «да», ни «нет». Из показаний Эдуарда Розенбаума следует, что на предмет вербовки в СПП он имел конфиденциальные беседы с 11 вызывающими до-

верие лицами, но из их числа лишь один согласился войти в члены организации, двое ответили, что «новой патриотической организации они симпатизируют, и если будет восстание, то они в нем примут участие». Остальные же приняли эту информацию лишь к сведению, не дав конкретного ответа о готовности вступить в ряды СПП.

Единственная операция, которую разрабатывали члены штаба, включая Риппера и Розенбаума, – это проведение нелегального заседания штаба СПП 18 мая 1940 года, вернее, обеспечение его охраны посредством расстановки секретных постов из числа членов организации. С особым упоением работал над планом этой операции Розенбаум, имевший значительный опыт в раскрытии подобного рода тайных собраний. По его рекомендации сотрудники Лидского горотдела НКВД не стали мешать его проведению. Более того, они дали возможность членам штаба в ходе подготовки этого мероприятия собрать воедино всю информацию о собственной деятельности, составить списки членов организации, и только на следующий день, 19 мая, по месту их жительства были произведены аресты и обыски. Первыми были арестованы члены комитета СПП Михаил Борковский и Александр Риппер. Кроме вышеупомянутых деятелей, в следственных материалах по делу СПП в качестве его членов упоминались следующие лица: Ричард Станкевич, некий поручик Стасевич, Александр Яниковский, Мечислав Михневский, Фердинанд Оркуш, Ян-Марьян Залесский, Станислав Васьковский, Виктор Пилецкий, Александр Шагунь, Эдвард Войтушкевич, Михаил Тицинский, Евгений Баранский-Лович, Казимир Минтлевич и др. В числе сочувствующих организации значились – Рычард Северский, Станислав Пентек, Петр Томашевич, Иосиф Рашкевич, Павел Махнач и др. В целом так или иначе, к деятельности СПП в Лиде имело отношение около 40 человек. В январе 1941 года Михаила Борковского и Александра Риппера как активных участников СПП Военный комитет Верховного Суда СССР приговорил к высшей мере наказания.

После ареста большинства членов СПП в г.Лиде Розенбаум еще некоторое время оставался на воле, и только когда органам НКВД стали известны факты его сотрудничества с немецкой разведкой, было принято решение о его аресте. В собственноручных его показаниях от 28 декабря 1940 года об этом написано так:

«Арестован я был с 1-го на 2-е ноября 1940 г. в райотделе НКВД в городе Лиде, а в Барановичи отвезен 2 ноября под вечер, где ночью со 2-го на 3-е ноября был посажен в камеру №9 при следственной тюрьме Барановичского облотдела НКВД, сразу после допроса, на котором я подтвердил свои показания, данные мною начальнику райотдела НКВД в Лиде». В постановлении о его аресте от 4 ноября 1940 года по этому поводу было зафиксировано, что «Розенбаум достаточно избобличается в принадлежности к агентам немецкой разведки, в чем он сознался на допросе – 1 ноября 1940 г.». В постановлении об избрании меры пресечения в форме содержания под стражей написано, что «Розенбаум Э.Э. подозревается в преступлениях, предусмотренных статьей 68, п.«а», УК БССР». 5 ноября 1940 года сотрудники НКВД получили ордер для производства обыска и ареста гр-на Розенбаума Эдуарда Эдуардовича, проживающего в г.Лиде, ул.Гористая, 3». Некоторая разница в трактовке факта ареста Розенбаума (по срокам) и со стороны органов внутренних дел скорее отражала саму его процедуру, чем реальное состояние вещей.

После признания в своих связях с немецкой разведкой Розенбаум понял, что совершил грубый просчет, но как правильное поступить в этой ситуации, он не знал. Свою полнейшую беспомощность в тот момент он отразил в собственноручных показаниях: «Сейчас не помню точно, какого именно дня, вернувшись с допроса, я заявил сидевшим со мной арестованным Морозу, Боберу, Колодинскому, Хиро, Демидовичу, Яроцкому и Кошкуревичу, что обвиняюсь в шпионаже и не знаю, как из этого дела выкрутиться, на что сокамерники мне сказали: «На следующем допросе откажитесь от своих показаний, признайте их ложными». Так я и поступил на следующем допросе, после чего мне было предъявлено обвинение по 68 статье и дано подписать постановление о содержании меня под стражей, а 19 ноября вечером я был отправлен в Минск, где нахожусь по сие время во внутренней тюрьме при НКВД БССР в камере для подследственных №16. Колодзинский, Мороз, Бобер и Кошкуревич спровоцировали меня на отказ от ранее данных мною показаний в Лиде и Барановичах, что я необдуманно и сделал на следующем допросе. Сейчас же я хочу заявить, что данные мною показания в Лиде и Барановичах являются правильными, отражающими реальною действительность».

Сделанное признание достаточно убедительно отражает всю сложность тогдашнего психологического состояния Розенбаума: страх и растерянность в атмосфере приближавшейся расплаты за содеянное в буквальном смысле лишали его рассудка, вынуждали его бросаться в крайности. Подтверждением этому может служить агентурное сообщение источника «Морозова» (Мороз), переданное органам следствия 15 ноября 1940 года: «Когда в камеру №9, в которой я находился, прибыл из Лиды старик по фамилии Розенбаум, то мы спросили у него, за что его сюда посадили. Так он первоначально ответил, что сам не знает за что, но потом, услышав, что мы разговариваем по-польски, спросил: «Вы поляки?». А мы ответили: «Да». После этого он приободрился и сказал: «Слава Богу, что хоть посадили между своих людей». Стал говорить ему, что сидим мы тут за партизанку, и что у меня забрали спрятанные 20 винтовок и 400 патронов. Все это он выслушал молча, а на другой день признался, что сидит за шпионаж в пользу немцев и поляков. Потом стал рассказывать, что он сын адмирала русского флота; отец его был немец, а мать – полька. Родители имели три имения: одно в Каменец-Подольской губернии в 1500 десятин, второе в Киевской губернии в 2500 десятин и третье – где-то в Латвии. Про себя говорил, что он до революции был капитаном русского флота, затем, чтобы спастись, служил красным, от них бежал к генералу Деникину, после чего уже служил в польской армии, на речном военном флоте. Около Мозыря, где были захвачены в плен советские пароходы, он собственноручно расстреливал большевиков. Мы спрашивали: «За что же вы пленных расстреливали?». А он: «Я эту сволочь не перевариваю. Мстил и буду мстить им до гроба своей жизни. Они, эти сволочи, как заняли наше имение, не только его грабили, но и заставляли мою мать голой танцевать перед ними, а брата, который был ксендзом, расстреляли. Но и я их наклали под Киевом на реке Днепре в 1919 и 1920 году. Тогда я хорошо посчитался с ними. Командором польской флотилии я служил до 1927 года, потом подался на эмеритуру, пенсия была хорошей (800 злотых). Одновременно служил против Советов и коммунизма в политразведке, а для отвода глаз – в ипотеке. В душе же я всегда был идейным народовцем. Когда пришли Советы, удрать из Лиды не успел и стал маскироваться, а 12 февраля 1940 года установил контакт с членом советско-германской смешанной ко-

миссии, сказав, что хочу уехать к сыну, в Конго, через Германию, но такое право надо было заслужить, а потому согласился сотрудничать с немецкой разведкой. Я обещал немцам, что когда Германия будет организовывать польский легион для деятельности в Белоруссии и в тылах Красной Армии, то я смогу им быть полезным. Я стал давать немцам сведения о расположении и движении красных войск в городе Лиде. Вместе со мной хорошо работал один ксендз...». Фамилии этого ксендза я не запомнил. После рассказа Розенбаума все мы, сидевшие в 9-й камере (Колодинский, Кашкуевич, инженер из Барановичей, и Бобер – бывший офицер австрийской и польской армий) стали уговаривать его отказаться от шпионажа и сознаться лишь в том, что он был в прошлом царским и польским офицером». Источник «Морозов» приложил к своему донесению небольшой клочок бумаги, переданный ему Розенбаумом. На нем простым карандашом последний написал адрес своего сына от первого брака, проживавшего в Конго, наивно надеясь, вероятно, установить с ним связь. Ныне на этой бумажке можно прочесть лишь – «Конго, Belgie Elizabet wille...», далее следует что-то неразборчивое.

Протоколы допросов Розенбаума также отразили его непосредственность в даче показаний, а следовательно, желание любым путем уйти от грозившей ему высшей меры наказания. Между тем 16 ноября 1940 года сотрудники следственной части УНКВД по Барановичской области, рассмотрев все материалы по обвинению Эдуарда Эдуардовича Розенбаума по ст.68, п. «а», УК БССР, нашли, что «в своей принадлежности к агентам немецкой разведки Розенбаум сознался, но дает по этому вопросу разноречивые показания, что вызывает необходимость более углубленного продолжения следствия. На основании распоряжения наркома внутренних дел БССР Л.Цанавы следствие постановило материалы по делу Розенбаума направить в распоряжение 2-го отдела УГБ НКВД БССР, а самого обвиняемого немедленно этапировать в тюрьму №1 г.Минска. для дальнейшего содержания под стражей. Такая спешка органов госбезопасности обуславливалась прежде всего тем, что по делу необходимо было провести еще ряд следственно-оперативных мероприятий с целью выявления агентуры немецкой разведки, участников СПП, оружия, ему принадлежащего, установления места нахождения лиц, проходящих по показаниям как агенты

царской охранки, но срок ведения следствия и содержания под стражей (6 сентября 1941 года) уже истекал, поэтому в соответствии с законом было возбуждено ходатайство перед прокурором пограничных и внутренних войск НКВД о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей Розенбаума еще на один месяц, т.е. до 6 февраля 1941 года. Еще через месяц, 5 марта, ему было предоставлено под расписку постановление о привлечении его к ответственности в качестве обвиняемого по 64, 68, 74, 76 и 137 статьям УК БССР. 7 марта ранее предъявленная ст.137 была исключена из дела как не соответствующая составу преступления и заменена на ст.69 УК БССР. На заданный Розенбауму вопрос: «Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?», он ответил: «В предъявленном обвинении виновным признаю себя полностью. Я являлся агентом бывшей царской охранки и польской политполиции, по заданию которых проводил шпионско-провокационную деятельность. Также до последнего времени был агентом немецкой разведки, по заданию которой на территории бывшей Польши проводил шпионскую деятельность. С установлением Советской власти на территории Западной Белоруссии и Украины передал немецкой разведке ряд шпионских сведений. Был участником контрреволюционной повстанческой организации «Союз польских патриотов», входил в штаб этой организации. Будучи связанным с органами НКВД, в контрреволюционных целях последние провоцировал, сообщал им провокационно-клеветнические материалы на ряд людей, которые мне не были известны как участники контрреволюционной организации СПП».

1 апреля 1941 года в связи с тем, что Розенбаум продолжал писать собственноручные показания, по которым его необходимо было еще допрашивать, следственные органы возбудили ходатайство о продлении срока ведения следствия и содержания обвиняемого под стражей еще на один месяц, т.е. до 6 мая названного года. Наконец, к 15 мая предварительное следствие по делу было признано законченным, и Розенбаум, ознакомившись с двумя томами следственных материалов на 619 страницах, вынужден был подписать протокол об окончании следствия: «Дополнить материалы следствия более ничем не могу». В ходе ознакомления с материалами он был приятно поражен тем, с какой скрупулезностью проверялись следствием те или иные его показания. В частности,

он с большим интересом ознакомился с выписками из кратких биографий, сделанными сотрудниками Государственного архива революции РСФСР, на ряд офицеров корпуса жандармов (Николая Николаевича Кулябко, рожд. 23 мая 1873 года; Федора Николаевича Оже-де-Ранкура, рожд. 7 сентября 1869 года; Александра Владимировича Розмарицу, рожд. 23 июня 1896 года и др.), упомянутых в его следственном деле. 25 мая 1941 года нарком госбезопасности БССР Л.Цанава утвердил обвинительное заключение по следственному делу Розенбаума под №78080, затем к нему были приложены все накопившиеся материалы по делу, личные документы обвиняемого, после чего вся документация была направлена на рассмотрение Военного трибунала пограничных и внутренних войск НКВД Белорусского округа. К этому времени здоровье Эдуарда Розенбаума оказалось крайне ослабленным. Тюремный медосмотр заключенного в конце мая выявил у него туберкулез легких и склероз сердца. Тем не менее врачом минской тюрьмы №1 было решено, что он «годен к легкому труду». Вряд ли, конечно, обвиняемый привлекался к каким-либо работам, ибо о третьем продлении следствия не могло уже быть и речи, но такое решение принималось.

9 июня 1941 года Военный Трибунал войск НКВД БССР в своем закрытом судебном заседании в г.Минске (в составе председательствующего бригавоенюриста Жагрова, а также членов – военюриста 3-го ранга Голубева и сержанта госбезопасности Кабалоева, при секретаре Сафьян) рассмотрел дело по обвинению Эдуарда Эдуардовича Розенбаума по статьям 64, 68, 69, 74 и 76 УК БССР. В 10 часов 45 минут председательствующий открыл судебное заседание и огласил подлежащее слушанию дело. Затем в судебное заседание был доставлен подсудимый. Свидетели по делу не вызывались. После того как Жагров удостоверился в личности подсудимого, он объяснил последнему его права на суде, спросил, имеет ли он какие-либо ходатайства, и огласил состав суда. Ответ подсудимого был следующим: «Никаких ходатайств не имею и отвода составу суда не заявляю. Буду просить лишь о снисхождении ко мне». Затем председательствующий зачитал обвинительное заключение и спросил у подсудимого, понятно ли ему, в чем его обвиняют и признает ли он себя виновным, желает ли дать суду показания? Заявив, что ему понятно, в чем его обвиняют, а также признав

свою вину, подсудимый Розенбаум по существу дела не показал ничего нового, лишь повторил известные суду истины в собственной интерпретации. Особый упор он делал на то, что из более чем 40 тысяч человек, выданных им в разное время репрессивным органам за их участие в революционном движении, арестованы были далеко не все, «многие из арестованных были впоследствии оправданы». Однако самым опасным для себя Розенбаум считал все-таки факты своего сотрудничества с немецкой разведкой и внедрение по ее заданию в органы НКВД. Здесь его стремление хоть как-то обелить себя сводилось к следующему: «Проживая в Лиде, я встречался с Бауэром, но не как с разведчиком, а по старому знакомству с ним... Органам НКВД я самостоятельно, сам предложил свои услуги, и это не было заданием немецкой разведки. Это я говорю суду честно. Я пришел в НКВД и предложил свои услуги с той лишь целью, чтобы войти в доверие и сохранить себя... Сведения им я давал в основном правильные; неправильных сведений я дал приблизительно человек на 20. И давал их только для того, чтобы побыстрее войти в доверие и сохранить себя, наивно думая, что органы не разберутся в правильности моих моих материалов... и ошибся». На вопрос члена суда Кабалоева о социальном происхождении Розенбаума, тот ответил: «Я происхожу из потомственных дворян Лифляндской губернии, отец мой был таможенным чиновником».

После подтверждения подсудимым своих показаний судебное заседание было объявлено законченным. В последнем слове подсудимый Розенбаум сказал: «Я честно заявляю суду, что с немецкой разведкой я не имел связи уже с конца 1939 года. Я прошу суд подойти ко мне снисходительно, я обещаю исправиться, и если это возможно, прошу определить мне наказание в пожизненное заключение в самый плохой лагерь, но лишь оставить меня жить, так как очень хочется жить». В 10 часов 58 минут конвой вывел из комнаты заседания подсудимого, а суд остался на совещание. В 11 часов 35 минут председательствующий зачитал «Приговор №42 именем Союза Советских Социалистических Республик от 9 июня 1941 года», которым признал Эдуарда Розенбаума виновным по всем предъявленным ему статьям УК БССР и приговорил его к высшей мере уголовного наказания с конфискацией всего лично принадлежавшего ему имущества». В тот же день осужденный получил

копию приговора Военного Трибунала, который по закону в течение 72-х часов с момента вручения его ему он мог обжаловать в кассационном порядке в Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Сделал это Розенбаум или нет, нам неизвестно. Во всяком случае, документально этот факт никак не подтверждается, равно как и факт о смерти осужденного. Единственный документ, имеющий отношение к последнему вопросу, – это маленькая справка, составленная органами НКВД в феврале 1942 года и тогда же вложенная в дело Розенбаума. В ней говорится: «Приговор Военного Трибунала войск НКВД БССР от 9.VI.1941 г. в отношении обвиняемого Розенбаума Эдуарда Эдуардовича в исполнение не приведен за отсутствием сведений о местонахождении арестованного, эвакуированного в связи с обстановкой военного времени из прифронтовой полосы». Справка типовая, отпечатанная типографским способом, а это уже само по себе свидетельствовало о том, что судеб, подобных жизни нашего «героя», в ту пору было немало, а война как продукт деятельности людей великих и малых, но всяк по-своему участвовавших в ее подготовке, вносила в эти судьбы и жизни свои непредсказуемые коррективы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1998 году прокуратура Гродненской области, рассмотрев в порядке надзора архивное уголовное дело Эдуарда Эдуардовича Розенбаума, установила, что «приговор суда осужденным не был обжалован и не был приведен в исполнение за отсутствием сведений о местонахождении арестованного, эвакуированного в связи с обстановкой военного времени из прифронтовой полосы». Далее в заключении областной прокуратуры указывалось, что «Розенбаум вину свою признал полностью и как в ходе следствия, так и в судебном заседании дал подробные объяснения по каждому пункту обвинения». И наконец: «Осужден он на самопризнании. Материалами дела виновность Розенбаума доказана и осужден он обоснованно». Так, спустя более чем полвека, современные юристы с правовой точки зрения выразили свое согласие с приговором 9 июня 1941 года по делу шпиона и провокатора Эдуарда Розенбаума. И с таким решением трудно не согласиться: закон суров, но справедлив. Для историка же, открывшего для себя и для других повседневную жизнь Эдуарда Розенбаума, в процессе изучения следственных материалов был важен не столько ее эпилог, сколько сама эта жизнь. И автор при этом отнюдь не стремился участвовать в «суде над прошлым» с тем, чтобы извлечь из него уроки и, соответственно, давать кому-то «советы на будущее». Цель и задачи проведенной работы были значительно проще: показать не только в приземленной повседневности жизнь человека, избравшего для себя отнюдь не возвышающее его в глазах людей ремесло, но и тесную связь самой этой жизни с движением истории. Думается, что в таком контексте понятие «жизнь и история» невозможно разделить. И разве они не обогащают видение нами прошлого?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ссылки на судебно-следственное дело Эдуарда Розенбаума, хранящееся в УКГБ по Гродненской области (Республика Беларусь) даются в тексте книги, как правило, в тех случаях, когда необходимо сопоставление данных этого дела с информацией о тех же фактах, но из других источников.

2. Более подробно о студенческой монархической организации «Двуглавый Орел», возглавляемой студентом В.С.Голубевым в Киевском университете Св.Владимира, см.: Острецов В. Союз народных защитников // Слово. – 2000. – № 4. – С.46-61.

3. Политическая полиция и политический терроризм в России: Сб. документов / Сост. А.Щербаков. – М., 2001. – С.224; Николаевский Б.Н. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. – М., 1991. – С.22–24; Заварзин П. Работа тайной полиции. Часть 1–2. – Париж, 1924.

4. См. подробнее: Столыпин: жизнь и смерть: Сб. публицистики. – Саратов, 1991. – С.69-70.

5. Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Часть 1. – М., 2001. – С.344.

6. Филимошин М.В. «Десятками стрелял людей только за то, что ...выглядели как большевики» // Военно-исторический журнал. – 2001. – №2. – С.44–48.

7. Польско-советская война 1919-1920 гг. Ранее не опубликованные документы и материалы в 2-х частях. – М., 1994. – С.326; Sikorski W. Nad Wisla i Wkra. Studium z polsko rosyjskiej wojny 1920 roku. Lwyw, 1928. – S.24-25; Rok 1920. Wojna polsko-radziecka we wspomnieniach i unych dokumentach. – Warszawa, 1990. – S.147-149.

8. Соболев А. Красный флот в Гражданской войне 1918–1920. – Л., 1924. – С.131; Солонников М. Днепровская военная флотилия // Революционная военная мысль. – 1920. – №6. – С.73-75; Мельтюхов М. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М., 2001. – С.57, 98.

9. О ситуации в Поморье и Торуни см.подробнее: История Польши, т. III. – 1958. – С.181-182.

10. Wywiad polski na ZSRR. 1921–1939. – Warszawa, 1996. – S.18-19.

11. См. подробнее: Клейн Б.С. За правое дело. Борьба КПЗБ с буржуазным террором (1920–1939 гг.). – Мн., 1986. – С.9-12; Lawnik J. Repressje polityczne wobec ruchu robotniczego w Polsce w latach 1920-1939. – Wrocław, 1981. – С.47-48.

12. Гиленсен В.М. В поединке с польской «двуйкой» победили советские «монархисты» // Военно-исторический журнал. – 2001. – №6. – С.71–76.

13. Kula M. Polska Straż Graniczna (w latach 1918-1939) – Warszawa 1994. – S.204-205; Peplonski A. Kontrwywiad II Rzeczypospolitej. – Warszawa, 2002. – S. 110-111.

14. Полуян В., Полуян И. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. – Мн., 1962. – С.47-48.

15. Более подробно о РБО и других русских культурно-просветительных обществах Западной Белоруссии и Польше в 1920-30-е годы см.: Черепица В.Н. Национальные меньшинства и национальный вопрос // Белорусская мысль. – 1996. – № 4. – С.125-128; он же: Русские культурно-просветительные общества в Западной Белоруссии (1921-1939) // Славянские народы и их культура в современном мире: Сб. статей. – Гомель, 1996. – С.38-51.

16. Свитыч А.К. Православная Церковь в Польше и автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. – М., 1997. – С. 170-186.

17. Рабочие табачной фабрики Шерешевского в Гродно в начале 1920-х годов отличались наибольшим упорством в борьбе против произвола, царившего на предприятии. Их забастовки были не только самыми массовыми, но и самыми продолжительными в Западной Белоруссии, доходя до десяти недель, как это было осенью 1923 года. (см.: Ковкель І.І. Гродна ў міжваенны перыяд (1921–1939 гг.). // Памяць. Гродна. Гісторыка-дакументальная хроніка. – Мн., 1999. – С.297–301), однако сведений об организаторах этой борьбы в опубликованных работах до сих пор не имеется. Поэтому показания Э.Розенбаума о местных организациях «Свободный Рабочий», «Чэрвоны Штандар», «Власть Трудящемуся Классу» и др. – это уникальный источник для изучения рабочего движения в Польше и Западной Белоруссии в рассматриваемый период.

18. Вероятно речь идет о Варшавском с корреспондентском бюро (ВКБ) во главе с деятелем ППС – фракц. Витольдом Иодко-Наркевичем, которое оказывало услуги польской контрразведке. См.: Periowski A. Kontrwywiad. – S. 671.

19. См. Полуян В., Полуян И. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии. – С.48; Клейн Б.С. За дело правое. – С.15.

20. Орехво Н.С. Дела и люди КПЗБ. – Мн., 1983. – С.44-45.

21. Орехмус Ф. Воспоминания о Бернацком-Костке // Гістарычная брама. – 2003. – № 1. – С.36-37.

22. Нерешительность властей в мае 1924 года объяснялась многими причинами, в том числе денежной реформой, начавшейся с введения 1 мая 1924 года новой денежной единицы – злотого – вместо польской марки (см.: История Польши. – М., 1958. – Т.3. – С. 210-211, 218.

23. Мартовские аресты в Лодзи практически не получили освещения в польской историографии.

24. См.: Paczkowski A. Prasa polska w latach 1918-1939. – Warszawa, 1980. – S.41-43, 57, 283; См.: История Польши, т. III. – S.167; Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский – легенды и факты. – М., 1990. – С.111, 385.

25. См. о нем: Siownik biograficzny dziaiaczy polskiego ruchu robotniczego. Т. 2. – Warszawa, 1987. – S.99.

26. Zelinski N. Historia Polski. 1914-1939. – Wroclaw, 1985. – S.193.

27. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т.6. Кн.1. – Мн., 2001. – С.121-122.

28. Проэктор Д.М. Война в Европе 1939-1940 гг. – М., 1963. – С.92–93; Мельтюхов М. Советско-польские войны..., – С.233-289.

29. Операции военной разведки / Авт.-сост. В.В.Петров. – Мн., 1998. – С.88; Органы госбезопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Т.1, Часть 1. – М., 1995. – С.27-28.

30. См.: Gieplak M. Zgyrniak M. Przygotowanie niemieckie do agresji na Polske w 1939 r. – Wroclaw, 1969. – S.56-57.

31. Судя по всему, речь идет о вольном переводе названия организации, состоящей в основном из кадровых офицеров Войска Польского – «Команд защитников Польши» («Команда оброньцув Польски»). См.: История Польши. – Т. III. – С.547.

32. ОЗОН – «Огул зъядначэння народовэго» – проправительственное объединение в Польше.

33. Вероятнее всего, имеется в виду «Союз вооруженной борьбы («Звензек вальки збройней») – подпольная организация кадровых польских офицеров. См.: История Польши. – Т. III. – С.546.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
 НАРКОМВНУДЕКА БССР
 ПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О Р Д Е Р № 971
 от 5.11.1940 г.
 Действителен 2 суток

Выдан сотруднику УНКВД тов. *Рубинову*

Производство обыска и ареста гр-на *Розенбаум*
Эдуард Эдуардович

Живущего в доме № *Тристан 3*

Сотрудник УНКВД *М.И.Иванов*
 Зам. Нач. 3 Секции УНКВД
 по *Бр. 111* д.б. *Вайнберг*

Ордер на проведение обыска и ареста Э.Э.Розенбаума от 5 ноября 1940 г.

Э.Э.Розенбаум. Фото из следственного дела. Ноябрь 1940 г.

руководствуясь ст.ст. 145 и 150 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения способом уклонения от следствия и суда _____

РОЗОВАТА Снежана Ступаканова

кабета

(Инициалы, имя и фамилия)

содержания под стражей, о чем, в порядке ст. 146 УПК РФ сообщать прокурору
пору под расписку в настоящий момент неопознаны.

В соответствии со ст. 160 УПК РФ, согласно постановлению направить Прокурору
и передать начальнику тюрьмы для содержания в другой исполнительный акт.

СЛЕДИТЕЛЯ ИЗУЩА ТИЩА

Следователь _____

Инициалы

СОГЛАСЕН Инициалы _____

В ШКОЛА УЩА ДО РАТАКОМЕТТА

Инициалы _____

Настоящее постановление мне объявлено _____

Л. Калужа

19/10

Снежана Ступаканова
(Инициалы)

Продолжение текста постановления об избрании меры пресечения

// Листа дни 1-го ноября 1940 г.

Ввиду того, что мои показания по делу гражданских
Лидского Контрольно-исполнительной Коммунистической Организации СНС (Со
Лидского Коммунистического) доведены мной записаны, а также и сведения
из соответствующих действительности, касающиеся работы коммунистиче-
ской

и Франции (Франция, Франция, Германия, Италия, Испания, Чехия
Лидский) (Министерство) (Секретариат) (Секретариат) и на основании выше сказанного
на основании и в соответствии с тем, что являюсь членом
Лидского Коммунистического, как французский коммунистический и являюсь
связан с французскими Лидским и Лидским. Но в связи с тем, что
иной работы, касающейся работы организации.

Что касается французов, то являюсь и являюсь как членом
коммунистической организации „Национальный Коммунистический“, что является
членом организации, ввиду того и являюсь и в этом деле. Но в связи
с тем, что являюсь членом коммунистической организации и являюсь
на основании и в связи с тем, что являюсь членом коммунистической организации.

Донесение Э.Э.Розенбаума в Лидский горотдел НКВД от 1 ноября 1940 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

РОЗЕНБАУМ Эдуард Эдуардович, 1906 г., рождения, про-
живающего в г. Луда, ул.
Гурьевна, дом № 10 кв. 3.

От 1 ноября 1940 года г. Луда
Длится время в 31 00 мин.

ВОПРОС: Чем вы сообщили, что выделанные вам сведения, кото-
рые должны были подтверждать, что вы встречались с ТАЙЦЕНМ (Ивангой и
другими лицами, в которых вы должны были указать, как об участии
в коммунистической организации, сведения были даны, и чем они вам по-
казались на этой стадии ?

ОТВЕТ: Это произошло тогда, когда в КОМКОМ и других в органы
НКВД был направлена показания, об их участии в коммунистической по-
литической организации.

В.П.АД: Какие сведения.

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Когда вы говорили в своих показаниях ?

ОТВЕТ: Тогда когда я должен сказать о ТАЙЦЕНМ Ивангой, и не
я не разговаривал об коммунистической организации и как коммунист
сказали-ли они в коммунистической политической организации, следовало
только все те лица и лица, в которых я указывал, что мне было
известно об ТАЙЦЕНМ являлся коммунистом.

ВОПРОС: Следовательно ТАЙЦЕНМ не является в каком-либо качестве
коммунистической организации, с чем вы утверждали ранее ?

ОТВЕТ: Да, это так.

В.П.АД: На основании чего вы утверждали, что ТАЙЦЕНМ является
участником коммунистической организации ?

ОТВЕТ: Только на основании того, что ТАЙЦЕНМ часто встречался
с БАРКЛАНДИМ, другими лицами и не разговаривал.

В.П.АД: Каким образом, когда вы говорили ?

*Первая страница протокола допроса Э.Э.Розенбаума
от 1 ноября 1940 г. г. Луда*

ПРОТОКОЛ

ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОПРОСА г-на РОЗЕНБАУМ Эдуарда Эдуардовича.

от 14 ноября 1940 г., г.Барановичи.

Допрос начался в 10-25.

ВОПРОС: - Когда Вы установили связь с немецкой разведкой после немецко-польской войны?

ОТВЕТ: - Связь с немецкой разведкой в период немецко-польской войны не прерывалась.

ВОПРОС: - О том Вы были свидетели?

ОТВЕТ: - Связь с немецкой разведкой в период немецко-польской войны и сотрудничество с резидентом, именем назывался Тур-инспектор немецкой разведки - БАУЕР Арнольд, происходили в то время в г.Варшава, по ул. Вильгельмина дом № 57 или 58, точно не помню.

ВОПРОС: - Как давно Вы были связаны с резидентом немецкой разведки БАУЕР Арнольдом?

ОТВЕТ: - О резидентом немецкой разведки БАУЕР Арнольдом я был связан в Варшаве или Варсоvie начиная 1938 года, состоял в немецкой разведке СНН, был на связи, с которым я имел связь с 1931-1932 года.

ВОПРОС: - Значит последние годы Вы имели связь с резидентом немецкой разведки БАУЕР Арнольдом?

ОТВЕТ: - Да, в связи с окончанием работы я был связан непосредственно с БАУЕР Арнольдом.

Первая страница протокола дополнительного допроса Э.Э.Розенбаума от 14 ноября 1940 г. г.Барановичи

УТВЕРЖДАЮ:

НАЧ. УГБ НКВД СССР
Зав. УГБ НКВД СССР

11/11/40

№ 4 ноября 40 г. г. Барановичи

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
/ о передаче дела /

г. Барановичи 1940, ноября 16

о передаче следственного дела № 11020 по Барановичской области
№ 11020, рассмотренного членом коллегии след. суда № 1000 по обвинению
Козлова И. Савурья Савурьевича по ст. 101 "а" УК БССР

И м е л:

Следствие № 8 вел агент уголовного розыска Сид арестован с отделе
УГБ НКВД по Барановичской области с ноября 1940 года.
В связи принадлежностью к агентом уголовного розыска РАБЕНЯКИ
основан, в деле № 11020 вынесено заключение вышестоящего, что дело
имеет принадлежность к следственному делу № 11020.
Руководителем расследования уголовного розыска Барановичи
дел № 11020 - Комиссаре Государственной Безопасности 3 РЯНА тов.
ПАВАН об отстранении арестованного РАБЕНЯКИ для дальнейшего
расследования в распоряжение 2 отдела УГБ НКВД БССР.

П о с т а н о в и л:

Материалы следственного дела № 11020 по обвинению РАБЕНЯКИ № 8
направить в распоряжение Нач. 2 отдела УГБ НКВД БССР, а обвиняемого
РАБЕНЯКИ № 8 для дальнейшего расследования под стражей выслать
в тюрьму № 1 г. Минска.
Копию настоящего постановления направить Нач. 1 Следственного
УГБ и прокурору по Барановичской области.

Следственный суд. Нач. УГБ
НКВД по Баранович. обл.

С. Мухоморов
М. Мухоморов

СЛОВОМ: - НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА УГБ НКВД
МИНИСТРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ

11/11/40

Первая страница постановления о передаче следственного дела Э.Э.Розенбаума в распоряжение 2-го отдела УГБ НКВД БССР и об этапировании арестованного в Минскую тюрьму № 1. 16 ноября 1940 г.

ам-3

• ГРАЖДАНЕ •

НАЦИОНАЛНО-РЕВОЛЮЦИОНЕН КОДЕКС
ИЗДАНИЕТО Е ПОСЛЕДНОЕ

№ 1 Л. ЦИНАВА

№ 4 - януари 1941 г.

Съставен от
Учредителен съвет
1937 г.

ПО С Т А Н О В Л Е Н И Е

(о продължилия срока водения следствия и содержания
под стражей)

1941 года, января " 4 " м.м. г.р. Киевск.

Я. следователъ Специални 2 сектора УГБ НКВД СССР - м.м.
назначен Гус. Замятоски - СЕРГЕЕВ, рассмотрел материалы
следствия № 72060 по обвинению РОЗЕНБАУМ Вадим Вадимович,
по ст.ст. 64, 66, 74 и 76 УК СССР,

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

4 января 1941 года Управлением НКВД по Барановичской
области рассмотрел РОЗЕНБАУМ Вадим Вадимович, как агент
немецкой разведки и пролетар отрясов НКД, будущи агентом
Ладского Геродеана.

Кривоволенни по делу следствия уполномочен: с.с.
Я.С. ШИДЛЕР как агентом р.м. власт. инж. разведки.

4 1941 года назначен агентом инжандармери црской охраны
с 1918 года по июня ареста Я.м. агентом немецкой разведки, а
с 1941 г. по 1942 г. - агентом польской разведки.

Первая страница постановления о продлении срока следствия и содержания под стражей Э.Э.Розенбаума от 4 января 1941 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого РОЗЕНБАУМ Эдуарда Эдуардовича

от 20 марта 1941 года

Допрос начал в 10 час.

" окончил в 14 ч.30 мин.

ВОПРОС: В какое время Вы являлись* в Ленинском районе города МВД БССР ?

ОТВЕТ: Агентом Ленинского городского МВД являюсь с апреля 1940 года, работал под псевдонимом "РОЗЕНБЕРГ".

ВОПРОС: Вы доносили Ленинскому городскому МВД, что ИВАНОВИЧ Марал-Францишка Антоновича является участником контрреволюционной повстанческой организации "Особ Польских партизан" - /ОПП/ ?

ОТВЕТ: Я неоднократно доносил Ленинскому городскому МВД, что ИВАНОВИЧ Марал-Францишка Антоновича является членом контрреволюционной повстанческой организации - /ОПП/ и рассказывал в ней, а так-же об его роли на территории МВД, а также показывал.

ВОПРОС: Вам известно, где в настоящее время находится ИВАНОВИЧ И-Э, А. ?

*Первая страница протокола допроса обвиняемого Э.Э.Розенбаума
от 20 марта 1941 г. г.Минск*

"УТВЕРЖДАЮ"

НАЧЕЛЬНИК РОССЕКОПРОТЕКЦИИ ВОСТОЧНОГО РАЙОНА РОССЕКОПРОТЕКЦИИ В РАЙОНЕ

И. Д. ПАНАВА *И. Д. Панава*
 апреля 1941 года

*И. Д. Панава
 1941 г. апрель 1*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О продлении срока ведения следствия и содержания под стражей

1941 года, апреля "1" для Э.Э.Розенбаума.

И. от следователя области НКВД СССР - мл. лейтенанта тов. Вязовского - СЕРГЕЕВ, рассмотрев материалы следствия № 18089 по обвинению РОЗЕНБАУМ Эдуарда Эдуардовича по ст. ст. 64, 65, 74, 76 и 137 УК СССР, -

П А М Е Т И:

6 января 1940 года Управлением НКВД по Барановичской области арестован РОЗЕНБАУМ Эдуард Эдуардович, как агент немецкой разведки и провокатор органов НКВД, будучи агентом Лядского Геротдела.

Проведенным по делу следствием установлено, что РОЗЕНБАУМ был агентом иностранных разведок.

С 1932 года являлся агентом нидерландской "черной" охраны, с 1933 года по день ареста был агентом немецкой разведки, а с 1930 г. по 1939 г. агентом польской разведки.

Будучи агентом черной охраны и агентом польской разведки - РОЗЕНБАУМ упомянутым разведками являл ряд развед-

Первая страница постановления о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей Э.Э.Розенбаума от 1 апреля 1941 г. г.Минск

ПРОТОКОЛ ДЪРЖАВНОГО

Обвиняемого РОЗЕНБАУМЪ Эдуарда Эдуардовича

от 29 апреля 1941 года

Допрос начался в 14 час.

ВОПРОС: Какую цель была поставлена собственноручных показаний?

ОТВЕТ: В собственноручных показаниях состояла из 441 лист в рассказывал о своей контрреволюционной деятельности начиная примерно с 1936-1937 годов до 1939 год.

ВОПРОС: Соответствует ли Ваш собственноручные показания действительности?

ОТВЕТ: Да, мои собственноручные показания соответствуют действительности, в которых я описал подробно о проведенной мной контрреволюционной вредной деятельности.

ВОПРОС: Следовательно, Вы свои собственноручные показания полностью подтверждаете?

ОТВЕТ: Да, подтверждаю мои собственноручные показания и полностью подтверждаю.

ВОПРОС: В настоящее время Вы попали на путь контрреволюционной шпионско-пропагандистской деятельности?

ОТВЕТ: Примерно в 1936-1937 г.г., в связи с знакомством с И.И. ЕЖИЦКОМ, который в то время работал начальником украинского отделения в гос. школе, который привлечен меня для проведения шпионско-пропагандистской работы,

Из показаний Э.Э.Розенбаума относительно достоверности его собственноручных показаний. 29 апреля 1941 г. г.Минск

104

УТВЕРЖДАЮ: 7. май 1941 г.
Нач. Управления НКВД по г. Минску
С. С. Соловьев

Копия
/Копия/

Форма № 2

Постановление

(О ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ОБВИНЕНИЯ)

Город Минск 7. май 1941.

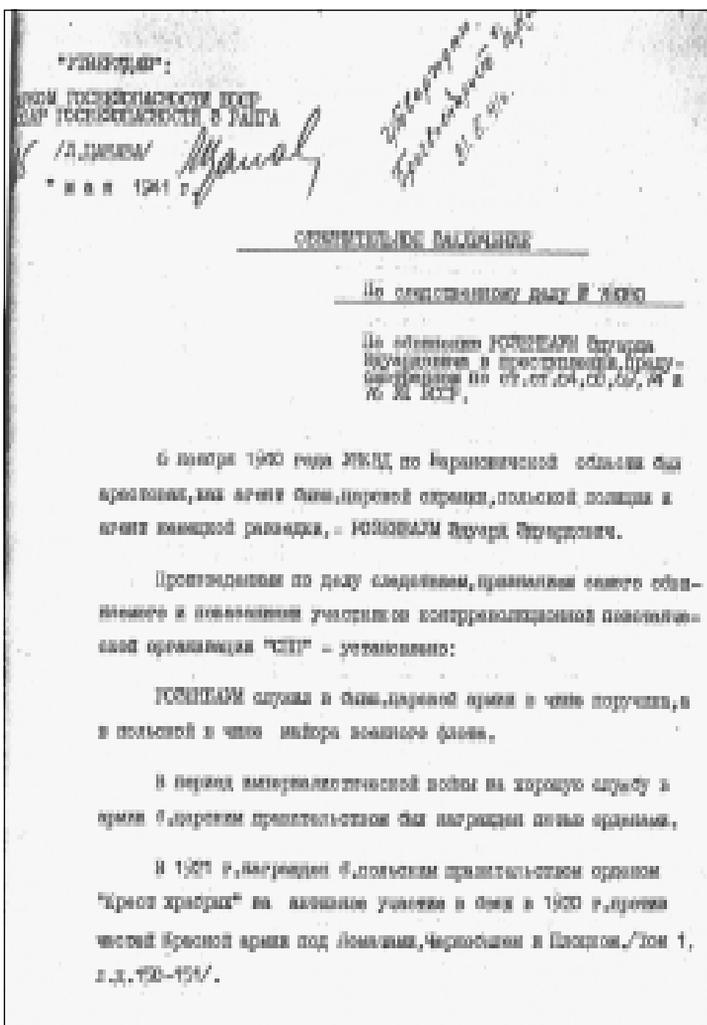
Сот. Вирховитис Александр НУМЕР ВОСР
(подпись, имя - отчество)

М. лейтенант гв. Водомосовый - Сергей
(подпись и фамилия)

настроен следственный материал по делу № _____ и прилагаю во внимание
 то, что Э.Э. Розенбаум Эдуард Эдуардович
(подпись и фамилия)

вместо него изобличается в том, что Эдуард Александрович Александрович
(Контрреволюционный Ультралевоэкономический профсоюз),
(подпись, имя - отчество)
который совершил контрреволюционно-контрпартийные
действия на р-н своей контрреволюционной и анти-
капиталистической деятельности как в отношении контрреволюционной
революционной организации "СММ".
Также контрреволюционеры ст. 124 обвиняют на
г. Минске, как и контрреволюционеры (создание
контрреволюционной, а не только)

Первая страница постановления о предъявлении обвинения
 подсудимому Э.Э.Розенбауму. г.Минск, 7 мая 1941 г.

Титульный лист обвинительного заключения по следственному судебному делу Э.Э.Розенбаума. г.Минск, 25 мая 1941 г.

К о л л я

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого **БОРКОВСКОГО** Михаила Адольфовича

От 1-го июня 1940 года.

БОРКОВСКИЙ Михаил Адольфович, 1890 года рождения, уроженец г. Гатчина, С.Петербургской губернии, С.муниципального района г.Лиды, Ч.член партии и председатель уездного комитета Ч.О.О. в г.Лиде, женат, имеет семью **БОРКОВСКИХ** Василию, в армиях не служил. До ареста проживал - г.Лиды, ул. 17 мая, дом 10.

Допрос начал в 23 часа.

ВОПРОС: Известны ли Вы данные следствием поименно с Вашей принадлежностью и н-р повстанческой организации, существовавшей в г.Лиде?

ОТВЕТ: Да, я решил рассмотреть следствием откровенно о моей принадлежности и контрреволюционной повстанческой организации, существовавшей в г.Лиде и всех известных мне фактах антисоветской деятельности.

ВОПРОС: Расскажите.

ОТВЕТ: Прежде чем говорить об повстанческой организации, существовавшей в г.Лиде, я должен вернуться назад к моменту начала польско-германской войны.

*Первая страница протокола последнего допроса Э.Э.Розенбаума
от 1 июня 1940 г. г.Минск*

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
г. Минск, 9 июня 1941 г.

1941 ГОД, ИЮНЬ 9-ГО ДНЯ.

Высший Трибунал Белой РСФСР Белорусский ОУР, в закритом судебно-ном заседании в г.р.Минске, в составе: Председательствующего-Брай-востарина тов.БРАЙВОСТАРИНА, членов: Военного прокурора 3 ранга т. ГОЛЫГИНА и секретаря районной комиссии КАВАНОВИЧА, при секретаре САВИНА, рас-матривает дело по обвинению РОЗЕНБАУМА Юдуша Юдушевича по ст.ст. 84, 88, 89, 94 и 96 УК СССР.

В 10 час. 15 мин. Председательствующий объявляет заседание в стадии дальнейшего слушания дела.

В судебное заседание доставлено подследный РОЗЕНБАУМ Э. Э., Означенный по делу не явился.

Председательствующий удостоверяется в личности подследного, который отвечает: РОЗЕНБАУМ Юдуша Юдушевич, 1898 года рождения, уроженец г.р.Одесса, по принадлежности к классу, гражданин СССР, в период войны служил в чине поручика, имел награды при армии и польском правительствах, комун. партии коммунистического темплера, члену Коммунистического союза в два курса юридического факультета; состо-ит в партиях "Народные демократы", "Свободная страна", в "Акции интеллигентской".

Председательствующий разъясняет подследному его права по суде-бному процессу и спрашивает его знает ли он законы-забыл комитетов и считает своим делом.

Подследный РОЗЕНБАУМ - Известен по работе на войне в составе-составу бригады по защите города в отношении комун. партии от нее

Председательствующий спрашивает обвинительного КАВАНОВИЧА, подтверждает подследного, известно-ли ему в чем его обвиняют Э. Э. РО-ЗЕНБАУМ-ли он себя признает, желает-ли дать свою объяснения.

Подследный РОЗЕНБАУМ - В чем меня обвиняют мне известно, но-

Титульный лист протокола судебного заседания по делу подсудимого
Э.Э.Розенбаума. г.Минск, 9 июня 1941 г.

20

П Р И Г О В О Р

ИМЕНЕМ ОБЩАГО СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДОВОГО

1941 ГОДА. ЧАСТЬ 2-ГО КНИЖА.

Военный трибунал войск НКВД Белгородской ССР в составе: Председателя трибунала - бригаadier МАТРОС, членов: заместителя председателя в лице капитана в отставке Гусева и заместителя капитана в отставке Шибанова, рассмотрел дело по обвинению:

ТОШНИЦА Петра Александровича, 1878 года рождения, уроженца города Мурома, по национальному признаку, гражданин СССР, советский партийный работник, бывший членом партии, арестован в 1941 году, обвиняемого в том, что он совершил преступление, предусмотренное ст.ст. 54, 55, 56, 57, 58 и 59 УК СССР.

Материалы предварительного и судебного следствия ПУБЛИКУЮ:

Обвиняемый ТОШНИЦА с 1907 года начал работу в качестве рабочего на заводе в поселке Ждановском, по сведениям подсудимого привлекенный в 1918-1919 годах к деятельности по развитию сельскохозяйственной организации на территории Ждановского района, с 1927 года по 1940 год, продолжая работу в качестве рабочего, по сведениям подсудимого занимаясь также занятиями в области культуры. В 1928 году обвиняемый ТОШНИЦА был избран членом в комитет по культуре комсомола на свои права, в то же время ТОШНИЦА занимал должность члена комитета культуры государственного завода. Впоследствии обвиняемый ТОШНИЦА принял участие в работе комсомольской организации «ОП» (Организация помощи партизанам), занимаясь в организации помощи партизан в их организации и подготовке, занимаясь в организации помощи партизан в их организации и подготовке, занимаясь в организации помощи партизан в их организации и подготовке, занимаясь в организации помощи партизан в их организации и подготовке.

Указан в архиве НКВД, особый доклад приговоренным обвинен на основании материалов предварительного следствия.

На основании законов № 1031111 Военный трибунал войск НКВД постановил в соответствии с законами, предусмотренными ст.ст. 54, 55, 56, 57, 58 и 59 УК СССР.

Публикуется ст.ст. 119 и 120 УК НКВД

П Р И Г О В О Р

ТОШНИЦА Петра Александровича, по обвинению совершении им преступления, предусмотренного ст. 58 УК СССР, подвергнуть военной мере наказания - **КАЗНИ**, с конфискованием всего личного имущества.

Приговор может быть обжалован в высший судебный орган в течение 10 суток со дня вынесения приговора, через Военный трибунал войск НКВД СССР. В течение 48-х часов с момента вынесения приговора производится обжалование.

Подписаны на подлиннике подлинно:

ИМЕНЕМ ВЕРХНЕГО СУДА: СЕКРЕТАРЬ СУДА СКАЖИН *Скажин* (подпись).

Титульный лист приговора Военного Трибунала войск НКВД БССР обвиняемому Э.Э.Розенбауму от 9 июня 1941 г.

в делу № 53

РАСПИСКА 222

1941 г. июня 9 дня, в 12.25 ч. в

осужденный Розенбаум Эдуард Эдуардович

копию приговора Военного Трибунала войск НКВД

от 9 июня 1941 г. по моему делу

Получил: 1208 Э.Э. Розенбаум

*Расписка Э.Э.Розенбаума в получении копии приговора
Военного трибунала от 9 июня 1941 г.*

СОГЛАСЕН

лик 1 следств.д.

СССР

1942 г.

г. Свердловск.

СПРАВКА

Приговор В. А. Розенбаума от 20 11 1941 г.

зачина обвиняемого Э. Э. Розенбаума Свердловск

именем не приведен Э. Э. Розенбаум отсутствием сведений о местонахождении

ранного, захваченного в связи с обстановкой военного времени
фронтной полосы.

До установления осужденного сдано на временное хранение

в 1-го следств.д. НКВД СССР. Приговор взят на контроль в 5-м

лик 1-го следств.д. НКВД СССР.

Начальник 5 отделения 1 следств.д. А. М. М. М.
НКВД СССР

Сек. оперуполномоченный А. В. С. С.

Копия справки о неприведении в исполнение приговора
в отношении Э.Э.Розенбаума. г.Свердловск, 23 февраля 1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. От «Союза русского народа» к царской охране	9
Глава II. В годы первой мировой	20
Глава III. По заданию германской разведки	25
Глава IV. Побег с Красной днепровской флотилии и деникинское пленение	31
Глава V. В польском военно-речном флоте	37
Глава VI. На службе во II отделе польского генштаба и в тайной политической полиции	46
Глава VII. Опять в Пинске	55
Глава VIII. По следам «Свободного Рабочего»	70
Глава IX. «Гастроли» в Центральной Польше	122
Глава X. По малой Польше и Галиции	177
Глава XI. Рейд по «тлеющим углям»	200
Глава XII. В Жирардове и Гдыне, в Познани и Лодзи	224
Глава XIII. На обочине	248
Глава XIV. В объездах абвера	259
Глава XV. «Последняя игра»	267
Заключение	289
Примечания	290
Иллюстрации	293

Научное издание

Черепица Валерий Николаевич

**ИСТОРИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
В ЖИЗНИ АГЕНТА ПЯТИ РАЗВЕДОК
ЭДУАРДА РОЗЕНБАУМА**

Монография

Ответственный за выпуск С.И. Тягушина

Редактор Н.Н.Красницкая

Компьютерная верстка: В.И.Карасик

Обложка: О.В.Канчуга

Сдано в набор 18.01.2005. Подписано в печать 23.06.2005.

Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура Футурика.

Усл.печ.л. 18,56. Уч.-изд.л. 17,6. Тираж экз. Заказ .

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».

ЛИ № 02330/0133257 от 30.04.2004. Ул.Пушкина, 39, 230012, Гродно.

Отпечатано на технике издательского центра

Учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».

ЛП № 02330/0056882 от 30.04.2004. Ул.Пушкина, 39, 230012, Гродно.